

В. Е. Возгрин, Т. Н. Гончарова, О. Ю. Пленков, О. В. Соколов

*Из истории
конституционного строительства
в Западной Европе
в Новое и новейшее время*

В. Е. Возгрин, Т. Н. Гончарова, О. Ю. Пленков, О. В. Соколов

*ИЗ ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ*

Под редакцией профессора А. В. Смолина

Санкт-Петербург
2014

ББК 63.3(0)5-6
В64

Руководитель

авторского коллектива

Научно-техническое

сопровождение

д.и.н., профессор Барышников В. Н. (СПбГУ)

к.и.н., Сидоренко Л. В., Лобанова Д. Р.

Рецензенты:

д.и.н., профессор Фокин В. И. (СПбГУ)

д.ф.н., к.и.н., профессор Вассоевич А. Л. (РИСИ)

В64 Возгрин В. Е., Гончарова Т. Н., Пленков О. Ю., Соколов О. В.

Из истории конституционного строительства в Западной Европе в Новое и новейшее время / под ред. А. В. Смолина. – СПб.: Изд-во РХГА, 2014. – 353 с.

В монографии представлены материалы научных исследований, подготовленные на кафедре истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ. В книге исследуются особенности конституционного развития в Западной Европе в XIX – XXI вв.

Монография адресована специалистам и всем, кто интересуется западноевропейской историей.

Vozgrin V. E., Goncharova T. N., Plenkov O. Y., Sokolov O. V.

From the history of constitution-building in Western Europe in Modern era / Ed. by A.V. Smolin. – SPb.: RCHA Press, 2014. – 353 p.

The monograph contains research materials prepared by the Department of Modern History of the Institute of History of St. Petersburg State University. This book researches the uniqueness of the development of constitutional system in the West-Europe in XIX – XXI centuries.

The monograph is addressed both to experts and anyone interested in the West-European history.

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 2/14. Проведение фундаментальных исследований по направлениям подготовки специалистов (инициативные проекты), тематический план НИР СПбГУ, тема «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XXI вв.» Шифр в ИАС НИД 5.38.275.2014

ISBN 978-5-88812-664-6

© Коллектив авторов, 2014

© Институт истории СПбГУ, 2014

© Издательство РХГА, 2014

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1	11
Особый путь интеграционного консенсуса: из истории конституционного строительства в скандинавских странах	
Глава 2	154
Духовное единство Европы рубежа нач. XIX в. и проблема конституционного строительства Наполеона	
Глава 3	189
От Веймарской республики к нацистскому государству. Разрыв с конституционной традицией на общеевропейском пространстве первой половины XX века	
Глава 4	248
XXI век – новый вызов европейской интеграции: Франция на перепутье – между Пятой и Шестой республикой?	
Заключение	330
Библиография	334
Указатель имен	348

Contents

Preface	5
Chapter 1	11
Special way of achieving consensus on integration: outlines of constitutional-building in the Scandinavian countries	
Chapter 2	154
Cultural unity of Europe at the turn of the nineteenth century and the issue of Napoleonic constitution-building	
Chapter 3	189
From Weimar Republic to Nazi state. The break of the constitutional tradition in Europe in the first half of the twentieth century	
Chapter 4	248
Twenty-first century as a new challenge to European integration: France at the crossroads - between the Fifth and the Sixth Republic?	
Conclusion	330
Bibliography	334
Index	348

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы конституционного строительства всегда занимали внимание юристов и историков. Если юристов конституции интересовали, прежде всего, с точки зрения развития и утверждения норм государственного строительства, которые составляли юридическую базу текущего законодательства, то для историков более важным является то, как писанные законы соотносятся с реальной жизнью. Насколько они соответствуют ей. По мнению немецкого социалиста Ф. Лассалля «нужно отличать действительную конституцию страны, построенную на реальных материальных факторах, и писаную конституцию, которая представляет собой не более, чем клочок бумаги»¹. Вместе с тем конституция не является и священной коровой, к которой нельзя притрагиваться. Ни одна конституция при её составлении не может учесть всех жизненных реалий, которые могут возникнуть при осуществлении её положений. Поэтому прозорливость политиков заключается в том, чтобы уловить эти изменения и скорректировать принятые законы. В связи с этим уместно вспомнить одно из высказываний генерала Де Голля: «Конституция вполне может меняться. Не надо её мумифицировать»².

Представляемая на суд читателя коллективная монография посвящена рассмотрению конституций Западной Европы как живого, изменяющегося организма, и выполнена в форме отдельных глав - исторических очерков, написанных сотрудниками кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. В процессе работы над книгой авторы стремились выделить в мировой истории те узловые проблемы, которые объединяли европейские страны или разъединяли их, с точки зрения их интеграции в общем процессе конституционного строительства Запада. Одновременно была поставлена задача обратить особое внимание на характерные черты конституционного развития регионов и конкретных стран, оказавших своеобразное историческое влияние на поступательные изменения, произошедшие в Западной Европе в XIX-XX вв. Так, например, в книге предпринята попытка рассмотреть специфические особенности конституционного строительства Франции, а также Германии, и дать научный

¹ Lassalle F. Reden und Schriften. Munchen, 1970, S. 87.

² Цит. по: Peyrefitte A. C etait De Gaulle. En 3 vol. V.1. Paris, 1994. P. 238.

анализ определенных исторических эпизодов преобладания тоталитарных форм правления, несмотря на дальнейший выбор этих государств в пользу демократического конституционного развития. Представляется весьма важным, что работа над коллективной монографией стала естественным продолжением тех дискуссий и теоретических докладов, которые прозвучали на Международной научной конференции «Исторический опыт конституционного строительства в Западной Европе и Америке в Новое и новейшее время», состоявшейся в Санкт-Петербургском государственном университете 5 декабря 2013 г.³

Книгу открывает глава профессора В. Е. Возгриня «Особый путь интеграционного консенсуса: из истории конституционного строительства в скандинавских странах». Автор поставил перед собой цель проанализировать опыт конституционного строительства в Норвегии, Исландии, Швеции, Дании, Гренландии и путём сравнения выявить особенности конституционных процессов в каждой из упомянутых стран. Важной особенностью очерка В.Е. Возгриня является то, что автор проследил законотворческую традицию в рассматриваемых государствах до принятия в них конституций, начиная с позднего Средневековья. Такой подход дал ему возможность понять особенности конституционного строительства стран Северной Европы.

Глава «Духовное единство Европы рубежа нач. XIX в. и проблема конституционного строительства Наполеона», написанная к.и.н. О. В. Соколовым, основана на привлечении первоисточников и современной литературы. О. В. Соколов проследил преемственность между законодательством Французской революции и эпохи Консульства и Империи. Автор убедительно доказал, что наполеоновская империя управлялась средним классом собственников и, несмотря на авторитаризм, впитала идеи Просвещения и Революции одновременно. В тоже время император позиционировал себя только как первого представителя нации. Утверждая конституции 1802 и 1804 гг. на всенародных референдумах, он тем самым получал неограниченные полномочия от народа на проведение своей политики.

Германский нацизм нанёс колоссальный удар по теории и практике либеральной демократии Западной Европы. Конституционные институты Веймарской республики не выдержали натиска нацистской революции и сильно изменились. Тому, как проходил разрыв с конституционной тради-

³ См.: Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. №12. С. 275-279.

цией предыдущей эпохи, посвящена глава профессора О. Ю. Пленкова «От Веймарской республики к нацистскому государству. Разрыв с конституционной традицией на общеевропейском пространстве первой половины XX века». Внимание автора привлекло нацистское правосудие, основывавшееся на принципе фюрерства, идеологической монополии партии, которое вело к исключению из политической жизни других партий, и расовом принципе, исключающим из правового поля всех «расово чуждых».

Заключает сборник глава к.и.н. Т. Н. Гончаровой «XXI век – новый вызов европейской интеграции: Франция на перепутье – между Пятой и Шестой республикой?». В ней прослеживается борьба генерала Де Голля за установление Пятой республики, а также последующая эволюция ее институтов. Для Де Голля, как и для Наполеона, всенародный референдум представлял собой совершенный способ легитимизации власти, наделяющий всей полнотой императивных полномочий в проведении государственного курса. Вместе с тем, конституционная практика, которой придерживался Де Голль, значительно отличалась от буквы основного закона, что закрепило за главой государства колоссальные прерогативы, тем более значимые с тех пор, как конституционная реформа 1962 г. ввела избрание президента всеобщим голосованием. Преемники Де Голля на посту президента Пятой республики, в необходимых случаях и, исходя из реальной обстановки, многократно прибегали к изменениям конституции. Конечно, время идёт, меняются жизненные обстоятельства и, как замечает автор очерка, «Де Голль не узнал бы свою конституцию в том основном документе, по которому живёт теперь современная Франция». По всей вероятности, сила конституции 1958 г. и состоит в том, что, несмотря на все модификации и призывы к учреждению Шестой республики, страна продолжает жить в режиме, заложенном 56 лет назад и именуемом французами Пятой республикой *bis*.

Профессор А. В. Смолин

PREFACE

Constitution-building has always attracted attention of both jurists and historians. While jurists have focused foremost on the issues of developing and adopting the legal rules of nation-building, historians have preferred to analyze the ways in which written laws correlate with a real life, to what extent constitutions fit it. According to a German socialist, F. Lassalle, “one has to tell an actual nation’s constitution, built on the real material factors, from written constitution which is nothing but a mere scrap of paper”¹.

At the same time a constitution isn’t an untouchable “sacred cow”. Not a single constitution may take into account all the real-world effects which may stem from its implementation. This is why a sagacious statesman should be able to catch such effects and to amend enacted laws. In this regard it’s appropriate to recall one of General de Gaulle’s sayings: “The constitution may well be changed. It shouldn’t be mummified”².

The constitutions of Western Europe are considered as changing entities in this multi-author book, presented to the reader. This symposium consists of several chapters (articles) written by the teaching staff of the Chair of Modern History of Institute of history of St. Petersburg State University. In the course of writing this book the authors aimed to uncover those key issues in the history of the Western constitution-building, which either integrated or, oppositely, dissociated European countries from each other. At the same time, the task of the research was to reveal the specific features of constitution-building in the regions and certain countries which had a considerable impact on the consecutive changes in Western Europe in the nineteenth and twentieth centuries. For example, it was attempted to analyze the peculiar traits of constitutional development in France and Germany in the periods when totalitarian regime settled there for the time being, though these countries eventually returned to the democratic constitutional form of government. It is important to emphasize that this monograph has become a logical continuation to the discussions and contributions made by scholars at the International conference “Historical experience of constitution-building in Western Europe and America in Modern

¹ Lassalle F. *Reden und Schriften*. Munchen, 1970, S. 87.

² Cit. ex: Peyrefitte A. *C etait De Gaulle*. En 3 vol. V.1. Paris, 1994. P. 238.

Era” which took place in St. Petersburg State University on December 5, 2013.³

The book starts with the article of Professor V. E. Vozgrin “Special way of achieving consensus on integration: outlines of constitutional-building in the Scandinavian countries”. The author aimed to analyze the constitution-building experienced in Norway, Iceland, Sweden, Denmark, Greenland, and to reveal the peculiarities of constitutional processes in each of these countries while comparing them. The crucial feature of V. E. Vozgrin’s article is that the author traced back the lawmaking tradition to the late Middle Ages – a period that precedes adoption of the constitutions in these countries. This approach enabled him to comprehend the peculiarities of the constitution-building in Scandinavian countries.

The article of Assistant Professor O. V. Sokolov “Cultural unity of Europe at the turn of the nineteenth century and the issue of Napoleonic constitution-building” is based on the primary sources and up-to-date research literature. O. V. Sokolov revealed the continuity of legislation of the French revolution, the Consulate and the First Empire. The author argues convincingly that Napoleonic Empire was governed by the middle class of proprietors, and although being authoritarian, it had absorbed the ideas of the Enlightenment and Revolution as well. At the same time the emperor ranked himself just as the first among the others. By adopting the constitutions of 1802 and 1804 by nation-wide referendum, he had received from people an unlimited authority to carry on his policy.

German Nazism struck violently at the theory and practice of Western European liberal democracy. Constitutional institutes of Weimar republic succumbed to the pressure of the Nazis’ revolution and changed drastically. The way of breaking of the preceding constitutional tradition is covered in Professor O. Y. Plenkov’s article “From Weimar Republic to Nazi state. The break of the constitutional tradition in Europe in the first half of the twentieth century”. The author addresses such issues as Nazi justice, based on Fuhrerism, the party’s ideological monopoly, which led to the exclusion of the other parties from political life, and racial legislation which excluded all the “racial outsiders” from the legal framework.

This collection is concluded by Assistant Professor T. N. Goncharova’s article “Twenty-first century as a new challenge to European integration: France at the crossroads - between the Fifth and the Sixth Republic?”. It deals

³ See: Transactions of the Chair of Modern and Current History. 2014. №12. P. 275-279.

with General de Gaulle's struggle for establishing the Fifth Republic and the involvement of its institutions which followed. De Gaulle, as well as Napoleon before him, took nation-wide referendum as the perfect way to legitimize their authority, which empowered them to conduct a domestic policy on their own. In the meantime de Gaulle's constitutional policy differed considerably from the fundamental law, and it reserved immense executive prerogatives for the head of the state, especially since the constitutional reform of 1962 introduced universal suffrage for the presidential elections. De Gaulle's successors to the presidency had been changing the constitution repeatedly due to the circumstances and when it seemed to be necessary. Time moves on, life changes and, as the author put it, "de Gaulle wouldn't recognize his own constitution in the current fundamental law which regulates the life in today's France". It's highly probable that the strength of Constitution of 1958 is that, in spite of all revisions and numerous appeals to establish the Sixth republic, the country still keeps on living according to the regime founded 56 years ago, which is called the Fifth French Republic *bis*.

Professor A. V. Smolin

Перевод Н. Э. Адамовой

ГЛАВА 1

ОСОБЫЙ ПУТЬ ИНТЕГРАЦИОННОГО КОНСЕНСУСА: ИЗ ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ

Конституционное строительство в скандинавских странах шло не всегда схожими путями. Имели место и отличия во времени принятия почти аналогичных законоположений. Тем не менее, предпринятая попытка рассмотреть процесс становления демократических конституций в странах Скандинавии может быть оправдана их принадлежностью к единому региону, тесным переплетением исторических судеб северных народов на протяжении Нового и новейшего времени, а также важнейшим достижением, общим для политического развития этих стран – осуществлением в XX в. принципов парламентаризма.

При подготовке очерка был использован, среди прочих, компаративный метод, единственно подходящий для того, чтобы выявить сходства и различия в параллельно протекавших процессах конституционного строительства в странах Северной Европы. До настоящего времени комплексных исследований такого рода не существует ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Отсутствуют и исследования, целиком посвященные истории становления Основных законов в отдельно взятой скандинавской стране. Точнее, они имеются, но в них эта тема рассматривается в ограниченных временных рамках – то есть с начала разработки текста той или иной конституции до его канонизации в окончательном виде, что занимало, как правило, не одно десятилетие.

Такой подход вполне оправдан в трудах, предназначенных для аудитории, более или менее знакомой с историей страны. Данный же очерк рассчитан на зарубежного читателя, не всегда

имеющего отчетливые представления об особенностях законодательской традиции, сложившейся задолго до принятия той или иной конституции. Поэтому было сочтено необходимым предварить каждый основной сюжет историей возникновения и развития такой традиции. Для этого автору пришлось по необходимости опустить нижнюю хронологическую границу своего исследования до позднего Средневековья – иначе трудно было бы понять как особенность того или иного Основного закона, так и причину их существования в практически неизменном виде вплоть до наших дней.

При подготовке очерка были использованы как опубликованные источники¹, так и литература вопроса. Имеющиеся исследования подверглись естественной переработке и переосмыслению, поскольку они представляют собой лишь систематическое изложение истории конституционного строительства в Норвегии², Исландии³, Швеции⁴ и Дании⁵ без попыток сравнения таких процессов, имевших свои особенности в каждой из упомянутых стран (например, в Дании имелся ярко выраженный социально-психологический фактор, чего, по-моему, никто не заметил). Но и таких работ крайне мало или они представляют собой отдельные вкрапления в более общих трудах по национальной истории. Что же касается Гренландии, то ее действующие законоположения настолько новы, что еще не нашли отражения в европейской или

¹ Например, собрание текстов датских Основных законов, с течением времени претерпевших некоторые несущественные изменения или дополненные новыми положениями: *Bojsen Schmidt J. Fra Danehof til Folketing. København: Nyt Nordisk Forlag Arnold Busk, 1963.*

² В Норвегии первые работы такого рода появились уже на следующий год после принятия Эйдсвольской конституции: *Steenbach H. Bemærkninger over Norges Grundlov af 4de November, 1814. Trondhjem: Forfatterens Forlag, 1815.*

³ *Grøn J.U. Fra Islands dæmringstid. Odense: Universitetsforlaget, 1976.*

⁴ *Löfgren B., Tham W. Demokratins genombrottstid 1905-1920 // Sveriges historia genom tiderna. Femte delen. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1953; Karlbom R. Bakgrunden till 1809 års regeringsform. Studier i svensk konstitutionell opinionsbildning 1790-1809 // Studia historica Gothoburgensia. Bd. III. Göteborg: Akademiförlaget, 1964. Далее: Karlbom, 1964.*

⁵ *Skovmand R. Folkestyrets fødsel 1830-1870. København: Politikens forlag, 1964.*

отечественной историографии, отчего пришлось опираться исключительно на современные источники, последние из которых датируются 2014 г.⁶

Очерк состоит из четырех разделов, каждый из которых посвящен одному из скандинавских государств. При этом последовательность их расположения подчинена принципу не столько хронологическому, сколько тематическому. Так, первой исследуется история норвежского законодательства, без чего не всегда могут быть поняты особенности заимствований из него в правовой системе Исландии, которой посвящен второй раздел. Затем следует раздел о Швеции и Дании и, наконец, Гренландии, где решающие изменения в конституционном поле произошли буквально в наши дни.

Время образования норвежского национального государства (и, значит, создания его основных законов) вызывает споры среди исследователей. Ряд историков относят это событие к эпохе викингов, другие – к 1814 г., когда был положен конец господству датчан и датских законов в Норвегии, а в Эйдсволле создана конституция Норвегии, в основном действующая и сегодня. Очевидно, более обоснованной представляется первая точка зрения, сторонниками которой являются видные скандинависты, как отечественные⁷, так и зарубежные⁸. Ее представители убедительно доказывают, что уже Харальд Хорфагр (ок. 860 – ок. 940), великий воин, овладевший западной, в ту пору самой заселенной частью Норвегии, имел право объявить себя «властителем всех норвежцев». И, что более важно, этот статус верховного короля признали правители большинства областей страны, как и право его династии на норвежский трон. Дальнейшие действия Харальда ишь подтвердили его монаршее

⁶ *Rosing M. Grönlands vej fra drøm til virkelighed // Politiken, 24. 01. 2014; Ny koalition ska styra Grönland // Dagens Nyheter, 28. 03. 2014.*

⁷ *Гуревич А.Я. Образование раннефеодального государства (конец IX – начало XIII в. // История Норвегии. М.: Наука, 1980. Далее: Гуревич, 1980.*

⁸ *Helle K. Norge blir en stat i 1130-1319 // Handbok i Norges historie. Vol. I. Oslo: Universitetsforlaget, 1964.*

достоинство – он начал собирать Норвегию⁹.

Впрочем, и объединив под своей властью ряд территорий, главным образом приморских, первый король не связал их общим законодательством; они сохранили местное самоуправление, при котором все вопросы решались на сходках мужчин – тингах. Не платили они и подать – эквивалентом ей были подарки или угощения. Напротив, наследники Харальда на троне, пользовавшиеся поддержкой датских королей, довольно рано (приблизительно во второй половине X в.) сами попали в некоторую зависимость от датчан, рассматривавших Норвегию как вассальную область.

Местное самоуправление, характерное для ранней истории Норвегии, стало слабеть с христианизацией страны и учреждением института королевских должностных лиц – лендрманов¹⁰ и арманов¹¹ (XI–XII вв.). К этому же периоду относится постепенное введение в практику податей, взимавшихся с лично свободных норвежских крестьян-бондов в пользу как норвежских, так и датских королей. К этому же периоду относится социальная и экономическая дифференциация бондов, результатом которой становилось появление местной «народной» аристократии. А в XIII в. появляются первые записанные памятники норвежского права – пока не политического, а имущественного. Они носили локальный характер, соответственно неся отличающиеся названия: Законы Гулатинга, Законы Фростатинга, Законы Боргартинга и т.д. Эти законы приняли окончательный вид в 1260-е гг, а в 1273 г. их

⁹ Koht H. Harald Hårfagre og rikssamlinga. Oslo: H. Aschehoug, 1955.

¹⁰ Лендрман (lendrmaðr) – обладатель вейцлы (служебного лена), обычно представитель народного дворянства, то есть аристократии бондов. Первоначально не принадлежа к числу королевских чиновников, впоследствии исполнял обязанности сборщика налогов и судьи в своем округе, а во время войны – вождя местного ополчения. Подр. см. в: *Haberkern E., Wallach F. Hilfsörterbuch für Historiker. Mittelalter und Neuzeit.* München: Francke Verlag. Zweiter Teil. S. 392-393. Далее: *Haberkern, Wallach*, 1964.

¹¹ Арман (armaðr) или брютти – управляющий доменом (konungs bryti) или епископальным имением. В задачу арманов входил также сбор податей и штрафов. Позднее они превратились в чиновников финансового ведомства. Подр. см. в: *Haberkern, Wallach*, 1964. Erster Teil. S. 84.

сменил единый Закон страны (Landslov), чье действие распространялось на все королевство¹².

Составленный лучшими специалистами, получившими юридическое образование в Европе, это был образцовый для своего времени общенорвежский корпус законов, основанный на упомянутых памятниках локального права и покончивший с правовой разобщенностью норвежских областей. Вскоре его приняли на локальных тингах, после чего он стал единым руководством для монархов, администраторов и судебных властей. С этого предшественника более позднего норвежского законодательства началась традиция не замены правовых кодексов, а лишь «улучшение», то есть совершенствование их в соответствии с меняющимися требованиями эпох. В 1592 г. Ландслов подвергся редакции генерал-губернатора Норвегии Алекса Гюльденсьтерны, а в 1604 г. был издан под титулом Норвежская Книга законов (Den Norske Lovbog). При этом первоначальный текст дополнился статьями из более поздних судебных книг, материалами по наследственному праву королей, их законодательному праву (ранее принадлежавшему бондам) и т.п.¹³ Удивительна живучесть этой традиции, воспринятой конституционными комиссиями грядущих столетий, включая XX в.

По сути, этот первоначальный кодекс стал предвестником гораздо более позднего Основного закона: здесь уже появились статьи о полномочиях короля, об обязанностях населения перед королем и церковью, о привилегиях духовенства. За исполнением Ландслова следили королевские чиновники, подчиненные королевской власти, которая благодаря ему значительно укрепилась и расширилась. Так, Хакон V Магнуссон (1299-1319) уже пользовался монопольным законодательным правом – местные тинги его бесповоротно утратили¹⁴.

Но еще до этого короля появились первые центральные инсти-

¹² Гуревич, 1980. С. 151, 154.

¹³ Marmøy R. Gjennom bølgedalen. Oslo: Aschehoug & Co., 1963. S. 348, 350. Далее: Marmøy, 1963.

¹⁴ Imsen S., Sandnes J. Avfolkning og union // Norges historie. / Ed. Mykland K. Vol. 4. Oslo: J.W. Cappelen forlag A/S, 1977. S. 13-14, 53-59.

туты власти: Собрание королевства (Riksmøte) и Королевский совет (Kongsraad). В Собрание входили аристократы, высшие чиновники, а также иерархи церкви и «лучшие бонды» – по 12 человек от каждой епархии. Они обсуждали важнейшие дела королевства (например, Закон о престолонаследии) и принимали по ним решения (точнее, вырабатывали советы монарху и апробировали его решения). Королевский совет (в XIV в. он стал называться рикерод) не был столь многочислен, на него собиралась лишь чиновничья и придворная элита. Он принимал непосредственное участие в управлении государством, в частности исполнял регентские функции при малолетних монархах.

Однако эта система удержалась в Норвегии всего чуть более века. В начале XIV в. Эрик, брат шведского короля, создал герцогство, в которое входили некоторые датские, норвежские и шведские земли. Затем он женился на Ингеборг, наследнице Хакона V Магнуссона, рассчитывая получить норвежскую корону. Однако Эрик вскоре погиб (1318), но его малолетний сын Магнус был возведен на шведский престол, оказавшийся к тому времени свободным. После смерти Хакона V Ингеборг стала править в обоих государствах от имени своего сына. Таким образом, Норвегия оказалась в 1319 г. в персональной унии со Швецией. При этом она сохранила собственное управление и старый закон, не претерпевший принципиальных изменений и в годы Кальмарской унии¹⁵. Зато в 1397 г. три королевства получили общий закон, согласно которому наследника следовало избирать во всех трех державах. А если монарх умирал бездетным, то для избрания нового короля требовалось собрать общую комиссию, решение которой становилось бесспорным.

Однако несмотря на столь однозначно декларированную автономию членов унии, включая самостоятельное издание новых законов каждым из них, датские власти начали шаг за шагом нарушать эту договоренность – не в пользу Норвегии. Политически

¹⁵ Кальмарская уния (1397-1523) – личная уния королевств Дании, Швеции и Норвегии под верховной властью датских королей, но с сохранением широкой автономии на основе национальных законодательных комплексов.

ключевые церковные должности архиепископов с определенного времени (1397) стали занимать датчане, из Дании прибыл и новый канцлер Норвегии. Риксрод был численно ужат (норвежских аристократов планомерно отстраняли от участия в управлении), даже государственную печать перевезли в Копенгаген. Тем не менее, до введения здесь Реформации (1536) национальное правительство сохраняло свою номинальную власть. И лишь после этого переломного момента датская доминанта во всех областях экономической, культурной и политической жизни норвежского общества стала все более напоминать колониальный режим.

Норвежцы пытались остановить этот процесс, поднимая восстания по примеру массового шведского мятежа под руководством Энгельбректа Энгельбректссона¹⁶. К крестьянам и горнякам присоединились и шведские дворяне, стремившиеся к восстановлению независимости от Дании. В Норвегии восставшие в 1436 г. крестьяне также ощутили поддержку дворянства, стремившегося возродить национальное правительство. На заседании риксрода, куда пригласили и крестьянских представителей, было составлено обращение к главе унии, датскому королю Эрику Померанскому (1397-1497) с предложением восстановить старые законы. Однако король лишь заместил некоторых датских чиновников норвежскими, что не изменило положения крестьян. И через два года, когда Эрик навсегда покинул Данию, воспользовавшиеся этим норвежские низы снова восстали – теперь уже не только против датских, но и норвежских администраторов и помещиков. Однако датскому наместнику удалось при поддержке норвежских новых (служилых) дворян подавить этот мятеж, а опустевший трон трех королевств занял сын сестры Эрика, герцог Кристофер Баварский (1442-1448)¹⁷.

Сменил его датский король Кристиан I (1448-1481) из династии Ольденборгов. Этот 22-летний монарх, получил норвежскую

¹⁶ Восстание Энгельбректа (1434) было направлено против датских чиновников и олигархов в Швеции.

¹⁷ *Petersen K. Danmarkshistoriens Hvornår skete det. Fra istiden til 1960, år for år. København: Politikens Forlag, 1969. S. 124. Далее: Petersen, 1969.*

корону, лишь гарантировав риксроду его власть над страной. Кроме того он обязался жениться на вдове Кристофера, что сэкономило бы казне немалые средства на ее содержание. По так называемому Хальмстадскому рецессу 1450 г. король обязался посещать Норвегию каждый год, а в промежутках между его визитами управление страной возлагалось на 4 чиновников, составлявших Государственный совет. Его создали по требованию норвежцев, придававших большое значение собственному органу центральной власти.

В дальнейшем Норвегия попала в полную экономическую и политическую зависимость от более развитой Дании. Особенно заметным это стало, когда Кристофера на норвежском троне сменил датский король из династии Ольденборгов Кристиан I (1448-1481), хотя он и обязался специальной хартией править совместно с риксродом, соблюдать старинные норвежские законы и традиции, доходы, полученные в Норвегии, там и оставлять, а ленсманам назначать только природных норвежцев. Монархическая власть объявлялась выборной, но в 1450 г., когда была подтверждена уния Дании и Норвегии, то текст соответствующего трактата звучал на датском языке¹⁸.

На самом же деле ни одно из этих клятвенных обещаний не выполнялось: «совместное правление» осуществлялось вызовом членов риксрода в Копенгаген, где им давались поручения. Впрочем, зачастую норвежские дела попросту решал король или датский Государственный совет, а деньги, собранные среди норвежских налогоплательщиков использовались в пользу Дании или шли на личные нужды короля. Мало того, Кристиан I и исконно норвежские земли стал раздавать иностранным монархам – так в первый же год его правления были навсегда утрачены Шетландские и Оркнейские острова.

Правда, несколько позднее состоялось учреждение высших правовых комиссий (Rettertingskommissioner), предшествовавших

¹⁸ Bagge S., Holstad Smedsdal S., Helle K. Norske middelalderdokumenter. Bergen: Universitetsforlaget, 1973. S. 454-455.

более позднему Верховному суду (Overlagting), причем становятся судьями получили право лишь норвежцы – иначе они отказывались короновать короля Ханса (1481-1513). Соответствующий рецесс подписали и в 1483 г.¹⁹ Риксрод предоставил Хансу право наследственного монарха, но в реальности Норвегия являлась выборной монархией, которой король подписывал при восхождении на престол капитуляцию (Haandfæstningen). Таким образом, он более не являлся Божьим помазанником, как это считалось ранее.

Но именно при короле Хансе датская власть стала для Норвегии особенно разорительной. Он лишил Берген монополии на торговлю с Исландией, отчего вся прибыль от нее стала попадать в руки английских купцов. Значительно усилилось в Норвегии и нидерландское купечество, которому король предоставлял все права и вольности, ранее являвшиеся исключительно норвежским достоянием. Пришедший в упадок норвежский торговый флот не мог составить конкуренции ганзейским караванам вместительных коггов, на которых немцы вывозили на юг все норвежское экспортное зерно. И бюргеры Осло или Бергена ничего не могли с этим поделать, не располагая огромными капиталами Любека или Данцига²⁰. А позже, когда возросшее население Норвегии стало само нуждаться в привозном зерне, датская монополия на ввоз хлеба губительно сказывалась на местной экономике – датчане продавали некачественное ютландское зерно задорого, хотя в других странах Балтики имелся товар и получше, и подешевле²¹.

При датских королях постоянно росли крестьянские налоги, что вызывало разорение бондов; нередко случались восстания

¹⁹ *Marmøy*, 1963. S. 118-121.

²⁰ Ганзейское превосходство в норвежской коммерции сошло на нет в XVI в. Но и в 1668 г. в Бергене на пять норвежских складов приходилось восемьдесят восемь ганзейских, последний из них был продан только в 1766 г. (*Sogner S. Krig og fred, 1660-1780*. H. Aschehoug & Co: Oslo, 2005. S. 170). Далее: *Sogner*, 2005.

²¹ В 1816 г. писателем Н. Вергеланном издан памфлет «Политические преступления Дании против Норвегии», где в качестве одного из них была названа грабительская хлебная монополия, которая формально введена лишь в 1735 г., но и ранее, в 1650-1700 гг., только 10% импортного зерна ввозилось в Норвегию не из Дании (*Sogner*, 2005. S. 150).

против датских ленсманов и чиновников. Особенно мощным стал мятеж упланнских крестьян в 1507 г., разгоревшийся в ответ на установление новых податей, введенных наместником герцогом Кристианом (будущим королем Кристианом II, 1514-1523 гг.). Как и в более ранних восстаниях, крестьяне требовали возвращения к неким «Законам святого Олова», понимая под ними всю совокупность старинных обычаев и традиций. В действительности никакого записанного или устного свода законов такого рода не существовало.

Кристиан II короновался не только в Копенгагене, но и в Осло, желая продемонстрировать единство и равноправие двух частей своего государства. Но во главе ленов и крепостей при нем по-прежнему не оказалось ни одного норвежца – одни датчане, немцы или голландцы. Король объяснял это почти полным исчезновением местного дворянства, в чем был отчасти прав – оно хирело, утрачивая политическое и экономическое значение. И риксрод, который требовал уже не столько независимости страны, сколько собственной самостоятельности, окончательно ее утрачивал по причине соперничества старинных норвежских аристократических родов. Дошло до того, что Кристиан II ликвидировал налоговый иммунитет местного дворянства.

Какая-то надежда на восстановление национальных прав норвежского народа появилась после свержения этого короля датской аристократией. Сменивший его на обоих тронах Фредерик I (1523-1533) повторил обещания своего отца Кристиана I, дополнив их клятвой сохранения католицизма от опасности лютеранства (сам король исповедовал лютеранство), но и при нем риксрод не восстановил своей власти, а лены по-прежнему оставались в руках иностранцев. Окончательно покончить с самостоятельностью Норвегии удалось его сыну Кристиану III (1534-1559), который издал в 1536 г. постановление (рецесс) о вечном лишении страны статуса независимого королевства. При этом риксрод ликвидировали, а проведенные вслед за этим (впервые вопреки принципу *habeas corpus*) аресты влиятельных норвежских епископов-католиков окончательно

закрепили в стране датское всевластие. Страна стала называться, как указывалось в рецессе, «составной частью Датской державы, которая навечно будет подвластна датской короне»²².

Однако датчане испытывали свои сложности, прежде всего внешнеполитические, в том числе и в Норвегии. В XVI в. у них на Севере случались весьма серьезные конфликты с шведскими соседями. Крупнейшее из таких событий, Северная Семилетняя война 1563-1570 гг. привела к переменам и в датско-норвежских отношениях. Короли стремились заручиться поддержкой местного населения, страдавшего от засилья датских ленсманов и крупных землевладельцев, отчего в 1572 г. была восстановлена должность королевского наместника, способного на месте разбираться с крестьянскими жалобами²³. Поскольку же в стране наблюдался экономический подъем, связанный с общеевропейской «революцией цен» и ростом товарного производства, то это нововведение парадоксальным образом содействовало некоторому возрождению былой политической роли норвежского дворянства. Объяснялось это активизацией социальной жизни, принявшей форму сословных собраний. Первое из них имело место в 1591 г., в нем участвовали все четыре сословия: бонды, бюргеры, духовенство и дворяне, однако лишь последним удалось закрепить этот успех.

Теперь с этой силой приходилось считаться королям, и если Фредерик II посетил Норвегию всего единожды (1585), то для его сына Кристиана IV (1588-1648) такие визиты стали обычным делом. А датскому наместнику Ганнибалу Сехестеду даже удалось в 1640-х гг. добиться для норвежцев некоторой политической и экономической самостоятельности – уже создавались местные конторы по управлению лесозаготовками и шахтами, которыми

²² Цит. по: *Holmsen A. Nye studier i gammel historie*. Oslo: Universitetsforlaget, 1976. S. 47.

²³ Датские наместники в Норвегии занимались не столько политическими, сколько экономическими проблемами. В 1739-1751 гг. этот пост вообще оставался незанятым – без особых последствий для датчан или норвежцев (*Norge under eneveldet 1720-1800*. Bergen-Oslo-Tromsø: Universitetsforlaget, 1976. S. 15). Далее: *Norge*, 1976.

управляли не только датчане. И впервые после долгого перерыва налоговые поступления частично стали оставаться в Норвегии, где использовались для расширения и совершенствования национального хозяйства. Правда, Г. Сехестед был по настоянию датского ригсрода снят с должности, отчего его попытки возродить роль местного дворянства осуществились далеко не полностью²⁴. Но кое-что изменил Копенгагенский мир 1660 г., согласно которому ряд норвежских провинций отошел к шведам, так что части двуединого королевства лишились общей сухопутной границы. Теперь королю пришлось создать в Норвегии более самостоятельную администрацию, что повышало политическую значимость и местного дворянства.

Затем произошло событие, получившее огромное значение как для Норвегии, так и для Дании. В октябре 1660 г. Фредерик III устроил «военный переворот под угрозой насилия»²⁵ и провозгласил самодержавие, в том числе и для Норвегии. Он отменил систему выборности монарха, а также королевские капитуляции и изменил конституцию, что, по сути, означало приспособление политической системы к новым властным структурам. При этом Норвегия в конституционных новациях оказалась неупомянутой. Как полагают позднейшие исследователи, это было сделано намеренно. Король оставлял тем самым в силе капитуляции Кристиана III (1536), где Норвегия именовалась как «часть Датского королевства, находящаяся под Датской короной на вечные времена»²⁶.

Но уже в свой Акт о суверенитете (1661) Фредерик III включил Норвегию, хотя участвовать в принятии присяги норвежцев еще опасался, отправив для этого на север вместо себя престолонаследника Кристиана. Тогда же норвежские подданные подписали Акт о суверенитете, хотя их страна фигурировала в числе датских владений, на которые король «имеет наследственное право по мужской и женской линии» (*Arffue Rettighed paa manlig och quinde*

²⁴ *Petersen*, 1969. S. 194.

²⁵ *K. Espersen*, цит. по: *Sogner*, 2005. S. 12.

²⁶ Цит. по: *Thuesen*, 1997. S. 122.

Linea, sampt des absolut Souverainitet). Пересмотренная таким образом конституция под именем Королевского закона (Kongeloven) была подписана Фредериком 14 ноября 1665 г. Она декларировала абсолютную власть короля, который получал право «издавать законы и указания по своей доброй воле и расположению, а также толковать, изменять, дополнять, сокращать и полностью отменять» ее более ранние статьи, хотя и не весь Королевский закон.²⁷

С целью укрепления нового режима вводились коллегии, а для согласования деятельности которых образован Тайный совет (Geheimeraadet). При этом высшая судебная власть перешла от ликвидированного риксрода к Верховному суду (Høyesterett). Бывшее децентрализованное (или доменное) государство, основой которого ранее являлось обладание дворянством земельными угодьями, стало превращаться в провинцию. Теперь у дворян остались кое-какие политические, но не экономические и не социальные привилегии. Наконец, 16 ноября 1660 г. король разослал норвежским сословиям открытое письмо с уведомлением о смене выборной власти монарха наследственной²⁸, что его подданные восприняли довольно спокойно²⁹, и 7 августа 1661 г. этот шаг был одобрен. Так называемый «Акт самодержавного наследственного правления или Акт суверенитета» приняли представители сословий, причем бонды оказались на этом собрании самыми многочисленными – 460 депутатов из 550. Результаты смены формы правления не заставили себя ждать, причем даже в глухой провинции.

Частные судебные решения, ранее принимавшиеся на собраниях местных тингов, вышли из практики, так как эти обще-

²⁷ Coldevin A. Enevoldstiden. Oslo: Aschehoug & Co., 1963. S. 15-16, 18-20. Далее: Coldevin, 1963.

²⁸ На деле это решение принято в риксроде, где из 21 человека только 8 являлись дворянами дворян (*Sogner*, 2005 S. 18).

²⁹ В Норвегии задолго до 1660 г. датского короля уже называли «законным наследственным господином Норвежского королевства» (Norges rikets rette arveherre), так как Дания, в отличие от Норвегии, действительно являлась наследственной монархией.

ственные сходки перестали созываться. Впрочем, некоторые из них постепенно превратились в государственные органы, где заседали назначенные чиновники, а голоса местных жителей ничего не решали. В том же 1661 г. норвежские дворяне утратили свою монополию на должности как в центральном управлении, так и на уровне ленов. Они лишились налогового иммунитета, взамен получив право свободы от обязательной службы в королевской армии. При этом их значение в политической жизни страны продолжало слабеть. Чего отнюдь не наблюдалось в Дании или Швеции, где дворянство играло среди сословий роль локомотива, причем практически во всех сферах общественного бытия – культурной, духовной, экономической, политической, военной и т.д. Это чисто норвежское явление – уникальная слабость и незначительность национального дворянства – растянулось на века и сыграло крайне отрицательную роль в истории норвежской нации, в том числе и в истории конституции.

Поэтому понятен интерес историков к причинам, к объяснению этого феномена. Самое распространенное мнение: норвежское дворянство захирело в результате подчинения датчанам в период «первой» унии. Однако другие исследователи обнаруживают ту же картину задолго до возникновения Датско-Норвежского государства. По Их мнению, норвежское общество становится все более демократичным чуть ли не с периода викингов, это его родовая судьба. При таком росте удельного веса во внутренней политике общей массы (а не ярких личностей) отмирают органы, необходимые для продолжения политического и национального развития. Что же касается унии, то она не инициировала, а лишь ускорила этот процесс.

Былая аристократия свободных бондов видела в величии и славе своего рода более мощный властный фактор, чем богатство. Но по мере того, как общественная жизнь стала концентрироваться не в медвежьих углах, а в политических центрах государства, былое содержание понятия о племенном (родовом) аристократизме изменилось. Держава взяла на себя функцию управления, значит, стало

неизбежным появлением нового дворянства. Старое же оказалось вынужденным, чтобы сохранить статусное положение, следовать новым правилам игры, перейдя в полном смысле слова на новую почву. При этом на второй план отошли такие понятия как величие рода, его авторитет и популярность, а основой аристократизма стали иные реальности. Наступил некий переходный период, когда для личного и родового самоутверждения стал необходим какой-то универсальный критерий. Им стало владение землей или богатством. При этом честь, столь присущая бондам-аристократам, не сразу, но неуклонно отходит в системе ценностей на второй план. Более того, если она ранее позволяла решать этим народным лидерам их историческую задачу, то в новых условиях, в процессе складывания государственного служилого дворянства, честь становится помехой.

Что же касается возможностей для развития аристократического сословия в новых условиях, то они уменьшились, так как по ряду причин политического, демографического и даже климатического характера Норвегия XIV-XV вв. стала беднее «на душу населения», чем была в IX-X вв.³⁰ А в условиях унии с Данией и подавления датчанами местного самоуправления старинные роды лендрманов превращались из лидеров бывших межплеменных союзов в группировки с собственными целями и интересами. При этом политическое раздробление влекло за собой дифференциацию социальную. Высшее и низшее дворянства отходили друг от друга, и уже в XIV в. появилась «аристократия государственных советников». Наконец, играл свою роль и военно-служебный фактор: в Норвегии появлялось все больше вышколенных немецких офицеров, превосходивших своих норвежских коллег чисто профессионально и вытеснявших их на обочину карьеры и общественно-политической жизни.

Имелось и более частная причина ослабления норвежского дворянства. В период унии центральное административное управ-

³⁰ Sars J.E. Udsigt over den norske historie. Oslo: Universitetsforlaget, 1967. S. 165-166.

ление страной перешло в копенгагенскую Датскую канцелярию (Danske Kancelli), во главе которой стоял канцлер, датский, естественно. Отныне управление Норвегией осуществлялось по почте³¹. Ликвидировался и Королевский совет, который сменился тремя новыми коллегиями под руководством ассессоров – по образцу департаментов Швеции или Пруссии. Решения ассессоров утверждал непосредственно король.

Вслед за этим как в Дании, так и в Норвегии был сделан следующий шаг к централизации абсолютистской монархии – в 1662 г. лены ликвидировались, а вместо них ввели амты, во главе которых стали амтманы – королевские чиновники в ранге гражданских губернаторов. Над ними стояли более крупные чиновники, четыре стифтамтмана – по числу областей или генерал-губернаторств, на которые теперь оказалась разбита Норвегия: Акерсхус, Тронхейм, Кристиансанн и Бергенхус. А ввиду удаленности страны от датской метрополии деятельность стифтамтманов контролировал наместник (Stattholder), как правило, член королевской семьи Ольденборгов.

Наконец, в 1687 г. в Копенгагене составили по датскому образцу единый общенорвежский свод законов (Norges Lag). На эту судьбоносную для норвежцев реформу никак не повлиял представленный Кристиану V проект свода законов, созданный до этого норвежской законодательной комиссией. Король просто отклонил его, хотя кодекс скомпоновали на старой основе местных уложений. Впрочем, некоторые чисто норвежские реалии, сохранявшие до этого на практике свою силу, перешли в королевский свод – если они не противоречили датским интересам. В свою очередь от датчан к норвежцам перешли более жестокие наказания. Отныне за убийство безусловно следовала казнь (а не штраф, конфискация имущества или изгнание, как следовало из норвежского обычного права), за оскорбление короля или королевы рубили руку и голову,

³¹ Нужно заметить, что управление такого рода оказалось удивительно эффективным, благодаря новой почтовой структуре переписка шла быстро. Так, к примеру, если 31 марта 1688 г. из Норвегии было направлено в Копенгаген прошение, то ответ пришел уже 14 апреля (Sogner, 2005 S. 54).

за богохульство – вырывали язык, а затем обезглавливали. И даже за работу в воскресный день полагался солидный штраф³².

Во второй половине XVII– начале XVIII вв. норвежскими по-прежнему считались Исландия и Фарерские острова, с 1720-х гг. к ним добавилась Гренландия. При этом в совокупности население материковой части страны и островов ненамного уступало числу жителей Дании (без Шлезвига и Голштейна), а по переписи королевства, проведенной в 1801 г. даже превзошло его – соответственно 936 000 и 926 000 человек. В этот период положение Норвегии улучшилось, так как при абсолютизме она непосредственно подчинялась королю, менее завися от датской феодальной знати. Рос ее торговый оборот, важнейшей статьёй которого был вывоз рыбы и судового леса и ввоз голландской соли. Особенно заметным стал прогресс датско-норвежского торгового флота во время войн второй половины XVII в., на протяжении которого Датско-Норвежское королевство сохраняло нейтралитет, ведя свободную коммерцию с воюющими странами³³. Впрочем, на повышении самостоятельности страны это никак не сказывалось.

В 1807 г. многолетний нейтралитет сменился активной внешней политикой Датско-Норвежского королевства, этому способствовал мир, заключенный между Россией и Францией. Тильзитский мир, затем разгром Копенгагена англичанами и уход королевского флота (в том числе и норвежских кораблей) в Англию принудили Данию к выходу из числа нейтральных стран³⁴. При этом впервые за много лет появилась возможность для ухода Норвегии из-под датской власти, чему косвенно содействовала и свежая память о Великой французской революции 1789-1794 гг. Норвежской интеллигенцией это событие было встречено, в общем-то, с симпатией – как

³² Coldevin, 1963. S. 130.

³³ Vibæk M. Den danske Handels Historie. Fra de ældste Tider til vore Dage. København: Gyldendalske Boghandel – Nordisk Forlag, 1933-1938. S. 196-199.

³⁴ Подр. см. в: *Воззрин В.Е.* Дания в наполеоновских войнах // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа. Материалы научной конференции, посвященной памяти профессора В.Г. Ревуненкова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 294-304.

и бюргерами, у которых были налажены тесные экономические связи с Англией, причем вполне буржуазного характера. Поэтому тесные рамки датского абсолютизма являлись тормозом для дальнейшего, капиталистического развития страны. Эта проблема могла быть решена лишь путем национально-освободительной революции, целью которой стало бы возрождение самостоятельного государства.

Толчком ее началу послужила агрессия со стороны Швеции. Ее король Густав IV Адольф давно имел планы на захват Норвегии. Зимой 1808 г. он пытался занять восточные территории страны, но его войско оттеснила норвежская армия. И именно этот военный успех стал причиной национального подъема, который был несоединим с ситуацией подчинения Дании, не сделавшей ничего для отражения шведской агрессии в Норвегию. Поэтому в феврале 1809 г. в Копенгагене получили три меморандума, подписанные не только норвежскими националистами, но и наместником, датским принцем Кристианом Августом. В них излагалась идея ведения самостоятельной норвежской внешней политики, смысл которой заключался в сепаратном перемирии с Англией и Швецией. Впрочем, в Швеции этот проект одобрения не встретил – там уже мечтали о норвежско-шведской унии.

В августе 1809 г. официальный Копенгаген, обеспокоенный угрозой отпадения Норвегии, указал Кристиану Августу вторгнуться в Швецию, но из этого ничего не вышло, так как к этому времени шведский риксдаг избрал его престолонаследником. И в январе 1810 г. он отправился в Стокгольм, приняв там титул наследного принца под именем Карла Августа. Впрочем, в мае он умер, а его место занял французский маршал Ж.Б. Бернадот, ставший главой государства под именем Карла Юхана и тут же начавший готовить Швецию к военному захвату Норвегии. При этом он обещал норвежцам новую конституцию и широкую внутреннюю автономию. На его стороне стояла Россия, заключившая весной 1812 г. мир со Швецией, в условия которого входило создание шведско-норвежской унии. Осуществит эту акцию оказалось

невозможным из-за позиции Великобритании, не дававшей на нее согласия в условиях начавшегося похода Наполеона на Россию.

Но как только французы потерпели на востоке поражение, Швеция и Россия совместно выступили в Копенгагене, стремясь добиться от Дании перехода Норвегии в шведскую унию – на что теперь давала согласие и Англия. Затем переговоры перенесли в Киль, где 14 января 1814 г. был подписан трактат, в силу которого Фредерик VI отказывался от Норвегии, уступая ее Швеции. Но Кильский трактат отнюдь не означал полное вхождение Норвегии в шведское государство, инкорпорацию в него. Напротив, мыслилось двуединое государственное образование, каждая часть которого оставалась при своих законах и традициях. И для Норвегии это означало не форму, а реальную автономию – на тот момент. Однако в эту сущность договора норвежцы проникнуть не могли, что объяснялось их незнанием с предметом. Поэтому известие о договоренности, достигнутой за их спиной и без их участия, вызвало волнения. Освободившийся от многовековой датской зависимости, народ не хотел менять ее на шведскую. Общей идеей стала свободная конституция, такая возможность очаровала даже тех, кто не верил в возможность самостоятельности Норвегии, ее независимости от Швеции³⁵.

Новым наместником датского короля в Норвегии стал наследный принц Кристиан Фредерик (1813). Его норвежцы и избрали в качестве лидера борьбы с опасностью нового подчинения страны. Находясь в рабочем поселке Эйдсволль (губерния Акерсхус), принц организовал здесь 16 февраля 1814 г. «встречу нотаблей» (Notabelmøte), то есть авторитетных на юго-востоке страны предпринимателей, офицеров и высших чиновников. На 21 ее участника приходилось только 8 норвежцев, остальные прибыли из Дании³⁶. На этой встрече за три дня удалось составить обращение принца к норвежскому народу с предложением принести ему присягу как временному регенту самостоятельной Норвегии, а затем прислать

³⁵ *Nissen B.A.* Det nye Norge grunnlegges. Aschehoug & Co.: Oslo, 1964. S. 23.

³⁶ *Thuesen*, 1997. S. 211.

депутатов на импровизированное Государственное собрание (Riksforsamlingen), где будет принята новая конституция страны и избран глава державы.

В феврале 1814 г. норвежцы давали в церквях клятву на верность своей стране, готовясь защищать ее независимость. Тогда же начались выборы в Государственное собрание. Избирательное право распространялось на 30-40% норвежцев – такого широкого по тем временам участия в выборах не наблюдалось ни в одной стране Европы. Они не являлись прямыми, в них участвовали мужчины старше 25 лет, включая как собственников, так и арендаторов земли, чиновников, предпринимателей, купцов и т.д. Выборщики избирали депутатов – по три от каждого амта, причем одного из них непременно крестьянина. В конечном счете, избрали 112 человек, причем 59 из них представляли чиновничество, но встречались среди депутатов и ученые юристы, и офицеры, и бонды. Государственное собрание стало первым в истории страны выражением народного, а не монархического суверенитета. Существует мнение, что фактически самодержавие при этом сменилось новой политической системой³⁷.

Государственное собрание открылось там же, в Эйдсволле, 10 апреля 1814 г. Через два дня образовался Конституционный комитет во главе с юристом и политиком К.М. Фальсеном, который стал готовить проект норвежского Основного закона. На заседаниях выяснилось, что сложились две партии с взаимоисключающими программами. Одна из них, «партия самостоятельности» или «партия принца» стояла за независимый государственно-правовой статус страны. Другая, «партия унии», в которую вошли аристократы и крупнейшие промышленники, видели будущее Норвегии в унии со Швецией. Первая из названных партий выиграла большинством в 1 бюллетень на голосовании, которое состоялось 19 апреля.

Но еще тремя днями раньше собрание приняло статьи конституции, текст которой несколько сократился по сравнению с первоначальным

³⁷ Steen S. Hvordan Norges storting ble til // Norsk historie 1814-1905. Artikler og utdrag. Bergen-Oslo-Tromsø: Universitetsforlaget, 1967. S. 5.

(впоследствии доработанным) проектом К.М. Фальсена. Окончательный вариант Основного закона члены Конституционного комитета получили для обсуждения 2 мая. В этот день они и приняли решение о создании парламента, получившего древненорвежское имя «стортинга» и состоящего из двух палат – низшей «удельстинга» и высшей «лагтинга». Палаты получали право взаимного вето, что, конечно, грозило в будущем значительными затруднениями в принятии важных решений. Причиной этому являлся несхожий социальный состав палат – в высшей собрались весьма зажиточные депутаты, а в низшей – гораздо более демократичный элемент, так как в ней на выборах высокого имущественного ценза не требовалось.

Подписание текста конституции всеми депутатами Государственного собрания состоялось 17 мая, в день, который доныне отмечается как главный национальный праздник Норвегии – День конституции (Grunnlovsdag). Что имеет веское основание, так как Эйдсволльская конституция и доныне остается Основным законом государства (хотя с понятными изменениями, которых потребовало время). И в тот же день Кристиана Фредерика избрали королем. Так свершилось первое – но не последнее – событие норвежской национально-освободительной революции.

Кристан Фредерик обрел статус ограниченного законами монарха. Он не мог издавать законы, вводить новые налоги, вмешиваться в финансовые дела, делать займы от имени государства и распускать стортинг ранее, чем через три месяца от начала сессии. Однако он получал другие, достаточно широкие права: будучи главнокомандующим армией и флотом, он мог собственным решением проводить мобилизацию, объявлять войну и заключать мир, входить в политические союзы и расторгать их. Правительство страны, Государственный совет (из 5 человек, не являвшихся членами стортинга), избиралось лично им. То есть, перед королем открывались довольно широкие политические возможности. Что позволяет сделать вывод о несколько парадоксальной особенности Эйдсволльской конституции: являясь более демократичной, чем,

к примеру, шведская, она предоставляла королю больше прав, чем последняя³⁸.

Право участия в выборах в стортинг оказалось несколько более ограниченным, чем это намечалось в первоначальном проекте К.М. Фальсена. Его получали норвежские мужчины в возрасте 25 лет, владевшие землей или арендовавшие участки на селе, а в городах – имевшие недвижимость стоимостью не менее 500 риксдалеров серебром. Выборы происходили в двухступенном порядке, при этом один выборщик приходился на 50 городских избирателей или 100 сельских. Потом выборщики встречались на вторичных заседаниях, где четвертая их часть становилась депутатами стортинга (в городах) или десятая – в сельской местности. При этом депутатом не мог стать человек моложе 30 лет или проживший в Норвегии менее 10 лет. Этому права также лишались офицеры, члены правительства, департаментские чиновники или лица, получавшие содержание от королевского двора³⁹. Что не требовало пояснений, – такое положение, ограждало народное собрание от опасности чиновничьего политического влияния. И это правило не являлось какой-то особенностью норвежской конституции, оно имелось во французском, американском и испанском основных законах.

В Эйдсволльской конституции заметно влияние революционных идей европейских стран. Но основные черты этого акта заимствовались из английских, французских и шведских основных законов, последние из которых (1809) основывались на либеральном законодательстве «эры свободы» 1721-1772 гг. В окончательный текст даже вошли вначале положения о правах человека по американскому и французскому образцам, но на заключительном этапе обсуждения их исключили. При этом с целью сохранения национальных традиций использовались и отдельные положения средневекового норвежского права.

Судебная власть отныне отделялась от исполнительной и зако-

³⁸ *Stråth B.* Union og demokrati. Dei sameinte rike Noreg-Sverige 1814-1905. Oslo: Pax Forlag A/S, 2005. S.85.

³⁹ *Dyrvik S., Feldbæk O.* Mellom brødre. 1780-1830. Oslo: Aschehoug & Co, 1996. S. 209. Далее: *Dyrvik, Feldbæk*, 1996.

нодательной, которые, с другой стороны, имели некоторые общие сферы деятельности. Судьи для большей их независимости назначались королем. Стортинг обязывали собираться раз в три года, при этом обе палаты заседали вместе, разделяясь лишь для обсуждения законопроектов. Палаты отличались по количественному составу – удельстинг втрое превосходил лагтинг. Парламент в целом наделялся широкими правами: он мог вести финансовую и налоговую политику, принимать и отменять законы, выделять деньги на военные нужды, делать внешние или внутренние займы от имени государства, утверждать королевский гражданский лист. В промежутках между сессиями стортинга король получал право на издание временных законов, то есть промежуточных законоположений (*anordninger*), а также на относительное (то есть не окончательное) вето, которое он мог накладывать на законы, принятые стортингом, после чего они возвращались в парламент для доработки. Однако это право не являлось безграничным, так как, дважды использовав вето, в третий раз короля обязывали закон подписать.

Такое вмешательство исполнительной власти в законодательную сферу имело некий противовес в области государственного права: исполнительные органы в необходимых случаях несли ответственность перед стортингом. И если выяснялось, что тот или иной член правительства проявлял недобросовестность, то удельстинг мог принять решение о суде над ним. Для этого собиралось заседание лагтинга и Верховного суда, то есть органы законодательной и судебной властей принимали решения совместно⁴⁰. Новым в судопроизводстве стал параграф конституции, запрещающий пытки, а также внесудебные наказания и аресты. Некоторые нарушители законности при этом подвергались безусловному судебному преследованию – если они открыто выражали неповиновение законам, оскорбляли религию, игнорировали принципы нравственности или сопротивлялись решениям конституционных властей. Но это не относилось к критическим замечаниям, которые

⁴⁰ *Dyrvik, Feldbæk, 1996. S. 210.*

могли высказываться устно или в печати по отношению к государственному управлению. При этом печать объявлялась свободной, если в ее материалах не нарушались конституционные положения, не оскорблялись власти или король.

Несмотря на некоторые пережитки прошлого и ограничения (например, лишение права на участие в выборах женщин, батраков, слуг и ранее судимых), имевшиеся в Эйдсволльской конституции, уже современники оценивали ее как самую демократическую в Европе. И это становилось особенно заметным в ситуации, когда над цивилизованным миром сгущались тучи реакции, перешедшей в наступление после революционных лет конца XVIII - начала XIX вв. К примеру, именно в 1814 г. в соседней Дании практически полностью ликвидировали свободу печати и ввели жесточайшую цензуру.

Однако это демократическое завоевание нуждалось в защите от вмешательств соседей и, прежде всего, Швеции. Кристиан Фредерик находился в чрезвычайно сложном положении уже потому, что его королевское достоинство не признавал ни один монарх, и поэтому когда Карл Юхан 26 июля 1814 г. начал свой последний «присоединительный» поход на Норвегию, она не могла рассчитывать ни на чью помощь со стороны. А это было чревато военными неудачами, так как шведская армия того времени вдвое превосходила 30-тысячную норвежскую численно, имела больший военный опыт и лучшее снабжение. Поэтому победы в начавшейся войне по большей части доставались шведам. В этой ситуации Кристиан Фредерик утратил силу духа и фактически передал власть Государственному совету. Но и шведы не видели выгоды в продолжении военных действий и пошли на переговоры, закончившиеся подписанием мирной конвенции 14 августа 1814 г. в главной квартире Карла Юхана, находившейся в норвежском городке Моссе.

Согласно Мосской конвенции, декларировавшей образование личной шведско-норвежской унии, Стокгольм признавал Эйдсволльскую конституцию, внося в нее понятные изменения,

связанные с новыми отношениями, установившимися между двумя странами. Но взамен этого согласия Кристиан Фредерик обязался сложить с себя корону и вернуться в Данию. Собственно, его имя в тексте конвенции даже не упоминалось, с норвежской стороны трактат подписали представители стортинга. А уния вступила в действие 4 ноября 1814 г., после чего Норвегия, сохранившая широкую внутреннюю автономию, утратила самостоятельность во внешней политике. В тот же день стортинг провозгласил ее «свободным, независимым и неделимым королевством, соединенным с Швецией в лице общего короля»⁴¹.

В ходе ближайшей (чрезвычайной) сессии стортинга его депутация приняла 10 октября отречение Кристиана Фредерика, а исполнительная власть перешла к Государственному совету. Тогда же депутаты приняли несколько измененную Ноябрьскую конституцию, ограничивавшую власть общего короля в военной и внешнеполитической сферах. Но он получил право назначать наместника – единственного шведа на его службе, постоянно находившегося в Норвегии (по Эйдсволльской конституции иностранцы не могли занимать здесь чиновничьи должности, как это часто случалось во времена датско-норвежской унии). Кроме того Карл Юхан получил пост главнокомандующего, мог назначать и увольнять членов правительства, губернаторов и высших чиновников норвежской администрации.

Тем не менее, новая уния оказалась для норвежской стороны благоприятнее предыдущей. Норвегия стала автономным государством с национальной буржуазией и рядом свобод, перспективных для ее дальнейшего экономического и социального развития. Ее положение значительно улучшилось даже по сравнению с положением, в которое ставил ее Кильский трактат 14 января 1814 г. Она практически сохранила все свои владения, что выглядело огромным контрастом в сравнении с Данией, которая в этом году пережила колоссальное сокращение королевских земель на материке: с уходом

⁴¹ Дипломатический словарь в трех томах. Том II. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 350.

Норвегии ее территория уменьшилась с 380 000 кв. км. до 58 000 кв. км. Весьма значительной была и утрата ею ежегодных денежных поступлений из Норвегии, складывавшихся главным образом из таможенных сборов⁴². Правда, Дания, воспользовавшись некомпетентностью шведских посредников, оставила за собой исконно норвежские Исландию, Фарерские острова и Гренландию.

После окончания войны 1814 г. норвежская держава почти два десятилетия испытывала тяжелый экономический застой, особенно остро отражавшийся на городской промышленности и судоходстве. Цены на лес и рыбу резко упали – основной потребитель древесины Англия стала ввозить ее из Канады, а рыболовством в Западной Атлантике еще в годы континентальной блокады начали заниматься сами страны-потребители. Только сельское хозяйство не испытывало трудностей сбыта, так как цены на аграрные продукты оставались высокими, как и урожаи. Росло благосостояние бондов, причем настолько, что начался процесс внутренней колонизации страны – очищались кустарниковые пустоши, поднималась целина. Причем зачастую руками бывших рабочих, которые, спасаясь от нужды, переселялись из городов на свободные земли. В такой ситуации продолжалась социальная дифференциация крестьянства, неуклонно росла его земельная собственность. Параллельно шел еще один процесс – культурного расслоения села, утраты старинных традиций, прежде всего общинных.

Поэтому цвет нации, литераторы, политики и историки, неравнодушные к ее будущему поставили перед собой цель – собрать народ культурно и политически воедино. Крупнейший писатель-публицист Хенрик Арнольд Вергеланн так сформулировал ее: «У норвежцев не только общая христианская вера, но и вера политическая, политическая религия»⁴³. Слова эти, произнесенные в 1830 г. звучали скорее как призыв к единению, до которого было

⁴² Ежегодный денежный доход датской казны от поступлений из Норвегии составлял в 1720-х гг. 5-600 000, в 1730-х гг. 700 000, а с 1760-х гг. – миллион и более ригсдалеров (Norge, 1976. S. 88).

⁴³ Цит. по: *Seip A.-L. Nasjonen bygges: 1830-1870. Oslo: Aschehoug & Co, 1997. S. 11.* Далее: *Seip, 1997.*

еще далеко, чем как реальность. Но борьба за решение этой задачи началась сразу после 1814 г., хотя до первых, хотя бы скромных успехов было еще далеко – что имело свои объяснения.

Молодое государство представляло собой после Эйдсволля довольно необычную конституционную монархию. Здесь практически не осталось ни обычного дворянства, ни аристократии, а у политической власти оказались чиновники и бюргеры разных степеней обеспеченности. И чиновничество, представленное всего 2 тысячами семей, справлялось с разнообразнейшими функциями общественной жизни – от формирования политических предпочтений до управления народным образованием. Оно следовало при этом за европейскими образцами, но, как упоминалось, долгое время без особых успехов. Причиной этому стало, прежде всего, отсутствие в стране прослойки прогрессивных помещиков и культурных дворян, которые могли бы решать упомянутую задачу, как это случилось в Дании и Швеции.

От соседей Норвегия отличалась и в других смыслах. Бонды здесь обладали большей независимостью, это касалось и малоземельных крестьян, и даже арендаторов. А новая конституция, защитив их от королевского произвола, дала им доступ к политическому влиянию большему, чем их компетенция. Так, когда в октябре 1814 г. шведское правительство пыталось внести изменения в норвежскую конституцию, им противостояли лишь опытные политики Кристиании, все еще немногочисленные⁴⁴. Но со временем даже у селян, создававших органы местного самоуправления, появился политический опыт. И когда в 1836 г. шведский король намерился распустить стортинг, то в протесте против такого нарушения конституции рядом с чиновниками стали свободные бонды.

⁴⁴ Это было первым проявлением норвежского «конституционного консерватизма». Суть его состояла в том, что не только члены риксдага понимали, что именно конституция 1814 г. в ее неизменной форме – лучшая защита национальных интересов. Такая позиция стала убеждением всего народа. Поэтому многократные попытки шведов превратить унию в инструмент духовного и экономического порабощения норвежцев терпели постоянные неудачи и в будущем (*Nissen B.A. Det nye Norge grunnlegges. Oslo: Aschehoug & Co., 1964. S. 23, 95*). Далее: *Nissen, 1964*.

Впрочем, эта позиция вполне объяснима. Еще в 1824 г. Карл Юхан выдвинул требование о реформе § 79 Эйдсволльской конституции, закреплявшего относительный характер королевского вето. Одновременно с предложением заменить его на абсолютный, он настаивал на учреждении в Норвегии статуса дворянства (личного, наследственного и даже служебного), который он мог бы даровать угодным ему людям. Для рассмотрения этих вопросов стортинг создал Конституционную комиссию, которая 17 мая отказала королю в его притязаниях. В 1830 г. он повторил свое предложение, правда, в смягченной форме – Карл Юхан обещал, что когда он будет применять вето, то сопроводит его своими объяснениями. Тем не менее, последовал новый отказ риксдага. Упрямый Бернадот повторил свою попытку еще через два года и, получив очередной отказ, распустил риксдаг. Но в ответ он получил такой ядовитый адрес от бывших депутатов (он был опубликован), что пожалел о своей поспешной акции и никакого ответа не дал, поняв, что не ему равняться с норвежскими интеллигентами-острословами⁴⁵.

Защита конституции от ее реформирования, конечно, извне казалась консервативной, но на фоне разгула реакции в Европе она выглядела более чем современной. Однако в норвежском политическом обществе уже наметилась глубокая трещина. Против консерваторов в стортинге выступила оппозиция, сторонники которой в 1820 г. стали именовать себя «патриотами». Они также ставили перед собой национальные и демократические цели, но высшим благом им виделась свобода – как от шведской администрации, так и политическая в целом. В большинстве своем ими являлись молодые люди – к 1830-м гг. подросло новое поколение, которое в ближайшие 40 лет определяло политическую и культурную жизнь страны. При этом они говорили не на полудатском столичном диалекте, так как прибывали в Осло со всех уголков Норвегии. Впрочем, это не мешало им упорно учиться в столице, находя время и для активного участия в общественной жизни. Среди этих молодых «патриотов» люди встречались разные, но

⁴⁵ *Nissen*, 1964. S. 233, 249-252, 275, 305, 309.

их ядро составляла оппозиционная группа в стортинге.

Впрочем, и крестьяне считали себя патриотами, и как таковые пользовались поддержкой чиновников, особенно при принятии важных решений. Их программа с 1820-х гг. не изменилась, главной целью оставалась защита в неприкосновенности Эйдсволльской конституции. Но в некоторых вопросах они с чиновничеством расходились – например, в борьбе против количественного роста бюрократии, за более экономный бюджет государства, за более сильное и действенное местное самоуправление. В качестве союзников бондов-депутатов стортинга выступали студенты («академики»), которые еще в 1813 г. создали свое Студенческое общество (Studentersamfundet), имевшее собственную газету. Кроме того крестьян поддерживали независимые газеты Folkebladet (Народная газета) и Statsborgeren (Гражданин), чье значение для общественного мнения стало особенно заметным с начала 1830-х гг. Самой распространенной к этому времени стала утренняя Morgenbladet, а культурными вопросами занимался журнал Всеобщий норвежский ежемесячник (Almindelig Norsk Maanedskrivt), авторы которого использовали всем понятный язык.

Именно в культурной области в эти годы столкнулось два течения. Против патриотов-традиционалистов выступали сторонники европейского пути развития нации. Он отдавали себе отчет в том, что столетия датского господства негативно сказались на уровне общего развития народа. Причем речь шла не о глухой провинции. Даже в городах основная масса населения уделяла первоочередное внимание собственному благосостоянию (что было понятно, если учитывать экономический кризис послевоенных 1810-1820-х гг.) или же культивировала образы полубогатых древних героев⁴⁶ в ущерб актуальным проблемам современности. К этим десятилетиям относится начало многолетней борьбы с датским культурным наследием, объективно наиболее близким для норвежцев. Такой путь развития вел к неизбежной герметизации норвежской куль-

⁴⁶ В Трондхейме процветал культ некоего древнего полубогатого Олофа, во что втянулось и местное Научное общество (Seip, 1997. S. 21).

туры, против чего и выступала часть интеллигенции.

Поэт и историк литературы Ю.С. Вельхавен возмущался тем, что сторонники «норвежизма» (Norskhed) вместо того, чтобы учиться у датчан, добровольно замыкаются в самоизоляции, тогда как у южных соседей сложилась прекрасная литература, театр, богатый язык, развитый на современном европейском уровне. А выступая на торжествах, посвященных юбилею крупнейшего датского поэта А. Эленшлегера, Ю. С. Вельхавен утверждал, что Норвегия оказалась в духовных «сумерках» (Dæmring), путь из которых к свету весьма долг и непрост, если норвежцы и дальше будут игнорировать духовные светочи братского народа. Сказанное относилось и к социально-политическим достижениям датского общества, далеко обогнавшее норвежское.

В этом смысле огромную пользу могло бы принести заимствование развитой системы датского (или шведского) местного самоуправления. Норвежские институты такого рода, в старину широко распространенные и успешные, давно уже стали весьма примитивными и крайне редкими. Но в своих попытках создания аналогичных структур здесь имелось огромное преимущество в виде личной свободы и активности норвежских бондов. Поэтому, несмотря на отсутствие в Эйдсволльской конституции даже упоминания о самоуправляющихся коммунах, борьба за их создание велась буквально на каждой сессии стортинга уже в 1820-х гг., что и привело к появлению в 1837 г. соответствующего закона. Причем его смысл был шире задуманного: бонды кроме самоуправления добились права на более действенное участие в работе совещательных органов, что позволяло доводить до сведения стортинга и правительства мнения и мысли масс. Это касалось не только сельских, но и городских жителей – ведь коммуны существовали и в рабочих поселках, и в городах.

В 1822 году 25 крестьян выдвинули в стортинге еще одну инициативу – участия коммун в определении налоговых норм и в контроле за расходованием собранных средств посредством нового выборного института «председательства» (Formannskap).

Тем самым он мог бы взять на себя часть функций постоянно собиравшихся в стортинге рабочих комиссий. Такими же выборными предполагалось сделать школьные комитеты, куда местные пасторы входили автоматически, во многом определяя направление работы и траты этих органов. Крестьяне считали, что сложившийся порядок противоречит духу конституции, в соответствии с которым коммуны должны стать чем-то вроде независимых республик. Предложение получило большинство голосов в стортинге. Но его осуществление означало бы утрату центральной и местной администрацией рычагов управления финансами. Поэтому законопроект не поддержало правительство. Против предложения 25-ти выступил государственный советник Йун Коллет, который ссылаясь на единство как высшее благо для страны, которое будет нарушено, если между самоуправляющимися коммунами и центральной властью возникнет новый институт.

После чего коммунальное самоуправление урезали, пасторы остались в школьных комитетах, а контроль за расходованием налоговых сумм и принятие решений по финансовым вопросам оставили за амтманами. Правда, позднее «председательствам» предоставили право совещательных органов – тем более, что это ничего не стоило. Но постепенно упорная борьба за реальное местное самоуправление стала приносить свои плоды. И в 1830 г., когда низовые коммуны стали привычными институтами, тот же Коллет настоял на создании выборных амтстингов, членами которых могли становиться председатели коммун. Однако до 1860-х гг. избирательные права на выборах в коммунальное самоуправление все еще было ограничено имущественным цензом. С другой стороны, законом 14 января 1837 г. в коммуны вводилась демократическая форма самоуправления, что означало более широкое участие в нем местных жителей. Теперь они освобождались от уплаты общего земельного налога, освобожденные деньги стали расходоваться в самих коммунах. Государство же удовлетворилось доходами от непрямых налогов и, главным образом, поступлениями от таможен⁴⁷.

⁴⁷ *Thuesen*, 1997. S. 234-235.

Однако после принятия закона 1837 г. самоуправление еще не стало повсеместным по причине низкой активности избирателей из коммун, а к 1860 г. число их стало еще меньше. Кое-где в коммунальных выборах участвовало лишь до 10% имеющих право голоса и нигде это число не поднималось выше 60%. Кроме того бонды как правило выбирали земляков, которые имели высокий социальный статус и пользовались политическим авторитетом. Это была местная элита: самые зажиточные крестьяне, частично местные предприниматели. Но председателями амтстингов все чаще становились сами бонды. Так в 1837 г. из 356 председателей 40% составили крестьяне, а в 1862 г. их стало 73%. Низкую же активность простых селян современные исследователи объясняют их нежеланием участвовать в управлении на уровне коммун и амтов, так как это требовало траты дорогого времени на дорогу⁴⁸.

С годами активность крестьян росла и они начали понимать важность самоуправления. К 1870 г. стали обычными и собрания председателей коммун (*Formannsskapsmøter*), на которых они обменивались опытом и принимали совместные решения. Развернулся процесс демократизации местных общин, крестьяне учились принимать решения, образуя на местах лидирующие группы. Более того, они стали оказывать все более заметное влияние на все норвежское общество. Коммуны становились настоящей школой для будущих депутатов стортинга: уже в 1841-1850 гг. около 2/3 из них оказались бывшими работниками коммунального самоуправления. Наконец, в 1863 г. пасторы утратили главенствующее положение в коммунальных комитетах по делам школы и вспомоществования беднякам, а в коммунах появились бюджетные отделы. Теперь местные средства расходовались более рационально, так как сами бонды определяли налоговую норму, достаточную для содержания учителей, пожарной охраны и т.д.

Система самообложения и финансовой самостоятельности постепенно поднялась на новые уровни благодаря все тому же стремлению к рациональности и разделению расходов. Уже в 1840-х гг. коммуны

⁴⁸ *Seip*, 1997. S. 49-50.

платили из собственных средств за поддержание в порядке проселочных дорог, покрывали траты на школы и материально помогали наиболее нуждающимся. Из бюджета амтстингов оплачивалось более дорогостоящее дорожное строительство и возведение лечебных учреждений. Государство же содержало суды, армию, общественных чиновников. Появились коммунальные кассы взаимопомощи – вначале структурно довольно пестрые, но к 1850 г. пришедшие к единообразию. Большое значение приобрели городские коммуны, в том числе и для крестьянства – они стали инициаторами модернизации аграрного производства. А в 1882 г. городские и сельские коммуны начали функционировать по единообразным уставам.

Не столь успешно шла демократизация парламента. Выборы оставались по-прежнему непрямыми, что снижало возможность большей части населения участвовать в законодательстве на высшем уровне. Кроме того, если в 1830-х в стортинге лидировали чиновники (их число доходило до 50% депутатов), то позже они стали испытывать давление со стороны конкурирующих сословий, отчего к 1868 г. эта депутатская группа уменьшилась вдвое, тогда как половину корпуса составляли зажиточные крестьяне и предприниматели.

В 1870-х гг. общество занимала актуальная проблема – как править государством в будущем. Она состояла из двух частей. Первая: как делить власть между стортингом и правительством (королем)? Вторая: как делить власть между социальными стратами? Но оба эти вопроса имели один источник. Большинство плохо представляло себе роль народа в управлении, а конституции – в демократизации политической жизни. Раздавалась острая критика правительственной бюрократии, где практически отсутствовали молодые силы. А это недопустимо в ситуации, когда требуется качественное изменение национальной политики, – писал юрист Ф. Станг, требуя реформ, которые обеспечат правильное толкование конституции 1814 г. И в деле всеобщего обновления он ставил на первое место стортинг как выразителя народной воли. Однако

парламентские решения зачастую тормозятся правительством, продолжал Ф. Станг, из чего есть единственный выход – сотрудничество законодательной и исполнительной властей, то есть участие в работе стортинга государственных советников.

Но это означало бы реформу Эйдсвольльской конституции, против чего, как и ранее, выступали бонды. Они допускали полезность самоуправления, что же касается Государственного совета, то он, по их мысли, вообще должен вмешиваться в народную жизнь как можно меньше. И тем более недопустимой казалась им идея Ф. Станга и поддерживавшей его интеллигенции о допуске членов правительства в стортинг. Именно парламенту нужно стать сильнейшим игроком на политической сцене, а если там появятся могущественные и опытные государственные советники, то его значение тут же ослабнет. Они увлекут опасными проектами за собой крестьян, а чиновники-депутаты не осмелятся протестовать, так как от правительства зависит их карьера. И эти 7 членов правительства буквально раздавят сотню депутатов парламента. Поэтому закон о допуске членов правительства на парламентские дебаты всячески тормозился, и его приняли только 9 июня 1880 г. Что, между прочим, приветствовалось либерально-демократически настроенными жителями столицы и провинции⁴⁹.

Таким образом, дебаты о сохранении или реформировании конституции на деле являлись дебатами о власти в молодом Норвежском государстве. Они пока не вылились в конституционный кризис, никаких принципиальных перемен Основной закон не претерпел. Но эти общественные дискуссии не оказались бесплодными. Не только в стортинге, но и в правительстве остро ощущались новые настроения в массах. Поэтому в 1870-х гг. высшие власти поневоле шли на какие-то перемены. Как правило, они имели гуманистический вектор: за десять-пятнадцать лет конституция обогатилась новыми законами, касавшимися смягчения наказаний, улучшения содержания заключенных, совершенствования системы здраво-

⁴⁹ *Jungar S. Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning: Tsardiplomati och rysk-finsk pressopinion. Åbo: Åbo akademi, 1969. S. 40-41.*

охранения, увеличения пособий по бедности и даже расширения прав безработных.

К этому же периоду относится один из последних эпизодов многолетних споров между норвежской и шведской стороной относительно королевского права вето. Настал момент, когда правительство начало уступать: в начале 1881 г. профессора юридического факультета столичного университета дали нужное риксроду толкование этого права. Однако в апреле этого года удельстинг привлек за это министров (включая премьера К. А. Сельмера) к следствию, которое вел Верховный суд. Заседания его продлились до марта 1884 г. Приговор оказался жестким – премьера приговорили к лишению поста и огромному штрафу, достаточному, чтобы покрыть судебные издержки процесса. Вслед за ним на различные наказания осудили его коллег по кабинету – причем в столь краткий срок, что в народе заговорили о перевороте в столице. Бывшие министры почти не защищались – да у них в сложившейся обстановке и не оказалось стратегии сопротивления. Важнее для истории конституции стало еще одно решение Верховного суда: отныне стортинг получал право на ее изменения без согласия короля⁵⁰.

Понятно, что авторитет правительства после судебного процесса упал как никогда ранее, а это объективно послужило во вред старому принципу разделения трех властей. Политическое положение стортинга, напротив, стало центральным. Реформа конституции 1884 г., конечно, не являлась переворотом – в ней не участвовали военные, никто не оказал реформаторам и вооруженного сопротивления. Все произошло в рамках законности, и этого оказалось вполне достаточным в ситуации, когда оппозицию вынесло на поверхность политической жизни сильным союзом крестьянства и растущего среднего сословия городов. Сложилась новые формы экономической активности, усилилась социальная и даже географическая мобильность масс (внутренняя колонизация, эмиграция за океан, вымывавшая прежде всего молодое

⁵⁰ *Hagemann*, 2005. S. 165-172 .

поколение)⁵¹. А новые формы общественной жизни делали необходимым и какой-то новый порядок, в формировании которого приняли участие упомянутые социальные страты.

Острая политическая борьба этих лет содействовала консолидации партий. Особенно это стало заметно в левом движении. Былой раскол венстре сменился в 1883 г. объединением депутатов партии в группу Объединенные венстре – этого требовали не утихавшие дебаты по конституционным проблемам. Теперь консерваторы настаивали на более бескомпромиссном разделении центральной власти между стортингом, правительством и королем. Требование партии венстре увеличить влияние парламента могло нарушить традиционное равновесие между законодательной и исполнительной властями. Для консерваторов же сохранение королевского вето (и, тем более, превращение его из относительного в абсолютное) являлось гарантией недопустимости диктатуры большинства и концентрации власти в руках стортинга.

Ситуация вокруг этой борьбы приняла в начале 1880-х гг. новую форму. Теперь речь шла не только о политической власти отдельных группировок и партий, но и о положении чиновничества, стремившегося увеличить свое влияние. Роль стортинга при этом стала главенствующей, особенно после того, как в 1882 г. он принял закон об ограничении права королевского вето. Здесь на выборах 1884 г. уверенно победили венстре⁵², так как консерваторы не достигли соответствующего уровня организованности (структурированная партия у хойре появилась лишь через полгода). И партийное стро-

⁵¹ Подр. см. в: *Lange T. Samling om felles mål: 1935-1970*. Oslo: Aschehoug & Co., 2005. S. 72.

⁵² Выборы 1882 г. стали первыми, которые можно назвать вполне современными, – на них борьба за мандаты шла не между отдельными кандидатами, а среди партий. Кампания завершилась решительной победой оппозиции. Число депутатов от венстре увеличилось с 73 до 83, а у хойре оно упало соответственно с 41 до 31. Это было неудивительно, так как избирательный корпус оппозиции составил 45 000 человек или более 60% всех голосовавших. Такого успеха левым удалось достичь оттого, что их сторонниками оказалось большинство крестьян и часть горожан – в Бергене около 70% избирателей (*Hagemann G. Det moderne gjennombud: 1870-1905*. Oslo: Aschehoug & Co., 2005. S. 164). Далее: *Hagemann*, 2005.

ительство стало частью «смены системы», имевшей место в том же году и принесшей расширение демократии, а также ограничение влияния правительственной бюрократии. Этот процесс ширился, распространяясь, кроме старых институтов власти, в новые органы и каналы политического влияния на общественное мнение. Контакты между избирателями и депутатами становились систематичными.

Менялись и отношения правительства со стортингом. Раньше оно имело дело с парламентским большинством, состав которого менялся в зависимости от того, какие проблемы становились наиболее актуальными. Теперь существовали партии, имевшие в стортинге четкие программы, которым подчинялись отдельные политики. Индивидуальность последних исчезала, а парламентские дебаты между партиями становились бессмысленными.

Стортинг занял по отношению к правительству непримиримую позицию еще 9 июня 1880 г., когда венстре ультимативно объявили допуск его членов в парламент неконституционным. И предвыборная борьба 1882 г. стала битвой за общественное мнение. Обе крупные партии стояли за защиту конституции, понимая ее принципы по-разному – в особенности по все той же проблеме абсолютного или относительного королевского вето. Поскольку обе партии были молоды, то и их агитационная деятельность принимала новые формы. Наряду со старыми газетами появлялись новые, против радикалов выступала церковь, выпуская свои брошюры 50-тысячными тиражами, а собрания, ранее организовавшиеся политическими объединениями, теперь становились делом и частных лиц. Такая инициатива находила живой отклик в массе избирателей, участвовавших в этих мероприятиях тысячами.

Второй актуальной проблемой 1880-х гг. стал вопрос об унии – ее сохранении или ликвидации. Собственно, он поднимался уже в конце 1859 г., когда союзная идиллия, о которой писал великий норвежский поэт и сторонник унии Бьернстьерне Бьернсон, превратилась в свою противоположность. Но первое штормовое предупреждение раздалось не в Норвегии, а в Швеции. Многолетний политический противник Карла Юхана, граф К.Х. Анкарсверд

выступал в те же годы в Рыцарском доме с предложением об изменении союзных отношений. Он считал, что уния пережила свое время, и ее пора распустить. Но его не поддержали тогда его собратья, которых устраивала в лучшем случае лишь ревизия установавшегося порядка.

Однако эти дебаты, содержание которых стало известно в стортинге, вызвали к жизни вопрос о наместнике короля в Норвегии. Эта проблема живо обсуждалась в норвежском парламенте, о позиции тех или иных депутатов широкой публике сообщали регулярно издававшиеся листовки. Их содержание постоянно затрагивало один и тот же наиболее болезненный вопрос: будут ли норвежцы хозяевами в своем доме, пусть даже в составе унии? И снова эта активность получила отклик в Швеции, где 7 марта 1860 г. риксдаг принял предложения К.Х. Анкарсверда о большей самостоятельности Норвегии – правда, вопрос о наместнике из них исключили. Через полтора месяца, 23 апреля 1860 г., инициатива снова перешла к Норвегии, чей стортинг обратился к королю с заявлением о том, что оставаясь верным союзному договору, народ столь же предан выраженной в конституции 1814 г. идее свободы. И что он никогда не отречется от своей национальной чести и самостоятельности.

После чего начались споры между двумя странами, продлившиеся добрый десяток лет. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда вступивший на престол Оскар II (1872-1907) утвердил новое изменение конституции: отныне проблема наместничества стала решаться исключительно в Норвегии. Ободренный стортинг менее, чем за год разработал закон об отмене наместничества, целиком одобренный в Государственном совете. И этот пост отменили на все будущие времена в 1873 г., что отразилось в конституциях обеих держав. Ближайшим результатом этой реформы стало учреждение должности второго государственного министра (преьера) норвежского правительства, постоянным местом работы которого стал Стокгольм⁵³.

⁵³ *Nissen B.A. Nasjonal vekst.* Oslo: H. Aschehoug & Co., 1964. S. 115, 117-118, 184. Далее: Nissen, 1964 "a".

Следующим спорным вопросом стало учреждение норвежской консульской службы, против чего выступали шведские националисты, считавшие, что для унии вполне достаточно и шведских дипломатов, поскольку министерство иностранных дел пока оставалось общим. Но в 1904 г. Стокгольм подготовил законопроект, в котором предусматривались норвежские консулы, правда, с той оговоркой, что их деятельность будет контролироваться общим МИДом, за которым оставлялось право смещения любого из них. Норвежский стортинг отклонил это явно неравноправное положение, назвав его «вассальным», а правительство стало самостоятельно готовить новый закон о консульской службе. Ожидая королевское вето на этот проект, оно приняло решение при таком повороте событий односторонним порядком расторгнуть унию. И когда 27 мая 1905 г. Оскар II провозгласил вето, а норвежское правительство ушло в отставку, то король ее не принял, отказавшись формировать новый кабинет.

Этот крайне неудачный шаг монарха в Норвегии расценили как признак его слабости, если не бессилия. Такая политическая неспособность короля не соответствовала высоким требованиям, предъявляемым к нему конституцией 1814 г. И на совместном с министрами заседании 7 июня 1905 г. стортинг принял решение о расторжении унии с передачей полномочий монарха норвежскому парламенту. При этом премьер норвежского кабинета К. Микельсен зачитал правительственное заявление о том, что «союз со Швецией под властью единого короля распускается ввиду того, что этот монарх прекратил свою деятельность в качестве короля Норвегии»⁵⁴.

Стортинг принял этот документ всеми 117 голосами, однако для осуществления столь судьбоносного решения требовалось одобрение его всем норвежским народом. И он получил право на свободное выражение своего мнения в ходе предстоявшего референдума. Проведенный в августе 1905 г., плебисцит доказал, что уния обречена – за ее сохранение голосовало всего 184 норвежца. А

⁵⁴ Цит. по: *Nissen*, 1964 “a”. S. 370.

затем 12-13 ноября состоялся новый опрос, относительно будущей формы правления – монархической она будет или республиканской. За первую проголосовало 259 536 человека, за вторую – 69 264⁵⁵. Новым королем решили просить стать датского принца Карла, впрочем, не весьма к этому готового. И для того, чтобы добиться его согласия принять корону потребовалось немалое дипломатическое искусство Фритьофа Нансена, всемирно известного полярного исследователя (начиная с этой миссии посвятившего свою жизнь исключительно политике). В процессе подготовки коронации принц принял традиционное для норвежских королей имя Хокона, заодно переименовав престолонаследника Александра в Олава.

При Хоконе VII (1905-1957) новую силу набрало движение за конституционные права женщин. Цель эта была труднодостижимой уже потому, что они не имели массовой поддержки мужчин, считавших, что активистки давно утратили в ходе политической борьбы свою женственность и поэтому не могут выражать мнение основной части норвежек. Кроме того против эмансипации выступала церковь. Епископ Хойх, признававший равноправие женщин в экономической деятельности, решительно выступал против их политической активности. При этом он ссылался на Ветхий Завет, в самом деле, закреплявшем довольно приниженное состояние тогдашней женщины. Лишь в 1908 г. в конституцию внесли положение, допускавшее участие прекрасного пола в выборах – но если женщины платят налог с 300 крон годового дохода на селе и 400 в городе. Воспользовавшись новым законом, 2 жительницы Кристиании стали членами городского совета, но в целом активность женщин в избирательной кампании оставляла желать лучшего. Так, в каждом пятом уезде к урнам не явилась вообще ни одна избирательница⁵⁶. Поэтому решение этой проблемы пришлось отложить до 1913 и 1920 гг., когда все мужчины и женщины с 23-летнего возраста получили право участия в выборах независимо от их социального или экономического положения. Правда, при этом сохранился пяти-

⁵⁵ *Thuesen*, 1997. S. 290.

⁵⁶ *Hagemann*, 2005. S. 258-259.

летний ценз оседлости.

Более заметные перемены в конституции касались ограничения прав короля, передачу части его полномочий стортингу. В знаменитом § 79 о королевском вето в 1913 г. была закреплена его относительность, и более вопрос об абсолютном вето не поднимался. Но это касалось обычных законопроектов, а что касается изменений конституции, то по отношению к ним король такое право вообще утратил. Теперь после подписания тех или иных актов председателем и секретарем стортинга, обязанностью монарха стало лишь их обнародование. И даже в создании своего правительства он утратил независимость – отныне он мог формировать кабинет лишь в соответствии с учетом распределения партийных сил в стортинге.

После 1918 г. наступил долгий период нахождения у власти правительства, опиравшегося на парламентское меньшинство. То есть, не на количественный, а качественный центр тяжести в стортинге. Чаще всего им являлись крупнейшие буржуазные партии. Произошел своеобразный сдвиг, в результате которого правительства, имевшие активную поддержку парламентского большинства, сменились кабинетами, старавшимися не возбуждать это большинство против себя. Естественно, такая капризная, зависящая от случайностей система была внутренне расколота и разбалансирована. А это вело к частой смене кабинетов: так, с 1918 до 1935 гг. у власти побывали 3 правительства хойре, 4 венстре и 1 крестьянской партии⁵⁷.

Однако полная победа парламентаризма наступила в Норвегии лишь после окончания Второй мировой войны. В эти годы в текст конституции не вносились какие-то параграфы или поправки, ограничивавшие королевскую власть. Но на практике полномочия Хокона VII продолжали переходить к правительству. Те же немногие функции, что оставались за ним, он исполнял по рекомендации премьер-министра или правительства. В полной мере за

⁵⁷ *Kjeldstadil K. Et splittet samfunn: 1905-1935. Aschehoug & Co.: Oslo, 2005. S. 264-265.*

королем сохранились лишь представительские обязанности.

В последние десятилетия принципиальных перемен конституция не претерпела. Напротив, остались в силе некоторые довольно архаичные ее положения – например, для избирателей сохраняется ценз оседлости. Зато активное и пассивное избирательное право предоставлялось теперь в равной мере мужчинам и женщинам, достигшим 18 лет, а на местных, коммунальных выборах – даже иностранцам, прожившим на территории округа не менее пяти лет.

Исландия была известна европейцам довольно длительное время, прежде чем началось её заселение. Первыми постоянными жителями крупнейшего (после Британии) острова Европы стали ирландские монахи. Скандинавские викинги также бывали здесь, но не оседали. Лишь в 874 г. на южном берегу высадился знатный норвежец Ингольф Арнарсон с дружиной. Имея целью остаться в Исландии навсегда, он основал селенье на месте нынешнего Рейкьявика⁵⁸.

А затем началась более или менее массовая норвежская колонизация. Она шла волнами и продлилась с 870-х по 930 гг. Викинги сразу же обосновались на главном острове архипелага (ирландцы предпочитали мелкие клочки суши). Освоение земель шло мирно, без конфликтов с монахами. Именно в это время норвежцы заявили свои права на наиболее пригодные для обитания районы Исландии, которые и заселили. Наступила эпоха вольной иммиграции – позднее, примерно с первой трети X в., когда свободных земель станло меньше, с переселенцев стали брать «въездные деньги», правда, в суммах чисто символических. С другой стороны, норвежцы не привезли с собой со старой родины права удела (*одал*), согласно которому родовое наследство делилось лишь между

⁵⁸ *Stefansson V. Iceland the First American Republic.* New York: Doubleday, Doran & Co., 1944. P. 3-4. Далее: Stefansson, 1944.

мужскими наследниками⁵⁹. Женщины получили на острове равные с мужчинами права. В числе первых колонистов встречались не только норвежцы, но и датчане, шотландцы и жители островов Северной Атлантики – Шетландских, Оркнейских и др. Смешавшись в этническом и социальном отношениях, эти поселенцы постепенно слились в народ с единой этнокультурой – исландской. Они выработали собственные традиции, бытовые обычаи, общую веру, сохранив при этом на века практически неизменным свой древний язык.

Социально скандинавское население Исландии не всегда являлось совершенно однородным, хотя здесь сложился строй, при котором решения принимали вполне демократично – на тингах. В них принимали участие мужчины, способные носить оружие или, в более поздние времена, бонды, то есть свободные крестьяне, владевшие землей и собственным хозяйством. Существовали местные тинги и общеисландский тинг – альтинг (*alþingi*, то есть «всеобщее собрание»), обладавший законодательной и судебной властью. Он собирался, начиная с 930 г., ежегодно, «через десять дней после лета», на Скале тинга (*Bingvellir*), высившейся на берегу р. Эскарили или, позже, на Полях тинга (*Bingvellir*). С указанного года и начинается эпоха народовластия, традициями которой на протяжении столетий вдохновлялись составители исландских конституций будущего.

На альтинг сходились 36 вождей кланов, а также избранные ими делегаты-тингманы⁶⁰. На местные тинги были обязаны являться все мужчины округа, на альтинг – определенный круг вождей-хёвдингов и бондов, способных нести связанные с этой

⁵⁹ *Magerøy H. Norsk-islandske problem. Gjøvik: Stadsforlaget, 1965. S. 24-28. Далее: Magerøy, 1965; подробнее о праве удела см. в: Haberkern, Wallach, 1964. Zweiter Teil. S. 459.*

⁶⁰ Число тингманов со временем менялось. Изначально их было 39, затем стало 48, а после христианизации Исландии, когда к ним добавилось два епископа – 51. Наконец, каждому из них дали двух помощников, также имевших право голоса, отчего общее число участников альтинга возросло до 147 человек (*Thuesen N.P. Norges historie i årstal fra steinalderen til i dag. Oslo: Orion forlag, 1997. S. 67. Далее: Thuesen, 1997).*

обязанностью расходы. Неявка на альтинг считалась проступком, за который виновный вносил определенную сумму денег (*þingfara kaup*), шедшую в тинговый фонд⁶¹. На альтинге избирался законоговоритель (*lögsögumaður*). Такая должность являлась необходимостью в эпоху, когда у народа не имелось записанных законов, поэтому законоговорителем обычно становился зрелый муж или старец, обладавший памятью, в которой укладывались смыслы прежних обычаев и былые решения тингов. То есть, действовала система прецедентных законоположений. Законоговоритель исполнял обязанности и председателя собрания, поэтому его по традиции переизбирали каждые три года – обычай вполне демократичный. В его выборах участвовали бонды, входившие в избранный круг *lógrætta*, то есть по ряду качеств имевших право избираться на эту должность.

Альтинг назначал судей, издавал законы, а иногда и выносил решения в области исполнительной власти. С 1130 г. законы принимались большинством через голосование, а затем сообщались народу на особых встречах (лейдах). С другой стороны, большое значение на тингах имели мнения хёвдингов как военных предводителей или родовых старейшин, обладавших признанным опытом, но во всем остальном равноправных с остальными участниками собраний. Из среды хёвдингов постепенно выделились наиболее авторитетные клановые старейшины – годи. Последние оказывали на соотечественников влияние смешанного политически-религиозного характера, так как именно им часто принадлежали языческие храмы, посещаемые местными жителями. Кроме того, годи являлись, как правило, владельцами небольших судов, и в их руках находился самый важный импортный товар – пшеница и рожь, которые в Исландии, как известно, не произрастают.

Но такая ситуация не вела, как в других областях Европы, к зависимости исландских крестьян-бондов от годи, как не появилось здесь и верховного правителя: вследствие своего отдаленного положения остров долгое время практически не нуждался в

⁶¹ *Magerøy*, 1965. S.34.

организаторах централизованной обороны. Право свободных бондов на участие в тингах или их обязанность присутствовать на альтинге являлись нерушимыми. И если первые колонисты выделяли участки для более поздних переселенцев, то последние не превращались при этом в арендаторов. Они наделялись правом свободного использования этих наделов, часто довольно обширных – этого требовало пастбищное скотоводство. Можно сказать, что быт островитян представлял собой социальную идиллию, – но она не могла оставаться вечной.

Уже в первой пол. XIII в. отношения между хёвдингами стали напряженными. Некоторые роды стремились к усилению своего экономического и политического могущества за счет других. Из них выдвинулся род хёвдинга Стурле, ему следовали сыновья и внуки. Самым известным из них был Снорре Стурлуссон (1178-1241), великий исландский историк-хронист. Другой род, Оддаслэгтен, противостоял первому, не останавливаясь перед вооруженными нападениями и настоящими битвами, в том числе и морскими. Победа досталась, в конечном счете, потомкам Стурле. Это сыграло важную роль не только во внутренних, но и во внешних отношениях народа.

Исландия была связана с Норвегией не только экономически, завися от ввоза товаров, но также по сохранявшимся родственным отношениям. Сыграла свою роль Норвегия и в истории христианизации исландцев. Еще король Олов Трюгвассон (995-999) отправил в Исландию миссионера Тангобранда, который крестил многих влиятельных исландцев. И когда он покидал остров, его провожало множество новообращенных христиан. Важное событие в длительном процессе христианизации произошло в начале XI в., когда король Олов Харальдссон Святой (1015-1028) прислал в дар единоверцам колокол и башенные часы для церкви, которую воздвигли на Скале тинга. Однако этот акт нарушения традиций свершился, судя по всему, добровольно. И вообще первые миссионеры старались не противостоять местным обычаям и законам.

В начале XI в. на остров прибыл первый епископ Берnard, также

из Норвегии. Пока настоящей христианской общины он здесь не обнаружил, да и храмы строили не прихожане, а частные лица, которые сами себя и назначали пасторами. Лишь в 1055 г. участники альтинга приняли решение об учреждении самостоятельного исландского епископата. Первым епископом стал их соотечественник Ислейфр Гицурссон (1006-1080), человек образованный, получивший хорошую подготовку в Вестфалии у знаменитого архиепископа Адальберта Бременского, который и возвел его в епископский сан. Приняв епархию, Ислейфр учредил первую исландскую духовную семинарию. Позднее на острове образовалось два епископства: одно на северной его части (область Холар), другое – на южной (вдвое большая область Скалхольт). Однако и тогда в отдаленных селениях язычники сохранял свои позиции, а кое-где и оказывали церковным чиновникам сопротивление силой⁶². Полной победой новой веры принято считать 1152 г.⁶³, когда норвежцы учредили собственную церковную власть (архиепископство), а ее конфессиональное и отчасти политическое влияние распространилось на Исландию. В этом же году здесь вступил в силу церковный ордонанс (Kristenrett), составленный епископами Торлаком и Кеттилем.

Понятно, что к этому времени исландцы уже считали норвежцев чужаками, а мощь заморского государства – угрозой собственной самостоятельности. Исландцы хорошо знали, что другие атлантические острова – Фарерские и Оркнейские – очутились в номинальной зависимости от норвежских королей. А последние и в самом деле давно уже обращали взоры на Исландию, стремясь подчинить себе и эту землю, гораздо более богатую природным и человеческими ресурсами, чем названные острова. Они готовили Исландии судьбу исправной плательщицы налогов (Skatteland) в пользу Норвегии. В этом отношении для них весьма полезным оказалось содействие католических иерархов, заинтересованных

⁶² *Stefansson*, 1944. P. 12.

⁶³ *Jónsson F.* Island fra sagatid til nutid. København: Gyldendalske Boghandel – Nordisk Forlag, 1930. S. 35. Далее: . *Jónsson*, 1930.

в охране своих прав королевскими законами и реальной властью. Так, к примеру, священство способствовало упорядочиванию налоговой системы заимствованием из Норвегии наследственно-имущественного права удела, о котором говорилось выше – его ввели в 1130 г.⁶⁴.

В 1201 г. епископом Холара стал Гудмунд Арасон, яркий представитель церкви воинствующей. Он требовал от приходского священства полного подчинения себе, претендуя и на право решать светские проблемы исландцев, в том числе касавшиеся властных полномочий хёвдингов. Гудмунд ставил закон Божий выше земных обычаев, традиций и установлений, отчего и отправлял все крупные судебные дела в Норвегию, где их разбирал архиепископ Нидаросский. Таким образом, внутренние проблемы Исландии стали решаться внешними авторитетами, причем не только церковными. Эту ситуацию стала использовать в своих интересах исландская знать в борьбе за собственную власть, по тем или иным вопросам обращавшаяся напрямую к могущественному норвежскому королю.

Очередной повод для усиления норвежского влияния на Ислендию использовал норвежский монарх Хокон IV Хоконарссон (1217-1263). Он привлек на свою сторону хёвдинга Снорри Стурлусона, происходившего из самого богатого и образованного семейства Западной Исландии. Этот умелый и жесткий политик дважды (в 1215-1218 и 1222-1231 гг.) становился законоговорителем. Король возвысил его до статуса лендрмана с целью использования для урегулирования своих конфликтов с исландцами. В основном они вспыхивали между островитянами и норвежскими купцами, пытавшимися сбывать некачественный товар по высоким ценам. Но в эти споры вмешивался король, уже грозивший исландцам военным походом. В 1218 г. Снорри прибыл в Норвегию, где оставался два года, решая очередной конфликт и отдавая себе отчет в том, что его неудача как посредника приведет к кровавому столкновению, в котором военная сила вряд ли будет на стороне его

⁶⁴ Magerøy, 1965. S. 28.

земляков. Он уговаривал короля сделать хёвдингов своими сторонниками, обещая ему при этом мирным путем привести исландцев к повиновению.

Хокон охотно соглашался со Снорри, но когда тот взял дело в свои руки (примерно в 1230 г.), намерение короля полностью подчинить себе исландцев любой ценой стало всем очевидным – как и его план навязать Исландии норвежские законы. Король стремился использовать молодых и честолюбивых Стурлунгов именно с этой целью, не подозревая, что те более думали о собственной власти, о ее достижении на всем острове, чем о планах Хокона. Вначале король приблизил к себе Стурлу Сигватссона, племянника Снорри Стурлуссона, и отправил его на остров в качестве своего представителя. Стурла, человек более воинственный, чем его ученый дядя, развязал в Исландии гражданскую войну, которая длилась несколько десятилетий. В ходе ее король договорился о совместных действиях с хёвдингом Хаукадаля (Южная Исландия) Гицуrom Торвальдссоном. Тот привлек на свою сторону хёвдинга Кольбейна Аранссона с севера, также располагавшего немалыми силами. Решающее сражение между двумя основными группировкам произошло при Эрлигсстадире в 1238 г., в котором сторонники Стурлунгов потерпели поражение. Отныне этот могущественный род навсегда ушел с политической арены Исландии, а Гицур с Кольбейном стали фактическими правителями республики.

Гицур оказался послушным орудием Хокона в Исландии; в помощь ему был назначен заместитель (им стал Стурла Тордарсон) и 30 воевод-хирдманов. Затем королем были направлены туда же два епископа-норвежца, а в 1247 г. он использовал посещение Норвегии папским кардиналом Вильямом Сабинским, у которого также просил содействия в исландских делах. Последнего удивило, что островитяне не исполняют обязанностей перед королем и, используя свой иерархический авторитет, он в 1256 г. обложил свободных бондов данью⁶⁵. Это событие стало первой из попыток нарушения исландских неписаных законов, началом ликвидации

⁶⁵ *Jónsson*, 1930. S. 55-56.

былых свобод и традиций. Впрочем, никто пока дань не приносил – слишком уж диким казалось такое неслыханное предписание.

Следующим шагом в покорении исландцев стало назначение Гицура «ярлом Исландии» (1258). Это королевское постановление означало, что хёвдинги передают королю (или его представителю) свои полномочия и право частичного распоряжения их имуществом. Никто из них не возмутился, а Гицур и в самом деле вел себя как ярл: он тут же по норвежскому обычаю назначил в помощь себе чиновников, чью роль исполняли хирдманы. Но на этом дело покорения свободных исландцев остановилось: Гицур знал, с кем имеет дело и не спешил исполнять все новые указы короля. Долго это длиться не могло – Хокон нуждался в деньгах – и в 1260 г. им был прислан новый чиновник с прямым указанием начать сбор налогов. Тингманы единодушно отвергли королевское указание, несмотря на продолжавшиеся разногласия враждовавших между собой хёвдингов, которых они представляли на этом собрании.

Через год из Норвегии прибыл более энергичный посланник короля, некий Хальвард по прозвищу Золотой башмак (Guldsko). Он обещал золотые горы не только хёвдингам, но и хуторянам-бондам, если они согласятся стать законопослушными налогоплательщиками норвежских королей. Хальвард убеждал тех, кто его слушал, что взаимная вражда «лучших людей» (это официальное обозначение хёвдингов) тут же прекратится, как только Исландия обретет крепкую власть. При этом будет налажено бесперебойное снабжение островитян необходимыми им товарами с материка. Для этого стоит лишь присягнуть короне, поклявшись ей в вечной верности. На агитацию такого рода, в которой активно участвовал и Гицур, ушло 3 года. В конце концов, большинство исландцев, измученных взаимной враждой, от которой прежде всего страдали простые люди, согласились. С 1262 г. все земли острова стали считаться королевскими, а исландцы – подданными норвежской короны и, соответственно, налогоплательщиками королей. После чего пост ярла стал не нужен и в 1268 г. был ликвидирован, а его функции стали исполнять два верховных омбудсмана, то есть уже

вполне штатные королевские чиновники⁶⁶.

Итак, единственная в европейском Средневековье аристократическая республика просуществовала с 930 по 1262 гг. Метрополия воспользовалась ее основной слабостью – отсутствием какой-то единой исполнительной власти, без которой ни старинные законы, ни внутренний порядок поддерживать было уже невозможно. Хёвдинги в борьбе за личное влияние и власть не останавливались перед привлечением на свою сторону норвежского короля, чем тот успешно пользовался. Вторым фактором в борьбе Хокона за покорение свободной республики стала церковь, испытывавшая мощную поддержку далекого Рима. В самой Исландии на протяжении ряда лет епископами назначались исключительно норвежцы, которыми руководил верный сторонник короля архиепископ Нидаросский. В сложившейся политической ситуации исландское народовластие все более отходило на второй план и, наконец, было подавлено королем – хоть стремление к возрождению его стало с тех пор духовным стержнем исландского народа.

Но и при Хоконе IV Хоконсоне (1204-1263) норвежские нововведения никак не прививались. Сбор налогов со свободных бондов противоречил ещё неотменённым исландским законам, да и согласие на него высказывалось пока лишь в частных встречах норвежских должностных лиц с отдельными хёвдингами. Альтинг оказался на периферии политической жизни, не приняв по этому поводу никакого решения. Тогда король прибег к сильному средству давления, объявив торговый бойкот – к берегам Исландии перестали ходить норвежские суда с товарами, без которых островитяне давно уже не могли существовать. Поэтому в том же 1262 г. они сдались: был заключён формальный трактат между королём Хоконом IV, его сыном и исландцами. Этот первый для Исландии официальный акт приобрёл впоследствии большое значение – в том числе и в истории исландского конституционного строительства – хотя он не являлся ни конституцией, ни даже более или менее полным сводом законов. Это был скорее акт о взаимной договорен-

⁶⁶ *Thuesen, 1997. S. 67.*

ности по поводу будущего сосуществования исландского общества и норвежского короля. И уже поэтому имеет смысл охарактеризовать его подробнее.

Известный в истории Исландии как «Старый договор» (*Gamli sáttmáli*), он состоял из 8 статей. В первой из них в ответ на обязательство новых подданных платить налоги, король давал гарантию действенности всех старых исландских законов, а также отправления из Норвегии на остров не менее 6 торговых судов с товарами в год. Четвёртая статья договора уравнивала исландцев с норвежцами в отношении наследственного имущества на острове и на материке. Однако самым важным впоследствии оказался восьмой пункт акта, где жители Исландии обязались быть верными будущей присяге норвежскому монарху, но лишь до тех пор, когда какой-либо из королей не нарушит условия «Старого договора». В таком случае исландцы станут свободными от принесённой ими клятвы⁶⁷.

В соответствии с договором было учреждено временно сменившее альянс законодательное собрание *Lögretta*, в котором принимали участие 147 депутатов. Некоторые скандинавские учёные считают, что договор устанавливал личную исландско-норвежскую унию⁶⁸. Однако при этом забывается, что если с норвежской стороны акт подписали два человека, то со стороны исландцев имело место массовое, народное соглашение. Таким образом, Старый договор можно охарактеризовать как добровольное, хоть и вынужденное особыми обстоятельствами решение

⁶⁷ Последнее научное издание договора см. в: Patricia Pires Boulhosa: *Gamli sáttmáli. Tilurð og tilgangur*. Reykjavík: Smárit Sögufélags, 2006. В последнее время некоторые учёные приводят доводы в пользу гипотезы, согласно которой некоторые статьи Старого договора – более поздние вставки: Helgi Þorláksson, Er Gamli sáttmáli tómur tilbúningur? *Priðja íslenska söguþingið. Ráðstefnurit*. Reykjavík: Ritsstjórar Benedikt Eypórssón og Hrafnkell Lárússon, 2007, bls. 392-98. Már Jónsson, Gamli sáttmáli - er hann ekki til? *Lesbók Morgunblaðsins* 9. september 2006, bls. 10. Már Jónsson, Efasemdir um sáttmála Íslendinga og Noregskonungs árið 1262. *Priðja íslenska söguþingið. Ráðstefnurit*, bls. 399-406.

⁶⁸ *Gudmundur Halvdanarson*. Historical Dictionary of Iceland. Lanham, Maryland – Toronto – Plymouth: The Scarecrow Press, Inc., 2008. P. 7.

исландцев признать свою страну фактически колонией. Впрочем, здесь наблюдаются отдельные черты, позволяющие характеризовать Исландию и как норвежскую провинцию. Власть здесь стала принадлежать королям чисто внешне. На деле же ещё долгие века она оставалась за альтингом, став, по сути, памятником языческой демократии. И для противодействия ей ни один король не смог сколотить местной монархической партии, которая могла бы противостоять национальному самосознанию (а позднее – и национально-освободительному движению) исландцев.

Более того, норвежским королям приходилось, если они хотели сохранить за собой удаленный остров, соблюдать, хотя бы отчасти, исландские правовые традиции. Налоги здесь изначально устанавливались невысокие. К тому же лишь половина их общей суммы отправлялась в королевскую казну, а вторая оставалась на местные нужды, в том числе и на оплату государственных чиновников, частично состоявших из исландцев. То есть, это был, скорее, почти символический трибут. Другое дело, что впоследствии, когда королевская власть на острове укрепилась, он многократно вырос.

Второе следствие исландско-норвежской унии – не без помощи новых властей внутренняя вражда утасла. Далее, ликвидировалось всевластие хёвдингов и годи, что свело к нулю опасность утраты бондами их личной или экономической свободы – а ведь к этому все шло. Наконец, народ, воспрянувший с воцарением долгожданного мира, вновь ощутил свое этническое и политическое единство, что в недалеком будущем привело его к борьбе за независимость. В целом же 1262 г. стал важнейшим поворотным моментом в конституционно-правовой истории Исландии. Наступил период зависимости страны от чужеземной власти, продлившийся в той или иной форме до 1944 г., то есть на протяжении 682 лет.

Новая опасность нарушения имевших силу закона пунктов Старого договора возникла с восшествием на норвежский престол Магнуса VI (1263-1280). Введя новые законы в своем королевстве, он пытался распространить их действие и на Исландию. Однако его старания не увенчались успехом за исключением некоторых

незначительных поправок к старым законоположениям. Впрочем, действовали они недолго, так как формально не соответствовали букве Старого договора. Их отменили в 1281 г., когда альтинг разработал и принял первый конституционный свод⁶⁹ (который, между прочим, действует в основной своей части и поныне). Он получил название «Книги Йона» (Jónsbók) по имени тогдашнего лагманда, то есть старейшины исландского суда Йона Эйнарссона, внесшего в коллективное составление этого памятника наибольший вклад. Этот памятник беспристрастно отразил новые конституционные и юридические реалии, введенные Норвегией в Исландии.

Согласно «Книге Йона» должность лагманда из выборной превращалась в чиновничью, то есть державно-бюрократическую. Теперь старейшина суда стал, по сути, промежуточным звеном между норвежским монархом и исландским народом. Пост законоговорителя упразднился, как и крайне важная в традиционно-символическом отношении функция Скалы тинга. Судебная система «модернизировалась» по норвежскому образцу. Альтинг формально не ликвидировался, но его значение как независимого и свободного гаранта национальных и личных прав значительно урезалась. Достаточно сказать, что из 84 его членов (ранее выборные должности) теперь 36 должны были назначаться новыми правовыми органами.

Исландцы, в том числе хёвдинги, приняли эти и иные реформы, проведенные норвежской властью, далеко не безропотно. В 1260-х гг. некоторые хёвдинги подняли народ на восстание против власти Гицура. Однако предводитель мятежников Торд Андерссон (хозяин усадьбы Одди, Южная Исландия), пытаясь избежать повторения ужасов не столь давно минувшей гражданской войны, совершил ошибку, согласившись на мирные переговоры с правителем. Тот обманул его, заманил в ловушку и казнил в 1264 г. Но и позднее исландцы не раз выдвигали из своей среды лидеров, столь же непримиримых по отношению к норвежской власти.

⁶⁹ Ему предшествовал более фрагментарный свод законов Járnsíða (1271), который получил значение подготовительного к разработке детальной «Книге Йона».

Впоследствии норвежский колониализм принял в Исландии еще одну форму – церковную. Епископ Арни Толакссон (1269-1298), пользуясь безнаказанностью, гарантированной ему королем и нидаросским архиепископом, завладел землями всех селений, в которых имелись храмы. После чего бонды, испокон веку проживавшие на этих угодьях, превратились в их арендаторов. Это был импортированный из Норвегии феодализм в широком значении этого понятия, поскольку высшие церковники получили при этом судебную власть над крестьянами. Правда, епископы не имели права решать гражданские и уголовные дела, но они могли преследовать людей за преступления против морали и церкви. Поскольку же «церковными» стали считаться практически все имущественные тяжбы, то это означало единовластие церкви и в экономической сфере.

Никак не улучшилось положение бондов и хёвдингов на протяжении нескольких десятилетий, когда в результате заключения шведско-норвежской унии шведский король Магнус VII Эрикссон (1319-1355) воссел и на норвежский престол. С установлением верховной шведской власти стокгольмские правители стали передавать лицензии на сбор исландских налогов частным лицам – каждый раз на три года и за известный откуп. Поскольку же за столь краткий срок откупщики стремились получить максимальную прибыль, то они не стеснялись в средствах ее достижения, прибегая и к насилию. Но акты жестокости со стороны этих хищников (они назывались почему-то «губернаторами») уже в середине XIV в. стали встречать вооруженный отпор. Имели место случаи и убийств сборщиков налогов, которых не могла спасти сопровождавшая их норвежская охрана.

Отношения исландцев с их норвежским, затем датско-норвежским монархом ухудшились в XIV в., не стали они лучшими и в годы Кальмарской унии (см. ниже). Впрочем, при власти новых, уже датских королей, экономические и культурные связи исландцев с Норвегией сохранились. Другое дело, что эти отношения не были бесконфликтными. Так, опираясь на положения

формально не утратившего свою силу Старого договора, исландцы стали отказываться от всё новых требований заморского государя, противоречивших этому акту. При этом потомки викингов не останавливались и перед убийством особенно жёстких из «королевских людей». То есть, в эти годы явно имело место возрождение казалось бы угасшей ментальности свободных людей, подъём национального самосознания, выдвинувший ряд новых лидеров, опиравшихся на поддержку народа.

Возможно, обострению политических и национальных конфликтов содействовали внешние, природные факторы. Исландия пережила «черную смерть» (1402-1404), но еще раньше – похолодание, напоздание на обжитую прибрежную зону мощных ледовых полей, извержения вулканов, некоторые из которых стали причиной разрушения городов. Численность населения падала. Трудно определить его величину в среднем – что-то около 40-60 000 на начало XV в.; одна лишь чума унесла с собой треть исландцев. Все это влекло за собой концентрацию земельных владений. Появились крупные землевладельцы, усиление политической власти которых вело их к экономической независимости, в том числе и от заморской метрополии.

Уже к концу XIV в. в социально-политическом устройстве Исландии многое изменилось. Власть короля и церкви еще больше возросла, давно полным ходом шло приобретение островных земель в казну. Однако упомянутое падение численности населения в начале XVI в. парадоксальным образом привело к некоторому оздоровлению экономики. Цены на опустевшие земли упали, так что и небогатые крестьяне получили возможность их приобретать. Демографический упадок привел и к нехватке рабочих рук для использования их на крупных участках. В результате возросла норма оплаты труда, что также благотворно сказалось на материальном положении низших слоев исландского населения. И, как обычно бывает, это влекло за собой повышение чувства собственного достоинства масс, возрождение их стремления к традиционной демократии. Но путь к ней был по ряду причин долог и труден.

Очередной удар по остаткам островной демократии связан с проведением в Исландии Реформации (середина XVI в.). Если католическим губернаторам иногда приходилось смотреть на самостоятельность альтинга сквозь пальцы, то протестантские власти жёстко ограничили полномочия этого древнего института. Его роль теперь сводилась к автоматическому одобрению указов, поступавших из Копенгагена. Местные жители становились всё более бесправными по отношению к королевским чиновникам администрации и суда. В такой ситуации последние не всегда воздерживались от злоупотребления властью, что вело за собой новое, почти всеобщее обеднение населения. Более того, ряд законоположений (прежде всего постановления Верховного суда 1584 г.) объективно являлся средством запугивания аборигенов чрезмерно жестокими наказаниями. Смертная казнь грозила даже за нарушение супружеской верности и другие проступки не уголовного, а чисто этического характера. Казни приурочивались к летним заседаниям альтинга, которому приходилось апробировать самые свирепые приговоры датских судов. Теперь Исландия гораздо больше походила на колонию, чем в суровую эпоху её первичного освоения скандинавскими викингими.

Монополия датской торговли была в Исландии все еще неполной, так как нарушалась немцами, сохранившими за собой часть привилегий периода господства Ганзы. Датские короли ничего не могли с этим поделать, поскольку экономически зависели от капиталов немецких банков, прежде всего гамбургских. Те охотно ссужали средства, в том числе и на ведение войн, которых в истории королевства XVI-XVII вв. насчитывается немало. Причем самые прибыльные статьи вывоза – исландских белых кречетов, вулканической серы и рыбьего жира – короли оставляли лично за собой. Поэтому в первые годы XVII в. они, для лучшего контроля исландской торговли, даруют право на нее всего трем портам: Копенгагену, Мальме и Хельсингеру⁷⁰.

Наступила пора наиболее полной и жесткой монополии в

⁷⁰ *Jónsson*, 1930. S. 88.

истории исландской экономики. Теперь оптовики не только определяли статьи ввоза и вывоза, но и цены закупок и отпуска. При этом вступили в силу положения, согласно которым только датчане могли определять места торговых сделок на побережье острова. Таких пристаней и складов осталось немного, иногда к ним приходилось добираться по нескольку дней. Здесь исландцам приходилось покупать некачественные товары – а выхода не было. Это право просуществовало поразительно долгий срок – до 1787 г. включительно. Оно сохранило по себе недобрую память, и в грядущих поколениях осталось убеждение, что «из всех несчастий, постигших Исландию за много столетий, датская монополия была наихудшей». Но народ ждало еще одно испытание – политическое.

Полное, теперь уже и юридическое бесправие исландцы познали в 1660 г., когда Дания стала абсолютной монархией. Фредерик III (1648-1670) объявил себя и своих преемников не выборными, а наследственными королями, которые обладают всей полнотой власти, ранее разделявшуюся им с сословиями, прежде всего дворянским. Вопреки Старому договору, согласно которому все важные перемены в законах могли приниматься только на альтинге, король самовольно решил привести островитян к присяге верности своей особе как монарху милостью Божьей. Процедура эта протекала в Исландии, в отличие от большинства стран, весьма своеобразно.

Король лично составил список наиболее влиятельных исландцев, которых 28 июля 1662 г. собрали в усадьбе Копавог (близ г. Бессестад), где они были окружены датскими солдатами с ружьями наизготовку. После чего им и предложили принести присягу. Лишь законоговоритель альтинга Ауртни Оддсон и скалхольтский епископ Бриньоульв Свейнссон, которых тоже доставили в Копавог, выступили против столь откровенного насилия. Они заявили, что такого рода решения должны приниматься на альтинге. Однако и им пришлось уступить под угрозой применения вооружённой силы⁷¹. Отныне в Исландии на целых

⁷¹ *Jónsson*, 1930. S. 87.

два столетия установилась неограниченная королевская власть, отчего альтинг лишился одной из своих важнейших прерогатив, судебной. То есть на нем могли выноситься приговоры, но окончательное решение по ним принимал король. Таким образом, Старый договор окончательно утратил свою силу.

На протяжении ближайших десятилетий с целью укрепления нового режима проводились и административные реформы. В Исландии впервые появился разветвленный бюрократический аппарат. Были учреждены должности стифтамтана, осуществлявшего общий контроль над администрацией и судами острова, ландфогда, контролировавшего сбор налогов, нескольких амтманов, представлявших стифтамтана на местах и т.д. Все эти чиновники подчинялись двум копенгагенским органам власти – Датской Канцелярии и финансовому ведомству (*Rentekammeret*). То есть население острова лишилось какого-либо центрального – пусть даже датского – управления, любой важный вопрос теперь решался в заморской метрополии.

И снова, как это имело место в XV в., национальное унижение исландцев дополнилось природными катаклизмами. В середине XVIII в. наступило очередное глобальное похолодание, повлекшее за собой неурожаи и эпидемии на островах Северной Атлантики. В ряде исландских областей вновь начался голод и демографический спад; хутора и поселки пустели. Немалую роль здесь сыграли чисто исландские катастрофы: мощные извержения вулканов Катлы (1755), Геклы (1766) и Лаки (1783-1784). Из них особенно губительным оказалось последнее. Лава изливалась из кратера вулкана на протяжении почти года, покрыв огромную площадь в 565 кв. км. на юго-западе острова. Это крупнейшее из лавовых полей, образовавшихся в исторические времена, вывело из хозяйственного оборота многие сотни земельных участков. Вулканический пепел и сернистый газ убивал животных и растительность, да и люди далеко не всегда успевали спастись бегством⁷². Исландские

⁷² Извержение вулкана Лаки началось 2 июня 1783 г. В результате только этой катастрофы погибло 9 000 человек, 28 000 лошадей, 11 000 голов крупного рогатого скота и 200 000 овец (*Jónsson*, 1930. S. 96-99).

дороги заполнили погорельцы и нищие, лишенные средств к пропитанию, голод наступил всеобщий. В результате численность населения острова сильно уменьшилась, теперь она снова, как на заре Нового времени, далеко не достигала и 40 000 человек.

Именно эта природная катастрофа, резко сократившая налоговые и иные денежные поступления в казну, чуть ли не впервые заставила датские власти изыскивать любую возможность спасения выживших и восстановления островной экономики. Исландцы доказывали, что без отмены датской торговой монополии хозяйственную жизнь у них возродить невозможно, остров вообще может лишиться своего народа (уже зрели планы полного переселения его в Данию). И в 1787 г. они добились равноправия с датчанами, правда, пока только в коммерческой сфере. Однако и эта свобода стала для островитян ограниченной – они получили право торговать только с подданными датского короля.

Почти одновременно были проведены реформы, направленные к централизации Исландии с целью облегчить датское управление колонией. В 1784 г. епископство в Скалхольте упразднили, позднее та же участь постигла Холар. Всё шло к тому, чтобы создать единое церковное управление для населения всего острова. С 1801 г. эта реформа завершилась, новую резиденцию общеекклесийского епископа возвели в поселке Рейкьявик. Сюда же в последние годы XVIII в. перевели и альтинг. Впрочем, в 1798 г. его вообще ликвидировали, а функции этого символа самоуправления перешли к новому, теперь уже государственному органу – Верховному суду, здание для которого выделили также в Рейкьявике. Таким образом, когда исчез альтинг, а в Скалхольте и Холаре не осталось ни епископских кафедр, ни церковных учебных заведений, исландцы утратили последние зримые черты своей национальной самобытности и государственной независимости. Нетрудно догадаться, что этот очередной тяжёлый удар по их национальной гордости имел свои последствия.

Новый, невиданный ранее подъём самосознания исландцев начался в 1830-х гг. Прогрессивные деятели острова пришли к

мысли о необходимости возрождения альтинга. Причём не в полу-датском Рейкьявике, а на Полях тинга, которые, согласно Старому договору, сохраняли своё политическое значение. Выразителями этих национальных идей стали и исландские студенты, обучавшиеся в Копенгагенском университете, а также местные поэты, учёные, теологи, получившие высшее образование в Дании. И альтинг воссоздали в 1843 г. по указу либерально настроенного Кристиана VIII (1839-1848). Король рассмотрел поданное ему исландскими студентами прошение и издал указ об учреждении в Исландии парламента с совещательными функциями под старым именем *alþingi*, а также о других реформах в островном управлении. Годом позже, 8 марта 1844 г. датский монарх подписал новую конституцию, с соответствующей статьёй об альтинге, местом работы которого был определен Рейкьявик⁷³.

Эти реформы, при всей их ограниченности⁷⁴, открывали новые возможности (в том числе и финансовые) для дальнейшей борьбы за права исландцев и их страны. Поэтому они и вызвали новый подъём народного движения. Его на протяжении многих лет возглавлял крупный ученый и популярный государственный деятель Йоун Сигурдссон (1811-1879), который впоследствии станет национальным героем и вечным символом свободы и независимости исландского народа.

Очередной шаг к выходу Исландии из колониального статуса имел место сразу после того, как Дания стала конституционно-ограниченной монархией (1849). В одной из своих статей Йоун

⁷³ Вопрос о парламентской резиденции был весьма непрост. Против первоначального предложения о Поле тинга выступил готовивший конституционную реформу Комитет уполномоченных. Окончательное решение было принято в пользу Рейкьявика по чисто техническим причинам: здесь уже имелось подходящее здание (новая латинская школа), в городе хранились нужные для работы архивы и книги, а также имелось жилье для будущих депутатов (*Grøn J.U. Fra Islands dæmringstid*. Odense: Universitetsforlaget, 1976. S. 91-92). Далее: *Grøn*, 1976.

⁷⁴ Основные функции древнего альтинга – законодательная и судебная – возрождены не были, да и выборы в него никак нельзя было назвать демократичными. Избирательным правом в 1840-х гг. пользовалось всего 5% исландцев, а из них приняло участие в первых выборах лишь 10% (*Grøn*, 1976. S. 92).

Сигурдссон доказывал, что если король отказался от абсолютной власти, то и Исландия должна вернуть себе права, гарантированные Старым договором. То есть, считать себя отныне не колонией, не вассальной землёй короля, а участницей двусторонне равноправной унии, пусть даже под эгидой единого монарха. Впоследствии эту программу дополнили требованиями о гарантии свободы торговли, печати, собраний и иных гражданских прав, а также о создании собственного парламента с законодательными полномочиями и правительства, правомочного решать все внутренние дела страны. Но консервативный кабинет нового короля Фредерика VII (1848-1863) сделал всё, чтобы похоронить эту идею. Тем не менее, в 1854 г. группе Йоуна Сигурдссона удалось добиться значительного успеха, – исландская торговля стала полностью свободной от датских полумонопольных ограничений.

Важным событием в развитии исландско-датских отношений явилось создание в 1861 г. правительственной Комиссии для анализа экономического и административного положения страны. Комиссия пришла, среди прочего, к знаменательному выводу, отложившему отпечаток на все дальнейшие отношения между колонией и метрополией. Она признала, что империя находится в большом долгу перед своей колонией, поскольку присвоила себе в период Реформации национальное достояние исландцев в виде храмовых ценностей и церковной недвижимости⁷⁵, а в дальнейшем пользовалась высокими доходами, связанными с торговой монополией. В связи с этим, заключила Комиссия в 1864 г., Дания обязана ежегодно выплачивать Исландии значительную сумму денег.

Следующим шагом к национальному освобождению стал принятый датским парламентом в 1871 г. Конституционный закон для Исландии. В нем впервые отмечалось, что она имеет какие-то права на автономию в составе королевства. Реальностью становились и выплаты датской казной компенсаций за упомянутые утраты исландских ценностей в период Реформации. Именно эти

⁷⁵ В результате секуляризации к королю отошли, как и повсюду в Северной Европе, храмовые и монастырские земли. В целом они составили 1/5 общей площади хозяйственной территории острова (Jónsson, 1930. S. 86).

отступные легли в основу впервые созданного национального казначейства Исландии.

Закон 1871 г. исландских депутатов не удовлетворил. Он, по их мнению, представлял собой паллиатив, не имеющий ничего общего со Старым договором и неспособный обеспечить решение задач, некогда поставленных в программе Йоуна Сигурдссона. Мало того, при чтении нового закона в альтингге депутаты выдвинули требование, чтобы их страной вместо датского министра по делам Исландии руководил губернатор-исландец. Однако король решительно отклонил это притязание, после чего в датско-исландских дебатах вновь наступило затишье.

Новая инициатива альтинга относится к выездной сессии 1873 г., когда на Полях тинга был снова принят тот же конституционный проект 1871 г., который и отправили в Копенгаген с сопроводительным адресом. В нем королю предлагалось, в случае нового отклонения исландского проекта, самому составить новый. Но, подчеркивалось в адресе, не позднее, чем через год. То есть, к 1000-летию юбилею начала заселения острова скандинавами (874). В январе 1874 г. король ответил, что новый закон будет к юбилею готов, и что он сам доставит его на остров. Свое слово он сдержал, и летом того же года привез в Исландию новую конституцию. Точнее, король Кристиан IX дополнил Конституционный закон 1871 г. статьями, касавшимися исключительно внутренних дел Исландии.

Законодательная и исполнительная власть в сфере внутренних дел теперь принадлежала альтингу, хотя лишь король имел право окончательного утверждения решений этого национального парламента. Таким образом, альтинг не получал практически никакой власти, кроме традиционной совещательной. Точно так же и судебная власть оставалась за датским Верховным судом, а исполнительная – за королём или, в реальности, его Министерством по делам Исландии. Во всем остальном в конституции 1874 г. не произвели и таких косметических правок. Исландия оставалась неотъемлемой частью Датского королевства, управляющаяся

упомянутым датским министром по делам Исландии, сидевшим в Копенгагене. И датский Верховный суд при этом оставался высшей правовой инстанцией для населения острова. Вместе с тем, казну обязали отныне выплачивать исландцам компенсацию за ранее упомянутые задолженности метрополии, сделанные в период, начавшийся с Реформации⁷⁶.

Имелись в новом варианте Конституции и иные изменения. В нём впервые декларировалась свобода вероисповедания, торговли, печати, слова и т.д. Впрочем, эти принципы давно уже стали общепринятыми в Европе, просто они дошли до Исландии с опозданием. Не менее важным нововведением можно считать положение, согласно которому отныне занимать государственные должности получали право лишь подданные короля, владевшие исландским языком. Произошло великое событие – древний язык, прекрасно сохранившийся в условиях многовековой изоляции колонии от внешнего мира, обретал новую жизнь. Что же касается альтинга, то его депутатский корпус ограничили всего 36 мандатами, при этом тридцать депутатов избирались исландцами, а шестерых назначал король. Избирательное право на выборах предоставлялось всем исландцам, достигшим 25 лет, владевшим определенным имуществом или достаточно высоким постоянным жалованьем. Сессии альтинга должны были проводиться ежегодно.

Конституция 1874 г., несмотря на её явно компромиссный характер, получила одобрение практически всего исландского народа. Что неудивительно, ведь в ней внятно звучали основные принципы Старого договора⁷⁷. Теперь альтинг, получив законодательные права (пусть даже только во внутренних делах), мог их решать самостоятельно. Для исландцев открылся путь к возможному решению всех своих экономических и культурных проблем. Но, самое важное, – они получили независимость в поисках

⁷⁶ *Stefansson*, 1944. P. 43.

⁷⁷ Находившийся в эти дни в Исландии американец С. Клилэнд, пораженный эйфорией, охватившей народ на улицах исландских городов, писал на родину: «У меня сложилось такое впечатление об этих людях, что они рождаются республиканцами» (Цит. по: *Stefansson*, 1944. P. 45).

собственного, а не продиктованного из Копенгагена выхода из ситуации, которая еще недавно казалась тупиковой.

Новые возможности довольно быстро сказались в ускорении экономического развития страны, но еще более – в прогрессе национального движения. В последние годы XIX в. сторонники полного самоуправления Исландии пользовались всенародной поддержкой на родине и отчасти – в Дании. Однако правительство консервативного датского премьера Я.Б. Эструпа решительно выступило против такого рода масштабных изменений в конституции страны. Ситуация изменилась лишь в 1901 г., когда в датском фолькетинге победили реформистски настроенные депутатские группы, а правящие партии оказались в меньшинстве. В королевстве открылась эра парламентаризма, что вселяло надежды и в исландских политиков.

Вскоре альтинг принял законопроект, согласно которому пост главы датского Министерства по делам Исландии мог занимать лишь исландец, подотчётный ее парламенту, хотя и с резиденцией по-прежнему в Копенгагене. Тем самым планировалось создание уникального для истории европейских держав прецедента, – колония в лице своего представителя могла войти в правительство империи. Но в 1902 г. в Копенгаген ушел еще один, еще более радикальный законопроект. В нем предлагалось перевести в Исландию весь служебный аппарат, принимавший участие в ее управлении. Дания приняла исландское предложение, и на новом месте обосновался руководитель Министерства по делам Исландии. На этот ключевой для страны пост Кристиан IX назначил в 1903 г. лидера исландской партии самоуправления и поэта Ханнеса Хафстейна – первого в истории исландца-министра, работавшего не в официальном Копенгагене, а на родине⁷⁸. В феврале 1904 г. он же стал королевским губернатором, приняв на себя общее руководство внутренней жизнью своей страны. Для этого Х. Хафстейн добился, чтобы исполнительную власть по делам Исландии перевели из Копенгагена в Рейкьявик в полном

⁷⁸ *Grøn*, 1976. S. 93.

объеме, то есть со всеми ее подразделениями.

Новое, по сути, министерство состояло всего из трех департаментов: промышленности и путей сообщения, государственных финансов, а также церковных дел и юстиции. Теперь право народа на самоуправление обеспечивалось даже чисто технически. Впрочем, Исландия оставалась пока неотъемлемой частью Датского королевства, значит и решения остальных министерств метрополии она должна была исполнять. Но уже в 1915 г. исландцы отстаивали своё право на собственный флаг – в виде синего полотнища, пересечённого красным крестом с белым кантом. Это совершенно добровольное включение красно-белой, датской цветовой символики в рисунок национального флага, безусловно, отразило одно из редких качеств народа бывшей датской колонии. А именно, его традиционно равнодушное, трепетное отношение к истории, в данном случае – совместной с прошлым Данией.

Впоследствии на датско-исландские отношения всё более заметно стали влиять внешние, общеевропейские события. В результате Первой мировой войны произошёл подъём демократического движения в Европе, в том числе и Скандинавии. Одновременно произошли значительные перемены в области европейского международного права. В частности, Дания признала законность независимости от Швеции её бывшей провинции Финляндии. Это событие не могло пройти мимо внимания исландцев. Теперь, в 1918 г., они требовали такого же пути к ликвидации старого датско-исландского конфликта по поводу своей полной независимости. Результат не заставил себя ждать – в том году и более масштабные решения принимались быстро.

В июле 1918 г. в Рейкьявик прибыла датская делегация, состоявшая из лидеров правящих партий. Здесь, после вполне равноправных переговоров, состоялось подписание договора о суверенитете Исландии, который вступал в силу после одобрения его в Государственном совете Дании. Наконец, 1 декабря 1918 г. Исландия была провозглашена свободным и независимым государством. Впрочем, не полностью. Она осталась в унии с Данией,

имея общих короля и Министерство иностранных дел. Дания брала на себя и задачу обороны Исландии от внешнего противника, а половину депутатов альтинга имел право назначать король⁷⁹. Но договор об унии сохранял свою силу лишь на протяжении переходного периода в 25 лет, то есть до 1943 г. включительно. После чего его действие прекращалось или, по желанию обеих сторон, могло быть пролонгировано.

Статус члена унии не помешал введению в 1920 г. новой исландской конституции, вступившей в силу в январе 1921 г. Согласно ее статьям исполнительная власть теперь принадлежала национальному кабинету министров Королевства Исландии. Тогда же в Копенгагене открылось исландское посольство, а в Рейкьявике – датское. Началась поэтапная передача в Исландию касающихся ее дел датского иностранного ведомства. Исландцы получили собственные, то есть независимые от датских, гражданские права и национальную валюту – исландскую крону.

Между тем, достигнутые успехи не ослабили национально-освободительное движение исландцев. Патриоты находили новые средства для выражения своих чаяний. Так, 7 мая 1928 г. произошло событие, внешне малозаметное, но для исландцев ставшее ещё одним напоминанием о былых свободах, некогда гарантированных Старым договором. Древние Поля тинга были объявлены Национальным парком, по сути национальным культурно-историческим достоянием страны и народа.

Новые перемены в исландско-датских отношениях наступили в годы Второй мировой войны, в начале которой Исландия объявила свой нейтралитет. После того, как Германия в апреле 1940 г. провели операцию «Везерюбунг», в результате которой столь же нейтральные Дания и Норвегия оказались в оккупации, альтинг принял решение о переходе функций короля к исландскому правительству. Через месяц англичане, опасавшиеся, что Германия может расширить зону оккупации и на острова Северной Атлантики, высадились в Исландии и на Фарерах. Исландия, как нейтральное

⁷⁹ *Stefansson, 1944. P. 46.*

государство, выразила свой формальный протест, но, с другой стороны, объявила британцев своими гостями. В июле 1941 г. на остров начали высадку и американские войска – по просьбе правительства Исландии, направленной в Госдепартамент США еще в конце 1940 г.

Присутствие союзных войск принесло экономике острова немало пользы. Появилось множество техники и новых рабочих мест, были преодолены остатки предвоенной депрессии. Народ уверовал в способность самостоятельно справляться с экономическими проблемами и в будущем. А в 1943 г., когда истек 25-летний срок действия договора об унии, Союз молодежи Исландии выступил с призывом провозгласить страну республикой. Он приурочил эту конституционную реформу к 17 июня 1944 г., дню рождения Йоуна Сигурдссона, великого деятеля национально-освободительного движения страны. На этом общественно-политическом фоне в альтинге начались дебаты о послевоенном будущем государства. Их результатом стало решение о выходе из унии хотя бы потому, что Дания оказалась не в состоянии выполнять взятые на себя обязательства – в частности относительно охраны внешних рубежей Исландии, что пришлось сделать Англии и США.

В начале 1944 г. рейкьявикский парламент принял решение об утрате силы договора об унии. Вынесенное на референдум, оно получило 97,35% голосов исландцев. И 17 июня 1944 г. у Скалы закона декларировалось воссоздание нового для современной Европы государства – Республики Исландии. Тогда же торжественно озвучили ее новую Конституцию, действующую донныне. Нужно отметить, что король Кристиан X этим торжеством исландского «сепаратизма» никак не был оскорблен – он прислал исландскому народу и его правительству поздравительную телеграмму.

Именно в эти дни ликвидировались последние следы бывшего статуса Исландии как колонии Дании. А в 2004 г. Поля тинга вошли в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Это означало и мировое признание древности исландских консти-

туционных традиций, за возрождение которых местные жители боролись столетиями, неизменно используя при этом как оптимальное средство восемь статей Старого договора. Что позволяет признать этот акт важнейшим среди письменных источников, относящихся ко всей истории Исландии.

Последние изменения в конституции государства произошли в начале XXI в. не по инициативе какого-то государственного органа, а по воле народа. В октябре 2008 г. в Рейкьявике начались беспорядки, вызванные недовольством масс финансовой политикой альтинга, приведшие к кризису. Была образована политическая группировка «Голоса в действии» (Raddir fólksins), которая выдвинула требование о проведении досрочных парламентских выборов. В апреле они привели к победе коалиции между социал-демократами и зелеными. Учитывая настроения в обществе, правящие партии решили предоставить исландским гражданам больше возможностей участвовать в конституционном процессе. Параллельно общественные организации страны организовали Национальный Форум (Fjóðfundur 2009), который созвал Конституционную Ассамблею.

Для участия в Конституционной Ассамблее из 320 000 населения Исландии были приглашены 1 500 человек в возрасте от 18 до 80 лет. 1 200 человек выбрали наугад (по лотерейной технике) из национального реестра, а 300 представили предприятия, учреждения и другие группы. Работа Ассамблеи привела к выбору 25 человек, не принадлежащих к политическим партиям. Затем «Комитет двадцати пяти» рассмотрел 3600 письменных замечаний и пожеланий самых разных людей, неравнодушных к будущему своей страны, и подготовил на этой основе проект Конституции. Основные принципы изменений, которые Комитет счел достойными рассмотрения, стали: более четкое разделение властей, подотчётность и ответственность правящих органов перед избирателями, прозрачность внешней и внутренней политики – вплоть до ликвидации грифа секретности для актуальных документов любой важности⁸⁰.

⁸⁰ *Løvenbalk Hansen J.* Island ønsker sig krisens politekere tilbage // Information. 25 april 2013

Главные изменения, которые вошли в проект новой конституции, можно свести к следующим:

Природные ресурсы, не находящиеся на момент принятия новой конституции в частной собственности, навечно переходят в коллективное владение народа Исландии.

10% избирателей могут потребовать проведения всенародного референдума по отмене любого закона, принятого парламентом, 2% электората могут предложить рассмотреть проект нового закона в альтинге.

Президент республики не имеет права занимать эту должность в общей сложности более трех раз, министры могут находиться на своем посту не более восьми лет.

Премьер-министр избирается прямым голосованием в альтинге (а не назначается, как сейчас, по договоренности между партиями, которые имеют большинство в парламенте)

Примечательно, что в этом новаторском проекте нашлось место и для весьма архаичного положения, давно исключенного из большинства европейских конституций: Евангелическо-лютеранская церковь сохраняет в Исландии свой государственный статус⁸¹.

20 октября 2012 г. основные положения новой Конституции были утверждены референдумом. С конца апреля 2013 г. новая Конституция находится в процессе обсуждения альтингом, за которым вновь должен последовать референдум для ее окончательного утверждения. Таким образом, у Исландии есть шанс стать первой в Европе страной, конституция которой действительно написана её народом.

О наличии в раннешведском государстве (Svitjud, Svealand) каких-то записанных общих или локальных сводов законов сведений не имеется. Существовала устная традиция, – как и в Норвегии; у

⁸¹ Island på vej fra kollaps til ny forfatning: <http://www.dmjx.dk/nyheder/view/island-paa-vej-fra-kollaps-til-ny-forfatning> (Дата обращения 27.01.2013)

свеев и гётов имелись свои законоговорители, обладавшие эрудицией, достаточной, чтобы в нужных случаях напомнить обществу то или иное правовое положение. Из источников известно, что оба племени состояли из свободных людей, обязанных конунгу лишь кормлением, подарками и участием в ополчении. Утверждение христианства (X-XI в.) шло здесь с большим отставанием от Дании и Норвегии, как и создание общешведского свода законов – Ландслага.

Он был составлен лишь при короле Магнусе Эрикссоне (1319-1363), приблизительно в 1351 г., на основе местных сельских и городских судебных книг⁸². При этом наибольшее влияние на составителей оказали законы трех областей Швеции: Упланда, Эстерьётланда и Вестманланда. Ландслаг состоит из 33 статей, где, в основном, фиксируется внутреннее положение страны, ее административное деление, обосновывается право шведских королей на державную корону, но в IV статье подчеркивается их выборность и неправомерность претензий на статус наследственных монархов. Статья XI закрепляет старинный долг всех свободных подданных служить королю, имея для этого собственного коня и вооружение. Немалое внимание уделили составители Ландслага правам и обязанностям владельцев свободных от поземельных налогов (фрельсовых) угодий, королевских чиновников, бондов и т.д. Так, в нем запрещается рабство, очевидно, кое-где еще сохранившееся. Поскольку же в ту эпоху католическая церковь уже распространила свое право (*Kirkerett*) по всей стране, то Магнус считал излишним вмешиваться в ее дела – в XIV в. она обладала почти неограниченной мощью. Поэтому в его Ландслаге о ней говорится крайне мало.

Основная задача составителя Ландслага явствует из его общего содержания. На достигнутом этапе развития шведского обще-

⁸² Существует несколько копий свода законов Магнуса, где они фигурирует под именем *Codex iuris communis sueciæ mangænus*, но в общепринятом употреблении его называли Ландслаг. Именно так кодекс именуется и в современном издании: *Corpus Iuris Sueo-Gotorum Antiqui: Konung Magnus Erikssons Landslag*. Stockholm: Ulan Press, 2012.

ства стал необходимым единый и обязательный для всех закон, который мог бы облегчить становившиеся все более оживленными торговые отношения, а также упорядочить естественную миграцию на территории региона. Магнус должен был упростить права своих подданных, но едва ли не более того – королевские, сделать их доступными для понимания и руководства населением всей Швеции.

Со вступлением Ландслага в силу этот свод сделал ненужными многочисленные старые уложения и постановления, а также оказал известное влияние на общественную структуру. Законом жестко ограничивалось кормление рыцарей, которые имели обыкновение разъезжать по всей стране, насильственно требуя от крестьян бесплатного содержания себя и лошадей. Ограничивалось и судебное право королей, что стало заметным шагом к разделению королевской, духовной и светской властей. С другой стороны закон обязывал каждого короля совершить поездку по Эриксгатам⁸³ с тем, чтобы утвердиться в качестве владыки среди местных господ, принимая их присягу.

Конечно, Ландслаг не мог сразу, уже в 1350-х гг., заменить все местные законы (Landskapslagar) по всей стране, для этого королевство должно было вначале признать его. Так что новый закон даже чисто номинально вступил в силу в масштабах королевства лишь в конце XIV в. Первой областью, где это произошло, стал Меларен, затем Даларна. Наиболее сдержанно к принятию нового закона отнеслись люди Вестерътланда (в ту эпоху еще пользовавшегося известной автономией), полагая, что с признанием Ландслага они ее потеряют.

Поскольку списков Ландслага со временем накопилось весьма много, а в некоторых из них допускались искажения, то в 1442 г.,

⁸³ Эриксгатам – дорога (или тропа), по которой в Средневековье король совершал шествие после коронации через различные шведские области чтобы получить подтверждение легитимности своего статуса и верховной власти от местных лагменов. Эриксгатам начиналась от Мора Стен в Уппланде, пролегая затем через Сёдерманланд, Кольмгорден, Эстерътланд к восточному берегу о. Веттерн, затем она шла к южной оконечности озера через Вестерътланд, Нерке и Вестманланд, завершаясь там же, где начиналась, в Уппланде.

уже при Кристоффере Баварском, издали исправленный и отчасти дополненный вариант этого свода⁸⁴. На практике же попытка замены старого закона оставалась бесплодной до 1608 г., когда этот второй свод фактически стал общепризнанным, в том числе и за рубежом. Но до того в Швеции оба свода длительное время действовали параллельно, на них ссылались как в XV, так и в XVI вв.

В упомянутый период и гораздо позже, вплоть до конца XVIII в., сословное общество Швеции еще сохраняло все свои внешние и внутренние качества. В целом, существовал вполне упорядоченный государственный организм, характерный двумя основными признаками: иерархическим (высокая, средняя и низшая многосоставные страты) и сословно-функциональным (группы населения, профессионально разнородные и получавшие далеко не одинаковые доходы). Этот тип общества отличался присущей ему действенной идеей единства. Шведский социум той эпохи можно рассматривать как одно целое, состоящее из функционально неравнозначных составных частей, хотя и дополнявших друг друга. От любого члена того или иного сословия ожидалось исполнение его призвания, несвойственное для представителей других социальных групп. Четыре сословия – дворянское, духовное, бюргерское и крестьянское – представляли собой нерасторжимое целое не вопреки, а благодаря своей несхожести. Они дополняли друг друга в некой гармонии, что весьма важно, так как любые ее диссонансы вели к нарушению устоявшегося равновесия, баланса весьма тонкого и чувствительного к переменам⁸⁵.

Во главе национального сообщества с 1680 г. стоял абсолютный монарх. Однако и в XVIII в. власть короля вполне абсолютной не являлась, так как между ним и сословиями должно было сохраняться упомянутое равновесие, с чем он не мог не считаться. С другой стороны, каждый подданный имел право рассчитывать в своих функциональных потребностях на поддержку сословия,

⁸⁴ Konung Christoffers Landslag. Samling af Sveriges gamla Lagar. Utg. af D.G.J. Schlyter. Vol. XII. Lund, 1869.

⁸⁵ *Norrby G. Adel i förvandling. Adliga strategier och identiteter i 1800-tallets borgerliga samhälle.* Uppsala: Uppsala Universitet, 2005. S. 27. Далее: Norrby, 2005.

стоявшего на охране его прав и контролировавшего исполнение им своих обязанностей. То есть, функционировали налаженные коллективная и корпоративная системы.

В то же время бюргерское общество второй половины XVIII в., стержнем которого являлись чувство согражданства при архаичном ограничении его участия в рыночной динамике, заметно обособлялось от государства. Хотя в принципе это общество являлось свободным, а государство ограниченным – также в принципе. И к смене XVIII и XIX вв. теоретический и практический коллективизм, а также традиционный консенсус с королевской администрацией все более уступали место идеям свободной конкуренции и добровольного сотрудничества индивида с государством. Этот малозаметный поначалу процесс шел в интересах и новой социальной группы – пока неконституированного среднего сословия. Тремя ключевыми признаками последнего являлись частная городская недвижимость, добровольные ассоциации горожан и появление все более единообразного общественного мнения, во многом формировавшегося городской прессой.

К этому периоду относятся и метаморфозы частной жизни бюргеров – и не только их. Большая семья распадается на малые семьи, за рамки которых в свою очередь выводится все больше традиционных хозяйственных функций. При этом рвались связи не только семейные, но и сословные, цеховые, вообще корпоративные, а это вело к ослаблению традиционных форм социального контроля. Возникший вакуум заполняется совершенно новым идеологическим феноменом – индивидуализмом (или персонализмом), имевшим как позитивную, так и негативную стороны. К первой относится его стремление к освобождению от устаревших традиций и обычаев, а ко второй – рост эгоцентризма и все более заметное равнодушие к идее общественного блага.

Однако эти явления отнюдь не мешали развитию упоминавшегося общественного мнения и выражению коллективной воли. Этому содействовали не только свобода печати (кстати, первая из гражданских свобод, официально декларированных в Швеции), но

и право на объективную критику и публичные дискуссии, ставшие все более привычным атрибутом городской жизни. Как утверждает современный историк, борьба между этой «бюргерской (или буржуазной – *borgerlig*) общественностью и представителями [многоуровневой] государственной власти стала выражением стремления гражданского общества к гегемонии»⁸⁶.

Что же касается угасания сословий, то еще в 1792 г. сословную систему подверг резкой критике известный шведский поэт, критик и философ-пантеист, борец за равноправие женщин Т. Турильд. Публично обращаясь к тогдашнему регенту, герцогу Карлу, он писал: «Эти четыре сословия королевства – отнюдь не являются зеркалом нашей истории, которой столетиями были характерны насилие, предательство и нищета; это – четыре банкрота... Добейтесь победы над этими четырьмя варварскими частями народа, превратите нас в единую нацию»⁸⁷.

И еще одно замечание, имеющее значение для основной темы очерка – касающееся шведской семейной и государственной экономики в рассматриваемый период. В XIX в. в стране отмечался устойчивый рост благосостояния и вызванный им демографический скачок. Причиной этому стали прекращение бесконечных войн Швеции с соседями, запоздавшая аграрная революция и успехи медицины. Шведский поэт Эсайас Тегнер кратко и точно указал на главные причины увеличения населения: «Мир, вакцина и картофель»⁸⁸. Но быстрый прирост населения означал еще и социально-экономическое расслоение и даже поляризацию страт. Важнейшим социальным феноменом эпохи стало увеличение числа сельских пролетариев. Многодетные семьи шли на земельные разделы, участки становились все мельче, так как хозяйственные площади в целом не увеличивались. Прослойка неимущих крестьян

⁸⁶ *Norrby*, 2005. S. 31.

⁸⁷ Цит. по: *Arvidson S. Thorild och den franska revolutionen*. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1938. S. 241. Здесь имеет место непереводаемая игра слов: *stånd* (сословие) и *obestånd* (банкрот).

⁸⁸ Цит. по: *Вейбуль Й.* Краткая история Швеции / Пер. Ноэми Валлениус. Стокгольм: Шведский институт – Bra Böcker. С. 82.

из небольшой части населения превратилась в большинство: за сто лет с 1750 по 1850 гг. вчетверо выросло количество торпарей, статаров⁸⁹, бобылей (husmän), постояльцев, плативших за жилье отработками (inhysesmän) и прислуги (tjänstehjon). Эта крупная группа безземельного населения, по сути предпролетариата, далеко вышла за сословные рамки – точно так же, как численно быстро увеличивавшийся городской пролетариат.

Вне сословного общества оставались в целом и все недворяне-уфрельсе (ofrälse), платившие налоги. Причем, несмотря на то, что многие из них по праву считались весьма зажиточными, а некоторые владели крупной недвижимостью, они не обладали политическими правами, в том числе избирательным. Но для них, как, впрочем, и для зажиточных крестьян и горожан, увеличение благосостояния влекло за собой рост личного (не только внутригруппового) престижа, самоуважения и, как результат, стремления к духовному и экономическому развитию. А также к поискам надежной защиты имущества, с одной стороны – от государственного произвола, а с другой – от возможной диктатуры черни, что уже имело место в революционной Франции. Понятно, что для шведского дворянства эти перемены выглядели вызовом, направленным на подрыв его традиционной властной и экономической основы в городе и деревне. И дворяне всячески тормозили развитие указанных внесословных прослоек, объективно способных вывести страну из глубокого и длительного экономического застоя.

Швеция на протяжении большей части XIX в. экономически отставала не только от передовых Англии или Германии, но и от соседних Дании и Норвегии. Это видно хотя бы из степени урбанизации, неотъемлемой от развития промышленности и интенсификации сельского хозяйства. В 1800 г. шведские горожане составляли 9,8 % от общей массы населения, через полвека – 10,1 %, тогда как последний показатель составил для Дании 20,9%, а для Норвегии – 13,3 %. В 1900 г. в датских городах осело

⁸⁹ Торпарь – крестьянин, арендующий у владельца участок земли с жильем. Статар – батрак, получающий жалованье натурой.

уже 38 %, в норвежских – 28 %, тогда как в шведских – всего 21,5 % населения⁹⁰.

В первой трети XIX в. застой продолжался, – какое-то оживление наблюдалось лишь в горной промышленности. И только в 1850-х гг. повеяло свежим духом эпохи, который был в состоянии преобразовать архаичные социальные и экономические модели общества и народного хозяйства. Впрочем, эти преобразования протекали столь сдержанно, что, по словам шведского ученого, «новое поколение и не заметило, что же произошло»⁹¹, а значимые перемены можно отметить лишь в 1870-х гг. Впрочем, даже вызвавшие их законы 1846 и 1864 гг. о свободе предпринимательства подготавливались не по инициативе соответствующих отраслей, а скорее в результате неких «принципиальных решений, принятых на основе зарубежного опыта»⁹².

Сказанное можно по праву отнести и к движущим силам, готовившим эпохальный в шведской истории политический переворот, приведший к конституции 1809 г. Идеологическим фоном для готовившейся метаморфозы стало распространение среди мыслящих политиков Швеции тезисов Монтескье. А также его ученика Жана Луи де Лолма, эмигрировавшего в Нидерланды и издавшего в Амстердаме в 1771 г. глубоко аналитическую «Конституцию Англии». Есть сведения, что и этот труд получил в Швеции широкую популярность⁹³.

Впрочем, французские семена упали не на бесплодную почву. Утверждают, что прототипом главного достижения 1809 г., представительного органа, стало собрание в г. Арбуга в январе 1435 г., состоявшееся после восстания Энгельбректа Энгельбрек-

⁹⁰ *Heckscher G.* Svensk konservatism före representationsreformen. Bd. I-II. Uppsala: Almqvist & Wiksells boktryckeri, 1943. Bd. II. S. 206. Далее: Heckscher, 1943.

⁹¹ *Norberg J.* Den svenska liberalismens historia. Stockholm: Timbro, 1998. S. 85.

⁹² *Heckscher,* 1943. Bd. II. S. 207.

⁹³ *Karlbom R.* Bakgrunden till 1809 års regeringsform. Studier i svensk konstitutionell opinionsbildning 1790-1809 // *Studia historica Gothoburgensia.* Bd. III. Göteborg: Akademiförlaget, 1964. S. 29, 35. Далее: Karlbom, 1964.

тссона⁹⁴. Это не совсем соответствует истине, так как упомянутое собрание ни в коем случае нельзя назвать представительным: из четырех сословий в нем участвовали лишь дворяне, духовенство и некоторое количество купцов. Таким образом, учреждение сословно-представительного парламента можно отнести лишь к организованному Густавом Васой государственным собраниям (риксдагам) 1527 и 1544 гг. в Вестеросе, куда пригласили, кроме названных, и остальные два сословия – крестьянское и бюргерское. Риксдаг 1527 г. принял Акт о введении наследственной монархии (ранее, как упоминалось, короли считались выборными, хотя нередко эти «выборы» являлись простой формальностью) и о признании короля главой церкви. Затем на сессии 1617 г. депутаты утвердили Акт о риксдаге. Тогда же силу закона получил порядок, согласно которому риксдаг состоял из четырех курий – по числу сословий. В первой четверти XVII в. самой многочисленной являлась дворянская курия – 190 депутатов, через полвека их стало более 400. Второе место по численности занимала курия крестьян – их представляло в конце XVII в. около 200 депутатов.

Парламентские выборы происходили по различным моделям. Так, в дворянскую курию направлял своего старейшину каждый дворянский род (на практике их приезжало гораздо меньше), в палате духовенства заседали все епископы, а также представители соборных капитулов и рядовых священников. Курия горожан состояла из лиц, выдвинутых отдельными городами, а в крестьянскую присылали своего избранника каждые два и более уездов. При этом избирательным правом не обладали торпари, статеры, бобыли и прислуга. Впрочем, и в городах не принимали участие в выборах все, кто работал по найму или не владел собственностью, облагаемой налогами.

Наконец, риксдаг 1634 г. принял законоположение о форме правления. Целью этого акта являлось регулирование верховного управления страной в ситуации фактического отсутствия монарха:

⁹⁴ *Ракитская И.А.* Эволюция избирательного права в Швеции // Северная Европа. Проблемы истории / Отв. ред. О.В. Чернышова, А.А. Комаров. М.: Наука, 2011. С. 263. Далее: Ракитская, 2011.

Густав II Адольф не первый год находился вдали от Швеции, активно участвуя в Тридцатилетней войне, где и пал в 1632 г. в битве при Лютцене, а наследовавшая ему королева Кристина была еще ребенком. Поэтому первое положение о форме правления, которое никак не могла осознанно утвердить шестилетняя девочка на троне, вряд ли можно отнести к числу первых актов «конституционного характера»⁹⁵. Скорее оно представляло собой развернутую инструкцию для королевской администрации, хотя во вводной части документа и имелась ссылка на права монарха в соответствии с действовавшим законом (*landslagen*).

Парламентская система сильно пострадала в 1680 г., когда Швеция крайне ослабла в результате недавних датской и немецкой войн, а Государственный совет, осуществлявший правительственные функции⁹⁶ оказался не в состоянии препятствовать резкому усилению власти молодого, энергичного короля Карла XI. Он вывел страну из крайне угрожаемого положения, укрепил казну и армию, но своих успехов этот монарх добился благодаря установлению абсолютизма, принявшего при содействии сословий (риксдаг 1680 г.) форму настоящей военной диктатуры, сохранившейся и окрепшей при Карле XII⁹⁷. Впрочем, при проведении редукции, то есть перевода значительной части дворянских земель в казну, он предоставил определение величины отчуждаемого имущества сословиям (риксдаг 1682 г.). В результате дворянская недвижимость уменьшилась в собственно Швеции на 50%,

⁹⁵ Могунова М.А. Государственное право Швеции. М.: Норма, 2009. С. 27.

⁹⁶ Государственный совет (с 1682 г. Королевский совет) – высший орган власти, в число членов которого входили канцлер (президент Канцелярии, состоявшей из нескольких департаментов, и одновременно министр иностранных дел), министр юстиции и другие высшие чиновники, общим числом 14 человек. Основной задачей этого административного института (в особенности в «эру свобод») было осуществление правительственных функций в перерывах между сессиями риксдага. Подр. см. в: *Kihlberg L. Den svenska ministären under ståndsriksdag och tvåkammarssystem intill 1905 års totala ministerskifte. Uppsala: Almqvist & Wiksells boktryckeri, 1922. S. 7.*

⁹⁷ *Sylvan N. Karolinska tiden. Sveriges historia genom tiderna. Tredje delen. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948. S. 108.*

а в имперских провинциях до 70%⁹⁸. При этом экономическая и политическая мощь дворян, значительно возросшая со времен Густава II Адольфа, значительно ослабла. Впрочем, редукция не была вызвана устремлением короля именно к этому результату, – просто он считал необходимым увеличение доходов казны.

На упомянутом риксдаге 1680 г. сословия выдвинули еще одно предложение. Король, как они считали, вовсе не обязан прислушиваться к суждениям аристократического Государственного совета. Впрочем, это совпадало и с его мнением. Отныне Совет стал называться по-иному – Королевским и в дальнейшем не играл какой-нибудь заметной политической роли. А на риксдаге 1682 г. Карл XI добился полностью единоличного законодательного права, хотя налоговые функции сохранились за сословиями в риксдаге. Однако по мере того, как редукция увеличивала политическую мощь короля, он стал независим и от политики риксдага. И на риксдаге 1693 г. сословия признали его «самодержавным, распоряжающимся всем королем, который не обязан ответственностью за свои акции ни перед кем на земле, но применяет свою власть и силу по собственному разумению»⁹⁹.

Но более значительный прогресс в истории шведского конституционного строительства отмечен лишь в так называемую «эру свободы» (*frihetstiden*), 1718 – 1772 гг. Это был масштабный эксперимент с утверждением парламентской системы и увеличением гражданских прав подданных, начавшийся со смертью Карла XII и продлившийся до переворота, совершенного Густавом III. Власть перешла от короля к парламенту, хотя о «парламентаризме» в современном значении этого слова говорить не стоило – главным образом потому, что новый режим не имел ничего общего с демократией. Тем не менее, королевская власть стала почти номинальной, и сами монархи — Фредрик I (Гессен-Кассельский, 1720-1751), и его преемник Адольф Фредрик (Голштинский, 1751-1771) – не пользо-

⁹⁸ Melin J., Johansson A.W., Hedenborg S. Sveriges historia. Stockholm: Prisma, 2003. S. 170. Далее: Melin o. a., 2003.

⁹⁹ Цит. по: Melin o. a., 2003. S. 171.

вались в Швеции почти никаким влиянием.

Таким образом, в то время, когда почти повсюду в Европе господствовал абсолютизм, Швеция скорее представляла собой аристократическую республику. И каждый чиновник, вступая в должность, клялся никогда и ни при каких обстоятельствах «не пытаться содействовать введению неограниченной королевской власти или суверенитета монарха, но при необходимости жертвовать все свои силы, имущество и саму жизнь для недопущения этого»¹⁰⁰. Такое принижение королевской власти и собственное всевластие не снилось и английским парламентариям.

В этот период, предшествовавший победе демократического парламентаризма, огромное значение получила система городских и сельских коммун, пришедших на смену соответствующим общинам. Это были органы местного самоуправления, становление которых шло на основе свободного состояния всех без исключения шведов, узаконенного Ландслагом Магнуса Эрикссона, короля Швеции, Норвегии и Сконе, а также несколько измененной версией этого акта, получившей название «Ландслаг Кристофера». В дальнейшем шведский абсолютизм всячески старался ограничить права коммун, однако не смог подорвать эту систему. Уже в XVIII в. коммуны исполняли весьма широкие функции, развивая начальное образование в городе и селе, поддерживая храмы, оказывая помощь беднякам. Наконец, согласно Акту о местном самоуправлении (1862), они были институализированы на государственном уровне. В регионах же их представляли ландстинги, территориально совпадавшие с ленами. Эта система имела и политическое значение – коммуны представляли собой и избирательные округа на выборах риксдага. Таким образом, на новом витке развития парламентской демократии она имела стабильную опору на двух уровнях – в коммунах и ландстингах¹⁰¹.

¹⁰⁰ Цит. по: *Holst W. Frihetstiden. // Sveriges historia genom tiderna. Tredje delen. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948. S. 262-263. Далее: Holst, 1948.*

¹⁰¹ *Плевако Н.С. Коммунальная система в Швеции: уроки демократии и социальной стабильности // Северная Европа. Проблемы истории. Выпуск 3. М.: Наука, 1999. С. 215.*

Что же касается политики на общегосударственном уровне, то на смену самодержавию пришла власть сословий. И уже в 1720 г. Фредрик Гессен-Кассельский должен был на собственной коронации объявить себя «всегда и постоянно склонным к согласию со всеми сословиями королевства, нынешними и будущими, и принимать лишь такие решения, законы и положения по отношению к себе и стране, которые будут служить ко всеобщему благу, а также к благосостоянию и безопасности королевства»¹⁰². Конкретные функции и формы деятельности сословий, разработанные риксдагом на его сессии 1723 г., носили (наряду с Актом о форме правления 1634 г. и королевской капитуляцией 1720 г.) характер основного закона или конституции. Важное значение имело полученное сословиями по упомянутому Акту право на регулярные собрания. Отныне сессии риксдага стали проводиться не по решению короля, по сути, произвольному, а регулярно, раз в три года.

На той же сессии депутаты приняли Устав риксдага, первый государственный акт, закрепивший широкое, хоть пока и не всенародное представительство. Риксдаг состоял, как и ранее, из четырех курий. Новым стало то, что ликвидировалось разделение дворянских депутатов на три класса. И если прежде (до 1719 г.) предпочтение отдавалось 200 старым дворянским и аристократическим родам (*högadeln*), то теперь численно преобладало низшее дворянство (*frälse*), влияние которых стало заметным только в «эру свободы». Между этими группировками и *ofrälse* (недворянскими, разночинными землевладельцами и зажиточными бюргерами) промежуточную позицию занимали сыновья «новых», то есть личных дворян, в том числе епископов и чиновников, многие из которых имели значительную недвижимость или занимали немалые посты – вплоть до руководства департаментами Канцелярии¹⁰³. Впрочем, первый министр из уфрельсе занял свой пост лишь в 1883 г.

¹⁰² Цит. по: *Holst*, 1948. S. 263.

¹⁰³ *Heckscher*, 1933. S. 102-103.

Тем не менее, свое важное политическое значение сохранял элитный Рыцарский дом¹⁰⁴, хотя старые низшее и высшее дворянство были равноправными не только на выборах в риксдаг, но и на одинаковых основаниях представлены при дворе, где прежде всего играли роль древность рода или личные качества дворянина. Более того, некоторые из небогатых, но старых по происхождению дворян занимали там особое положение, будучи приближены к королям.

Представительство от церковного сословия оставалось прежним (епископы и священники), как и выбор депутатского корпуса от бюргерского сословия, он зависел от суммы налогов, выплачиваемых кандидатами в риксдаг. Но в выборах крестьянской курии могли участвовать только владельцы обработанного земельного участка. Обладание пустопорожней или «мертвой» территорией не принималось во внимание. Это положение сохранялось долго, и в начале XIX в. считаясь вполне справедливым по принципу «мертвецы права голоса не имеют»¹⁰⁵.

Количественно в риксдаге «эры свобод» преобладали крестьяне, но политически доминировали дворяне. Это выражалось, прежде всего, в работе функционально важнейших органов парламента, его комитетов (или комиссий – *utskott*), куда они имели вдвое больший доступ, чем остальные сословия. И даже в бюргерской курии ключевые позиции нередко занимали дворяне. Они, наряду с богатейшими купцами и бургомистрами, контролировали политические позиции депутатов. Да и выборами в крестьянскую курию неофициально руководили уездные предводители-хёвдинги, то есть

¹⁰⁴ Рыцарский дом (*Riddarhuset*) – дворянское сословное собрание, члены которого принадлежали к старым дворянским родам. Первый устав этой закрытой корпорации относится к 1626 г., но в нем были лишь зафиксированы неписанные положения этой корпорации, имевшие гораздо более раннюю историю. В функции Рыцарского дома входили регулирование правовой базы сословия, его деятельность, а также охрана дворянских гербов, привилегий и сохранение родовых имен. В Новое время это собрание вырабатывало общую для всего сословия политику, в частности, на выборах в риксдаг. Для принятия этого и иных важных решений в Большом зале сохранившегося до наших дней здания Рыцарского дома собиралось до 1 000 его членов.

¹⁰⁵ *Hamrè M. Nu eller aldrig*. Stockholm: Carl Dalén, 1809. S. 12.

те же дворяне. Впрочем, саму возможность вести предвыборные публичные дебаты теперь сильно ограничили; строгая цензура не позволяла публиковать политические материалы. Закон запрещал также устраивать собрания для ведения устной агитации¹⁰⁶.

Поскольку же любое решение риксдага становилось законом лишь после признания его минимум тремя куриями (и подписания его королем), то иногда принимались положения, не совсем благоприятные для дворян. Так, на первой его сессии решили ликвидировать их первоочередное право на расширение угодий, а бюргерам и священству гарантировалось наследственное владение своими необлагаемыми налогами (неподатными) землями¹⁰⁷. Основным же значением Конституции 1719-1720 гг. стала внутренняя консолидация сословий, а также переход под полный контроль риксдага законодательства и налогообложения. Отныне любое повышение податей требовало согласия всех четырех курий. Наконец, три курии (кроме крестьянской) получали право контролировать внешнюю политику кабинета (королевской Канцелярии) и двора в целом¹⁰⁸.

Таким образом, риксдаг вырос до уровня политически лидирующего, самостоятельного органа, отчего совсем иной, более важной стала проблема его состава. А в связи с его выборами пресса занялась созданием общественного мнения – впервые в истории Швеции¹⁰⁹.

Но широкой демократии еще не наблюдалось. Крестьяне к работе в упомянутых комиссиях риксдага не допускались, в том числе и к обсуждению вопросов, имевших к ним самое непосредственное отношение. Объяснялось это их почти постоянно критическим отношением к государственной политике, в том числе и внешней.

¹⁰⁶ *Esaiasson P.* Svenska valgkompanjer 1866-1988. Stockholm: Almänna Förlaget, 1990. S. 64. Далее: *Esaiasson*, 1990.

¹⁰⁷ *Holst*, 1948. S. 264.

¹⁰⁸ *Congleton R.D.* Perfecting Parliament. Constitutional Reform, Liberalism and the Rise of Western Democracy. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 378.

¹⁰⁹ *Back P.-E.* Det svenska partiväsendet. Stockholm: Almqvist & Wiksells boktryckeri, 1967. S. 77-92.

Это понятно, – ведь прежде всего им приходилось нести тяжелое иго войн и налогов, в том числе экстраординарных. С другой стороны, эта позиция имела известные границы – крестьянские депутаты никогда не подвергали сомнению легитимность абсолютной власти своих королей, в том числе и до наступления «эры свободы», а бюрократия легко добивалась от них принятия нужных власти решений. Тем не менее, по сравнению с другими странами участие шведских крестьян в государственных делах признавалось поистине уникальным, а укрепившаяся со временем либеральная парламентская система легла в основу шведской традиции политической свободы.

Остается сказать, что Конституция 1719-1720 гг. не явилась плодом каких-то теоретических выкладок ее авторов, но органично выросла из опыта, накопленного в результате проб и ошибок, совершенных шведами былых времен. Она в буквальном смысле слова исторична¹¹⁰, отчего и дальнейшее конституционное строительство основывалось на ее положениях. И даже будущие поколения ее критиков обладали конституционным мышлением, что позволяло им бережно относиться к законодательному наследию предков и подвергать его лишь конструктивной модернизации. Впрочем, в 1766 г. риксдаг издал специальное Постановление об исполнении законов, в котором вообще запрещалось вносить в конституцию какие-то бы то ни было изменения – если на этот счет не имелось согласия всех четырех курий, причем на двух парламентских сессиях кряду.

Это Постановление приняли вопреки планам королевского двора, поддерживавшей его политической группировке «колпаков»

¹¹⁰ Историк 1910-1930-х гг. Ф. Лагеррот заметил по этому поводу: «При создании Конституции 1719 г. теоретические спекуляции не играли заметной роли. Для сословий решающими были исторические, а не доктринерские мотивы. Они стремились к возрождению старинного шведского общественного порядка, имевшего столь долгую жизнь, и не хотели иных перемен, чем те, к которым их непосредственно звал исторический опыт. Перенос властных функций на сословия был вызван не идеей народного суверенитета, а тем, что в национальном сознании народ отнюдь не дискредитировал себя так, как короли и их советники». Цит. по: Holst, 1948. S. 271.

и оппозиционной партии «шляп»¹¹¹. Программы тех и других были диаметрально противоположны, (причем огромную роль здесь играли политические лидеры, нередко отстаивавшие собственные интересы)¹¹², но обе политические группировки, недовольные сложившейся ситуацией, надеялись изменить ее к лучшему – для себя, естественно. И в том же 1766 г. риксдаг принял Постановление о свободе печати. Этим, четвертым по счету, основным законом ликвидировалась цензура. А сам факт его издания демонстрировал ослабление позиции дворянского сословия в риксдаге.

Конечно, эти перемены произошли далеко не случайно. В последнее десятилетие «эры свободы» дворяне в риксдаге достигли апогея своего влияния на внутренние и внешние дела государства. В 1762 г. число дворянских семей, имевших право на представительство в риксдаге, выросло до 1250. Правда, далеко не все имели средства на поездку в столицу и проживание там во время трехмесячной парламентской сессии. Поэтому нередко глава такого обедневшего рода предоставлял право представительства любому дворянину. Вначале такая передача достигалась на основе полюбовного соглашения, но позже депутатскими местами стали элементарно торговать¹¹³. Впрочем, иногда и участвовавшие в сессиях небогатые депутаты снабжались зажиточным купечеством провизией и напитками, после чего голосовали так, как это требовалось «кормильцам». Снабжали их деньгами и иностранные дипломаты – прежде всего французские и русские – также небес-

¹¹¹ Политические группировки «колпаков» и «шляп» (соответственно *mössor* и *hattar*) сложились к началу 1730-х гг. Первые из них возглавлялись высшими слоями старого служилого дворянства, занимавшего ключевые посты, их поддерживало патриотически настроенное духовенство и крестьянское сословие. Вторые, стоявшие в оппозиции к власти, были представлены аристократией, а впоследствии привлекали к себе крупную торгово-промышленную буржуазию, молодежь из офицерской и чиновничьей среды, а также значительное количество нетитулованного дворянства. Во внешней политике «колпаки» ориентировались на Россию, «шляпы» – на Францию. Эти страны оказывали им значительную поддержку и во внутренних делах.

¹¹² *Sundberg P. Ministärerna Bildt och Akerhjelm. En studie i den svenska parlamentarismens förändringar. Stockholm: Ronzo Boktryckeri AB, 1961. S. 10-13.*

¹¹³ *Holst, 1948. S. 264.*

корыстно, успешно преследуя свои политические цели¹¹⁴. И риксдаг пошел на сокращение этой курии, прежде всего за счет «новых дворян», имевших сравнительно низшее происхождение. Так что общее число депутатов сократилось здесь с потенциальных 1250 до 800 представителей.

Дальнейшие конституционные реформы тесно связаны с именем Густава III, пришедшего к власти в 1771 г. Будучи поклонником искусства, литературы, архитектуры и науки передовой страны эпохи, Франции, он наложил заметный отпечаток на духовный мир Швеции. Система наказаний стала более гуманной, исчезли многие запреты на свободную торговлю, была проведена девальвация риксдалера, укрепившая экономику. В политике король пытался примирить две враждовавшие партии, пользуясь поддержкой обеих сторон. Вступило в силу принято Уложение о свободе вероисповедания. Всеобщим стало мнение, что Густав III вполне оправдывает свое утверждение насчет того, что он является «первым согражданином (*medborgare*) среди свободного народа»¹¹⁵.

Однако с течением времени этот монарх становился все более деспотичным. В проекте Формы правления, подготовленном им 19 августа 1772 г. он поставил Королевский совет в полную зависимость от короны. Затем верные королю офицеры и солдаты арестовали членов Совета. А через два дня он приказал собрать членов риксдага в одном из залов дворца, на который с площади глядели стволы орудий. Здесь Густав III произнес перед сословиями речь, в которой обвинил их в неспособности решать государственные дела. Ее текст отпечатали в тысячах экземпляров и распространили по всей стране; его зачитывали пасторы в церквях. Заручившись таким образом поддержкой масс, король представил новую Форму правления, принятую единогласно¹¹⁶.

Этот конституционный переворот означал окончательное

¹¹⁴ *Esaiasson*, 1990. S. 66.

¹¹⁵ Цит. по: *Wahlström L. Gustavianska tiden // Sveriges historia genom tiderna. Tredje delen. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948. S. 412. Далее: Wahlström, 1948.*

¹¹⁶ *Melin o. a., 2003. S. 210.*

падение власти сословий. Риксдаг теперь утратил регулярность своих сессий, а продолжительность их искусственно сократили – делалось все для ослабления его агитационных возможностей и, значит, влияния на нацию в целом. Члены Совета стали ответственны перед королем за принятые ими решения, он даже назначал их по своему выбору. А в 1774 г. Густав III заменил Акт о свободе печати 1766 г. другим, более ограниченным и объективно укреплявшим абсолютизм. Эти и другие реформы, менявшие смысл Основного закона, но принятые риксдагом, означали не только усиление королевской власти по сравнению с парламентской, но и более общее «банкротство суверенных сословий»¹¹⁷. Теперь король мог самостоятельно, без согласия риксдага, решать вопросы войны и мира.

В 1780-х гг. противоречия между королем и оппозицией, которая более последовательно, глубоко и органично усвоила французские вольнолюбивые идеи, обострились до крайности. Дворяне требовали для себя большего влияния, тем более, что на риксдаге 1786 г. остальные сословия оказались в меньшинстве. Теперь дворянство отвергало многие проекты Густава III и даже ограничило предназначенные для него субсидии. Король пытался восстановить былую популярность в народе, отвоевав финские территории, которые по Ништадтскому миру 1721 г. и Абоскому договору 1743 г. отошли к России. Однако безрезультатная война 1788-1790 гг. привела лишь к восстанию шведских офицеров-аристократов, которые образовали так называемый Аньяльский союз, дружественный России.

Для борьбы с набравшей силу оппозицией король избрал возрождение абсолютизма в его былых формах. В феврале 1789 г. он созвал риксдаг и совершил, по сути, переворот, издав Акт единения и безопасности, согласно которому стал абсолютным монархом с неограниченными правами. Одновременно он, опираясь на крестьянские массы, ликвидировал дворянский налоговый иммунитет и монополию этого сословия на высшие государственные

¹¹⁷ *Kjellén R. Riksrättsinstitutets utbildning i Sveriges historia // Skrifter utgifna af Kungl. Humanistiska Vetenskaps-samfundet i Upsala. Bd. IV. Upsala: Almqvist & Wiksells boktryckeri AB, 1895. S. 181, 191. Далее: Kjellén, 1985.*

должности, присвоил себе законодательную инициативу и всю полноту власти над государственным управлением. Кроме того он нанес завершающий удар по феодальным пережиткам, вернув крестьянам право земельных приобретений, в том числе и у дворян. Новую конституцию охотно утвердили старые податные сословия.

Возмущенные этим наступлением на их права, дворяне организовали заговор и убили короля на маскараде. При регенте несовершеннолетнего Густава IV, герцоге Карле (брате покойного короля), наблюдалась некоторая либерализация общества. Но, став полновластным королем (1796-1809), Густав IV провел ряд реакционных реформ, продолжив внутреннюю политику своего отца. Он восстановил конституцию 1789 г., присвоив себе неограниченную абсолютную власть, но не остановился на этом. Была вновь введена жесткая цензура, запрещены все студенческие союзы, оппозиционные объединения, газеты и журналы. Начались репрессии против сторонников французских либеральных идей¹¹⁸.

Но, несмотря на все политические перемены, в Швеции сохранила свое действие конституция «эры свободы», хоть и в искаженном виде. Государство по-прежнему управлялось тремя властными структурами: королем, его Советом и сословно-представительным риксдагом. Сохранил свое значение и чиновничий аппарат – центральный и на местах. Однако страна при этом бедствовала не только экономически. Густавианские реформы породили массовое недовольство: 70 000 землевладельцев-недворян, полмиллиона солдат, сотни тысяч безземельных крестьян, городских рабочих и горняков не имели права голоса. В таком же положении находились влиятельные бюргеры и университетские преподаватели. Их оскорбляло полное отстранение от участия в решении судеб страны, хотя они считали себя в этом смысле более компетентными, чем пестрое дворянство в риксдаге. Крупные неудачи постигли и внешнюю политику Густава IV Адольфа¹¹⁹, в

¹¹⁸ Melin o. a., 2003. S. 227.

¹¹⁹ Ротс Л.К., Рогинский В.В. Русско-шведская война и Фридрихсгамский мир. «Политика 1812 года» и уния с Норвегией // История Швеции / Отв. редактор А.С. Кан. М.: Наука, С. 327-330.

результате которой Швеции пришлось отказаться от Финляндии и Аландских островов, перешедших к России. По перечисленным и иным причинам уже в апреле-мае 1809 г. в стране созрела революционная ситуация. Российский посол писал в Петербург: «Швеция – больной человек, умирающий от чахотки»¹²⁰.

Во всех катастрофических неудачах Швеции оппозиция винила короля. Составился дворянский заговор, в марте 1809 г. Густава IV арестовали, и он отрекся от престола. Тут же образовалось Временное правительство, во главе которого стал дядя бывшего короля герцог Карл. А в мае собрался риксдаг, на повестке дня которого стояли вопросы новой конституции и престолонаследия. Депутаты избрали Конституционный комитет из 6 дворян и 3 уфрельсе. Вскоре Комитет опубликовал предварительную программу будущей конституции, содержание которой весьма напоминало американскую форму правления 1787 г. и французскую конституцию 1791 г. Однако это был лишь ознакомительный документ, представленный для широкого публичного обсуждения. Когда же через две недели напряженной работы Конституционный комитет составил Основной закон, то он оказался почти точным отражением текстов французского Конвента и Национального собрания (за двумя исключениями – Швеция оставалась монархией, и в ней создали институт легислатуры), на которые, в свою очередь, повлияли конституционные идеи и проекты Монтескье и де Лолма¹²¹.

Основное отличие новой конституции от старой, 1784 года, состояло в разделении власти. Тройственный принцип «король – Королевский совет – сословия» сменился двойственным «король – сословия», а Совет превратился в чисто совещательный орган, к тому же король обладал здесь решающим голосом. В компетенции

¹²⁰ *Wahlström*, 1948. S. 598.

¹²¹ *Karlbohm*, 1964. S. 312. В отличие от сочинений Монтескье, у нас работы второго, известного в свое время политического писателя, ныне почти забыты, хотя они переводились на русский язык (См., например: Жан Луи де Лолм. Конституция Англии или состояние английского правления, сравненного с республиканскою формою и с другими европейскими монархиями / Пер. И. Татищева. М.: Университетская тип., 1806).

короля осталась внешняя политика, назначение чиновников и его пост главнокомандующего. Но издавать законы он мог отныне только совместно с риксдагом. При этом как за ним, так и за парламентом восстанавливалось право вето. Под контроль риксдага попал и Королевский совет: отныне Конституционный комитет анализировал его решения, и за те из них, которые были признаны неудачными, судили советников, их предложивших. Королевский совет, который со временем все больше напоминал совет министров, попадал, таким образом, в зависимость от парламента – демократическое достижение, которое не имело пока места ни в одной европейской стране.

Имелись и иные изменения по сравнению с прежней конституцией. В § 4 утверждалось право короля на роспуск риксдага, а в § 57 парламенту передавалось «древнее право шведского народа на самообложение». Далее, § 16 провозглашал свободу совести (частичную, все-таки протестантизм оставлял за собой некоторые преимущества), но тут же помещалась клаузула о главенстве права над конфессиональными ущемлениями. Пожалуй, здесь верен вывод о некоем сплаве языческих свобод и толерантности XVIII века¹²². И, наконец, важнейшее определение § 4 – о том, что «король единолично управляет страной». Причем оно действовало и в XX в. Когда в 1914 г. Швеция оказалась под угрозой втягивания ее в войну, и Густав V объявил о решении взять ответственность за будущее страны целиком на себя (а этому воспротивились венстре), то его сторонники ссылались именно на § 4 конституции 1809 г., где королю предоставлялось право «одному править страной» (*alena styre riket*). И этого оказалось достаточно, чтобы разгромить его политических противников¹²³.

Изменилась и форма выборов в риксдаг, в конституции не отразившаяся. Она была заявлена в разработанной 3 июля 1809 г. в Рыцарском доме его членом Давидом фон Шульценхаймом-

¹²² *Wahlström*, 1948. S. 612.

¹²³ *Hermanson R. Svensk konungamakt, parlamentariskt styrelsesätt och folkviljan. Helsingfors: Söderström & C:o Förlagsaktiebolag, 1915. S. 3-4, 34-40.*

Старшим процедуре, касавшейся обеих палат. После чего ее принял и риксдаг. Она отличалась своим слишком откровенным даже по тем временам консерватизмом. В первой палате обладало сильным влиянием высшее дворянство; да и во второй палате дворяне получали неплохие перспективы для влияния на представителей уездного руководства, городских домовладельцев и университетских преподавателей. Что же касается низших слоев крестьянства, то ему в парламент путь отрезали – фактически в здесь заранее резервировались мандаты для зажиточных хозяев, как и для городских бюргеров не из самых бедных. На практике эта система работала в интересах аристократии и олигархов. По статистике 1809 г. в первую палату вошло 150 из 200 богатейших дворянских землевладельцев, которые, как и епископы, имели право вето по всем проектам, касавшимся законодательства и предоставления (или ограничения) привилегий. В программе Д. Шульценхайма не содержалось ничего, что могло бы осуществить сотрудничество недворян-уфрельсе с королевской властью, как это уже практиковалось политиками 1789 г.¹²⁴.

Таким образом, конституция 1809 г. содержала слишком мало предпосылок для дальнейшего развития парламентской формы правления. Разделение власти предусматривало законотворческий диалог между королем и парламентом. При этом советники, назначаемые монархом, не имели права взаимодействовать с риксдагом, их функции основывались лишь на королевском доверии. Риксдаг не мог, по конституции, оказывать прямое влияние на правительственные решения, не сложилось пока и действенной парламентской оппозиции. Также ослабляло его деятельность удаление депутатов от народа. Сложилась некая вертикаль – есть вывод о том, что в стране теперь действовал «представительный орган, чьи функции были направлены вверх и вниз», но не по горизонтали¹²⁵.

¹²⁴ *Karlbom*, 1964. S. 313.

¹²⁵ *Nyman T.* Kommittépolitik och parlamentarism: Statsminister Boström och rikspolitiken 1891-1905. En studie av den svenska parlamentarismens framväxt. // *Acta Universitatis Uppsalensies. Skrifter utgivna av Statsvetenskapliga Föreningen*. Vol. 132. 1999. S. 45-46. Далее: *Nyman*, 1999.

После переворота 1809 г. и утверждения новой конституции в Швеции произошли большие перемены. В результате введения свободы печати и собраний возродились открытые выборные кампании, начались публичные дебаты, вновь заявило о себе общественное мнение. Появились и новые институты вроде внепарламентских организаций влияния на риксрод, а также новые газеты, в том числе откровенно либерального направления – *Аргус* (1820-е гг.) и крупнейшая, самая популярная стокгольмская вечерка *Афтонбладет* (1830-е гг.)¹²⁶. Короче, как уверял шведский свидетель этих метаморфоз, «руководство страной перешло от насилия к законному порядку»¹²⁷. На самом деле конституция 1809 г. при всем ее либерализме не могла решить одну из важнейших задач эпохи – ликвидации противоречий между сословиями, а также между риксдагом и королевской властью, которая приняла форму тотального королевского абсолютизма.

Выборы в риксдаг и после 1809 г. сохранили старую форму – они оставались непрямыми как для бюргерского сословия, так и для крестьян, разночинцы-уфрельсе по-прежнему не имели права голоса, тогда как для дворян и священства существовала привилегия фактической самозаписи. Дополнительной причиной ограниченного охвата населения выборными кампаниями являлось главное политическое противостояние – не внутри сословий, а между ними¹²⁸. Вообще в выборных кампаниях наблюдалось лишь спорадическое участие парламентских группировок и их лидеров, оно считалось дискриминирующим тех или иных политиков. Раньше всех в этом отношении активизировались либералы и, в особенности, их пресса. Но и здесь не было принято агитировать за новых кандидатов, критиковать конкретных депутатов или работу конституционного комитета, хотя актуальность этой проблемы не

¹²⁶ *Göransson J.* *Aftonbladet som politisk tidning 1830-1835.* Uppsala: Uppsala Universitetsförlag, 1937. S. 188-213, 305-315.

¹²⁷ *Hamrèe*, 1809. S. 5.

¹²⁸ *Wallin G.* *Valrörelser och valresultat. Andrakammarvalen i Sverige 1866-1884.* Stockholm: Ronzo Boktryckeri AB, 1961. S. 337-338.

уменьшалась – хотя бы по сравнительной новизне этого института¹²⁹.

Дело было в том, что функции комитета лишь формально выглядели как продолжение законодательной традиции. На самом деле он являлся, по сравнению с прошлым, чистой воды новообразованием. Вместо основанного на естественном праве разделения власти между королем, Королевским советом и сословиями возник легалистский и экзегетичный властный дуализм «король – сословия». Поэтому события 1809 г., которые считаются «великим переломом в истории шведской конституции»¹³⁰, представляли собой лишь сплав старого режима (столь же французского, как и новая династия Бернадотов)¹³¹ и новых институтов, призванных спасти страну от глубокого политического и социального кризиса, в котором она очутилась накануне 1809 г. и который с этими переменами отнюдь не исчез.

Конечно, современники имели все основания хранить оптимизм. Вполне революционно настроенный писатель и историк барон Ханс Йерта писал в 1815 г., что «английское законодательство имеет те же политические и социальные источники, что и [современное] шведское, оно так же направлено к сохранению личной свободы и безопасности, они схожи друг с другом и в успехах политической свободы». И он же через 8 лет: «Швеция – наиболее глубоко конституционная держава в Европе после Англии»¹³². Действительно, шведская конституция 1809 г. явилась первой в чреде основных законов, авторами которых стали представители сословий. В Норвегии это случилось в 1814, в Греции – в 1830 г. Английский свод законов такого рода имел, конечно, более

¹²⁹ *Hornwall G. Regeringskris och riksdagspolitik 1840-1841. Uppsala: Almquist & Wiksell, 1851. S. 1-34.*

¹³⁰ *Karlbom, 1964. S. 315.*

¹³¹ Наполеоновский маршал Ж.Б. Бернадот по решению шведского правительства и специального комитета риксдага избран 21 августа 1810 г. наследным принцем под именем Карла Юхана, после чего его усыновил престарелый Карл XIII. Тут же изданный закон о престолонаследии закрепил за наследниками Бернадота право на шведскую корону.

¹³² Цит. по: *Heckscher G. Svensk conservatism före representationsreformen. Bd. I. Uppsala och Stockholm: Bonniers Förlag, 1939. S. 223.*

почтенный возраст. Но он представлял собой лишь пестрый набор различных положений, не собранных в единый блок, как в Швеции.

Впрочем, уже в 1823 г. раздавались речи в пользу ограничения королевской власти. Вначале рядом депутатов риксдага предлагалось отнять у монарха два голоса, которые он имел на голосовании в Верховном суде. А в 1828 г. выступают более организованные оппозиционеры, идейные наследники 1809 г., развившиеся к этому времени в демократические партии. И по мере обострения борьбы между либералами и консерваторами все более уходило в тень стремление сохранить сущность действовавшей конституции.

Но это будет значительно позже, а пока все более актуальным становился норвежский вопрос. Взрыв народного негодования в Норвегии вызвало известие о Кильском мире 1814 г.¹³³, согласно которому эту древнюю страну передавали от властителя к властителю как некую частную собственность. Да и раньше большинство норвежцев было настроено критически по отношению к многовековому, хоть и не слишком обременительному датскому господству. Последний наместник в Норвегии, датский престолонаследник Кристиан-Фредерик, ставший знаменем сепаратистов, принадлежал к одной из старейших королевских династий Европы, что легитимизировало движение в глазах европейских монархов. Но в условиях начавшейся в Норвегии революции он созвал 16 февраля в Эйдсволле собрание нотаблей, призвал его к признанию самостоятельности державы и отказался от абсолютной власти. Через полмесяца образовалось первое за 300 лет норвежское национальное правительство и принята конституция, а в ноябре новосозданный

¹³³ Кильский мир заключенный между шведским и датским королями, из которых последний, являвшийся союзником Наполеона, то есть проигравшей стороной, был вынужден передать Швеции Норвегию на условиях унии. В качестве компенсации Фредерик VI получил Шведскую Померанию и о. Рюген, а также миллион ригсдалеров (*Nørregård G. Freden i Kiel. København: Rosenkilde, 1954*). Позднее этот акт был подтвержден на Венском конгрессе (*Mentz S. Skandinavien, Wienerkongressen og bernadottedynastiets etablering i Norge // 1814 - Spillet om Danmark og Norge. Frederiksborg: Norsk Folkemuseum og Det Nationalhistoriske Museum på Frederiksborg, 2014. S. 103-106*).

парламент (стортинг) избрал королем Карла XIII Шведского. В результате этих событий сложилась Шведско-Норвежская уния¹³⁴.

Позиция кронпринца Карла XIV Юхана, фактически правившего Швецией с 1811 г., после заключения унии значительно окрепла, так что он смог приступить к возрождению абсолютной монархической власти. Не выходя из рамок конституции 1809 г., оказывая сильное давление на риксдаг и правительство, он изменил закон о свободе печати, введя цензуру и закрыв ряд либеральных газет. Он стремился привести и Эйдсволльскую конституцию к шведскому образцу, но стортинг раз за разом проваливал эти попытки. А после смерти последнего шведского наместника в Норвегии в 1829 г. этот важный пост пустовал до 1836 г., когда его занял норвежец Я. Ведель – к всеобщему удовлетворению своих земляков.

И в 1830-х гг. начался обратный процесс: усилившиеся шведские либералы стали требовать изменения конституции в духе Эйдсволля. Конкретно же они добивались замены четырех курий риксдага двухпалатным парламентом без разделения по сословному признаку. А также свободы совести, печати, торговли, конкуренции, промыслов, настаивая при этом на расширении избирательного права и ликвидации сословных привилегий. Этому обострению борьбы за конституционные права содействовали и внешние события: июльская революция 1830 г. во Франции, реформа английского парламента, всеобщая политизация европейской прессы¹³⁵.

Первых значительных успехов либералам удалось добиться лишь в начале правления нового короля – Оскара I (1844-1859). Риксдаг стал собираться раз в три года, а не в пять лет, как раньше, ликвидировалось право правительства закрывать газеты. Новый король, еще в бытность наследным принцем выступавший за социальные реформы, провел в 1847 г. Закон о помощи бедным, где имелся параграф о том, что «каждый приход и каждый

¹³⁴ *Höjer T.* Karl XIV Johan // *Sveriges historia genom tiderna. Fjärde delen.* Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948. S. 58-60.

¹³⁵ *Heckscher,* 1933. S. 364.

город обязан кормить своих бедняков»¹³⁶. Реформой либерально-экономического направления стало введение в 1846 г. свободы предпринимательства и отмена цеховой системы. Ее заменили фабричные и ремесленные союзы, открытые для всех, что положило конец засилью монополий в промышленности – впрочем, и в коммерции тоже. На новую ступень поднялось местное самоуправление (коммунальная реформа 1859-1860 гг.): в уездах, городах и ленах были созданы соответствующие органы, выборы в которые стали всеобщими, без разделения на сословия¹³⁷.

При Оскаре I и Карле XV (1859-1872) ускорился количественный рост среднего класса, но еще более обращали на себя внимание перемены на селе. К крестьянам в 1810-1860 гг. переходила дворянская земля, росло их благосостояние, так как индустриализация Европы подняла цены на аграрную продукцию. А имущественное благополучие повышало компетенцию низов в общественных проблемах, росли самосознание и духовные запросы крестьян. Всеобщее же 8-летнее обязательное образование «для бедных» уже в середине XIX в. превратило Швецию в страну с почти всеобщей грамотностью – явление в тогдашней Европе довольно редкое. Такая смена приоритетов сделала почти необходимой и конституционную реформу: ведь основная часть разночинцев-уфрельсе, среди которых многие занимали ключевые позиции в экономике, культуре и управлении державы¹³⁸, оставалась лишенной политических прав.

В конце 1850-х гг. либеральное движение приняло форму «народных собраний» (folkmöten), чаще всего устраивавшихся на производстве во время обеденных перерывов. В поддержку требований конституционных реформ создавались первые внепарламентские организации и союзы, дискуссионные клубы,

¹³⁶ Вейбуль, 1994. С. 93.

¹³⁷ Jansson A. Oskar I. Karl XV // Sveriges historia genom tiderna. Fjärde delen. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948. S. 264. Далее: Jansson, 1948.

¹³⁸ Если в 1810 г. уфрельсе среди только высших чинов державы было 8%, то в 1860 – уже 23 %, при этом количественно они сравнялись с бюргерами и всемерно превзошли общее число дворян вместе со священниками (Jansson, 1948. S. 268).

национальные конгрессы, готовились соответствующие петиции правительству и королю, под которыми ставили подписи десятки тысяч сторонников либеральных реформ¹³⁹.

Во главе возобновившегося движения за реформы стал Луи де Геер, юстиц-канцлер кабинета министров, назначенного в 1859 г. Карлом XV. Основой его преобразований стал отказ от устаревшей сословной системы в парламенте и экономической жизни. Риксдаг по его мысли должен был стать двухпалатным, что в 1863 г. и получило одобрение Конституционного комитета, двух низших курий парламента и, как ни странно, консерваторов Рыцарского дома. Новый Акт о риксдаге апробировало большинство депутатов и 22 июня 1866 г. он вступил в силу. Согласно его положениям выборы в первую палату становились непрямыми (выборщиков определяли ландстинги или собрания уполномоченных крупнейших городов), а избирательное право не распространялось на лиц, имевших годовой доход ниже 4000 риксдалеров или недвижимость до 80 000 риксдалеров. Не участвовали в выборах мужчины моложе 35 лет и женщины. Выборы во вторую палату стали прямыми и равными, в них могли участвовать мужчины с 21 года с годовым доходом от 800 риксдалеров или недвижимостью в 1000 риксдалеров¹⁴⁰.

Наследие этого и иных пережитков сословного риксдага ощущалось после реформы парламентского представительства еще весьма долго. Внутрипарламентские группировки по-прежнему почти не участвовали в выборных кампаниях, не велось общенациональных выборных дебатов. Низкой оказалась и политическая ангажированность основной массы населения. Так в 1866 г., на первые выборы во вторую палату, явилась едва 1/5 избирателей, да и в 1884 г. число их составило всего 25% - чрезвычайно мало по сравнению с куда более популярными и актуальными выборами в коммунальные органы самоуправления¹⁴¹.

¹³⁹ *Svedelius W.E.* Representationsreformens historia. Stockholm: Fahlcrantz & Co., 1889. S. 269-270, 444-456.

¹⁴⁰ *Vallinder T.* I kamp för demokratin: Rösträttsrörelsen i Sverige 1886-1900. Stockholm: Natur och kultur, 1862. S. 12.

¹⁴¹ *Esaiasson*, 1990. S. 68.

Собственно, в этом не оказалось ничего удивительного. Целью представительской реформы являлось повышение эффективности работы риксдага, а не демократизация избирательного права во вторую палату, – его получал лишь каждый пятый подданный старше 21 года. И даже в крупных городах, где избиралось несколько депутатов, преобладали одномандатные округа. Сравнительно долго сохранялась непрямая форма выборов – в большинстве городов они сменились прямыми в 1869, а в сельских – лишь в 1878 г. В результате применения такой системы из 125 депутатов первой палаты 49 оказались военными и штатскими аристократами и 40 – крупными помещиками-годсерами, 19 – промышленниками. Более половины депутатов здесь являлись членами Рыцарского дома, а в целом дворяне составили 2/3 части корпуса. Во второй палате из 190 депутатов 75 представляли зажиточное крестьянство, 32 – военных и чиновников, 23 – годсеров¹⁴².

Обманутые в своих надеждах на демократизацию риксдага, либералы довольно скоро перешли в наступление. В Стокгольме образовалось неолиберальное общество¹⁴³, радикальное крыло которого получило среди прочего поддержку второй палаты. Один из таких радикалов, Адольф Хедин и его единомышленники считали важной частью демократизации народное участие в политике. В своих программных «Пятнадцати письмах к депутатам риксдага» (1868) А. Хедин ратовал за распространение в массах политических собраний, где могли бы вестись свободные дискуссии – в том числе и по конституционным проблемам. Вскоре число таких собраний стало измеряться сотнями; неолибералов поддерживали 20 газет или 1/5 всей прессы Швеции¹⁴⁴.

¹⁴² *Jansson*, 1948. S. 300.

¹⁴³ Неолибералы – буржуазно-демократическая оппозиционная группировка, состоявшая из городской интеллигенции. В программе неолибералов значилось достижение всеобщего и равного избирательного права и лишение короля законодательной власти. Если «старые» либералы ставили своей целью личную свободу, мирясь с принятием политических решений элитой, то неолибералы полагали, что свободы уже достаточно для того, чтобы добиваться равноправия в политической деятельности.

¹⁴⁴ *Wallin*, 1961. S. 151-158, 160-169, 176-179.

Но лишь в Стокгольме им удалось провести во вторую палату риксдага несколько кандидатов, а в провинции все оставалось как прежде. Причиной этому стало преобладание в палате Партии сельских жителей (*lantmannapartiet*)¹⁴⁵ и близкой к правительству интеллигенции, которые игнорировали возможности активной предвыборной агитации на селе. Поэтому и вторые всеобщие выборы (1869) продемонстрировали слишком слабую организацию неолибералов, их отрыв от народных масс. Но этот горький опыт запомнился им надолго, они сделали из него нужные выводы. И уже в середине 1880-х гг. наследие сословной парламентской системы стало стираться. Среди членов Партии сельских жителей и других появилось стремление к оживлению в формировании общественного мнения. Началась практика предвыборных дебатов, которые стали приобретать общешведский масштаб и значение¹⁴⁶.

Ситуация стала меняться в правление Оскара II (1872-1907), консерватора, которому удалось вновь поднять политическое значение королевской власти. Это в очередной раз обострило конституционную проблему. Стало непонятно, как можно строить оптимальную модель управления державой в ситуации, когда аристократически-чиновничьей первой палате, где связующим звеном являлся король, противостояло более или менее широкое народное представительство оппозиционной второй палаты? Эта коллизия двух конституционно равноправных палат впоследствии стала почти постоянной. Возможно, именно этим объясняется появление в 1876 г. на конституционном поле Швеции новой фигуры – премьер-министра, что демонстрировало продолжающийся сдвиг власти от короля к правительству и риксдагу. При этом имел место не некий административный

¹⁴⁵ Лантманнапартитет – первая политическая партия Швеции с крепкой организацией, защищавшая права зажиточных крестьян. Они настаивали на пересмотре избирательных прав в пользу сельских округов, замену принципа территориального войска (которое собиралось среди владельцев податных земель) всеобщей воинской повинностью, на снижении содержания государственных чиновников, других мерах, ведущих к экономии государственных средств и, как следствие, уменьшению податей.

¹⁴⁶ *Esaiasson, 1990. S. 71-72, 76.*

кризис, скорее речь шла об усилении правительства.

Конкретно это выразилось в том, что, в совокупности с ранее проведенной реформой системы департаментов, функции премьер-министра должны были объединить эти ранее рассеянные структуры, содействуя более четко организованному управлению страной, ее политикой и экономикой. Что, между прочим, вполне соответствовало взглядам на управление страной даже такого либерала, каким был де Геер, который писал в своих мемуарах: «Без поста премьер-министра невозможно обойтись и в самой конституционной монархии»¹⁴⁷. Тем более, стоило бы добавить, что это нововведение сопровождалось некоторыми знаменательными сдвигами в ходе и результатах избирательных кампаний.

Либералам, представленным и в первой палате, удалось добиться в последней трети XIX в. значительных успехов как в расширении корпуса избирателей¹⁴⁸, так и в борьбе за женское равноправие, и в реформе воинской повинности. Индустриализация народного хозяйства (так называемый «второй промышленный прорыв»)¹⁴⁹ освободила домашний быт от использования физической силы, отчего уменьшилось число наемных служанок, которые теперь стали требовать участия в промышленном производственном процессе. Дворянкам же и дочерям чиновников мечталось о живой работе в административных учреждениях. В результате упорных действий либералы добились в 1880-х гг. от правительства ликвидации профессионально-трудовых ограничений для женщин. При этом лишение их ряда существенных прав по несовершеннолетию снизилось с 25 до 21 года (1884), а в 1898 г. замужние женщины получили право на

¹⁴⁷ De Geer L. Minnen. Del II. Stockholm: Norstedt & Sönners Förlag, 1892. S. 193.

¹⁴⁸ В относительно благополучные периоды, например в 1870-х гг., число избирателей быстро росло, что обычно связывают именно с экономической конъюнктурой: *Andrén G. Tvåkamarsystemets tillkomst och utveckling // Sveriges riksdag. Bd. IX. Stockholm, 1937. S. 205.*

¹⁴⁹ «Первый промышленный прорыв» имел место в 1860-х гг., второй – в 1880-х (*Gårdlund T. Industrialismens samhälle. Stockholm: Tidens förlag, 1942. S. 84-87, 117-120, 353-360.*)

личную собственность – ранее оно принадлежало мужьям¹⁵⁰.

Заметную роль в демократизации выборов и конституционных реформах будущего сыграл созданный в 1890 г. Всеобщий шведский союз борьбы за права избирателей (Sveriges allmänna rösträttsförbund). Первым результатом его деятельности стала кампания марта 1893 г., приведшей к избранию так называемого «народного риксдага». В его неполный состав (не 123, а 119 депутатов, остальным помешало добраться до столицы дрейфующий лед между островами) вошло 30 социал-демократов и 89 либералов. Они составили обращение к королю с требованием всеобщего равного избирательного права, причем для женщин тоже. Однако Оскар II смысл этого документа игнорировал, напомнив депутации, что на этот счет имеются конституционные положения, которые он менять не имеет права. Вторая сессия «народного риксдага» состоялась в мае 1896 г., на ней депутаты подготовили петицию в правительство, которую подписали 364 000 избирателей, из которых 63 000 составляли женщины. А затем, в 1899 г. еще одна – и с равным неуспехом¹⁵¹.

Однако они оказали на власти скрытое воздействие, тем более сильное, что сопровождалось народными волнениями. И в первые два года XX в. риксдаг принял закон о всеобщей воинской повинности, но со значительным снижением срока службы – до 8 месяцев для пехоты и 1 года для артиллерии и других специальных родов войск (1901). Через год удалось провести закон о прогрессивном налоге с доходов и, наконец-то, о равноправном доступе к выборам в риксдаг – для мужчин с 25 лет, отслуживших в армии и плативших государственный и коммунальный налоги. Количество новых избирателей при этом возросло, они составили

¹⁵⁰ *Löfgren E.O.* Oskar II // *Sveriges historia genom tiderna. Fjärde delen.* Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948. S. 408. Следует отметить, что в 1880-х гг. произошел всплеск рабочего протестного движения, которое выразилось как в митингах и демонстрациях, так и в стачках и в подаче петиций – в 1888 г. Рабочий союз Стокгольма собрал под такой петицией 36 000 подписей (*Påhlman A., Sjölin W.* *Arbetsföreningarna i Sverige 1850-1900.* Stockholm: Kooperativa Förbundets bokförlag, 1944. S. 182, 295-263).

¹⁵¹ *Vallinder,* 1962. S. 33-34, 104, 109, 284-285.

2/5 от старого корпуса. При этом ранее малозначащий Шведский союз борьбы за права избирателей преобразовали в гораздо более действенное Национальное объединение свободомыслящих (Frisinnade landsföreningen).

1905 г. стал годом расторжения шведско-норвежской унии – после того, как шведский риксдаг отменил старый Государственный акт, а Оскар II официально отказался от короны Норвегии. После этого на повестку дня стала проблема всеобщего избирательного права при выборах во вторую палату. Проект этой реформы конституции подготовил глава правительства адмирал А. Линдман. Он предложил снизить возраст избирателей с 25 до 24 лет вне зависимости, платят ли они налоги или нет. А для того, чтобы увеличить число избирателей депутатов в первую палату, имущественный ценз также предлагалось снизить до 3 000 крон годового дохода – что могло заменить обладание недвижимостью от 50 000 крон. Это предложение провели в 1907 г. через риксдаг, а в 1909 г. новый закон вступил в силу¹⁵².

Самой же яркой победой либералов стал введенный ими в практику (при вынужденном содействии короля) закон об образовании правительства на парламентской основе (1907), в 1909 г. его включили в конституцию¹⁵³. Лишь теперь в Швеции стала фактом не просто парламентская форма правления, а полноценный парламентаризм. Он имел некоторые недочеты, но ликвидация их стала лишь вопросом времени. Стремлению усовершенствовать конституцию мощно содействовали нужда и лишения периода Первой мировой войны. И едва она стала подходить к концу, как о реформе Основного закона начались парламентские дебаты.

В 1918 г. апреле риксдаг внес предложение о демократизации коммунальных выборов, но его отклонила первая палата. Но уже на осенней сессии, начавшейся на фоне ноябрьской революции в Германии, положение изменилось – назревала революционная

¹⁵² *Melin o. a.*, 2003. S. 303.

¹⁵³ *Löfgren B.*, *Tham W.* *Demokratins gennombrottstid 1905-1920 // Sveriges historia genom tiderna. Femte delen.* Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1953. S. 36.

ситуация и на Севере. Взлетело вверх количество забастовок, демонстраций, локаутов, королевский дворец охраняли пулеметные команды и т.д.¹⁵⁴. Правые, всеми силами стремившиеся не допустить реформы избирательного права, стали объектом всеобщей критики, против них выступал даже король. В результате на следующей сессии риксадага прошел закон о всеобщем избирательном праве – теперь уже без имущественного ценза на коммунальных выборах, – а женщины получили возможность участвовать не только в коммунальных, но и парламентских выборах и также право быть избранными. При этом возрастной ценз повысили на коммунальных выборах с 21 до 23 лет – в качестве уступки консерваторам. По той же причине остался в силе и недопуск к выборам лиц, получавших пособия по бедности.

После реформ шведского представительства в 1909 и 1918 гг. иных изменений в конституции страны не произошло до 1919 г., когда право голоса получили все граждане государства (мужчины и женщины) не моложе 18 лет. Таким образом, Швеция стала последней из скандинавских стран, принявшей закон о всеобщем избирательном праве. Вторая принципиальная реформа имела место только в 1971 г. – двухпалатный парламент стал однопалатным, состоящим из 350 депутатов (ныне – из 349). Наконец, в 1974 г. утвердили окончательный текст конституции, в котором ведущее место отводилось спикеру (*talman*), а в 1979 г. закон о престолонаследии дополнили статьей, согласно которой государством может управлять женщина.

В отличие от зарубежных (прежде всего английской) моделей, шведское правительство на протяжении всего этого периода не испытывало абсолютной необходимости в поддержке парламентского большинства. Оно могло опираться и на меньшинство, но при условии, что большинство депутатов риксадага терпит это правительство и даже доверяет ему. В этой связи уместно вспомнить определение парламентаризма, выведенное в Швеции еще в

¹⁵⁴ *Björklund C.J. Första maj och förstamajdemonstrationerna. Stockholm: Tidens Förlag, 1966. S. 120-121*

первой трети XX в.: «Парламентской моделью управления понимается такая ее форма, когда правительство может при исполнении своих функций пользоваться доверием парламента»¹⁵⁵.

Древнейшие правовые памятники Датского королевства относятся к XIII в., более старые не сохранились. Но и те, что дошли до нас (имеются в виду судебники), отражают областное¹⁵⁶, а не общегосударственное право. Хотя уже в X в. начало складываться централизованное государство, а в XI в. уже существовал единый аппарат управления. Первым общедатским правовым кодексом стало Ютландское право (*Jyske Lov*), составленное в правление Вальдемара II Победоносного (1202-1241) на основе упомянутых памятников. В нем утверждался порядок престолонаследия и законность власти короля, обязанности и права сословий, перечислены привилегии дворян, определена структура налоговой системы. В Ютландском праве заметно сильное влияние канонического права, многие определения заимствованы из средневековой церковной литературы. Некоторая часть таких заимствований восходит к наследию Исидора Севильского (ок.560-636)¹⁵⁷.

Несмотря на то, что впоследствии в Дании появились другие кодексы, сменившие Ютландский закон, в отдельных областях бывшего королевства Вальдемара II он сохранил свое значение на протяжении немалого времени. Возможно, причина здесь кроется в самом тексте кодекса. Законы изложены с глубоким пониманием предмета и великолепной юридической эрудицией, а статьи выстроены в логической последовательности. О том, что

¹⁵⁵ *Brusewitz A.* Vad menas med parlamentarism? Ett försök till typologisk bestämning // *Statsvetenskaplig Tidskrift*, 1929. S. 234.

¹⁵⁶ В XIII в. и, конечно, ранее уже существовали «Зеландское право», Сконское право» и «Ютское право».

¹⁵⁷ Текст памятника опубликован в: *Petersen N.M.* Kong Valdemar den andens Jyske Lov // *Nordiske Oldskrifter udgivne af Det Nordiske Literatur-Samfund*. Bd. IX. Kjøbenhavn: Brødrene Berlings Bogtrykkeri, 1850. S. 3-88.

Ютландскому закону отдавали должное многие поколения датчан свидетельствуют следующие факты: в герцогстве Шлезвиг он сохранял свою силу до 1 января 1900 г., а в Южном Шлезвиге некоторые из его положений действительно до сих пор, как и в Южной Ютландии (береговое право).

После создания этого шедевра эпохи Вальдемара II в истории государственно-правового творчества Дании наступил длительный перерыв. Лишь король Кристиан II (1513-1523) подготовил два уложения – Городское (Bylov) и Земское (Landlov), в которых содержались важные и для своего времени демократические достижения. Устоявшаяся в городах Северной Европы система самокооптации членов городского совета была первым из названных уложений заменена выборным началом, что делало участие бюргеров в управлении более широким. Здесь же он выступил против одного из положений Ютландского закона, отменив береговое право. В Земском уложении король пошел еще дальше, запретив продавать крепостных крестьян и разрешив им выкупаться на волю, одновременно введя норму отработок в жесткие рамки. Однако бурная политическая жизнь Кристиана II и катастрофическое его падение не позволили ему осуществить ни одно из уложений на практике – за исключением отдельных положений.

После Кристиана II его наследники на датском престоле долго не предпринимали попыток упорядочения основных законов королевства – вплоть до становления абсолютистского режима. Такого рода власть датского монарха над его подданными стала фактом в 1660 г., что было официально утверждено через 5 лет изданием Королевского закона (Kongeloven) – сводом положений, среди которых встречаем следующее: «самодержавный, наследственный король Дании–Норвегии должен почитаться всеми подданными как высший и единственный на земле глава, стоящий над всеми человеческими законами и никакого другого главы или судии в духовных или светских делах нет над ним, кроме Бога»¹⁵⁸. И это установ-

¹⁵⁸ Цит. по: *Hansen B., Haue H., Livijn C., Sørensen P.* Danmark i tusinde år. København: Politikens Forlag, 1991. S. 19. Далее: *Hansen o. a.*, 1991.

ление не оставалось благим пожеланием датских королей самим себе – с годами оно становилось все более очевидной реальностью. И уже через век-полтора непреложность и высшая справедливость Королевского закона стали для подданных монарха столь же естественным и искренним убеждением, как вера в Бога.

В XVIII в. Дания считалась едва ли не самой абсолютистской державой в Европе; власть монарха была почти тоталитарной. Английский дипломат лорд Чарьер высказал в 1720 г. свое мнение на этот счет следующим образом: «Абсолютизм суверена зашел в Дании куда дальше, чем во Франции. На этом здесь строится вся политика, а сумасшедшая страсть, с которой эта ситуация поддерживается, неопишимо велика». Королевская власть рассматривается правящим домом как «драгоценное и безупречное сокровище», и как таковая она должна «сохраняться незыблемо и во всей своей полноте»¹⁵⁹.

Убеждение, весьма традиционное для Ольденбургов на закате этой династии¹⁶⁰ приняло в XIX в. психологически труднообъяснимые черты. Они постоянно опасались своей аристократии, подозревая ее в замыслах, касавшихся захвата высшей власти, хотя причины к этому, особенно после решительного укрепления абсолютизма в 1660 г., отсутствовали. Другими словами, это была тревога, схожая с фантомной болью, но она имела вполне реальные следствия – короли предпочитали опираться на «новое дворянство» или на иностранцев: и те, и другие целиком зависели от монарха, будучи обязаны ему своим возвышением. Существовало даже негласное положение о том, что в высшем административном органе державы, Канцелярии, не могло быть более одного чиновника датского или голштинского происхождения. Хотя опасаться монархам следовало не оттесненной от центральных политических ролей старой элиты, а группировок, принадлежащих к нарож-

¹⁵⁹ Цит. по: *Cedergreen Bech S. Oplysning og Tolerance, 1721-1784. København: Politikens Forlag, 1965. S. 35. Далее: Cedergreen Bech, 1965.*

¹⁶⁰ Со смертью бездетного Фредерика VII в 1863 г. последнего из Ольденбургов на датском троне сменил представитель Глюксбургского дома под именем Кристиана IX.

дающей буржуазии или интеллигенции, преданной идеалам Просвещения. Наконец, еще одной ахиллесовой пятой датского абсолютизма становились отношения монархов с помещиками (годсерами), чьи интересы чем дальше – тем больше расходились с государственным резонансом.

Конечно, в век Просвещения Дания не могла оставаться в стороне от этого идейного течения, оставившего глубокие следы в истории ее социального, духовного и культурного развития¹⁶¹, что нашло отражение в деятельности всемогущего временщика И.Ф. Струэнзе (1737-1772) и его единомышленников, называвших себя «друзьями реформ»¹⁶². Они подвергали суровой критике устаревшие хозяйственно-экономические и социальные модели, возлагая все надежды национального развития на третье сословие. Однако Струэнзе и его кружок оставались кабинетными реформаторами или «реформаторами письменного стола», как их называли современники¹⁶³. Поэтому его фактическое правление почти не оставило по себе следов, тем более, что в 1784 г. произошел так называемый «переворот Гульдберга», секретаря Тайного кабинета, ставившего себе целью возврат к старой правительственной системе и уничтожение всех достижений Струэнзе, какими скромными они ни были.

Но объективный процесс либерализации в политической и, прежде всего, в социальной и экономической жизни, запущенный

¹⁶¹ О влиянии на духовную жизнь датчан этого периода философских систем Вольтера, И.Г. Гердера, Дж.Э. Коллинза см. в: Возгрин В.Е. Датские историки XVII-XVIII вв.: начало пути к национальной позитивистской историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы двенадцатой ежегодной научной конференции. РХГА: СПб., 2011. С. 237-238.

¹⁶² Проекты преобразований И.Ф. Струэнзе касались свободы печати, стремления достигнуть в деятельности высших органов правительственной власти большей быстроты, порядка и простоты, установления твердого государственного бюджета, упорядочению государственных финансов, улучшения судопроизводства, отмены пыток, уничтожения покровительственной системы, поднятия земледелия в связи с улучшением положения крестьян, замены натуральной ренты денежной, перечисления некоторых доходов (как зундская пошлина) из королевских в государственные, уравнивания прав граждан, отмены прерогатив дворянства.

¹⁶³ *Cedergreen Bech*, 1965. S. 437.

временщиком, нашел свое продолжение после его гибели в либерализации политической жизни и реформах сельской экономики и социальных устоев датского села. Правительство 1784 г. активно помогало развитию аграрного сектора и торговли (постройка Кильского канала), и, что важнее, – не мешало медленному, но стабильному движению общества по направлению к духовному и социальному освобождению. Поэтому глубоко верно замечание одного из датских историков относительно того, что «июньская конституция 1848 г. лишь закрепила успехи либерализации датского общества», достигнутые за предшествовавшие полвека, «отчего и абсолютизм на последнем этапе своего существования был столь мягок, а переход к новому [строю] – столь спокоен и гармоничен»¹⁶⁴.

С 1784 г. датское общество твердо стало на путь экономического и социального реформирования в либеральном направлении – но не в политическом отношении. Новые люди при всей их реформаторской настроенности сочли бы абсурдной саму мысль об изменении формы верховной власти или о возможности доступа более или менее широких масс к управлению экономикой. Но при этом они сочувствовали беднейшим слоям населения и стремились помочь им посредством бесспорно гуманных постановлений и законов. Так, выделявшимся из общины крестьянам казна оказывала чувствительную помощь в размере 50-100 ригсдалеров на двор¹⁶⁵; смягчались наказания за маловажные проступки, практически ликвидировалась смертная казнь – и с датских холмов впервые со времен Средневековья исчезли стационарные виселицы¹⁶⁶.

¹⁶⁴ *Brøndsted M. Reform og Fallit, 1784-1830.* København: Politikens Forlag, 1964. S. 110. Далее: Brøndsted, 1964.

¹⁶⁵ *Det danske Landbrugs Historie. Bd. V.* København: G.E.C. Gad, 1945. S. 414.

¹⁶⁶ *Brøndsted*, 1964. S. 110. В то же время имели место и реакционные нововведения. Правящий дом с начала 1790-х гг. сильно раздражала столичная пресса. В ней не только велись дискуссии об альтернативных формах правления, но встречались сомнения в божественности Святого писания и нападки на пасторов как на «духовных тиранов». Наконец, в 1797 г. была создана правительственная Комиссия по делам печати, которая подготовила законопроект, принятый в 1799 г. Отныне все печатные издания перед распространением должны были предьявляться полицией-

Большое значение получил Закон 20 июня 1788 г. о барщине. Он ее не отменял, но вводил в рамки – ранее определение нормы отработок зависело от помещичьего произвола. Теперь правительство обратилось к помещикам и фестерам с предложением совместно определить эту норму с учетом плодородия почвы, близости рынка и т.д. Достижение такого соглашения по всей стране заняло несколько лет, зато в 1799 г. его утверждали на вечные времена. Не менее важной была статья закона 1788 г. об отмене военно-приписной системы, которая ограничивала крестьян в выборе и смене места жительства. Кроме того, военно-приписная система фактически привязывала фестеров к хозяину, отчего они по праву считали себя полукрепостными. Теперь помещики утратили важную привилегию в виде права на набор рекрутов, что они ранее использовали как метод устрашения и подчинения крестьян¹⁶⁷.

Из предпосылок для первой свободной, то есть, ограничивающей власть короля конституции, следует прежде всего назвать Великие сельские реформы конца XVIII в. Их результатом стал начавшийся переход от модели помещичьего сельского хозяйства к экономике, основой развития которой стала преобладающая масса новых крестьян-собственников. К 1818 г. в островной части королевства им принадлежала уже половина дворов; на Ютландском же полуострове фестеров осталось к этому времени всего несколько процентов¹⁶⁸. Эти результаты реформ имели огромное значение для повышения доходности аграрного производства благодаря интенсификации сельского хозяйства в целом. Уже к 1800 г. урожаи зерновых и поголовье скота увеличились вдвое, заметно ускорился и рост населения¹⁶⁹. Собственники, в отличие от полумейстеру для цензурирования их. Кроме того ранее свободная издательская деятельность ограничивалась введением королевских лицензий *Brøndsted*, 1964. S. 194-195, 201.

¹⁶⁷ *Bjørn C.* The Peasantry and Agrarian Reform in Denmark // *Scandinavian Economic History Review*. Vol 25. 1977. P. 123-124.

¹⁶⁸ *Ladevig Petersen E.* Fra standssamfund til rangssamfund. København: Gyldendal, Nordisk Forlag A.S., 1980. S. 112.

¹⁶⁹ Danmark mellem feudalisme og kapitalisme. Aarhus: Universitetsforlag, 1974. S. 56.

крепостных фештеров-держателей, могли более свободно выбирать сельскохозяйственные культуры, модель севооборота и т.д., то есть планировать свою деятельность в соответствии с требованиями европейского и не только европейского рынка. После всеобщего кризиса сбыта 1820-х гг., с 1840-х гг. начинается подъем цен на хлеб, а в 1840-х – вызванный им рост аграрного производства и сбыта¹⁷⁰. Увеличивавшиеся доходы от продажи зерна стали, среди прочего, основой перехода от натуральной к денежной экономике. Повсеместно сводилась сложная плодопеременная система, велась мелиорация переувлажненных неудобий и болот, мергелевание кислых почв, поднималась целина (главным образом на ютландских пустошах). На смену самодельным сельскохозяйственным орудиям пришла фабричная продукция, что не только интенсифицировало аграрное производство, – все более широкий спрос на нее стал в 1840-х гг. причиной зарождения и быстрого развития национальной индустрии.

В ногу с этим процессом шли психологические перемены в сознании крестьянства и бюргерства, остававшихся в экономической зависимости – в городе от промышленников, на селе от годсеров-помещиков. Поэтому росло стремление основной массы населения к полной самостоятельности, к повышению своего культурного уровня через образование. Следует признать, что правительство шло навстречу этим желаниям – с 1814 г. было введено всеобщее 7-летнее образование, в том числе и для девочек. На селе росла грамотность, и уже в середине XIX в. процент неграмотных датчан стал одним из самых низких в мире¹⁷¹. Но гораздо раньше результаты школьной реформы сказались в области менявшейся этнопсихологии. В 1830-х гг. в датском городе и селе

¹⁷⁰ Подробнее см. в: *Возгрин В.Е.* Датское крестьянство в XVI – середине XIX в. Гл. 3. Аграрные реформы и буржуазная перестройка деревни // *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том третий. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений.* М.: Наука, 1986. С. 301-306.

¹⁷¹ *Haue H., Olsen J., Aarup-Kristensen J.* Det moderne Danmark 1840-1992. København: Munksgaard, 1993. S. 7. Далее: Haue o. a., 1993.

значительно расширилась и впервые в истории страны стала массовой тяга к экономическому, национальному, конфессиональному самоопределению. И в этом отношении государственная власть шла навстречу новым веяниям, желанию сельских и городских масс участвовать в принятии решений, которые касались их не только напрямую, – речь шла о политическом сотрудничестве в масштабах нации. Расширялись демократические права локальных и центральных сословных собраний. Они получали возможность доводить свое мнение до сведения правительства – пока в рамках совещательной правовой системы. Впрочем, некоторые исследователи утверждают, что в отдельных случаях этим собраниям могла делегироваться и законодательная функция¹⁷².

Однако у этого процесса имелись и противники в лице консервативно настроенных кругов города и села. В традиционном статичном городском обществе ремесло и торговля защищались цеховым законодательством, системой привилегий (лицензий), а вне города некоторые виды занятий были с давних пор запрещены. Однако под влиянием общеевропейских либеральных идей росло недовольство такими ограничениями. Немногочисленный поначалу круг датских либералов все более заметно поддерживался динамичной частью бюргерства, начавшей организовываться. Так в 1838 г. возник Промышленный союз (Industriforeningen). Впрочем, в противовес ему сторонники сохранения цеховых уставов и привилегий образовали свой Ремесленный союз (Haandværkerforeningen). Это движение перекинулось и на деревню, где в 1840-х гг. крестьяне стали создавать сеть Сельских союзов (Landboforeninger), целью которых стал выход беднейших и среднезажиточных хозяев из экономической зависимости от годсервов. Более общие цели ставили себе упоминавшиеся сословные собрания. В мае 1839 г. правительство приняло постановление об образовании четырех таких собраний (для материковой части королевства, островов, Шлезвига и Голштейна). Их задачей стала разработка новых предложений правительству по реформированию гражданских

¹⁷² *Haue o. a.*, 1993. S. 34.

и имущественных прав подданных, по налогам и общественным сборам¹⁷³.

Демократия сословных собраний оказалась весьма ограниченной. Их сессии происходили лишь раз в два года. При этом выборы в состав собраний были непрямыми, а выборщикам полагалось были обладать значительным имуществом. Таким образом, члены собраний избирались лишь тремя процентами населения (в столице – полутора процентами). Зато при выборах не играло никакой роли дворянское происхождение, как это было, например, в Пруссии. Показательно, что в первый состав собраний попали даже ремесленники. Но еще более важное значение приобрел тот факт, что среди их членов оказались опытные политики, умевшие профессионально направлять дискуссии к конструктивным решениям. Как говорилось выше, собрания имели только совещательные prerogatives по отношению к абсолютной королевской власти, да и то лишь во внутренних делах. Проблемы внешней политики, обороны государства и т.п. не входили в их компетенцию¹⁷⁴.

Но значение собраний не стоит преуменьшать – они представляли собой некую теплицу, в которой давали всходы ростки демократических институтов и традиций будущего. Их участники были свободны в выборе предмета обсуждений и дебатов. Наиболее часто здесь дискутировались проблемы уравнивания налогов, отмены барщины и остатков крепостной зависимости, продолжения Великих аграрных реформ конца XVIII в. Положения, которые вырабатывались, в ходе столкновения мнений. Они быстро становились достоянием широкой общественности, так как печатались в собственных ведомостях сословий, откуда нередко переходили в многотиражные газеты. Благодаря деятельности сословных собраний в 1840-х гг. в датской деревне уже сложилось, как утверждают, общественное мнение¹⁷⁵.

¹⁷³ Skovmand R. Folkestyrets fødsel 1830-1870. København: Politikens forlag, 1964. S. 138-139. Далее: Skovmand, 1964

¹⁷⁴ Текст Положения о введении сословных собраний приведен в: *Bojsen Schmidt J. Fra Danehof til Folketing*. København: Nyt Nordisk Forlag Arnold Busk, 1963. S. 51-54. Далее: *Bojsen Schmidt*, 1963.

¹⁷⁵ *Haue o. a.*, 1993. S. 10.

Такая ситуация не представляла опасности для абсолютистского режима, но она создавала для него чисто психологический дискомфорт. Поэтому правительство Кристиана VIII (1839-1848) оказывало на сословные собрания давление. Их лидеров арестовывали, заключали в тюрьму, ведомости собраний жестко цензурировались. Король, демонстрируя таким образом свою самодержавную власть многое терял в глазах подданных, ранее, в общем-то, ему традиционно преданных. Этот процесс начавшегося внутреннего распада столь стройной ранее абсолютистской системы ни для кого не являлся секретом – и менее всего для короля. Однако в силу своих внутренних качеств, своей психологии¹⁷⁶, он не мог поступать иначе, несмотря на то, что наиболее прозорливые представители датской аристократии настойчиво, но тщетно советовали ему сменить свою политику на более либеральную – в духе Просвещения¹⁷⁷.

Более близкими духу времени оказывались массы. Происходило нечто, в датской истории неслыханное – традиционно чуждые друг другу город и село стали объединяться в общей борьбе против режима. Городские ремесленники находили поддержку у хозяев из близлежащих сел, а требования тех и других принимали отточенную форму под пером либерально настроенной интеллигенции («академиков», как их называли в Дании), попутно борющейся и за собственные свободы. В 1846 г. либералы города и крестьяне, требовавшие социальных перемен, создали (по инициативе первых) «Общество друзей крестьян» (*Bondevennernes Selskab*), сыгравшее

¹⁷⁶ Кристиану VIII в чисто личном плане были близки идеалы демократии. Так еще в 1814 г., в бытность свою регентом Норвегии, он стоял за принятие знаменитой Эйдсвольвской конституции, за что и был избран норвежцами королем. Впоследствии, уже вернувшись в Данию, он ввел Закон о сельских коммунах (1842), позволявший крестьянам участвовать в выборах администрации амтов и согнов. Эти выборы стали с течением времени настоящей школой для сторонников местного самоуправления и становления сословной конституции (*Skovmand*, 1964. S. 190, 193, 195).

¹⁷⁷ *Jørgensen E.S. Partier og partimodsætninger 1848-1864 // Den politiske magtkamp 1866-1901 / Red. af Per Salomonsen. Viborg: Jørgen Paludans forlag, 1968. S. 14. Далее: Jørgensen, 1968 «а».*

впоследствии значительную роль в совершенствовании датской конституции. Оно действовало, в отличие от других социально-политических группировок, по своей четкой программе: введение всеобщей воинской повинности, отмена барщины, передача земли в наследственную собственность фестерам и т.д.¹⁷⁸ То есть, в целом они стояли за социальное и политическое равноправие крестьян по отношению к другим слоям населения.

После смерти Кристиана VIII (1848) и последовавших конституционных преобразований «друзья крестьян» активно включились в политическую жизнь и за полтора года добились впечатляющих успехов, проявив такую творческую энергию и организационную зрелость, что обошли в своей многосторонней деятельности остальные политические группировки. Велика их заслуга и в конституционном строительстве. После того, как 28 января 1848 г. официально гарантировалось дарование стране свободной конституции, они буквально за две недели подготовили для короля адрес с 7 000 подписями их сторонников из 89 согнов, где требовали создания комиссии для решения назревших сельских проблем. А когда в марте абсолютистский режим рухнул, они сделали следующий решающий шаг, настаивая на всеобщем и равном участии в выборах в Законодательное собрание и представили уже готовый список кандидатов из 43 округов островной части королевства (всего их насчитывалось 53). А уже после принятия конституции, на первых выборах в фолькетинг (1849) они, опираясь и на своих ютландских сторонников, провели в эту палату своих кандидатов (33 из 46), добившись в ней большинства¹⁷⁹.

Путь к такой впечатляющей победе был непрост. Задача предвыборной агитации осложнялась тем, что среди взрослого населения все еще имелось довольно много неграмотных, да и печатные издания в те годы обходились недешево. Поэтому «друзья крестьян» сделали ставку на личные контакты с избирателями, опираясь на свои отделения на местах. Этот метод не только расширял возмож-

¹⁷⁸ *Jørgensen*, 1968 «а». S. 9.

¹⁷⁹ *Jørgensen*, 1968 «а». S. 10.

ности устной агитации психологическим убеждением. Он позволял установить обратную связь, благодаря чему правление Общества получало информацию о менявшихся настроениях избирателей из самых дальних округов. Это позволяло оперативно совершенствовать содержание пропаганды, а также вербовать сторонников из числа наиболее активных хусманов-домовников и батраков, объединяя их в избирательные комитеты. Использовали «друзья крестьян» и такие организационные формы работы с населением, как создание обществ страхования от пожаров, сберегательных и кредитных касс и т.д. Эти институты не только сами по себе приносили пользу крестьянам, но и выводили их из-под влияния годсеров, торговцев, местных чиновников и других политических противников Общества. Они стали настоящей школой, готовившей активистов и рядовых сторонников будущего местного самоуправления.

Но «друзья крестьян» вели не только созидательную, но и наступательную политику. Уже на первом съезде Общества, состоявшемся в Рингстеде в 1846 г., его члены приняли обязательство в будущем отдавать свои голоса только сторонникам свободной конституции, борясь с консерваторами и вовлекая в эту борьбу широкие круги крестьянства¹⁸⁰. И это решение сразу же широко распространилось среди жителей города и деревни. То есть, Общество добилось сотрудничества бюргеров и крестьян, ранее немыслимого не столько по экономическим причинам (им нечего было делить, не в чем конкурировать), сколько по известному психологическому противостоянию города и села. А это, в свою очередь, сделало возможными и успешными массовые политические выступления 1848 г., самым мощным из которых стала в этом году мартовская демонстрация горожан и жителей села¹⁸¹.

Всеобщее избирательное право являлось одной из приоритетных задач Общества, но именно его неуступчивость в этом

¹⁸⁰ Petersen, 1969. S. 273.

¹⁸¹ Об этой демонстрации см. в: *Scocozza B., Jensen G. Danmarkshistoriens hvem, hvad og hvornår. København: Politikens Forlag, 1999. S. 234.* Далее: *Scocozza, Jensen, 1999.*

вопросе оттолкнуло от него либералов, которые вышли из рядов «друзей крестьян», образовав собственную группировку, впоследствии занявшую срединное положение между Обществом (позднее известной под именем демократической народной левой партии Венстре) и консерваторами. Основным противоречием в этом размежевании стало уважение либералами частной собственности (в том числе и помещичьей), к которой «друзья крестьян» относились несколько нигилистически. Они переносили на земельную проблему политический принцип равноправия, то есть, идею «справедливого» разделения земель между всеми сельскими жителями. Свою роль сыграло и чисто психологическое отчуждение, возникавшее между высокообразованной либеральной интеллигенцией и основной массой членов и сторонников Общества друзей крестьян, среди которых еще имелось немало полуграмотных.

Имелись и другие противоречия, также психологического плана, отделявшие либералов от народа – такое, например, как упоминавшееся взаимное неприятие города и деревни. И хотя «друзья народа» и либералы достигли единства во время борьбы за конституцию, первые выборы прошли под знаком конфронтации. Доходило до драк между горожанами и крестьянами, которые приходили в город голосовать за «своих», возникали настоящие волнения. В результате, когда в 1848 г. в Копенгагене и Орхусе наметился подъем радикального крестьянского движения, оно попало между двумя жерновами – городским и правительственным – и сгнуло. Но все же самая высокая стена между этими группами населения воздвиглась, повторяем, в плане различий в воспитании, кругах общения и уровне образованности.

Ядро группировки либералов составляли люди с высшим образованием, которые были в курсе всех новейших идей и политических веяний в Европе, чувствуя себя – и только себя – достаточно квалифицированными для того, чтобы находиться у власти и нести ответственность за свою политику. Поэтому они считали себя вправе представлять весь народ. Но именно эта квалификация отдаляла их от народа, который им не доверял, не видя в них наци-

ональных вождей даже в потенции. В отличие от «друзей народа» они оставались для сельских жителей чужими даже чисто психологически – при всей их преданности общему делу. Приведем пример: в 1855 г. на выборах в ландстаг крестьянские выборщики провалили кандидатуру графа А.В. Мольтке, человека, обладавшего огромными заслугами перед движением за свободную конституцию, который в 1848 г. много сделал для того, чтобы облегчить переход от абсолютной монархии к конституционной. Но теперь вместо него избрали потомственного фюстера, хотя знали, что граф, человек безукоризненной частности, составил бы гордость любой партии. Либеральная Дагбладет писала по этому случаю: «Свобода когда ею злоупотребляют на выборах, представляет собой большую опасность, чем Мольтке, если бы его избрали в ригсдаг, пусть даже он голосовал бы против ваших и наших пожеланий»¹⁸².

Политика короля и правительства 1840-х гг. по отношению к важнейшим внутренним проблемам отличалась своей непоследовательностью, объяснить которую можно также только психологическими причинами – в социальной и экономической сфере за это двадцатилетие каких-то метаморфоз не отмечено. И именно на психологию масс оказали свое воздействие известные события в Европе революционного 1848 г. Известие о Французской революции в феврале этого года прежде всего раздули тлевшую национальную проблему в герцогствах. Германская шлезвиг-голлштейнская либеральная буржуазия, поддерживавшая герцогский дом в его стремлении к большей независимости от короны, столкнулась с обострившейся проблемой датско-немецкого двуязычия, точнее, с требованием местных датчан равноправия их языка с немецким во всех областях административной, культурной и бытовой практики.

Второй, еще более важной для королевской власти проблемой стал подъем движения за свободную конституцию, бесспорно, вызванный воздействием событий во Франции на позицию датских

¹⁸² Цит. по: *Jørgensen «a»*, 1968. S. 14.

либералов. И это воздействие можно также отнести к чисто психологическим, так как они не имели никаких политических контактов с идеологами и практиками революционного Парижа. Не говоря уже о том, что эта датская группировка выдвинула собственную программу единого государства, включая герцогства, после чего они стали называться национал-либералами.

Подъему конституционного движения 1848 г. имелась и своя собственная, датская причина. Ради объективности следует признать, что перед Кристианом VIII стояла неразрешимая задача. С одной стороны, он отдавал себе отчет в том, что должен даровать народу свободную конституцию, а герцогствам – право на национальное самоопределение (и то, и другое соответствовало духу времени), а с другой – был обязан хранить единство древней державы всей властью абсолютного монарха. Он умер (январь 1848 г.), не решив ни одной из этих задач. И лишь его преемник Фредерик VII (1848-1863) пошел на более решительные действия. Впрочем, его подвигли на это и чисто внешние обстоятельства.

В феврале 1848 г. правительственные круги герцогств решили направить в Копенгаген делегацию с требованием свободной конституции для Шлезвиг-Голштейна и решения о приеме Шлезвига в Германский союз. Она еще находилась на полпути от датской столицы, когда там состоялась многотысячная демонстрация. Ее участники, пришли на площадь перед дворцом Амалиенбург и потребовали от нового короля свободной конституции. Некоторые историки утверждают даже, что в очередной раз созрела «предреволюционная ситуация»¹⁸³. Однако до столкновений дело не дошло – очевидно, оттого, что Государственный совет благоразумно распустил королевский кабинет министров (19-20 марта). Что, по сути, означало конец абсолютной монархии, павшей в результате этой бескровной революции. А через два дня был образован новый совет министров, в который вошли сразу три лидера либерального движения (Орла Леман, Д.Г. Монрад и Л.Н. Видт), да и возглавил его граф А.В. Мольтке, известный своими вольнолюбивыми взгля-

¹⁸³ Skovmand, 1964. S. 240.

дами. В датской историографии это правительство получило название Мартовского.

В Голштейне между тем начались волнения. Местное население, прежде всего бюргеры, восприняли упомянутые перемены в Копенгагене как государственный переворот, направленный против короля и законного правительства. А когда новое правительство отклонило требования делегации, в герцогствах началось восстание против датской власти. В Киле образовалось Временное правительство, тут же признанное Германским союзом, направившим в его поддержку прусские войска. Поэтому первой акцией Мартовского правительства была всеобщая мобилизация¹⁸⁴ и выдвижение армии к южной границе Ютландского полуострова. И тут же начались военные действия, спровоцированные немцами. В апреле датчане потерпели от превосходящих немецко-герцогских сил поражение, после чего противник оккупировал Ютландию вплоть до Орхуса. Эта война шла с перерывами до середины 1849 г., окончившись на условиях *status quo ante bellum*. Но само военное положение, недавняя угроза немецкого вторжения и на острова, оказывали сильное воздействие на участников разработки конституции – членов образованного по указу короля выборного Законодательного собрания¹⁸⁵. Для максимального ускорения этого процесса законодатели решили принять за готовый образец бельгийскую конституцию 1831 г.¹⁸⁶

Однако война и демократические настроения масс заставили консерваторов уступить национал-либералам, что придало проекту конституции более либеральный оттенок, чем это задумывалось первоначально. По предложению Орлы Лемана верхнюю палату назвали Ландстингом, а нижнюю Фолькетингом. А премьер-

¹⁸⁴ Именно в этот решающий для державы момент в датском законодательстве было внесено изменение, на котором уже три года настаивали «друзья крестьян» – воинская повинность стала всеобщей (*Haue o. a.*, 1993. S. 12).

¹⁸⁵ Право на участие в выборах Законодательного собрания получили все мужчины от 30 лет и старше за исключением упоминавшихся четырех групп населения (*Haue o. a.*, 1993. S. 13).

¹⁸⁶ *Petersen*, 1969. S. 276.

министр А.В. Мольтке дал общее имя парламенту – Ригсдаг. Депутатский корпус ригсдага предполагалось создавать на основе всеобщего избирательного права, к чему многие члены Законодательного собрания оказались неготовыми чисто психологически – такая демократическая традиция, имевшая место в глубокой древности, давно стерлась из людской памяти. Эти консерваторы утверждали, что в парламенте, избранном массами, станут численно преобладать крестьяне и малообразованные горожане. При этом они ссылались на пример недавно еще революционной Европы – там повсюду наступала реакция.

Текст Основного закона Датского королевства был принят уже 25 мая, а подписан королем 5 июня 1849 г.¹⁸⁷. Создатели Конституции исходили из принципа разделения власти; при этом законодательными прерогативами наделялись совместно король и парламент, исполнительная власть принадлежала, как и ранее, королю, а судебная – независимым судам. Согласно статьям Основного закона, Дания становилась конституционной монархией с двухпалатным парламентом, чьи депутаты утверждались согласно положению о всеобщем и равном избирательном праве. В выборах обеих палат могли участвовать все мужчины в возрасте от 30 лет. Исключение составляли четыре группы населения: избирательного права лишались слуги, все получавшие пособие по бедности, лица, некогда отбывавшие наказание по суду и банкроты¹⁸⁸. В категорию отверженных входили, таким образом, все рабочие и подмастерья – они приравнивались к слугам. Напротив, правоспособными оказались самостоятельные крестьяне-собственники, полукрепостные-фестеры¹⁸⁹ и домовники-хусманы¹⁹⁰, разница заключалась

¹⁸⁷ Текст Основного закона Датского королевства 28 мая 1848 г. опубликован в: *Bojsen Schmidt*. 1963. S. 55-73.

¹⁸⁸ *Bojsen Schmidt*, 1963. S. 61.

¹⁸⁹ «Полукрепостное» положение фестеров определялось тем, что они при личной свободе были накрепко привязаны военно-приписной системой к своему участку земли, принадлежавшей помещику. Помещик же и проводил рекрутские сборы – по своему выбору.

¹⁹⁰ *Brorsen L., Johansen K., Møller E.* Landbrugets bygninger 1850-1940. København: Kulturarvstyrelsen, 2002. S. 7.

лишь в процедуре: выборы в фолькетинг предполагались прямые, а в ландстинг косвенные – через выборщиков, которые выделялись по отдельности каждым амтом. Имущественного ценза для кандидатов в члены фолькетинга не существовало, а для ландстинга он равнялся годовому доходу в 1 200 ригсдалеров.

Весьма важным было конституционное положение об ответственности: для короля ее не стало вообще, а назначавшиеся монархом министры перед ним ее и несли. По мнению некоторых современных историков, определенная ответственность возлагалась и на депутатов фолькетинга¹⁹¹. Декларировались гражданские свободы и свобода совести, запрещалось введение цензуры, а судебная власть отделялась от исполнительной. Суды же отныне становились публичными, процессы – состязательными. Вводилось самоуправление городских коммун и сельских общин везде, кроме Шлезвига и Исландии (до них очередь дойдет позже). Фредерик Барфод, писатель и политик, принимавший участие в разработке Основного закона, утверждал, что «ни одна из современных монархий не имеет ни более свободной, ни более народной конституции», чем Дания¹⁹². И он не ошибался, по крайней мере, в отношении фолькетинга, который в середине XIX был гораздо теснее связан с народом, чем нынешний, в который выбирают по партийным спискам, а не как в середине XIX в. по одномандатным округам, где все, в общем, знали друг друга чуть ли не с детства.

Именно по этой причине социально-психологическое неприятие крестьянами годсеров (и наоборот) иногда давало сбои, – помещик был если не ближе, то понятнее фестеру, чем городской чиновник. С другой стороны, наиболее дальновидные и мыслящие годсеры приняли конституцию, хоть и лишившую их ряда прав, но имевшую перспективные достоинства. Один из помещиков разослал своим собратьям циркулярное обращение вполне частного характера, размноженное во многих экземплярах. В своем

¹⁹¹ *Vammen H.* Den tomme stat. Angst og ansvar i dansk politik 1848-1864. København: Museum Tusulanums Forlag, 2011. S. 323. Далее: *Vammen*, 2011.

¹⁹² Цит. по: *Skovmand*, 1964. S. 288.

послании он уверял их, что, конечно, новая конституция с ее всеобщим избирательным правом отняла у годсеров почти полную монополию на представительство в парламенте. Но не стоит только по этой причине замыкаться в оскорбленном бездействии или ожесточаться. Напротив, нужно делать все, чтобы провести как можно быстрее в жизнь требования «друзей крестьян» о равном обложении и переходе фистерских участков в собственность крестьян. И это по двум причинам.

Во-первых, годсеры тем легче справятся с проблемами, вызванными реформой, чем быстрее ее проведут. Во-вторых, писал он, «когда эти проблемы будут улажены, у вас появятся те же интересы, что у всех сельских жителей... А когда вы станете – благодаря своим земельным владениям и образованию – первыми среди равных, тогда вы получите возможность действовать на благо родины, и вы отдадите этому все свои силы»¹⁹³. Автор письма не говорит прямо о цели своего призыва, а именно возвращения к годсерам былого влияния в политической и экономической жизни страны, их роли представителей большей части населения. Он полагал (как и национал-либералы), что низы должны использовать всеобщее избирательное право для того, чтобы выявлять защитников их интересов в более высоких слоях общества. Но заметно, что его мнение лучше обосновано, чем у национал-либералов, столь далеких от проблем села. У них имелся единственный козырь – хорошее образование, а у деревенского помещика еще и общность интересов с крестьянами-землевладельцами. И главным из этих интересов, полагал автор циркуляра, станет, по окончанию приватизации земли, стремление сохранить ее в частной собственности и ограничить налоги с нее, желание одинаково страстное у помещиков и крепких крестьян.

И еще одно замечание. В бурные 1848-1849 гг. примеру революционной Франции последовали многие европейские страны, многие из которых провели у себя реформы, скроенные в большей или меньшей степени по французской модели. Однако вскоре практи-

¹⁹³ Цит. по: *Jørgensen*, 1968 «а». S. 16.

чески все эти демократические конституции были ликвидированы собственной реакцией. И лишь в Дании завоеванные народом достижения 1849 г. получили право на долгую жизнь. Конечно, за последующие десятилетия первая свободная конституция и здесь претерпевала известные изменения. Но они не носили принципиального характера, были временными и часто поверхностными, никак не влияя на системообразующее содержание Основного закона. Его статьи после всех изменений имели тенденцию возвращения к первоначальной форме и глубинному смыслу, что и будет продемонстрировано ниже. Другое дело – область действия Июньской конституции. Здесь вскоре произошли изменения не в пользу идей ее отцов-составителей.

Уже в январе 1852 г., учитывая политические векторы, намеченные великими державами на Лондонской конференции (1851-1852)¹⁹⁴, Фредерику VII пришлось официально признать разделение королевства на четыре автономные части. Отныне Июньская конституция сохраняла свою силу только для королевской части государства, а герцогским Шлезвигу, Голштейну и Лауэнбургу давалась гарантия создания и узаконения отдельных сословных представительств. Теперь общие решения должны были приниматься лишь по делам, касавшимся всех четырех частей королевства¹⁹⁵. За принятием этого трудного решения стояли годсеры, корпус старых чиновников и Общество друзей крестьян. Все они легко жертвовали принципами национальной политики ради практических выгод, которые несло сохранение в силе положений конституции для королевской части державы. Довольно равнодушно они относились и к идеалам свободы, за расширение которой по-прежнему стояла либеральная группировка.

Зато во внутренних делах они добились значительных успехов. Их усилиями удалось продолжить Великие аграрные реформы XVIII в. и дальнейшую либерализацию городской экономической

¹⁹⁴ Историю Лондонской конференции 1851-1852 гг. и ее значение для Дании в дальнейшей перспективе см. в: *Vammen*, 2011. S. 200.

¹⁹⁵ *Petersen*, 1969. S. 278.

жизни. Общество друзей крестьян добилось правовых гарантий для хусманов, ограничения норм эксплуатации фэстеров, окончательной отмены барщины и десятины, организации необходимой для повышения квалификации крестьян системы многочисленных отделений Высшей сельскохозяйственной школы (Landbohøiskole). Требование бюргеров о свободе предпринимательства и выбора занятий в целом, ранее принятое как подзаконный параграф о намерениях, в 1857 г., обрело силу закона.

Он же впервые распространился и на женщин, ранее столь же бесправных, как и в Средние века¹⁹⁶. Точнее, в этом году приняли три закона, согласно которым незамужние женщины по достижении 25-летнего возраста получали права, равные с мужчинами. В том числе право на родительское наследство в равных частях с братьями, а не на половинную долю, как ранее. Отныне они могли заниматься и предпринимательской деятельностью. Но если девушка выходила замуж, то вновь теряла все свои права. И лишь с 1880 г. бесправие замужних дам окончательно ликвидировалось – они получили право распоряжаться лично заработанными деньгами и имуществом. Правда, долго еще женщины не решались воспользоваться новыми возможностями по психологической причине – слишком сильно на их сознание давили старые традиции¹⁹⁷.

Окончательно исчезли и другие средневековые реалии, такие, например, как воротная плата, обязательная для всех прибывающих в город (во многих случаях, увы, этот подбор ликвидировали вместе со старинными городскими воротами), что отразило, среди прочего, продолжавшийся процесс сближения города и деревни, стирания экономических и психологических границ между ними. Таким образом, молодая демократия оправдывала ожидания

¹⁹⁶ До 1857 г. датская женщина была бесправной на протяжении всей жизни. Когда она жила в родительской семье, то ее имущество находилось в распоряжении отца. Если же он умирал, то ей назначали опекуна, получавшего те же права, передававшиеся им в случае замужества ее супругу. Женщина не могла даже заниматься какой-либо экономической деятельностью и была лишена права на равную долю в разделе детьми родительского наследства.

¹⁹⁷ *Dybdahl V. Det nye samfund på vej: 1871-1913. København: Gyldendal, Nordisk Forlag A.S., 1982. S. 24. Далее: Dybdahl, 1982.*

датчан в значимых областях экономической, социальной и культурной жизни страны.

Однако схожих перемен не наблюдались в Шлезвиг-Голштейне. На герцогства положения Июньской конституции не распространялись, там внутреннюю политику все еще определяли сословные собрания, а датский король сохранял свой статус абсолютного монарха. Такая ситуация подвергалась в герцогствах острой критике местными национал-либералами, но межэтническое датско-немецкое напряжение делало реформы пока невозможными. Положение стало меняться в 1863 г., когда в Копенгагене была принята так называемую Ноябрьскую конституцию, согласно которой Шлезвиг стал неотъемлемой частью королевства. Что же касается Голштейна и Лауэнбурга, то они сохранили свой старый статус автономных областей, по-прежнему оставаясь членами Германского союза¹⁹⁸. При этом Июньская конституция 1849 г. не утратила своей силы – для королевской части державы.

Это являлось, среди прочего, нарушением соглашений, достигнутых с германскими странами, и Австрия с Пруссией направили в Копенгаген ультиматум, требуя отмены Ноябрьской конституции в течение 48 часов. Министр-президент О. Бисмарк, незримо стоявший за этим актом, имел по ряду внутривнутриполитических причин целью окончательное решение шлезвиг-голштинской проблемы, желательно с применением вооруженной силы. Поэтому в ультиматуме содержалась, в случае его отклонения, угроза вторжения. Национал-либеральное правительство игнорировало это вмешательство во внутренние дела Дании, вполне отдавая себе отчет, чем это грозит стране. После этого прусско-австрийские войска общим количеством в 57 000 штыков вторглись в Данию со стороны южной границы Ютландии. Датские войска, уступавшие вооруженным силам союзников (40 000 чел.) и плохо подготовленные к военным действиям, терпели поражения на протяжении всей зимы-лета 1854 г., отчего союзникам удалось продвинуться до

¹⁹⁸ Текст Ноябрьской конституции опубликован в: *Bojsen Schmidt*, 1963. S. 90-104.

Альса, который был взят штурмом. Возникла опасность десантирования противника на острова.

Мирные переговоры начались в июле 1864 г. в Вене. Согласно трактату, подписанному 30 октября, Дания отказывалась от всех трех герцогств, новую границу установили вдоль реки Конгео. Это была национальная катастрофа – под немецким владычеством осталось около 200 000 датчан, территория страны сократилась с 58 000 до 39 000 кв. км., а численность населения (учитывая и немецкую диаспору Шлезвига) упала с 2,5 до 1,7 млн. человек¹⁹⁹. С утратой герцогств, то есть 2/5 своей материковой части, Дания превратилась в одно из мельчайших государств Европы.

Национал-либералы требовали пересмотра мирных соглашений с установлением государственной границы по р. Эйдеру. Но поскольку именно на них возлагалась ответственность за военное поражение, то король назначил новое правительство из консерваторов-годсеров. С утратой Шлезвига приходилось менять и конституцию, что вызывалось уже самим фактом существования двух различных Основных законов – Июньского и Ноябрьского, имевших одинаковую силу. «Друзья крестьян» настаивали на оставлении лишь первой из названных конституций, а национал-либералы требовали ввести в нее ограничения с тем, чтобы власть не перешла в руки низов, обладавших большинством голосов. Король же и годсеры-консерваторы были настроены на реставрацию старой, абсолютистской формы правления; их поддерживала часть крестьянства, недовольного всевластием чиновников. При этом «друзья крестьян» вступили в секретные переговоры с годсерами (апрель 1865 г.), а в сентябре эта коалиция выступила открыто, требуя предоставления избирательного права только землевладельцам – мелким и крупным. Кончилось тем, что «друзья крестьян» в лице своего лидера Й.А. Хансена, получившего к этому времени большинство в обеих палатах, пошли на соглашение с годсерами, ограничив избирательное право. Благодаря этому помещики сохранили на протяжении последующих 35

¹⁹⁹ Petersen, 1969. S. 287.

лет свое политическое влияние, чего не мог предположить никто, включая и их самих²⁰⁰.

Согласно пересмотренной конституции, подготовка которой завершилась к 6 ноября 1865 г., положение о фолькетинге осталось без изменений, а ландстинг получил гарантии сохранения в нем решающей части консерваторов из годсеров и представителей крестьян. Из 66 депутатов этой палаты король мог отныне назначать 12, а остальные избирались путем не прямых выборов. Половина выборщиков при этом назначалась фолькетингом последнего созыва, остальные – из лиц, вносящих в казну самые высокие налоги. Таким образом, всеобщее и равное избирательное право, декларированное Июньской конституцией, ликвидировалось. Полномочия короля при этом существенно расширились. Он мог теперь издавать законы в перерывах между сессиями ригсдага, за ним оставалось и право вето в отношении парламентского законодательства. В ландстинге доминирующее положение заняли годсеры, а влияние бюргеров и буржуазии соответственно упало. Общее число депутатов при этом возросло с 100 до 102, так что теперь один член ригсдага представлял 16 000 датских подданных. Новый вариант Июньской конституции 1849 г., подписанный 5 июня 1866 г.²⁰¹, оставался в силе до 1915 г.

В пересмотренной конституции указывалось, что любой новый закон вступал в силу лишь после его утверждения обеими палатами, но при этом не уточнялось, какая из них имеет решающую силу. Поэтому сразу же после подписания этого Основного закона началась ожесточенная борьба между крестьянами, доминировавшими в фолькетинге и годсерским большинством ландстинга. В 1870 г. крестьянские группировки Дании объединились в партию Венстре (Левые), а годсеры вместе с примкнувшей к ним частью национал-либералов образовали партию Хойре (Правые).

Итак, в 1840-1870-х гг., на протяжении жизни одного поко-

²⁰⁰ *Jørgensen E.S. Den reviderede grundlovs tilblivelse // Den politiske magtkamp 1866-1801 / Red. af Per Salomonsen. Viborg: Jørgen Paludans Forlag, 1968. S. 31-33.*

²⁰¹ Дополнения и изменения, внесенные в Июньскую конституцию 1849 г. летом 1866 г., опубликованы в: *Bojsen Schmidt, 1963. S. 105-113.*

ления, правовое поле державы радикально изменилось. На смену абсолютизму пришла демократия, открывшая для значительной части населения новые возможности. Был решительно поднят национальный вопрос, но поражение, которое Дания потерпела в 1864 г.²⁰² надолго оставила в душах и исторической памяти датчан горький осадок. Опыт этой войны еще более укрепил традиционную для Дании политику нейтралитета и невмешательства. При этом вся национальная энергия обратилась исключительно на внутренние дела – и не без впечатляющего успеха. Особенно это стало заметным в области индустрии, рост которой поддерживался доходами от сбыта аграрной продукции, неуклонно возрастающей количественно, улучшавшейся качественно и во все большем объеме уходившей на экспорт. Резкое падение цен на зерно после окончания Крымской войны заставило датское село практически целиком переориентироваться на животноводство, что свершилось оперативно и безболезненно²⁰³.

Промышленная революция стала причиной быстрого роста городов и их рабочего населения. Рабочие принимали все более активное участие в политической жизни страны, в профсоюзном движении. Из Германии в Данию (прежде всего в Копенгаген) стали проникать социалистические идеи, а в 1871 г. бывший лейтенант Л. Пио, вдохновленный идеями Парижской коммуны, организовал датскую секцию I Интернационала. Ее лозунгом стали слова Л. Пио о том, что «рабочие добьются выполнения своих требований по закону или вопреки ему»²⁰⁴. В июне 1876 г. состоялся съезд представителей 56 рабочих организаций, на котором деклари-

²⁰² В отечественной и зарубежной историографии войну 1864 г. принято называть Второй шлезвигской (Первая имела место в 1848-1850 гг.).

²⁰³ Переход от зернового хозяйства к животноводческому в масштабах страны был облегчен финансовой помощью государства и акционерного банковского капитала. Стадо крупного рогатого скота за 1860-1900 гг. увеличилось в полтора раза, удоимость поднялась с 1 000 л. в год до 2 500 на корову, а общее количество молока за тот же период – с 760 000 до 2 720 000 л. в год. Объем производства масла вырос с 24 000 т. в 1861 г. до 107 000 т. в 1903 г. *Bryld C.-J., Haue H. Det agrare Danmark 1680-1680'erne. Herning: Forlaget Systime, 1982. S. 185.aue H.HH*

²⁰⁴ *Petersen, 1969. S. 292.*

ровалось образование Социал-демократической рабочей партии Дании. Ее программа в значительной степени копировала Готскую программу немецких социал-демократов.

В связи с этими событиями в свою решающую фазу вступила борьба за демократию. Главным противником конституционного движения на новом этапе стал министр внутренних дел, а с 1875 г. президент Канцелярии и министр финансов Я.Б. Эструп, боровшийся в ландстинге с венстре и с 1849 г. выступавший против всеобщего избирательного права, за дальнейшее расширение прав короля²⁰⁵. Он обладал огромными полномочиями. Так, когда в 1877 г. венстре, обладавшие большинством в фолькетинге, попытались заблокировать его финансовый закон, предусматривавший право короля издавать временные (*provisoriske*) законы²⁰⁶ в обход парламента (параграф 25), он распустил ригсрод на неопределенное время. Таким образом, Эструп создал антиконституционный прецедент, в дальнейшем неоднократно использовавшийся. Причем особенно активно в 1884-1894 гг., когда правительство, издавая временные законы, фактически вытеснило фолькетинг из области финансов, а значит и из важнейшей для народа сферы налогообложения. Режим этой эпохи в датской историографии принято называть «диктатурой Эструпа»²⁰⁷.

И не без оснований: согласно Закону о наказаниях от 2 ноября 1885 г. репрессии распространялись на лиц, подстрекавших солдат к неповиновению или гражданских лиц к нарушению порядка, к разжиганию социальной вражды, тюремное заключение следовало за обычную критику правительственных акций или законов. При этом даже депутаты ригсдага лишались своего иммунитета. Так в 1885 г. председателя фолькетинга К. Берга бросили в тюрьму вопреки положению конституции, согласно которому для репрессии такого рода требовалось парламентское решение.

²⁰⁵ Danmarkshistoriens blå bog. København: Krak, 1971. S. 96.

²⁰⁶ Временные финансовые законы впервые были введены в законодательный корпус в апреле 1877 г. В дальнейшем нарушения конституции такого рода повторялись (*Scocozza, Jensen*, 1999. S. 259).

²⁰⁷ *Dybdahl*, 1965. S. 176.

Оправданием этой противозаконной акции стало правительственное заявление о том, что тюрьма для депутата – не наказание, а принятая для его же пользы «мера предосторожности»²⁰⁸.

На протяжении этого периода формально страной правил король, на деле же государство подчинялось парламентской группе годсеров. К тому же снова, как в 1849 г., лишились избирательных прав четыре социальные страты. Это были крестьяне, не имевшие собственного хозяйства и служившие по найму, все получавшие пособие по бедности (их набиралось до четверти от общего числа городских рабочих), члены семей, проживавших на снятой жилплощади, а также все, прибывшие в избирательный округ менее, чем за год до выборов. Таким образом, в 1880-х гг. 1/5 часть избирателей города и деревни исключалась из выборного процесса.

Усложнились выборы и в ландстинг: в Копенгагене за половину кандидатов могли голосовать все избиратели, а за вторую часть – лишь получавшие годовой доход от 4 000 крон. В других городах, правда, этот ценз снизился до 2 000 крон. При этом король назначал 12 депутатов ландстинга (при общем числе 66 чел.) пожизненно²⁰⁹. Такие социальные рестрикции усиливали политическую власть годсеров. А созданием жандармского корпуса (1885 г., впервые в истории Дании) Эструп продемонстрировал готовность бороться со своими политическими противниками силовыми методами.

Ситуация обострилась в 1885 г., когда венстре стали демонстративно проваливать правительственные законопроекты. Эструп снова распустил ригсдаг и издал второй временный финансовый закон, который не ограничивал государственные расходы и рост налогов. Поскольку закон нарушал конституционные права большинства населения, в стране возникла революционная ситуация. Многие крестьяне отказывались платить налоги, возникают многочисленные рабочие стрелковые клубы (*Riffelforeninger*), а руководство высших школ отказывается принимать поддержку государства как основанную на финансовых законах, принятых

²⁰⁸ *Op. cit.* S. 179.

²⁰⁹ *Dybdahl*, 1982. S. 139-140.

вопреки конституции. В ответ правительство запретило преподавателям заниматься политикой и начало кампанию массовых увольнений из университетов и гимназий. Нашелся и «симметричный ответ» – том же 1885 г. на Эструпа было совершено покушение, причем стрелял в него простой рабочий, правда, безрезультатно²¹⁰.

Острая парламентская борьба продолжалась все годы ушедшего XIX в. Правительство, раздиравшееся противоречиями среди министров по вопросу налогов, сильно ослабло и ушло в 1900 г. в отставку. Новый кабинет, образованный крупным помещиком Ганнибалом Сегестедом, не обрел поддержки ни одной партии. Решающий перелом произошел в 1901 г., когда фолькетинг победил годсерский ландстинг, событие, которое получило от современников собственное имя «смены системы» (Systemskiftet) – хойре отказались от дальнейшей борьбы. Король Кристиан IX был вынужден согласиться на формирование правительства из венстре. Отныне фолькетингу, стабильно обладавшему депутатским большинством, придавались правительственные функции, отчего датский парламентаризм, наконец, стал безупречным.

«Смена системы» произошла без изменения конституции, ее просто стали по-иному толковать. При этом к власти пришла новая социальная сила – самостоятельные, крепкие крестьяне-горманы²¹¹. Один из них, Оле Хансен, стал министром сельского хозяйства – это был, как писали современники, «первый крестьянин в королевском совете». Главным признаком парламентаризма, стала готовность нового правительства исходить в своей деятельности

²¹⁰ Petersen, 1969. S. 298.

²¹¹ Горман – крестьянин-собственник, причем площадь его участка может быть различной, это зависело от плодородия земли, которое именно в Дании имело далеко не одинаковые показатели. Основной признак горманского участка – он должен быть достаточным для товарного производства. Уже в начале XIX в. к горманам относили прежде всего грамотных крестьян, постоянно повышающих свой профессиональный уровень, идущих в ногу с передовой агротехникой. В этом его отличие от бонда, т.е., как правило, консерватора, не склонного к интенсификации производства (*Drewsen J.C. Recension over Professor Olufsens Lærebog // Landøkonomiske Tidender. Bd. 2. 1815. S. 6-7.*)

от воли депутатов фолькетинга. С этим согласились все партии, хотя эта решимость и не нашла отражена в тексте конституции. Осуществился боевой лозунг фолькетинга: «Никого над фолькетингом и никого наряду с ним!»

Новое правительство ввело в 1902 г. в действовавшую конституцию либеральные изменения. Отныне избирательное право распространялось на всех лиц с 25 лет, и впервые в выборах могли участвовать женщины, батраки и слуги. И если королевское право назначать 12 депутатов ландстинга осталось неизменным, то выборы в эту палату отныне проводились без ограничения, связанного с имущественным цензом. Хотя они и не стали всеобщими, – в них участвовали лишь члены коммунальных советов города и деревни²¹². Нужно сказать, что такой успех в проведении традиционных требований венстре не только превзошел их ожидания, но и стал работать против этой партии. Расширение избирательных прав было выгодно не столько им, сколько социал-демократам и другим радикальным группировкам, а также сравнительно молодой Партии реформ.

Партия реформ стремительно обретала все новых и новых сторонников, покидавших для этого старые партии. Особенно много «перебежчиков» покинуло партию Венстре, утратившую авторитет из-за упомянутого сближения ее с лидерами Хойре. В дальнейшем сам факт возросшей популярности Партии реформ стало невозможно игнорировать. Добившись внушительного успеха на выборах 1901 г. (66 % депутатов фолькетинга, учитывая и 11% примкнувших к реформаторам социал-демократов), она получила возможность сформировать правительство²¹³. Здесь действительно имела место коренная демократическая «смена системы», так как впервые правительство королевства не было назначено сверху, а

²¹² *Dybdahl*, 1965. S. 502.

²¹³ Первое парламентское правительство в истории Дании возглавил профессор права Й.Х. Дойнтцер, занявший посты президента Канцелярии и министра иностранных дел. Однако в реальности движущей силой нового правительства стал министр культуры, бывший учитель Й.К. Кристенсен, абсолютно доминировавший на политической сцене Дании до 1908 г.

вышло из партии, за которой стояло большинство в нижней палате парламента.

Однако лет через десять уже стали раздаваться голоса недовольных новой системой. Сигналом к критике правительства стало в 1908 г. «дело Альберти», министра юстиции в правительства Й. Кристенсена. Петера Альберти уличили в крупных хищениях²¹⁴ и, несмотря на попытки Кристенсена оградить его от расследования, осудили на 8 лет заключения. Естественно, этот скандал подорвал доверие к правительству. Кроме того выяснилось, что существующее избирательное право не гарантирует равноправие партий. Так, для получения депутатского мандата радикалам было достаточно всего 3 000 голосов, тогда как консерваторам требовалось 10 000. Разгорелись дебаты о необходимости принятия новой конституции, которые завершились лишь в 1915 г., подписанием нового Основного закона²¹⁵.

Согласно его статьям фолькетинг увеличивался до 140 депутатов, из которых 24 избирались в столице, 93 в других крупных одномандатных округах, а остальные места предназначались для кандидатов от мелких (островных, провинциальных и пр.) округов. В ландстинге вместо 12 депутатов, ранее назначаемых королем, 18 кандидатов избирались членами старого состава этой палаты. Другими статьями ликвидировались последние следы неравноправия женщин, а президент Канцелярии теперь официально именовался, как в Норвегии и Швеции, премьер-министром, что вполне соответствовало реальности. В 1913 г. в текст конституции ввели статьи, снижавшие возрастной ценз на выборах в фолькетинг до 25 лет, а в ландстинг – до 35 лет. Право голоса получила городская и сельская прислуга (Tyende). За этими демократическими положениями стоял лидер Социал-демократического союза

²¹⁴ В сентябре 1908 г. П. Альберти был уличен в выводе из активов Зеландского крестьянского банка и фонда Союза экспортеров масла суммы в 15 млн. крон, им присвоенную (Petersen, 1969. S. 308).

²¹⁵ Текст конституции 5 июня 1915 г. опубликован в: *Bojsen Schmidt*, 1963. S. 124-126.

Торвальд Стаунинг, вскоре занявший пост премьер-министра²¹⁶.

Были приняты меры и по защите конституции от реформ, которые могли быть восприняты большинством граждан негативно. Отныне такие изменения вводились лишь по результатам всенародного голосования, причем голосов должно было быть отдано не менее 45%. Любопытно, что во время очередного референдума (1953) по внесению такого рода изменений – речь шла о переходе от двухпалатного к однопалатному парламенту – сторонники реформы получили почти в точности такую же долю голосов, 45,8%, и выиграли в соответствии с буквой нового закона²¹⁷.

В отечественной и зарубежной науке традиционно принято объяснять побудительные причины крупных и мелких народных движений или конституционных реформ исключительно социальными и экономическими обстоятельствами, реже – инициативой отдельных исторических лиц. Между тем такого рода явления нередко имеют своей движущей силой чисто психологические факторы (здесь имеется в виду не этнопсихология, а психология отдельных социальных групп). Тому есть масса примеров и доказательств; обратимся лишь к тем, что приведены в настоящем очерке.

Сюда можно отнести болезненную подозрительность, с которой датские короли относились к своей аристократии в XVII-XIX вв., хотя дворянская элита к этому времени давно уже утратила свои антимонархические потенции. Ничем иным, кроме сдвига в психологии масс нельзя объяснить их стремление к самоопределению, принявшее в первой трети XIX в. взрывной характер – ведь социальное положение низов города и села оставалось прежним. Этой же причиной можно объяснить упорное отторжение Кристианом VIII и его правительством идеи сословных собраний – института вполне монархического и ничем королевской власти не грозившего. И поле высокой напряженности во взаимоотношениях жителей города и села, ставшее особо заметным в сер. XIX в., также находит лишь

²¹⁶ *Grelle H. Thorvald Stauning. Demokrati eller kaos. København: Jyllands-Postens Forlag, 2008. S. 121, 131.*

²¹⁷ *Scocozza, Jensen, 1999. S. 339.*

психологическое объяснение, так как в социальном и экономическом плане городские низы и крестьянская масса находились на одном уровне.

Сказанное относится не только к беднейшим стратам датского общества, возможно, подверженных известному ожесточению, вызванному бедностью и нищетой. Столь же неприязненные чувства по отношению друг к другу испытывали национал-либералы и сельские «друзья крестьян». Имея общие цели, они постоянно обособлялись по причине высокой образованности первых и известной провинциальности вторых, а что это, как не психологическая несовместимость? Сюда же можно отнести случай, когда в 1855 г. «друзья крестьян» забаллотировали одного из самых достойных кандидатов в ригсдаг и их единомышленника А. Мольтке, явно лишь оттого, что графское достоинство делало его чужим для «классово близких», но сугубо демократичных кругов этой партии.

Таких фактов в истории датского конституционного строительства можно найти множество – в небольшом очерке перечислить их невозможно. Но и уже приведенные здесь примеры обогащают, по нашему мнению, причинно-следственную палитру в инструментарию исследователей не только избранного здесь периода в истории датских конституций.

Гренландия, являясь колонией сначала Норвегии, а с 1814 г. Дании, собственной конституции не имела, подчиняясь законам своих метрополий. Впрочем, ее формальный статус в середине XX в. изменился: согласно обновленной датской конституции 1953 г. она стала равноправной частью Датского королевства, одним из его амтов. Однако большая часть гренландцев в лице своих политиков, отдававших себе отчет в разнице между своей и датской культурами, традициями, истории и антропологии, практически с 1953 г. начала борьбу за автономию страны.

Лишь такой статус мог дать возможность в полной мере развиваться культуре аборигенов-эскимосов или, как они сами себя называют, инуитов. В 1960-х гг. эта борьба стала принимать довольно острые формы, например, демонстраций, в том числе и в Копенгагене. Митинги в столице поддерживались многими датчанами, вообще в большинстве своем сочувственно относящимися к своим гренландским соотечественникам. Очередная победа была достигнута в 1979 г., когда местное управление островом решили передать новосозданному гренландскому парламенту (ландстингу) и местной же администрации (ландстюре). Естественно, этот переход к частичному самоуправлению (букв. «домашнему управлению» - *hjemmestyre*) совершался поэтапно и завершился нескуро²¹⁸.

Начался процесс превращения гренландского социума из древнего общества охотников на морского зверя в граждан государства современного европейского типа. Он занял длительное время, и в нем было невозможно избежать ошибок. Датчане, исходя из самых добрых чувств к островитянам, пытались просветить их, естественно, по европейскому образцу. Так, они старались побороть высокую смертность в наступивший период плохой охоты²¹⁹ привлечением инуитов к работе на промышленных предприятиях, основанных на местном сырье, то есть отчасти и на добыче охотников и рыбаков.

Однако эта социальная политика разрушала традиционное общество. Психика инуитов не выдерживала столь резкого перехода от традиционной модели жизни людей каменного века к новой, завезенной из Европы. Они стали подражать пришлым датчанам, потребляя неумеренно много завозных продуктов. Это было престижно – ежедневно пить дорогой кофе, ставить на

²¹⁸ Подробнее см. в: *Возгрин В.Е.* Гренландия и гренландцы. М.: Мысль, 1984. С. 149-151. Далее: *Возгрин*, 1984.

²¹⁹ Причиной уменьшения валового продукта, получаемого в результате промысла, стала миграция некоторых видов рыбы на север, что было вызвано потеплением климата и, соответственно, океанских вод. За рыбой туда же ушел морской зверь.

стол невиданный здесь ранее хлеб и т.д. В результате появились болезни, ранее островитянам неизвестные. Переход к европейским продуктам от традиционных сырых мяса и рыбы, совершенно необходимых в экстремальных климатических условиях Гренландии, повлек за собой туберкулез в массовой форме, который едва удалось побороть к концу XX в.

Образовательная политика Дании оказалась столь же разрушительной для традиционного общества. Как и экономика, она была рассчитана на проживание инуитов не в разбросанных на необозримых пространствах стойбищах, а в более или менее крупных поселках. Там даже 1-2 учителя могли бы дать эскимосским детям минимальные знания, с которыми те могли бы поступить в среднюю школу-интернат, – а они уже существовали во всех городах и некоторых поселках благодаря усилиям датского Министерства по делам Гренландии. Для достижения этой цели предпринимались попытки ликвидировать как можно больше стойбищ и переселить их жителей в города. Внешне это выглядело как добровольная урбанизация. На самом деле, как писал в 1970-х гг. гренландский исследователь Ангмалорток Ольсен, люди переселялись «добровольно», когда в их стойбищах исчезали фактории и лавки, без которых они к тому времени уже не могли обойтись²²⁰.

Эта ситуация не могла удовлетворить политиков-инуитов, целое поколение которых выросло и профессионально развилось за последние 40 лет на волне общественных и парламентских дискуссий в Копенгагене и Нууке, столице Гренландии. В этом и заключалась причина неудовлетворенности гренландцев при поистине «парниковых» условиях, которые Дания создала на их родине в течение последних десятилетий. Для совершенствования экономической, политической и культурной жизни инуитов в 2004 г. датский парламент (фолькетинг) создал Комиссию по проблеме гренландского самоуправления (Selvstyrekommisjonen), которая взяла на себя подготовку изменений в конституции Дании и будущего референдума по этому поводу. До окончания этой работы было

²²⁰ Возгрин, 1984. С. 155.

еще далеко, когда произошло важное событие в международной жизни: 13 сентября 2007 г. на 62-й сессии Генеральной ассамблеи ООН приняли Декларацию о правах коренных народов. В статье 3 этого документа утверждалось, что «коренные народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют свое социальное, культурное и экономическое развитие». Статья 26 установила право этих народов и племен «на земли, территории и ресурсы, которые они традиционно занимали или иным образом использовали и приобретали»²²¹.

Таким образом, стремление гренландцев максимально расширить свои права получило неопределимую поддержку со стороны самого авторитетного международного института, что не могло не активизировать их деятельность. И она увенчалась успехом: в конце 2008 г. в Гренландии произошли большие перемены. Ряд политиков как Гренландии, так и Дании развернули кампанию по подготовке к референдуму, на котором островитяне могли выразить свое мнение по отношению к первому шагу на пути к полной независимости своей родины.

Референдум оказался необходимым не только по политической причине. Многие опасались, что экономическая самостоятельность станет невыгодной прежде всего самим инуитам. Скептики недоумевали – как страна с населением в 56 000 человек сможет создать и сохранить свою национальную валюту, собственный бюджет (половину которого составляла датская ежегодная дотация), свою оборону, которая оплачивается той же Данией и отчасти США? При этом некоторые политики предрекали: «Да она просто станет еще одним американским штатом»²²². Именно эти опасения экономического и политического характера сделали необходимым принятие коллективного, всенародного решения о столь важном шаге.

Впрочем, даже самые горячие сторонники самоуправления,

²²¹ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml. (Дата обращения 27.01.2014 г.)

²²² Grønland og grønlændere enige // Politiken. 26. 11. 2008.

отдавая себе отчет в слабости гренландской экономики, отнюдь не призывали к полному разрыву с бывшей метрополией. Один из старейших политиков-инуитов, 40 лет тому назад добивавшийся права на частичное самоуправление, Ларс-Эмиль Йохансен (партия Сиумут, крупнейшая в Гренландии), заявил накануне голосования: «Будущее самоуправление не означает полную самостоятельность в результате разрыва с Данией. Гренландии это не нужно – ведь у нас слишком сильны исторические и семейные связи. Но нам нужно строить национальную экономику, которая поможет нам стать независимыми на деле, – отношения нашей зависимости вредят и Гренландии, и Дании. Лишь грядущая экономическая независимость принесет нам и политическую свободу»²²³.

Референдум состоялся 25 ноября 2008 г. – эта дата вошла в историю как Гренландии, так и Дании.

В голосовании приняло участие 72% избирателей. Это чрезвычайно высокий показатель, учитывая, что добраться до избирательного участка многим гренландцам было нелегко. Результат референдума: 75,54% избирателей высказались за статус самоуправления, 23,57% – против, остальные бюллетени оказались пустым или неверно заполненными. Тогдашний премьер-министр Дании А. Фог Расмуссен высказал удовлетворение этим результатом: «Голосование продемонстрировало мнение народа, общее для Гренландии и Дании»²²⁴.

Что же дал гренландцам такой результат референдума, отразившийся как в конституции Дании, так и в новых законоположениях Гренландии? Приведем доводы за и против такого решения:

Инуиты получили конституционное право распоряжаться своими ресурсами – в том числе полезным ископаемыми. Имеется в виду прежде всего нефть как в самой Гренландии, так и в прилегающих частях Арктики²²⁵. Собственно, потенциальные доходы от

²²³ Et ”aap” til selvstyre lurer i Grønland // Politiken. 22. 11. 2008.

²²⁴ Fog er glad for grønlændernes ja til nyt selvstyre // Politiken. 26. 11. 2008.

²²⁵ Последние геологические изыскания показали, что нефтяные запасы Гренландии огромны, но почти все они расположены в северных областях и на северном

разработок рассматриваются ныне как ключ к будущей экономической, а значит и политической независимости Гренландии. Пока нефтяных вышек на острове не видно, но ряд американских и европейских компаний уже договорились с гренландскими властями о будущих разработках этого ценнейшего в наше время источника энергии. То же право получает народ в отношении других минеральных богатств своей земли. Здесь были найдены и уже разрабатываются месторождения угля, криолита, железа, урана, свинца, редкоземельных металлов, золота и алмазов. Причем запасы эти грандиозны. Проблема лишь в экстремально сложных климатических условиях ледяного острова, а также других трудностях, которые откладывают добычу нефти в окупаемых масштабах на 20-50 лет²²⁶.

Гренландцы получили права и возможности самостоятельного этноса (а не части датской нации, как было раньше) с международно-правовой перспективой. Долгое время велись дебаты о необходимости для Гренландии иметь собственную конституцию, которая единственно могла бы обосновать право инуитов на свое место в обществе народов атлантической цивилизации²²⁷. Третий плюс самоуправления касался области международного права. Теперь, обладая статусом самоуправления, гренландцы смогут, как только сочтут нужным, провести следующий референдум (уже по вопросу полного отделения от Дании), не дожидаясь для этого согласия датских властей.

После окончания ноябрьского референдума, но еще до законодательного оформления самоуправления Гренландии, Дания обязалась ежегодно выделять в островной бюджет 3,2 млрд. датских крон (в настоящее время с учетом инфляции эта сумма возросла до 3,6 млрд. крон или 600 млн. долларов). Собственно, указанные средства выслались и раньше, но каждый год этот вопрос обсуждался в датском парламенте, что само по себе было шельфе острова (Här tar Grönland emot rätten till självstyre // Dagens Nyheter. 22. 06. 2009).

²²⁶ *Rosing M.* Grønlands vej fra drøm til virkelighed // Politiken. 24. 01. 2014.

²²⁷ *Ejsing J.* Giv Grønland en grundlov // Berlingske Tidende. 30. 08. 2012.

для гренландских депутатов (да и всех инуитов в целом) несколько унижительно. Теперь эта статья расходной части бюджета королевства, жестко фиксированная, реализуется автоматически.

Кроме того, если ранее все делопроизводство, переписка, законодательные акты составлялись и публиковались на датском языке, то с 2009 г. начался постепенный переход на гренландский, который вскоре получил здесь статус официального языка, наравне с датским. Тогда же, летом 2009 г. королева Маргрете II прибыла в Гренландию. Здесь она, одетая в костюм эскимосских женщин, передала председателю ландстинга (гренландского парламента) Йосефу Мотцфельду долгожданный акт – Конституционный закон о самоуправлении Гренландии. Речь, которую королева произнесла при этом, заслуживает особого внимания историков и политиков. Это выступление было исполнено теплой благодарности и, естественно, родственных чувств к инуитам, столь долго бывшим подданными датских монархов и, значит, соотечественникам датчан.

Приведем лишь одну фразу из обращения королевы к Й. Мотцфельду, прозвучавшего в столице Гренландии г. Нууке в исторический день 21 июня 2009 г.: «Для меня настало великое мгновение – передать тебе, а через тебя – всему гренландскому народу Закон о самоуправлении»²²⁸. Этот акт свидетельствовал о получении эскимосами всех прав, которых они добивались на протяжении полувека. Теперь инуиты превратились из подданных датской короны в самостоятельный народ по всем канонам современного международного права.

Упомянутый Закон, датированный 20 мая 2009 г., предоставлял своей ст. 1 органам самоуправления всю законодательную, исполнительную и судебную власть в Гренландии. В ст.7 указывалось, что все доходы от добычи полезных ископаемых острова должны поступать в фонд органов самоуправления. Согласно ст. 21 решение о полной независимости Гренландии в будущем должно будет приниматься исключительно гренландцами. Для этого

²²⁸ Nu har Grønland selvstyre // Berlingske Tidende. 21. 06. 2009.

необходимым и достаточным станет решение, принятое на общегренландском референдуме²²⁹.

В настоящее время в Гренландии функционирует коалиционное правительство, состоящее из представителей партий Сиумут (социал-демократы), левой Инуит и буржуазной Атассут. Премьер-министром является Алека Хаммонд (Сиумут), сторонница большей независимости ее страны от Дании²³⁰. Однако она пока не находит значимой поддержки ни в Дании, ни в Гренландии. Конституционный закон о самоуправлении 2009 г. удовлетворяет обе стороны, – он вполне демократичен и никак не ущемляет ни национального самосознания или прав гренландцев, ни их возможности дальнейшего экономического, культурного и политического развития.

Анализ истории перехода скандинавских стран к буржуазным демократическим конституциям показывает отличие этого длительного процесса от аналогичных метаморфоз, имевших место в остальной Европе. Он осуществлялся не по причине внутренних предпосылок, созревших ввиду естественного развития общества, но под влиянием политических перемен в странах континента, прежде всего Франции и Великобритании. Немалую роль при этом сыграли демократические конституции ряда государств, в том числе США. Скандинавские монархи и наиболее перспективно мыслящие политики довольно рано пришли к мысли о необходимости демократических перемен в законодательстве и провели их при минимальном давлении со стороны народных масс. В результате политическая борьба в Скандинавии приняла форму не «классовой борьбы», а сравнительно мирного и массового процесса постепенного совершенствования парламентской системы, затем развитого парламентаризма, зачатки которого можно обнаружить в конце XVIII в.

Принцип представительной демократии, вначале осущест-

²²⁹ Закон Дании о самоуправлении Гренландии: <http://worldconstitutions.ru/archives/300>. (Дата обращения 27.01.2014)

²³⁰ Ny koalition ska styra Grönland // Dagens Nyheter. 28. 03. 2014.

влявшийся системой сословных собраний как части парламентов, развивался в странах европейского Севера в условиях минимального противодействия ему со стороны королевских администраций. Этому содействовало и стабильная демократизация избирательного права – процесс, завершившийся в первой четверти XX в. Общей чертой, характерной для датского фолькетинга, норвежского стортинга, шведского риксдага, исландского альтинга и гренландского самоуправления является их неизменная многопартийность, что также демонстрирует высокую степень демократизации политической жизни этих стран.

Конституционные компетенции центральных выборных органов скандинавских государств весьма широки. Так, парламенты обладают значительной финансовой властью, имея возможность принимать законы о государственных займах, введении новых (или отмене старых) статей налогообложения, регулирования пенсионных систем, условиях социального страхования. Значительны и их компетенции в сфере судопроизводства – от формирования органов суда и прокуратуры до контроля реальной независимости судов и объективности их решений. Контролируют парламенты и внешнеполитическую деятельность правительств, что характерно для далеко не всех конституций XXI в. Это же можно сказать и об эффективном участии скандинавских парламентов в оборонной политике соответствующих государств. Некоторое отличие наблюдается лишь в законодательной функции парламентов – в Дании она более ограничена, чем в Швеции, Норвегии, Исландии и Гренландии.

Вместе с тем парламентская система стран Скандинавии доказала свою эффективность в достижении высокого уровня демократии.

ГЛАВА 2

**ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО ЕВРОПЫ
РУБЕЖА НАЧАЛА XIX ВЕКА И ПРОБЛЕМА
КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НАПОЛЕОНА**

«Граждане, отныне принципы, ради которых начиналась Революция, закреплены законом. Революция завершена»¹, - так гласила прокламация, сопровождавшая Конституцию VIII года. Насколько эта помпезная фраза соответствовала истине? Действительно ли Революция нашла своё логичное завершение в новом основном законе, принятом после переворота 18 брюмера, и в последующих конституционных актах периода Консульства и Империи 1802 и 1804 гг.? Насколько новая законодательная база французского государства соответствовала идеям французских просветителей XVIII века, во многом предопределившим идеологию эпохи революции?

Исследователи не часто обращаются к вопросу конституционного строительства наполеоновского государства. Сложное явление государства периода Консульства и Империи нередко огульно характеризуется как военная диктатура, деспотия, для которой писанные конституции не имели почти что никакого значения. Поэтому конституционное строительство Наполеона в течение долгого времени рассматривалось лишь на страницах французских юридических трактатов, да и то большей частью мельком. Историки же нередко обходили стороной этот вопрос.

Вопрос конституционного строительства в эпоху Консульства и Империи был практически впервые научно рассмотрен в первом томе монументального труда «Конституционная история Франции с 1789 по 1870 г.», написанного известным историком права

¹ Moniteur Universelle, № 85, 25 frimaire an VIII, p. 1.

Морисом Деландром (1862-1941) в начале 30-х годов прошлого века (трёхтомная книга увидела свет в 1932 – 1937 гг.). Прежде всего, историк подчёркивал разрыв наполеоновских конституций с политической практикой Великой французской революции. «Она (конституция 1799 года) была жесткой реакцией на слабость и злоупотребления Директории, вся деятельность которой была парализована многоголосием, противоречиями и нестабильностью властей. Конституция не была плодом деятельности одной или двух Законодательных ассамблей, но была выработана людьми, пришедшими к власти в результате переворота и желавшими сильного и стабильного правительства. Народ, не имевший никакого отношения к перевороту, породившему её, и к её редакции, мог констатировать, что его права были ущемлены... Она (конституция) отняла также у народа главный атрибут его суверенитета – выборы в представительные учреждения, заменив их почти ничего не значащим правом презентации... Это было не только упразднение суверенитета народа, но и всего его влияния на формирование политических структур. Между этими структурами и народом всякая связь была разорвана».²

Примерно в таких же выражениях охарактеризованы наполеоновские конституции в работе другого видного историка права и французских политических учреждений Жана-Жака Шевалье (1900-1983) «История политических институтов Франции Нового времени (1789-1945)», вышедшей в Париже в 1958 г. Шевалье пишет: «Гений Наполеона потерпел неудачу в области политических учреждений и конституции. За фасадом учреждений в реальности был только один человек. Когда он был сокрушен, когда он исчез, не осталось ничего...»³ Шевалье, также как Деландр, заостряет внимание на разрыве традиций между конституциями революционной эпохи и конституциями эпохи Консульства и Империи.

Эту же мысль проводит в своём исследовании «Французская

² *Deslandres M. Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à 1870, Paris, 1932-1937, vol. 1, p.445-447.*

³ *Chevallier J.-J. Histoire des institutions politiques de la France Moderne (1789-1945), P., 1958, p. 127.*

конституционная история (1789-1958)» ученик Жана-Жака Шевалье профессор Ив Гише (род. в 1938 г.). Гише писал: «...конституция VIII года является разрывом по сравнению с предыдущей конституцией в смысле способа голосования. Система, получившая название «списков доверия» являлась лишь пародией на выборы».⁴

Равным образом профессор истории права Марсель Морабито (род. в 1951 г.) в своей «Конституционной истории Франции (1789-1958)», изданной в 2000 г. отмечает: «Та же самая авторитарная концепция стоит у истоков текста (конституции 1799 г.)... Это полный разрыв по сравнению с соответствующими установлениями Законодательных ассамблей эпохи революции».⁵

Однако в современных работах, посвящённых гражданской истории Консульства и Империи, наряду с констатацией несомненного разрыва в конституционном строительстве по сравнению с эпохой революции, всё больше прослеживается мысль как раз о связи наполеоновских конституций с соответствующими уложениями предыдущего периода.

Кстати, упомянутый Марсель Морабито отмечал: «Новый порядок (правление Наполеона) не легко однозначно определить. Чем он являлся – военной диктатурой или просвещённым деспотизмом? Следует ли, прежде всего, отметить пустоту французской политической жизни наполеоновского периода? Каждый из этих вопросов вызывает ответ, частью утвердительный. Однако другое определение, как кажется, лучше всего отражает суть политики этого периода – диктатура по римскому образцу во имя Общественного спасения, более того диктатура, ищущая народной поддержки и одобрения».⁶

Эта связь наполеоновского государства и конституционного строительства Наполеона с революционным периодом особенно рельефно проступает в работах выдающегося современного историка Жана Тюлара (род. в 1933 г.), автора десятков монографий

⁴ *Guichet Y.* Histoire constitutionnelle française (1789-1958), P., 1990, p. 121.

⁵ *Morabito M.* Histoire constitutionnelle de la France (1789-1958), P., 2000, p. 137.

⁶ *Ibid.* p. 137.

по истории Консульства и Империи. Так оценивая Гражданский кодекс, принятый в 1804 г. патриарх наполеоновских исследований отмечает: «Он (кодекс) утверждал упразднение феодальной аристократии, сохранение принципов 1789 г.: личной свободы, равенства перед законом и свободы труда».⁷

Эти же мысли можно найти в работах других современных учёных: Жана-Поля Берто, Тьерри Ленца, Жака-Оливье Будона и других. В их трудах можно найти более сложное и многостороннее рассмотрение конституционного строительства в наполеоновскую эпоху; не только через призму изучения юридических текстов, но и путём исследования политической практики и социальных структур той эпохи. В частности ряд подробных исследований отдельных элементов политической жизни Франции эпохи Консульства и Империи показали гораздо большую преемственность, чем считалось ранее, с революционной эпохой.

Очень интересны в этом смысле работы Бурге-Ривьер «Традиции электоральной системы эпохи Консульства и Империи»⁸, Копполани «Выборы в наполеоновской Франции»⁹ и, наконец, фундаментальная работа Жака Годшо «Смысл и изменение революционных институтов в эпоху Наполеона».¹⁰

Современные исследователи равным образом отметили в той или иной форме связь наполеоновского государства и его конституционного строительства с традициями Века Просвещения. Так Ленц отмечает на страницах своего исследования «Новая история Первой Империи» (т. 3, изданный в 2007 г.): «Эпоха Наполеона - это время политического общества, вышедшего из Века Просвещения...»¹¹

⁷ *Tulard J.* Napoléon ou le myth du sauveur, Paris, 1977, p. 216.

⁸ *Bourguet-Rouveyre J.* La survivance d'un système électoral sous le Consulat et l'Empire // *Annales historiques de la Révolution française*, №346, 2006.

⁹ *Coppolani J.-I.* Les élections en France à l'époque napoléonienne, Paris, 1980.

¹⁰ *Godechot J.* Sens et importance de la transformation des institutions révolutionnaires à l'époque napoléonienne // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, juillet-septembre 1970.

¹¹ *Lenz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire, vol. 3, La France et l'Europe de Napoléon, 1804-1814, Paris, 2007, p. 37.

Эту же мысль на страницах своей давно ставшей классикой исторической мысли монографии «Наполеон» высказал и Жан Тюлар почти поэтической, но в то же время очень исторически точной фразой: «Когда в конце “Волшебной флейты” Моцарта войско Зарастро в храме солнца побеждало легионы царицы ночи, зрители рассматривали это как символ триумфа Просвещения над обскурантизмом... Многие видели в образе Зарастро генерала Бонапарта, ставшего Первым консулом, оплота революционных преобразований в обществе».¹²

На страницах данной работы мы постарались представить конституционное строительство Наполеона и практику его применения как на основе первоисточников, так и с учётом современных исследований.

Прежде всего, отметим, что молодой генерал Бонапарт пришёл к власти в стране ещё переполненной революционными традициями, все его сотрудники были выходцами из различных властных структур революционной Франции, все командные посты занимали герои революционных войн, подчас убеждённые республиканцы. Конечно со временем эти люди постепенно применялись к обстановке авторитарного режима Наполеона Бонапарта, однако Первый консул, а впоследствии император не мог не принимать во внимание общий политический фон и настроения своих ближайших сподвижников, как впрочем и большинства французского населения.

Уже упоминавшийся специалист по истории Франции Революции и Империи Жак Годшо писал по этому поводу: «Нельзя терять из виду, что Бонапарт в начале Консулата оказался перед необратимыми изменениями в общественном сознании. Принципы 1789 г., т. е. равенство всех перед законом, уничтожение феодальных порядков, в том смысле как это понимало Учредительное собрание, наличие конституции и представительных учреждений - всё это не могло быть отныне упразднено»¹³.

¹² *Tulard J.* Op. cit., p.9.

¹³ *Ibid.*, p. 795.

Для того, чтобы оценить характер конституционного строительства Консульства и Империи, рассмотрим для начала сами конституции наполеоновского государства¹⁴.

Как известно сразу после переворота, произошедшего 18-19 брюмера VIII года республики (9-10 ноября 1799 г.) началась работа над новой конституцией, которая должна была быть написана в самые короткие сроки. Действительно новая, четвертая, по счёту писанная французская конституция датирована 22 фримера VIII года (13 декабря 1799 г.). Вынесенная на всенародное одобрение, она получила подавляющее число голосов, «за» проголосовало 3 011 007, «против» 1 562. Как и следовало ожидать, вследствие поспешности её составления, конституция оказалась короткой и недоработанной. Она имела 95 глав, расположенных без видимой ясной логической последовательности. Удивлял также факт, что статья 39 гласила: «Управление (Республикой) поручается трём консулам, которые называются соответственно Первый, Второй и Третий консулы. Конституция утверждает Первым консулом гражданина Бонапарта, бывшего временного консула...»¹⁵

По этому поводу в Париже того времени ходила масса шуток. Знаменитая «Gazette de France» (от 26 фримера VIII г.) 17 декабря 1799 г. писала, что якобы две женщины обменивались мнениями по поводу текста конституции, который они услышали от члена муниципального совета, прочитавшего её текст:

«- Я внимательно слушала, но ничего не разобрала

- А я, не пропустила ни слова.

- Ну, так что же даёт конституция?

- Она даёт Бонапарта»¹⁶.

Эта меткая острота не исчерпывает, конечно, суть конституции VIII года.

¹⁴ Мы рассматриваем конституции 1799, 1802 и 1804 гг. Так называемый «Дополнительный акт к конституции Империи», хотя и утверждённый в 1815 г., фактически не применялся и был упразднён сразу после поражения Наполеона при Ватерлоо.

¹⁵ Constitution de l'An VIII, art. 39.

¹⁶ Цит. по: *Aulard A.* Paris sous le Consulat, Paris, 1903, t. 1 p. 55.

Прежде, чем оценить её содержание необходимо сказать два слова о том, кому Бонапарт поручил разработку текста. Это был известный политический деятель эпохи революции Пьер Дону (1761-1840). Далёкий от элит Старого порядка, Дону, выходец из семьи хирурга, до революции преподавал философию и теологию. Во время революции принял с энтузиазмом новые идеи и являлся сторонником Гражданского устройства духовенства. Однако Дону никогда не относился к радикальным революционерам. Будучи избранным депутатом Конвента, Дону являлся противником суда над королём, протестовал против ареста жирондистов, и попал за это в тюрьму. Его выпустили на свободу только после 9 термидора. Дону участвовал в разработке Конституции 1795 года, некоторое время возглавлял Совет пятисот.

Подобный персонаж очень показателен, для кадровой политики Бонапарта. Автором текста конституции стал убеждённый сторонник революционных преобразований, но одновременно умеренный политик. Обращает на себя внимание тот факт, что Дону явно не был приспособленцем. Когда ради политической выгоды следовало голосовать за смерть короля и осуждать жирондистов, Дону напротив оказался в числе активных защитников свергнутого монарха, за что чуть не лишился головы. Интересно, что после принятия конституции 1799 г. её автор отказался от места в Государственном совете и получил назначение в Трибунал, став его председателем. Однако Дону вел себя столь независимо, что в 1802 г. его исключили из Трибунала. Потом снова отказался от места в Госсовете, а также от поста министра просвещения!

В результате, Бонапарт, который не хотел лишать управленческий аппарат такого ценного работника, как Дону назначил его на политически нейтральный пост директора архива Законодательного совета, а позже сделал Дону директором Национального архива (с 1805 г. по 1814 г. Императорский архив, ныне Национальный архив Французской республики). Известный политический деятель эпохи Революции и Империи Антуан-Клэр Тибодо так охарактеризовал Дону в своих мемуарах: «Добродетельный и просвещённый

республиканец, сочетающий в себе таланты и скромность»¹⁷.

Конституция VIII года отражала умеренные политические взгляды Дону, Сийеса и ряда других брюмерианцев, и, конечно же, самое главное – желание большинства французов установления стабильности при сохранении основных революционных преобразований. Текст новой конституции не имел помпезной преамбулы, и являлся скорее техническим документом, который утверждал режим сильной исполнительной власти.

Отметим, что ещё Барер, пылкий революционный оратор, знаменитый член Комитета Общественного спасения, автор декрета о Всеобщей мобилизации (*Levée en masse*), страстно призывавшего к борьбе за свободу «...молодые люди пойдут в бой, женатые будут ковать оружие и подвозить войскам необходимое, женщины будут изготавливать палатки, мундиры и работать в госпиталях, дети будут щипать корпию из старого белья, старики дадут понести себя на площадь, дабы возбуждать отвагу воинов и проповедовать ненависть к королям и любовь к республике», писал в 1796 г., что Республика никогда не сможет победить без сильной власти¹⁸. Для большинства сторонников переворота 18 брюмера речь никоим образом ни шла о том, чтобы на месте республики установить деспотию. Они желали победить «анархию» и установить твёрдую власть вместо обанкротившейся Директории, бессильной перед лицом тысяч внутренних и внешних проблем.

При этом обращает на себя внимание, что в отличие от конституции 1795 г., которая считала гражданами только тех, кто «платит поземельный или персональный налог», новый основной закон устанавливал всеобщее избирательное право. Статья 6 конституции 1799 г. декларировала, что для участия в выборах достаточно «иметь постоянное место жительства и проживать в указанном месте не менее года»¹⁹. Таким образом, усиливая исполнительную

¹⁷ *Thibaudeau A. C. Le Consulat et l'Empire, Paris, 1834, t.2, p. 181.*

¹⁸ *Serna P. Barrère penseur et acteur d'un premier opportunisme républicain face au Directoire exécutif// Annales historiques de la Révolution française, №332, 2003, p.101-128.*

¹⁹ *Constitution, An VIII, art. 6.*

власть, конституция Консульства расширяла социальную базу нового режима.

Однако граждане выбирали должностных лиц не прямым голосованием, а избирали лишь «списки доверия», то есть тех, кому потенциально могли доверить местное управление. «Списки доверия» должны были насчитывать 1/10 от общего количества избирателей. Избранные в свою очередь выбирали 1/10 из своего числа, и составляли так называемые «департаментские списки (доверия)». Наконец те, кто попал в «департаментские списки (доверия)» выбирали снова 1/10 из своего числа и составляли отныне тех, кого могли назначить на «национальные должности».

Потенциальное количество избирателей, то есть лиц мужского пола достигших 21 летнего возраста достигало отныне 7,9 млн. человек (отметим, что вследствие имущественного ценза их число во Франции эпохи Директории равнялось 6 млн. человек). Это означало, что по идее, национальные списки должны были насчитывать 7,9 тыс. человек. На самом деле их было меньше вследствие неучастия в выборах значительной части населения.

Этот абстенционизм никоим образом нельзя связывать с политикой. Заметим, что во Франции того времени выборы очень отличались от современных. Так сельские избиратели собирались в главном населённом пункте «кантона» (т. е. низшего избирательного округа) и оставались там до завершения выборов, которые могли порой продлиться несколько дней! Понятно, что для крестьян, ставивших свои хозяйственные дела куда выше политики подобная трата времени являлась непозволительной.

Более того, как это не покажется парадоксальным выборы в эпоху Консульства и Империи стали более демократичными и привлекали большее количество участников, чем в эпоху Первой республики. Вот данные по плебисцитам, проводившимся в различные годы²⁰:

²⁰ Dictionnaire Napoléon, Paris, 1987, p. 502. Lenz T. La France et l'Europe de Napoléon, 1804-1814, Paris, 2007, p.97.

Год	Вопрос	Численность электората	Не участвовало	«за»	«против»	Процент «за» от общ. числа избирателей
1793	Принятие конституции	7 млн.	73%	1 866 000	12 766	26,6%
1795	Принятие конституции	7 млн.	74%	957 000	915 000	13,3%
1800	Принятие конституции	7,9 млн.	62%	3 011 007	1 562	38%
1802	Пожизненное консульство	7,9 млн.	55%	3 568 185	8 374	45%
1804	Установление империи	8,9 млн.	60%	3 524 254	2 579	40%

Таблица 1. Численность электората и результаты плебесцитов 1793-1804 гг.

Как видно из таблицы в эпоху Консульства плебисциты привлекали большее число избирателей, чем в период революции, а количество проголосовавших «за» значительно увеличилось. Конечно, нужно отметить, что выборы были открытыми и голосующему следовало публично написать «за» или «против». Этим во многом объяснялись столь малое количество проголосовавших «против», но ведь и в 1793 и в 1795 гг. дело обстояло также!

Интересно, что в эпоху Империи количество избирателей, принимавших участие в выборах, ещё более возросло. Согласно оценкам специалиста по истории выборов в наполеоновской Франции Жана-Ива Копполани оно достигало 60-75% в большинстве департаментов²¹.

С этой точки зрения нельзя не согласиться с мнением другого исследователя гражданских учреждений эпохи Консульства и Империи Жозиян Бурке-Ривьер, которая писала: «Будет явным упрощением, противопоставлять, как это часто делается, наполеоновский плебисцит республиканскому референдуму. Подразумевая, что в первом случае речь идёт о грубой манипуляции, призванной легитимизировать режим, а во втором о свободном волеизъявлении народа»²².

Другой крупный специалист по истории Первой Империи Тьерри Ленц отмечает: «Результаты плебисцитов представляли большое затруднение для республиканцев, противников Наполеона, ибо совершенно противоречили их аргументации, согласно которой его режим был оторван от народа и революции»²³.

Выборы более демократичные и более регулярные, тем не менее, не означали демократичности режима. Недаром во время работы над конституцией 1799 г. один из активных сторонников брюмерианского переворота Сийес заявлял: «Демократия в сыром

²¹ *Coppolani J.-I.* Les élections en France à l'époque napoléonienne, Paris, 1980, p. 234.

²² *Bourguet-Rouveyre J.* La survivance d'un système électoral sous le Consulat et l'Empire // *Annales historiques de la Révolution française*, №346, 2006, p. 19.

²³ *Lenz T.* Op. cit., p.98.

виде – это абсурд»²⁴

Характерной особенностью выборов согласно конституции 1799 г. являлось то, что все избранные лица становились лишь кандидатами на занятие тех или иных должностей. Из национального списка нотаблей избирались члены Законодательного корпуса и так называемый Трибунат. Выбор осуществлялся Сенатом, который в свою очередь формировался по решению Первого консула. Таким образом, всё делалось для того, чтобы власть максимально сконцентрировалась в руках главы правительства.

Первый консул не только назначал сенаторов, членов Государственного совета и министров, но и имел законодательную инициативу. Законы же принимались Законодательным корпусом из 300 членов. По конституции 1799 г. члены корпуса не обсуждали законы. Для их рассмотрения создавался Трибунат из 100 членов. Члены Трибуната обсуждали законы и делали соответствующие доклады Законодательному корпусу, который либо принимал их, либо отклонял.

Заседания Законодательного корпуса, проходившие в Бурбонском дворце (сейчас там заседает Национальная ассамблея) выглядели странно для людей привыкших к бурным парламентским дебатам. Англичанин Йорк не без юмора описывает своё посещение заседания французских законодателей: «Это объединение немых, получило название Законодательного совета. Здесь триста человек собираются на четыре месяца в году, не имея права сказать ни одного слова... Зал, где они заседают, наверное, один из самых изысканных и красивых в Европе. Он полукруглый и скамьи, на которых сидят законодатели, располагаются ступенчато... Трибуны и ораторы от правительства занимают место в первом ряду, напротив председательствующего...»²⁵

Особую роль в государственной системе в соответствии с конституцией 1799 г. играл уже упомянутый Сенат, который получил название «*Sénat conservateur*» - т. е. «Сенат хранитель»,

²⁴ *Sieyès E.-J.* Des manuscrits de Sieyès, 1775-1799, Paris, 1999, p.519.

²⁵ *Yorke H. R.* Paris et la France sous le Consulat, Paris, 1921, p. 56.

«Сенат охранитель». Имелось в виду охранитель государства, хранитель конституции.

Первоначально Сенат предполагалось составить из 60 членов (в реальности назначили сразу 63 сенатора), позже он стал пополняться за счёт новых членов, выбранных самими сенаторами из 3-х кандидатур, предложенных Первым консулом, Законодательным корпусом и Трибунатом. Всего в Сенате предполагалось иметь 80 членов, но его численность в эпоху Консульства и Империи стала быстро расти, и скоро в нем заседало более ста человек. Всего же с 1800 по 1813 г. было назначено 184 сенаторов.

Для понимания характера наполеоновского государства важно отметить состав Сената. Так, 38 из первых 63 сенаторов являлись членами различных революционных ассамблей (Учредительная Ассамблея, Законодательная Ассамблея, Конвент).

В обязанности Сената входило наблюдение за конституционностью всех новых законодательных актов. В число его прерогатив входил выбор членов Законодательного корпуса и Трибуната из списков национальных нотаблей.

Таким образом, Наполеон назначал Сенат, а Сенат остальные законодательные учреждения, которые таким образом находились под тесным контролем исполнительной власти.

Но это ещё не всё. Поскольку Сенат по конституции являлся её хранителем, скоро появилась практика внесения изменений в конституцию по решению Сената. Впервые это произошло в январе 1800 г. после взрыва, устроенного на улице Сен-Никез с целью убить главу государства, и унёсшего жизни более 60 человек. Тогда по решению Первого консула без суда предполагалось выслать в Гвиану тех, кто, по его мнению, мог быть причастен к организации теракта. Чтобы это сделать требовалось переступить через положения конституции. Сенат тогда выступил с инициативой допустить подобное отступление, ибо он сам является «выразителем и хранителем этой хартии (конституции), судьёй законности принятой меры»²⁶.

²⁶ Recueil général des lois et des arrêts, Paris, 1850, t. 1, p, 385.

Так появилась практика так называемых «сенатус-консулт» - сенатских постановлений, которые давали право либо допускать отступления от конституции, либо изменять саму конституцию.

Среди подобных сенатских постановлений имелись такие, которые радикально модифицировали основной закон государства. Так 93 статья Конституции 1799 г., гласила: «Французская Нация провозглашает, что она не потерпит возвращение тех, кто покинул отечество с 14 июля 1789 г.». Иначе говоря, дорога назад для эмигрантов, казалось, закрывалась навсегда.

Однако Бонапарт благодаря удивительным преобразованиям, которые произошли за короткое время, добился такой популярности и стабильности режима, что уже в 1802 г. возникла возможность примирения между бывшими революционерами и роялистами, по крайней мере, теми из них, которые не принадлежали к радикальным течениям.

Так 6 флореаля X года (26 апреля 1802 г.) был принят «сенатус-консулт» об амнистии эмигрантов. В результате принятия этого поистине удивительного документа гражданская война во Франции действительно завершилась. 150 тысяч человек бывших врагов республики, «неприсяжных» священников, роялистов, в том числе тех, кто сражался с оружием в руках против Франции, смогли вернуться на родину. В эмиграции осталось не более 2,5 тысяч человек, только тех, кто действительно руководил отрядами белоэмигрантских войск, и чьи руки были серьёзно замараны кровью!

В преамбуле этого важнейшего государственного акта говорилось: «... данное постановление диктуется новым порядком вещей, и по своей справедливости, по естественной пользе *оно согласно с духом конституции*. В ту эпоху, когда принимались законы об эмигрантах, Франция, раздираемая гражданской войной, вынуждена была вести со всей Европой войну, примера которой не знала история, и потому были нужны суровые меры. Теперь же заключён внешний мир и его необходимо закрепить всем, что может объединить французов... эта амнистия является актом милосердия и даётся только при соблюдении справедливых условий и мудро

сочетается с национальным интересом...»²⁷

Многие из тех, кто вернулся, снова вступили во владение землями и своими замками, пусть зачастую и разорёнными. Но это был поистине огромный прорыв, необычайно укрепивший авторитет нового государства. Ведь королевскую власть свергли лишь за 10 лет до этого! Война второй коалиции прекратилась на континенте лишь за год до принятия апрельского «сенатус-консульта», а Амьенский мир с Англией подписали всего за месяц до принятия постановления, 27 марта 1802 года!

С этого времени «сенатус-консульты» вошли в порядок дня. Так «органический сенатус-консульт» из 86 статей, принятый 16 термидора X года (4 августа 1802 г.) серьёзно реформировал конституцию и, прежде всего, делал власть Бонапарта пожизненной. На референдуме её приняли 3 568 885 голосами «за» при всего лишь 8 374 «против».

Конституция 1802 г. намечала эволюцию в сторону монархической формы правления. Так Бонапарт получил право помилования, прерогативу, которая в эпоху Старого Порядка закреплялась исключительно за королём. Сверх того за Первым консулом закреплялось право назначать преемника.

Одновременно расширились полномочия Сената, который имел теперь право роспуска Законодательной Ассамблеи и Трибуната. Который сократили до 50 членов.

Отмечая всё большую концентрацию власти в руках Первого консула, нельзя не отметить, что представительские учреждения не являлись лишь декором. По поводу принятия многих законов возникали острые споры. Так создание ордена Почётного Легиона вызвало бурную дискуссию. Ряд членов Госсовета, и Трибуната выступили с яростной критикой нового учреждения. Теофиль Берлье, бывший член Конвента, активный сторонник казни Людовика XVI, выступая в Госсовете, воскликнул: «Орден, который нам предлагают, ведёт к появлению аристократии. Кресты и ленточки – это монархические побрякушки!», а член Трибуната

²⁷ Moniteur Universelle, № 217, 7 floreal an X, p. 1-2.

Шовелен заявил, что «это учреждение противоречит духу и принципам революции, а также духу конституции».²⁸ В результате закон о создании Почётного Легиона принял в Законодательный корпус только 166 голосами против 110.

Конституция 1802 года также всё более подчеркивала тенденцию к сосредоточению политической власти в руках состоятельных слоёв населения. Отныне департаментские коллегии (200-300 чел.) избирались из списка 600 самых крупных налогоплательщиков департамента.

Новую конституцию приняли 28 флореаля XII года, 18 мая 1804. Конституция насчитывала 142 статьи в первой из которых она провозглашала, казалось бы, парадоксальную идею: «Управление Республикой вручается Императору, который принимает титул Императора французов». На самом деле для республиканских государственных деятелей того времени, подобная мысль не казалась нонсенсом. По мысли большинства этих людей наследственность являлась гарантией сохранения социальных изменений, которые принесла Великая французская революция. Новое государство вручалось харизматическому лидеру, объединителю и первому представителю народа и нации, который должен править, опираясь на совет мудрецов, воплощённый в Сенате. При этом монархическая форма оставалась только оболочкой отныне наполненной содержанием, не имеющим отношения к Франции Старого порядка.

Перемены во внешнем декоре правления фиксировались, прежде всего, в первых семи частях конституции:

1. Об Императоре
2. О наследственном правлении
3. Об императорской семье
4. О регентстве
5. О сановниках Империи.
6. О высших офицерах Империи.
7. О принесении присяги.

В остальном основной закон страны сохранил свои общие черты,

²⁸ *Thibaudeau A. C. Mémoires sur le Consulat, Paris, 1827, p. 81,90.*

но ещё больше концентрировал власть в руках главы государства. Повысилось значение Госсвета, которому посвящено три статьи конституции, вместо одной в конституции 1799 г. Расширились полномочия Сената, и одновременно изменялся его состав. Теперь сенаторами кроме тех, что входили в его составе, становились автоматически все французские принцы, достигшие 18 лет, и все Великие сановники Империи. Сенат отныне мог отменить любой закон, принятый в Законодательном корпусе.

В составе Сената появились две постоянные комиссии:

1. Сенаторская комиссия по личным свободам.
2. Сенаторская комиссия по свободе прессы.

Первая следила за тем, чтобы никто не лишался свободы на срок более 10 дней без предъявления обвинения по всей форме.

Вторая принимала жалобы от всех типографий, издательств и авторов, которые считали, что на пути печати и распространения тех или иных изданий ставятся препоны.

Впрочем, в реальности обе эти комиссии сделали немного. Так первая за время Империи получила 585 петиций по поводу незаконного лишения свободы. Часть из этих бумаг оказались затем на столе министра, другие самого императора. Однако только в очень немногих случаях комиссия добилась освобождения заключённых. В основном это касалось мелких нарушений закона²⁹.

Что же касается комиссии по свободе прессы, не будет преувеличением сказать, что её существование носило чисто символический характер.

Почти ничего не менялось в отношении выборов. Они оставались многоступенчатыми и связанными с имущественным цензом. Впрочем, для кавалеров ордена Почётного легиона делалось исключение. Вне зависимости от их имущественного положения кавалеры ордена Почётного Легиона автоматически становились членами окружной коллегии, а Командоры ордена и выше, членами избирательной коллегии департамента.

²⁹ Archives Nationales, *Commission de la liberté individuelle (1802-1814)*, inventaire des articles.

Конституция 28 флореалья XII года (18 мая 1804) устанавливающая императорскую власть, подобно предшествующим конституциям наполеоновской Франции прошла утверждение на всенародном референдуме и получила одобрение подавляющим количеством избирателей: 3 521 675 голосов «за», при 2 579 «против».

Именно поэтому Наполеон любил подчёркивать связь своего режима с нацией. Выступая в Государственном Совете, он заявил: «Мы все являемся представителями нации. Первый её представитель – это император. Император, Сенат, Государственный Совет, Законодательный корпус и Трибунат³⁰ составляют государственную машину».³¹

Говоря о принципах конституционного строительства Наполеона нельзя пройти мимо Гражданского Кодекса, который приняли 30 вантоза XII года, (21 марта 1804 г.), т. е. практически одновременно с конституцией 1804 г. Гражданский Кодекс, или Кодекс Наполеона, как он вошёл в историю, стал не только сборником законов, но и в определённом смысле некой основой для законодательства, иначе говоря, неким продолжением конституции. Сам Наполеон, пожалуй, больше всех других своих творений ценил именно Гражданский кодекс. «Моя истинная слава не в том, что я выиграл сорок сражений; Ватерлоо изгладит память о всех этих победах. Но что не может быть забыто, что будет жить вечно – это мой Гражданский кодекс»³², писал император на острове Святой Елены.

Действительно, необходимость создания свода законов для нового государства была очевидна. Выступая в Госсовете 18 флореалья X года (8 мая 1802 г.) Первый консул заявил о событиях внутривластной жизни последнего времени: «Всё было

³⁰ Необходимо отметить, что конституция 1804 г. претерпела изменение в 1807 г. Сенатус-консульт от 19 августа этого года Трибунат был распущен, а его члены были назначены либо в Законодательный корпус, либо в Сенат, либо получили ответственные государственные должности.

³¹ *Marquiset A. Napoléon stenographié au conseil d'Etat*, 1913, p. 48.

³² *Las Cases E. de, Mémorial de Saint-Hélène*, Paris, 1968, p. 357.

разрушено, теперь надо всё восстанавливать! Теперь у нас есть правительство, есть власть, но что представляет собой нация – рассеянные песчинки без системы, без объединения, без контакта.... Думаете ли вы, что Республика окончательно утвердилась? Вы заблуждаетесь. Но мы можем её укрепить и для этого мы должны положить на землю Франции несколько гранитных глыб»³³.

Одной из таких «гранитных глыб» должен был стать по мысли Бонапарта Гражданский кодекс, основа законодательства, призванный навести порядок в юридическом хаосе, существовавшем до этого времени.

Так до революции во Франции существовала огромная кипа законов, разных для разных провинций, во многом противоречащих друг другу. Недаром Вольтер сказал, что, когда путешествуешь по Франции, законы меняются столь же часто, как почтовые лошади. В уголовном праве оставалась презумпция виновности, а не невиновности! Продолжали действовать даже законы против колдовства.

Уже законодатели 1789 года желали дать Франции «кодекс гражданских законов», общих для всего королевства. Учредительное Собрание провозгласило, что гражданское законодательство будет выстроено на базе конституции 3 сентября 1791 г. Законодательная Ассамблея, которая собралась 1 октября 1791 года создала комитет по подготовке комплекса законов, однако работа продвигалась крайне медленно.

В эпоху Конвента законодательная деятельность продолжилась, и комитет по выработке нового законодательства под руководством Камбасереса подготовил основной блок законов из 719 статей, которые представили на заседании Конвента 8 августа 1793 г. В октябре 1793 г. проект в целом одобрили, однако оставалось ещё много работы. Голосование по проекту кодекса постоянно откладывалось из-за бурных внутривнутриполитических событий.

В эпоху Директории Камбасерес и его коллеги снова принялись за дело, но разрабатывали законы уже на несколько иных принципах. Снова события не позволили довести работу до конца.

³³ *Thibaudeau A. C. Op. cit. p. 479-480.*

Только после прихода к власти Бонапарта, а ещё точнее после победы при Маренго, которая упрочила власть Первого консула, законодательная работа продолжалась.

Указом от 12 августа 1800 года создавалась комиссия из трёх опытных юристов: уполномоченного в комиссии о морских призах Порталиса, председателя Кассационного суда Тронше и правительственного комиссара при Кассационном суде Биго де Преаменэ.

Интересно, что все эти люди принадлежали к ярким представителям идеологии Века Просвещения, однако, подобно уже упомянутому Пьеру Дону, слыли умеренными политиками. Более того, несмотря на свои передовые взгляды все трое оказались среди защитников свергнутого монарха.

Жан-Этьен-Мари Порталис (1746-1807) сын нотариуса и известный адвокат, уже до революции писал произведения, пронизанные вольтерьянским духом. Такими работами стали в частности его трактаты «О предрассудках» и «О законности протестантского бракосочетания», заслужившие одобрение самого Вольтера. Порталис пытался стать депутатом Генеральных Штатов, но неудачно. Конституционный монархист, осуждавший эксцессы революции, написал политический опус «Защита короля», попал во время Террора в тюрьму. Его спас от казни только переворот 9 термидора, после которого Порталис начал политическую карьеру с избрания в Совет старейшин.

Франсуа-Дени Тронше (1723-1806), сын прокурора Парижского парламента другой типичный представитель Века Просвещения. Тронше был намного старше своих коллег и уже в 1745 г. (когда не родился ещё не только сам Наполеон, но даже его мать) являлся адвокатом Парижского парламента. Избранный депутатом Генеральных штатов, Тронше являлся убеждённым конституционным монархистом. Защищал Людовика XVI, и в результате ему пришлось некоторое время скрываться от ареста. В эпоху Директории Тронше открыл свою адвокатскую контору.

Феликс-Жюльен Биго де Преаменэ (1747-1825) депутат Законодательной ассамблеи, также выступал в роли адвоката

короля. Он, как и его коллеги в 1794 г. подвергся аресту за свои действия по защите королевской семьи и спасло его от смертной казни только падение режима Робеспьера.

Все эти три человека типичный пример людей эпохи Просвещения. Не удивительно поэтому, что Кодекс Наполеона впитал в себя эти идеи. Он исходил, прежде всего, из концепции равенства всех граждан перед законом. Он устанавливал непринадлежность государства ни к одной из религиозных конфессий, а право собственности признавалось вечным и неизменным.

Иначе говоря, Кодекс Наполеона исходил из тех основных идей, которые лежали в основе Великой французской революции. Видный исследователь истории наполеоновской Франции Тьерри Ленц отмечает: «В качестве социополитического произведения Кодекс отдавал предпочтение «умеренной» модели государства в стиле идей 1789 г., государства, основанного на индивидуализме, свободе и равенстве граждан, на собственности и порядке. Он ставил индивидуум в центр общества, но, тем не менее, ставил общество выше индивида, при этом переводил на рациональную основу взаимоотношения личности и государства»³⁴.

Впрочем, эту же мысль, только куда более чеканной фразой выразил философ, которого теперь редко цитируют, Карл Маркс: «Кодекс Наполеона берёт своё начало не от ветхого завета, а от идей Вольтера, Руссо, Кондорсе, Мирабо, Монтескьё и от французской революции»³⁵.

Собственно эта фраза лучше всего резюмирует всё, что было сказано о конституционном строительстве Наполеона. Основные идеи, которые стали принципами построения наполеоновского государства, почти в точности отвечали тем идеям и мыслям, которые легли в основу деятельности умеренных революционеров, исповедовавших идеалы Века Просвещения.

Безусловно, самым ярким из просветителей, человеком, ставшим синонимом идеологии Века Просвещения был Франсуа-Мари Аруэ,

³⁴ Lenz Т. *Op. cit.*, p. 280.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 1, с. 112.

вошедший в историю под псевдонимом Вольтер. Его политические идеи, как и политические идеи физиократов как никакие другие совпали с теми концепциями, которые легли в основу наполеоновских конституций.

Вольтера несколько не заботили проблемы переустройства общества на демократических началах. Более того, демократии, народовластия он смертельно боялся. Так и физиократы Анн-Робер-Жак Тюрго, Франсуа Кенэ, Лемерсье де ла Ривьер в политическом отношении стояли на точке зрения просвещённого абсолютизма. Уже Кенэ, мечтая о реализации своей экономической системы, считал необходимой такую силу, которая могла бы совершить эту реализацию. Он требовал, поэтому полного единства и безусловного господства верховной власти, возвышающейся во имя общего блага над противоположными интересами частных лиц.

Лемерсье де ла Ривьер в главном своём сочинении развивал ту мысль, что «законный деспотизм» (*despotisme légal*) один в состоянии осуществить общее благо, установить естественный общественный порядок. Нападая на теорию разделения и равновесия властей или теорию политических противовесов, Лемерсье рассуждал так: если основы хорошего правления очевидны для власти, и она захочет поступать сообразно с ними на благо общества, то «контрафорсы» могут лишь помешать ей - и, наоборот, в таких противовесах нет надобности, раз основы хорошего правления остаются неизвестными власти.

Учение физиократов строилось на вере во всемогущество государства в деле устранения всех зол, а роль абсолютной власти понималась в смысле силы, которая должна устранить все, что мешает «естественному порядку». Наполеоновские конституции, установившие авторитарную власть во имя торжества нового мира, являлись как бы откликом на требование физиократов.

После утверждения необходимости сильной власти, способной реформировать общество, важнейшим принципом, объединявшим представителей идеологии Века Просвещения, было стремление к

веротерпимости. Особенно бескомпромиссно по отношению к религиозному фанатизму выступал Вольтер. Именно фанатичная вера, по мнению мыслителя, является виновницей засилья невежества и предрассудков. Вольтер выступал за безусловную веротерпимость и свободу совести, которые, по его мнению, являлись естественной антитезой католическому фанатизму и обскурантизму.

В «Трактате о веротерпимости» Вольтер писал: «Каждый законодатель, исповедующий какую-либо религию и признающий права совести, должен быть веротерпим: он должен сознавать, как несправедливо и жестоко принуждать человека выбирать между казнью и действиями, которые он считает преступными.... Веротерпимость в больших государствах необходима для устойчивости правительства.... Веротерпимость ...не может производить никаких смут и отнимает предлог к волнениям. Она естественным образом разъединяет мнения: в стране, разделённой на множество сект, ни одна не может претендовать на господство, и поэтому все они остаются спокойными»³⁶.

В этом смысле наполеоновские конституции полностью отвечали идеям Вольтера. Они не только подразумевали веротерпимость и свободу совести, но и формально устанавливали этот принцип. Так в статье 44 конституции 1802 г. где шла речь о преемнике Первого консула, приводился текст клятвы, которую новому консулу следовало принять. Среди прочих положений его клятвы можно выделить тезис о веротерпимости: «Я клянусь поддерживать свободу совести», должен был торжественно заявить принимающий государственную власть.

Тем не менее, Бонапарт считал религию полезной для стабильности государства. Он подписал Конкордат с Римским папой и 18 апреля 1802 г. присутствовал на первом пасхальном богослужении в соборе Нотр-Дам, совершённым после долгого перерыва, вызванного резкой антиклерикальной политикой революционных властей. Наконец коронация императора Наполеона прошла в том

³⁶ *Voltaire* Œuvres complètes de Voltaire, Paris, 1879, Traité sur la tolérance, t. 25, p.15-16.

же Нотр-Дам при благословении понтифика и сопровождалась пышной религиозной церемонией.

В этом смысле наполеоновское государство также продолжало традицию Века Просвещения. Как известно, отвергая обскурантизм и мракобесие, Вольтер верил в Бога-творца, основным аргументом существования которого он полагал разумное устройство мира. Философ не отвергал религию и религиозность как таковые, ибо не считал возможным обойтись без церкви, как социального регулятора.

В своих знаменитых «Назидательных проповедях» Вольтер писал: «Ни одно общество не может существовать без вознаграждений и кар. ... У всех народов, слушающих голос своего разума, есть всеобщие представления, как бы запечатленные в наших сердцах их владыкой: такова наша убежденность в существовании Бога и в его милосердной справедливости; таковы основополагающие принципы морали, общие для китайцев, индийцев и римлян и никогда не изменявшиеся, хотя наш земной шар испытывал тысячекратные потрясения. Принципы эти необходимы для сохранения людского рода. Лишите людей представления о карающем и вознаграждающем Боге - и вот Сулла и Марий с наслаждением купаются в крови своих сограждан; Август, Антоний и Лепид превосходят в жестокости Суллу, Нерон хладнокровно отдает приказ об убийстве собственной матери. Безусловно, учение о Боге-мстителе в те времена угасло у римлян; преобладал атеизм, а ведь нетрудно исторически доказать, что атеизм иногда может быть причиной стольких же зол, как и самое варварское суеверие»³⁷.

Те же самые идеи можно найти и в «Философском словаре» Вольтера. Вот, что пишет философ: «В отдельных местах вашего труда вы признаете сами, что вера в Бога удерживала некоторых людей на грани преступления, - этого признания мне довольно. Если бы это предотвратило на Земле всего лишь десять убийств, десяток клевет и десять несправедливых приговоров, я полагаю,

³⁷ Вольтер Философские сочинения, М., 1988, с. 382-383.

весь мир должен был бы ее принять»³⁸.

Именно так и рассуждал Первый консул и его ближайшие сподвижники. Так выступая в Государственном совете 16 августа 1800 г. Бонапарт, подчёркивая свой прагматизм в отношении религиозных вопросов, заявил: «Моя политика состоит в том, чтобы управлять людьми, так как хочет большинство из них. Именно это и есть признание суверенитета народа. Принимая католицизм, я остановил Вандейскую войну, поддерживая мусульманскую религию, я закрепился в Египте, в Италии я завоевал доверие народа, выступая в качестве сторонника Папы»³⁹. А известный политический деятель эпохи Консульства Рёдерер говорил: «Я считаю, что религия – это важный помощник в деле управления государством, но нельзя, чтобы она была доминирующей, тираничной»⁴⁰.

Во время обсуждения Конкордата Порталис, министр вероисповеданий, произнёс речь, которая великолепно отражает это видение религии людьми эпохи Просвещения: «Религии, даже ложные препятствуют появлению субверсивных доктрин, они дают некие устойчивые идеологические платформы. Правительство может быть спокойно, ибо известно, какие догмы исповедуются и, то, что эти догмы постоянны. Суеверие, если так можно выразиться, заключено в некоторые рамки, из которых оно не может или не осмеливается выйти»⁴¹.

Обратим внимание, министр, ответственный за вероисповедание и призванный поддерживать отправление различных культов во Франции называет их «суеверием (superstition)»!

При этом наполеоновское государство не просто целиком и полностью приняло идеи Вольтера о религии, как социальном регуляторе, но и закрепило эти положения в конституции. Важно отметить, что к Конкордату, подписанному 26 мессидора IX года (15 июля 1801), Сенат в одностороннем порядке добавил 18 жер-

³⁸ Там же, с. 670.

³⁹ *Roederer* Œuvres, Paris, 1854, t. 3, p. 334.

⁴⁰ *Ibid.* p.335.

⁴¹ Corps Législatif, Discours prononcé par Portalis, orateur du Gouvernement, 15 germinal An 10, Paris, 1802, p. 11.

миналя X года (8 апреля 1802), органические статьи. В результате Конкордат стал в определённом смысле некой поправкой к конституции, её неотъемлемой частью.

Совпадает с взглядами просветителей и понятие свободы в наполеоновских конституциях. Как известно по Вольтеру свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов, а свобода труда, право каждого «продавать свой труд тому, кто за него даёт наибольшую плату, ибо труд есть собственность у тех, кто не имеет собственности». Равенство людей Вольтер понимал только в строго политико-юридическом смысле: обретение людьми одинакового статуса гражданина, одинаковая зависимость всех граждан от закона и одинаковая защита их законом. Именно такую свободу и равенство декларировало наполеоновское государство.

Но особенно совпадали взгляды Вольтера и авторов наполеоновских конституций на вопрос собственности. Считая собственность главной основой для построения общественной иерархии, знаменитый философ писал: «В нашем несчастном мире невозможно, чтобы люди, живя в обществе, не были разделены на два класса: один класс богатых, которые распоряжаются, другой класс бедных, которые служат».

Собственность для Вольтера – необходимый признак полноправного гражданина. Только собственники имеют право голоса в вопросах общественного блага. Те, у кого нет дома и земли, не в большей степени имеют право голоса, «чем приказчики в управлении торговыми делами их хозяев».⁴²

Конституция 1799 г. отменила имущественный ценз для участия в выборах. Однако, в ней ничего не говорилось об имущественном цензе для того, чтобы попасть в число избранных. Весь характер голосования был таков, что он отсеивал представителей неимущих слоёв населения.

Выступая на заседании выборной коллегии департамента Сены, Люсьен Бонапарт заявил, что «Принципы нового избирательного права основываются отныне не на химерических принципах, а на

⁴² *Voltaire* Œuvres complètes de Voltaire, Paris, 1785, t. 29, p. 203.

том на чём зиждется гражданское общество, т. е. на собственности, которая внушает чувства, охраняющие общественный порядок»⁴³.

Конституция 1802 г. была на этот счёт уже однозначна. Для того, чтобы попасть в число избранных требовалось обладать собственностью. Статья 25 конституции гласила: «Для формирования департаментских коллегий в каждом департаменте под контролем министра финансов будет составлен список из 600 граждан, платящих наибольший поземельный налог, налог на недвижимость, налог на роскошь или торгово-промышленный налог... Этот список должен быть отпечатан»⁴⁴.

Таким образом, уже на этапе второй ступени выборов (окружных), когда из десятой части избирателей, выбранных кантональными комиссиями, избирались департаментские коллегии, требовалось для дальнейшего продвижения владение собственностью.

Списки, составленные в департаментах, представляют собой великолепную базу для исследования общества периода Империи Наполеона. Французские историки Луи Бержерон и Ги Шоссина-Ногаре рассмотрели данные на десятки тысяч представителей местных элит, назвав свою работу «Гранитные глыбы»⁴⁵ - сто тысяч нотаблей эпохи Первой Империи»⁴⁶

Из этого исследования вытекает характеристика не только местных элит, но и самого режима, установленного конституцией 1802 г. Первое, что обращает на себя внимание, то что отныне понятие «элита» основывается прежде всего на материальном достатке. Ведь департаментские коллегии, как и предписывалось конституцией, формировались из 600 самых состоятельных граждан.

Из 66 735 человек входящих в департаментские списки 1810 г., профессии которых известны, было⁴⁷:

⁴³ Цит. по *Soboul A. La civilization de la France napoléonienne*, Paris, 1990, p. 34.

⁴⁴ *Constitution, An X, art.25.*

⁴⁵ Гранитные глыбы – намёк на выражение Бонапарта о «гранитных глыбах», необходимых для укрепления здания нового порядка.

⁴⁶ *Bergeron L. Chaussinand-Nogaret, Les "Masses de granit" Cent mille notables du Premier Empire.* Paris, 1979.

⁴⁷ *Ibid.* p. 43.

Собственники (земельные)	24,55%
Гражданские чиновники	33,88%
Свободные профессии	14,37%
Коммерсанты	10,79%
Фабриканты	8,23%
Военные	2,35 %
Духовенство	1,23%
Прочие	4,60%
Итого	100%

Таблица 2. Социальный состав нотаблей Первой Империи

Как видно в основном местную элиту составляли представители земельных собственников, а также чиновники, по большей части также владельцы земельной собственности.

Интересно отметить, что принадлежность к местным элитам и землевладельцам вовсе не означала значительного состояния. Около 27% нотаблей имели доход меньший, чем 1000 франков в год. Чтобы понять, что означала подобная сумма в эпоху Империи достаточно сказать, что заработная плата среднего парижского рабочего или жалованьем равнялась 1000 франков в год младшего лейтенанта (су-лейтенанта) линейных войск! Только 11,32% нотаблей имели доход более 5000 франков⁴⁸. Что соответствовало жалованию майора линейных войск в военное время, или гвардейского капитана (в мирное время).

Таким образом местные элиты Первой Империи – это скорее представители среднего класса, который отныне являлся стеновым хребтом общества.

В связи с приведёнными цифрами может возникнуть законный вопрос – почему, если для принадлежности к «элитам» требо-

⁴⁸ Ibid. p. 50.

вался столь невысокий доход, сравнимый с жалованьем младшего офицера среди нотаблей так мало военных – всего лишь 2,35%. Ответ на него очень прост – в департаментские коллегии брали лишь тех, кто постоянно проживал в данной местности. Наполеоновские офицеры находились в постоянном движении. Они то сражались под Брюнном или Сарагосой, то, даже в период коротких мирных передышек, стояли гарнизонами где-нибудь в Италии или северной Германии и дома почти не появлялись. Те 2,35%, которые фигурируют в списках в основном отставники.

Исследование департаментских коллегий показывает, тех, кем реально управлялась страна. Отныне это был средний класс собственников. Наполеоновское государство стало военной диктатурой. Военные, сражавшиеся за отечество и проливавшие кровь на полях сражений, рассматривались Императором, как элита духа, и щедро вознаграждались отличиями и деньгами... но в управлении государством практически не участвовали. Всё гражданское управление сосредоточилось в руках гражданских лиц и, прежде всего, земельных собственников.

Источником богатства нации, по мнению физиократов, является сельское хозяйство как сфера материального производства, а не внешняя торговля, как считали меркантилисты. Только в сельском хозяйстве создается «чистый продукт» (новый продукт, по современной терминологии, - национальный доход), который является физическим даром природы, происходит его увеличение, поскольку его создают природа, земля.

Следовательно, основой нового порядка, по мнению физиократов должны быть, прежде всего, земельные собственники, иначе говоря, сельскохозяйственные производители! Как видно из приведённых цифр императору вполне удалось реализовать на практике эти идеи просветителей.

Кроме того, знатность не должна была основываться исключительно на богатстве. Скромные требования, предъявляемые «нотаблям» в смысле их состояния сочетались со старанием правительства привлекать заслуженных людей к управлению

государством. В этом смысле очень характерна речь Бонапарта, которую тот произнёс, обращаясь к Рёдереру в момент обсуждения критериев, необходимых для вхождения в списки «нотаблей»: «Нельзя, чтобы знатность происходила из богатства, - воскликнул Первый консул, - Богач, это часто лентяй у которого нет никаких заслуг! Даже богатый negociant порой стал богачом только потому что сумел дорого продавать... Да, я хочу, чтобы были богатые, уже хотя бы потому, что они обеспечат существование бедным, но я не вижу причин уважать богатство. Особенно учитывая, что в наше время такое понимание заслуг будет принято хуже, чем когда-либо. Богатство сейчас – это результат воровства, грабежа. Кто такой богач? Скупщик национальных имуществ, поставщик, спекулянт – короче вор. Как же основывать на богатстве знатность?»⁴⁹ Меритократия в сочетании с политическим влиянием собственников вполне соответствовала традициям идеологии просветителей.

Говоря об идеях Века Просвещения, нельзя не пройти мимо того факта, что надежды на проведение необходимых общественных реформ Вольтер и многие другие философы XVIII века связывали с сильной властью, прислушивающейся к мнению «мудрецов». Вольтер не симпатизировал революционным потрясениям, он желал одного, чтобы монарх был «просвещённым». «Самое счастливое время, когда государь – философ», - писал фернейский мыслитель.

В этом смысле трудно найти период истории, когда власти с таким пиететом относились к учёным и так старались использовать их талант на благо государства. Ещё, будучи молодым генералом, Бонапарт старался окружить себя знаменитыми учёными, дружбой с которыми он очень дорожил.

Для того, чтобы сообщить Директории о подписании Кампо-Формийского мира Бонапарт послал из Италии в Париж необычную делегацию. Она состояла из начальника штаба армии генерала Бертье и... выдающегося математика Гаспара Монжа. Мотивируя

⁴⁹ *Roederer* Op. cit, t. 3, p. 341.

подобный выбор своих представителей, Бонапарт писал 18 октября 1797 г.: «Науки, открывшие нам столько тайн природы, разрушившие предрассудки, сослужат нам ещё большую службу. Будут сделаны новые открытия, необходимые для счастья людей, найдены новые законы природы. Но для этого нужно любить учёных и покровительствовать наукам. Примите же с равным уважением заслуженного генерала и учёного физика. И тот и другой славят своё Отечество и делают знаменитым имя французов»⁵⁰.

Интересно, что и после прихода к власти, Бонапарт, следуя идеалу просвещённого монарха, постоянно прислушивался к мнению учёных. Среди его советников в области законотворчества нельзя не отметить большого количества выдающихся деятелей науки.

В назначениях молодого главы французского правительства проявилась даже некоторая наивная вера во всемогущество науки. Так Пьер-Симон Лаплас, знаменитый физик и математик, стал первым министром внутренних дел при новой власти. Правда, спустя 6 недель Бонапарт предпочёл признать свою ошибку. На острове Святой Елены, вспоминая об этом назначении, Наполеон написал: «Великолепный математик, Лаплас в скором времени проявил себя как посредственный администратор. С первых же его шагов на ответственном посту консулы поняли, что ошиблись...»⁵¹. Однако это не повлияло на личное отношение главы государства к выдающемуся учёному, ни лишило его почёта и наград. Лапласа назначили сенатором, затем он стал вице-президентом Сената, и был награждён высшей степенью ордена Почётного Легиона и более того в 1808 году получил титул графа Империи.

Интересно, что неудачный эксперимент с Лапласом не помешал Первому консулу в 1800 году назначить на пост министра внутренних дел другого учёного. Им стал известный химик Жан-Антуан Шапталъ (1756-1832). Не будучи фигурой первой величины

⁵⁰ *Napoléon Bonaparte Correspondance générale*, Paris, 2004, t. 1, p. 1257.

⁵¹ *Gourgaud G. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène*, Paris, 1823, t.1, p.111.

в научном мире, он тем не менее, оставил свой след в истории химии, написав большое количество научных трудов и особенно, способствуя применению химических открытий в производстве. Шапталъ оставался на посту министра в течение четырёх лет и покинул его по причине разногласий с императором по поводу оценки качества свекловичного сахара. Это не помешало ему, как и многим другим учёным сохранить своё место в Сенате и стать позже графом Империи.

Другой выдающийся учёный-ориенталист, философ, литератор Константен-Франсуа Вольней, депутат Генеральных штатов от третьего сословия, депутат Законодательного собрания был особо близок Бонапарту. Интересно, что Бонапарт познакомился с Вольнеем ещё на Корсике. Накануне знаменитой Итальянской кампании 1796-1797 гг. молодой генерал, если верить мемуарам уже упомянутого Шапталя подробно изложил свой план ведения войны Вольнею. «Бонапарт говорил, словно одержимый, - вспоминал Вольней, - и даже в тот день, когда он потом подпишет Тильзитский мир, сделавший его хозяином Европы, он, наверное, не был столь велик, как ... когда излагал свой план Итальянского похода»⁵² Не случайно, что Вольней стал активным участником переворота 18 брюмера. Речь шла даже о том, чтобы назначить выдающегося философа Третьим консулом. Он отказался, но остался доверенным лицом Бонапарта. И хотя после подписания Конкордата Вольней ушёл в оппозицию, он, тем не менее, вошёл в Сенат, стал командором Почётного Легиона и графом империи.

Особую роль в качестве советника Бонапарта играл Гаспар Монж (1746 – 1818), выдающийся математик, создатель начертательной геометрии, ставший в годы революции сначала членом Комитета общественного спасения, потом одним из основателей Политехнической школы и затем её директором. Монж стал ближайшим доверенным лицом Бонапарта уже в ходе первой Итальянской кампании. Именно его, как уже отмечалось, главнокомандующий послал в Париж, чтобы доложить о подписании

⁵² *Chaptal J.-A. Mes souvenirs sur Napoléon, Paris, 2009, p. 74.*

Кампо-Формийского мира. Уже далеко не молодой человек и выдающийся учёный Монж, не колеблясь, последовал за Бонапартом в Египет, и стал одним из основателей Египетского Института (Академии наук) и его первым председателем. Необходимо отметить, что Бонапарта в его удивительной экспедиции сопровождали 167 гражданских лиц, из которых большая часть были учёными: математики, физики, химики, астрономы, натуралисты, минералогии, инженеры, географы, востоковеды, лингвисты...

Во время отъезда Бонапарта из Египта Монж был одним из немногих сопровождавших генерала в опасном плавании, а потом принял активное участие в подготовке переворота 18 брюмера. С 1806 по 1807 г. он являлся председателем Сената, награждён высшей степенью ордена Почётного Легиона и получил титул графа де Пелюз в ознаменование его заслуг в работах по замерам для задуманного, но не реализованного в те годы проекта Суэцкого канала (Пелузий, по-французски *Péluse*, древнеегипетский город в дельте Нила. Канал, соединявший в эпоху фараонов Красное море со Средиземным, подходил к рукаву Нила, ведущему к Пелузию).

Вместе с Монжем в Египетском походе принял участие другой выдающийся французский учёный, химик Клод-Луи Бертолле (1748-1822). Он также стал членом Сената, кавалером высшей степени ордена Почётного Легиона и в 1808 г. графом Империи. В 1801 г. по инициативе Бертоллы было основано Общество поддержки национальной индустрии, государственная организация, существующая и поныне.

Трудно перечислить всех выдающихся французских учёных эпохи Наполеона, которые не только совершили замечательные открытия, но и проявили себя на государственной службе.

Известный химик Антуан-Франсуа Фуркруа, (1755–1809) в эпоху революции член Конвента, был назначен Первым консулом на пост генерального директора по народному образованию. Фуркруа основал во Франции свыше 300 средних школ.

Знаменитый математик и физик Жан Батист Жозеф Фурье (1768-1830) получил пост префекта департамента Изер и

стал выдающимся администратором.

Учёный-физик, исследователь электромагнитных и механических явлений; член Парижской Академии наук Шарль Огюстен де Кулон (1736-1806) по просьбе Бонапарта занял пост генерального инспектора народного образования.

Был осыпан почестями и великий физик Алессандро Джузеппе Вольта (1745-1827), который по решению Наполеона стал сенатором Итальянского королевства, а в 1810 г. получил титул графа. Рассказывают, что однажды император, увидев в библиотеке академии лавровый венок с надписью «Великому Вольтеру», стер последние буквы таким образом, что получилось: «Великому Вольте».

Среди членов Сената был и знаменитый математик Жозеф-Луи Лагранж член Сената, граф Империи, и выдающийся натуралист Луи Жан-Мари Добантон, философ и экономист Антуан Дестют де Траси, и знаменитый мореплаватель и первооткрыватель Луи-Антуан де Бугенвиль... Всего же 15 из первых 63 сенаторов были выдающимися учёными!

С эпохой Консульства и Империи тесно связана деятельность таких знаменитых математиков как Адриен-Мари Лежандр и Лазар Карно, физиков Андре-Мари Ампера, Жозефа-Луи Гей-Люссака, Этьена-Луи Малюса, Франсуа Араго, Жана-Батиста Био, выдающихся естествоиспытателей и натуралистов Жоржа-Леопольда Кювье, Жана-Батиста Ламарка, Жоффруа Сент-Илера. Многие из этих учёных не только были лично знакомы с Наполеоном, но и не раз выступали в роли советчиков и консультантов.

В своей речи, произнесённой во Французской академии наук (официальное название «Императорский институт») Наполеон сказал: «Я придаю огромное значение успеху вашей работы, ибо она просвещает народ и служит славе моей короны»⁵³

В общем, как подчёркивал один из крупнейших специалистов наполеоновской эпохи Жан Тюлар: «Никогда ещё монарх не был столь внимателен к научным достижениям и не создавал столь

⁵³ Correspondance de Napoléon, Paris, 1858-1870, t.16, p 382.

мощную мотивацию для развития науки»⁵⁴

Подводя итог можно отметить, что в своём конституционном строительстве и в политической практике Наполеон широко использовал идеи передовых мыслителей XVIII века, особенно Вольтера и физиократов. Созданный им режим никоим образом не являлся военной диктатурой. Среди видных государственных деятелей, министров и советников практически не встречалось ни одного военного! Зато были люди типа Дону, Порталиса, Тронше, Биго де Преаменэ, Вольнея, Монжа, Лапласа, Шапталя... Иначе говоря все до одного гражданские деятели и интеллектуалы, исповедовавшие идеалы Века Просвещения. Империя Наполеона не пошла назад к феодальной монархии. Это хорошо понимали современники.

Во время первой раздачи орденов Почётного Легиона 15 июля 1804 канцлер ордена Ласепед произнёс речь помпезную по форме, но вполне правильную по содержанию: «Несмотря на все бури, корабль государства вошёл в гавань. Он бросил якорь, и теперь революция завершена... Всё чего народ хотел добиться в 1789 г. стало реальностью. Он хотел свободы, и она теперь стала законом, народ хотел равенства, его отныне защищает государство, основанное на нём, народ хотел, чтобы собственность была неприкосновенна – её защищают теперь все наши учреждения... Всё, чему было положено начало 14 июля – отныне несокрушимо, всё, что было сокрушено – навсегда ушло в прошлое...»

С этим трудно не согласиться... Наполеоновская Империя, несмотря на весь свой авторитаризм, вышла из Века Просвещения и Революции.

⁵⁴ *Tulard J.* Op. cit. p. 389.

ГЛАВА 3

ОТ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ К НАЦИСТСКОМУ ГОСУДАРСТВУ. РАЗРЫВ С КОНСТИТУЦИОННОЙ ТРАДИЦИЕЙ НА ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Изучение эволюции немецкой правовой традиции от Веймарской республики к гитлеровской диктатуре – это довольно хорошо изученная тема. Она, собственно, сразу попала в центр внимания специалистов и общественности, поскольку первые попытки подвести итоги нацизму проделали не столько историки, сколько юристы и государственные чиновники, в задачи которых входило вынесение приговора режиму, ставшему причиной немыслимых жертв и страданий многих миллионов людей. В частности эту работу начали на Нюрнбергских процессах, в ходе которых в оборот ввели десятки тысяч документов государственных и негосударственных учреждений и организаций. Также и немецкие суды с первых послевоенных лет занялись проблемами денацификации, регулированием возмещений и потерь. Юристы раньше, чем историки обратились к изучению источников по истории эволюции нацизма. Некоторые результаты судебных процессов в трех западных зонах можно назвать образцовыми. В частности это относится к делу об эвтаназии во Франкфурте-на-Майне в 1946-48 гг. Во время этих разбирательств рассматривалась техника и организация акций по уничтожению целых групп людей, выделенных по формальному признаку. За 16 лет (1958-74) в ФРГ провели 334 судебных расследования в судах первой инстанции и 542 нацистских преступника понесли наказание.

При этом важно помнить, что историческая наука ничуть не теряла своей достоверности, если она осуществляла вспомо-

гательные функции в обвинительных процессах. Так, в 1964 г. когда во Франкфурте-на-Майне начался процесс по Освенциму, то несколько дней перед судом зачитывали экспертизу историков – до того как начали проводить доказательную базу процесса¹.

С тех пор накопилась огромная масса новых данных по истории права в период Третьего рейха и огромное количество публикаций на этот предмет. Парадоксально, но эта масса документов и исследований иногда даже мешает яснее видеть перспективу – английский эссеист Литтон Стрэчи некогда иронически заметил, что мы никогда не будем знать досконально историю Викторианской Англии – слишком много известно о ней... Тоже можно сказать и об истории нацистского Третьего рейха – историография его которое десятилетие развивается просто эксцессивно... Причем этот процесс идет в разных измерениях – историко-философском, политико-идеологическом и моральном. К рассматриваемой теме, пожалуй наибольшее отношение имеет последнее измерение, поскольку именно оно является наиболее удобным для вынесения приговора преступному по своему характеру режиму, преступившему все мыслимые и формальные законы, и человеческие нормы.

В целом следует констатировать, что в процессе осмысления юридической действительности Третьего рейха важно прояснить, насколько все же остатки Веймарской конституции остались в силе; но для исторического понимания нацистского государства важны не формально-юридические правила, а истинное соотношение сил в государстве. Как писал немецкий социалист Фердинанд Лассаль, «нужно отличать действительную конституцию страны, построенную на реальных материальных факторах, и писаную конституцию, которая представляет собой не более чем клочок бумаги»². Итак, рассматривая правовую сторону нацистского режима, следует прежде всего обратиться к конституционной действительности, а не к формальному праву. Первым на это обсто-

¹ *Broszat M.* Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. München, 1987, S. 42, 47.

² *Lassalle F.* Reden und Schriften. München, 1970, S. 87.

ительство обратил внимание немецкий юрист и политолог Франц Нойманн в книге «Бегемот» 1942 года.

По своему основному роду деятельности Франц Нойманн был прежде всего юристом, поэтому его основное внимание он уделял на правовой практике и принципиальных переменах в этой сфере государственной власти. Этот выбор оказался самым удачным. В принципе Нойманн почти одновременно обратился к такой постановке вопроса с другим немецким эмигрантом, тоже юристом Эрнстом Френкелем. В Берлине до 1938 г. он занимался адвокатской практикой и имел возможность оценить правовую практику гитлеровского государства, которое он называл «двойным государством». По его оценке, в секторе власти, жизненно важным для расширения тоталитарных претензий режима, ни объективно, ни субъективно не существовало никакого права. В области юридических норм царили «мероприятия». В сфере же гражданского права некоторые старые нормы продолжали существовать параллельно вновь созданным нацистским юридическим нормам. Нужно признать правоту Френкеля – без определенной толики права современное государство вообще не может существовать. Но упомянутые нормы были актуальны лишь в той мере, в какой они допускались по политическим соображениям и практическим потребностям. Право решающего голоса в этом процессе принадлежало нацистской диктатуре, которая практиковала разделение компетенций на субсидиарной основе. Правда, нацисты по возможности воздерживались от юридических новшеств в сфере экономики. Френкель, однако, подчеркивал, что нет оснований считать, что нацисты являлись агентами крупного капитала (как утверждает марксистская историография) - скорее таким образом реализовывался при Гитлере примат политики. Хотя нацисты и признавали частное предпринимательство важной формой мобилизации творческих сил народа, они оставляли за собой право определять, кто может пользоваться этим правом, а кто – нет. От возможности оказаться вне закона и общества не был огражден никто: на задворках юридических норм нацистского государ-

ства постоянно маячил призрак политической целесообразности. «Полная резервация за политикой преимущественного положения характеризовала всю нацистскую правовую систему»³.

Франц Нойманн же, напротив, не считал, что в Третьем рейхе существовало единое право и единая фюрерская власть, он категорически возражал против мнения Френкеля. В отличие от оценок последнего, Нойманн считал, что право и закон при нацистах являлись только «техническими правилами», регулируемые волей фюрера и не имевшими правовой обязательности сами по себе. По Нойманну в Третьем рейхе царило перманентное чрезвычайное положение – это и отделяло нацистский режим от обычного демократического правового государства.

Нойманн справедливо отмечал, что конституция – это не просто юридический документ, но и социальный миф, имеющий мобилизационное значение, но не в Германии, которая внутренне не приняла после войны демократию и правопорядок с ней связанный. Нацисты этим и воспользовались – Нойманн писал, что в нацистской Германии безраздельно царили хаос, беззаконие и анархия, это подчеркивалось даже в названии книги. Немецкое общество, на его взгляд, разделялось на четыре группы, каждая из которых оперировала на основании принципа фюрерства и обладала собственной законодательной, исполнительной и судебной властью: партия, высшая бюрократия, вермахт и монополисты. Руководство этих четырех «тоталитарных организаций» иногда шло на компромиссы и соглашения друг с другом. Компромиссы, однако, никак не кодифицировались и не приводились в соответствие с нормой, но непосредственно реализовывались. Нойманн указывал, что Гитлер, хотя и обладал несомненным суверенитетом, единолично принимал только самые важные и существенные решения; правда, и в этих случаях ему приходилось идти на компромиссы. Культ Гитлера служил тому, чтобы скрыть такое положение дел, так как кроме харизматического фюрера не было никакой инстанции для

³ *Fraenkel E.* Der Doppelstaat. Recht und Justiz im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1984, S. 94-96.

того, чтобы координировать или упорядочивать борьбу между властными группами. Собственно напряженная борьба между этими группами и являлась причиной динамики государства и его институтов в Третьем рейхе. Эта динамика регулировалась фюрером. Когда же центральная фигура этой структуры утратила свою интегрирующую силу и возможности, то вся система рухнула.

Эти суждения Френкеля и Нойманна лишь внешне противоречат друг другу; оба признавали дуализм нацистской властной машины и параллельное существование власти и общества, правовой традиции и попыток ее реформировать. Взгляды этих выдающихся и оригинальных аналитиков имеют не столько разную природу, сколько разные углы зрения на нацистское государство и его правовую систему. При современном состоянии историографии эти разные углы зрения на нацизм гармонично дополняют друг друга и делают все систему власти при нацистах более понятной. Более того – нынешнее положение в немецкой историографии нацизма, в частности спор «интенционистов» и «функционалистов» невозможно представить без данного текста Нойманна и его дискуссии с Френкелем. Следует в общих чертах напомнить суть этого спора. В отношении еврейского вопроса и холокоста существует так называемое «функционалистское» направление, идея которого сводится к тому, что все антисемитские эксцессы нацистов родились сами собой из практики нацистского антисемитизма во время войны. Функционалистам противостояли «интенционалисты» (от слова *intention* – намерение), то есть историки, считающие, что массовые убийства евреев были запланированными. В отличие от функционалистов, интенционалисты, сводят холокост к намерениям Гитлера, то есть к идеологически обоснованной политике. Самой значительной фигурой среди функционалистов являлся Мартин Броснат, который в своей книге «Государство Гитлера» (1969 г.) обосновал позиции этого направления. Левые в свое время критиковали Бросната за то, что он утверждал, что массовые убийства евреев не планировались, как не планировалась и законодательная дискриминация евреев – всё это родилось само собой из сущности

нацистского режима. Похоже, однако, что точка зрения Бросцата близка к истине: в 1946 г. тюремный психолог спрашивал министра внутренних дел Вильгельма Фрика, как дело дошло до массовых убийств евреев, и тот отвечал, что при разработке Нюрнбергских законов никто не помышлял о массовых убийствах, до них дело дошло само собой⁴. На самом деле, странно, что ни бюджета, ни плана, ни соответствующих распоряжений по реализации трудной и дорогостоящей операции обнаружить не удалось, а ведь немцы – народ аккуратный, и какие-либо документальные следы финансирования огромных масштабов предприятия в бухгалтерской отчетности обязательно должны были сохраниться.

Интересно, что сам Нойманн, будучи евреем, высказывался в том смысле, что антисемитизм в практике нацизма носил совершенно подчиненный характер, в отличие от оценок современных западных историков. Более того, в первых послевоенных публикациях Нойманн неоднократно писал, что антисемитизм совершенно не присущ немцам. Правда, в последствии под влиянием ужасных свидетельств о происшедшем в лагерях, он пересмотрел свое мнение об этом качестве немецкого народа.

Анализ Нойманна и Френкеля был признан в ФРГ по-настоящему значимым и адекватным не сразу после войны, а значительно позже по той причине, что он не соответствовал общественным настроениям в Германии, долгое время находившейся во власти мифа, видимости монолитного фюрерского государства, которое изображали абсолютно всесильным, идеально строго организованным по вертикали. Эту же иллюзию разделяла и отечественная историография, изображавшая рационально злодейски организованную тотальную империю насилия – Третий рейх. Такая оценка ныне представляется совершенно неверной – кажется странным, что вслед за Нойманном историки не увидели очевидного – бесконечной борьбы компетенций, институционального дарвинизма, явно выделявшегося в Германии нацистских времен.

⁴ См.: *Smelser R., Syring E., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite II, Düsseldorf, 1993, S. 85.*

По существу Нойманн первым увидел самое важное – Третий рейх совершенно порвал со старой немецкой правовой традицией и четкой практикой разделения властей и регулирования компетенций, чем так ярко отличалась прусская традиция. Дело в том, что Гитлер при создании нового государства - как и при создании партии - руководствовался мыслью, что и государство должно строиться на точно таких же командно-самовластных началах отдельных управленческих структур. Но поскольку природа одного и другого института совершенно различны, то рецепты успеха, сопутствовавшего ему при создании чрезвычайно динамичной и мощной партии совершенно непригодились при государственном строительстве. Последнее являлось несравненно более сложным делом, чем создание партии, поскольку приходилось иметь дело с уже сложившимся институтом, который нужно было не создавать заново, а перестраивать и приспособлять к новым задачам. В конечном счете следует признать, что «люди государства» в Третьем рейхе не смогли преодолеть влияния «людей партии» и СА: они отчаялись преодолеть анархию компетенций и отсутствие каких-либо правил игры однопартийного государства, которому присуще безусловное повиновение воле фюрера. Иными словами, можно сказать, что старая немецкая авторитарная традиция была прервана нацистским государством и никакой преемственности между ними нет⁵. Эта точка зрения стала общепринятой только относительно недавно, но первым на это свойство Третьего рейха указал именно Нойманн.

Интересно, что Нойманн, будучи левым мыслителем по своим убеждениям, осознавал важность и значимость немецкой традиции, особенно прусского наследия, у людей его поколения это понимание было просто в крови. Как отмечал в свое время Фридрих Мейнеке, у прусского государства со времен Фридриха Вильгельма I и Фридриха Великого имелось две ипостаси. Одна из них характеризовалась способностью к восприятию и культу-

⁵ Ср.: *Rebentisch D. Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Verfassungsentwicklung 1939-45. Stuttgart, 1989, passim.*

вированию гуманизма, а другая противоположного свойства. Но также и неоднократно осужденный и проклятый прусский милитаризм имел свою позитивную ипостась: железное чувство долга, аскетическая простота понятия служения, дисциплина характера⁶. Именно к этому мнению склонялся и Нойманн, полагая, что вследствие именно прусского наследия «армия единственная организация в Германии, которая знает как сохранить свою самостоятельность от партийного вмешательства». В самом деле, армия в Третьем рейхе являлась едва ли не единственной возможностью «внутренней эмиграции».

Нойманн ясно показал, что чиновная клика кайзеровских времен рассчитывала после 1933 г. вернуть себе утраченные в республике позиции, но эти ожидания не оправдались, поскольку в борьбе компетенций и противостоянии людей партии и людей государства Гитлер отдавал предпочтение первым. Государство в Третьем рейхе уже не исполняло присущей ему роли регулятора интересов различных общественных групп, оно само стало одной из групп влияния. Тактика Гитлера в отношении государства состояла в том, что после своего утверждения в качестве главы государства он долгое время делал вид, что бессилен против динамики и энергии НСДАП и СА. На самом же деле, это был его хитрый маневр, Гитлер охотно и сознательно поощрял этот активизм и инициативы или, по крайней мере, терпел их. Эта тактика Гитлера привела к нацистской унификации государства в таких масштабах и такой скоростью, каковых никто не ожидал. Ханна Арентс остроумно сравнила эту унифицированную нацистами государственную власть с внешней оболочкой луковицы, которая закрывает более горькие и жгучие ее слои⁷. Традиционный государственный аппарат в такой «луковице» представляет внешний слой, а внутренние слои ее – это постоянно растущий аппарат власти партии, развивавшейся и усиливавшейся вплоть до 1945 г. Иными

⁶ *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Zürich, 1946, S. 23.

⁷ *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft, S. 606.

словами, государство при нацистах являлось скорее не аппаратом исполнения государственной политики, а правовой процедурой, которой в принципе старались придерживаться, но как только возникла какая-либо потребность нарушить эту процедуру (обнажить новый слой «луковицы»), тогда создавались соответствующие компетентные органы, которые действовали исключительно по собственному произволу⁸. В итоге, в соответствии с точкой зрения Нойманна нацистская диктатура представляет собой мешанину отдельных групповых и частных интересов, реализацию которых поставили в зависимость от интересов квазинациональной общности и ее целей – таким образом всякое социально обоснованное сопротивление системе исключалось этой круговой порукой.

Гитлер верно почувствовал, что народу, государству и экономике нужны импульсы в преодолении застоя после кризиса. Первоначальная действенность всех гитлеровских начинаний усилилась решительностью, с какой отдавались необходимые распоряжения, и динамикой (хотя часто и бестолковой), которой и отмечались действия нацистских властей. Ко всему прочему, инстинкт, выказанный Гитлером при захвате власти, теперь нашел дополнение в его бесспорной способности представлять власть⁹. Это отчетливо видно даже на документальных лентах того времени, запечатлевших целые спектакли, которые умело разыгрывал Гитлер, изображая «отца» нации или весьма впечатляюще представляя власть. Легко себе представить, какое впечатление это производило на простой народ, который жаждал мессии, избавившего бы от всех напастей. Миллионы нормальных простых людей поверили в Гитлера и его государство и оказались обманутыми в своей вере, ибо в целом режим имел в виду прежде всего достижение своих собственных целей.

Гитлер считал, что главной целью и смыслом нового государства должно быть сохранение и дальнейшее развитие расовой общности в физическом и духовном смысле, а также обеспечение

⁸ Ср.: *Buchheim H.* Anatomie des SS-Staates. Bd. 1, Olten, 1965, S. 28.

⁹ Ср.: *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1964, S. 69.

свободного развития каждого полноправного члена этого сообщества и пробуждение сил к созидательному творчеству. «Задачей истинно народного государства, - писал Гитлер в “Майн кампф”, - является написание мировой истории, в этом процессе расовый вопрос должен занимать доминирующее положение»¹⁰. Для Гитлера государство и нация, нация и социализм понятия идентичные, он стремился к тотальной общности, динамично рвущейся к имперским целям и положению: «Тот, кто любит свой народ, должен доказать это жертвой. Национального чувства, восходящего к выгоде, не существует. Национальное чувство, которое охватывает только определенные классы общества - тоже. Распространенный в наше время страх перед шовинизмом - это признак импотенции»¹¹.

Новое нацистское государство носило тоталитарный характер. Тоталитаризм вообще был совершенно новым политическим явлением в истории Европы, он в корне отличался от старого имперского и авторитарного государства. Необходимо отметить, что Франц Нойманн наряду с Ханной Арендт, Эрнстом Френкелем и Карлом Фридрихом в значительной степени содействовал оформлению теории тоталитаризма, по сути «Бегемот» уже содержит основные наблюдения над системой тоталитаризма, эти наблюдения его последователям нужно было только развивать. Теория тоталитаризма носит более политологический, а не исторический характер, поскольку она отвергается многими серьезными историками. Но значимость ее в преодолении нацизма, национальном немецком покаянии за него – неоспорима, и влияние Нойманна на этот процесс – тоже. Важно подчеркнуть, что влиянием покаяния за нацизм у немцев ослабилось стремление отстаивать достоинство немецкой культуры и относиться более-менее безразлично к влияниям извне. По сравнению с Францией, историческая традиция которой связана с Великой революцией и от нее тянутся в современность множество нитей, это сразу бросается в глаза. Немцам как бы стыдно своего прошлого – понятно, почему Германия стала

¹⁰ *Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1, S. 60.*

¹¹ *Ibid., S. 65-66.*

самой американизированной из стран Европы¹². Такое безразличие кажется чревато последствиями, поскольку, как формулировал немецкий философ Михаэль Квандт *«Zukunft braucht Herkunft»* (будущее нуждается в происхождении). Или еще лучше описал такую ситуацию экс-канцлер ФРГ Гельмут Шмит: «стараниями историков галерея портретов немецких политиков прошлого превращена в альбом с портретами преступников». Иными словами, «инструментализация» исторического знания в политических целях культивирования демократической политической культуры, чревато явными искажениями прошлого.

За тоталитарной политикой скрывались неведомые до того представления о политической реальности и власти вообще. Причиной этих необычайных свойств тоталитарной власти была, как это ни странно звучит, массовая демократизация, которая по-новому и весьма эффективно легитимировала насилие, унификацию общества, бесконтрольный характер власти. Одна из первооткрывателей феномена тоталитаризма Ханна Арендт указывала, что своеобразие тоталитарной формы государства обусловило возникновение до тех пор неведомой психологической ситуации, когда под воздействием тоталитарной машинерии человек попадает в состояние полного одиночества перед лицом всемогущего и бесконтрольного государства и его многочисленных проявлений. Это одиночество и покинутость и составляет главную примету тоталитаризма¹³. Тоталитарное государство составляет противовес либеральному государству и является завершенным выражением этого противопоставления. Нацистское тоталитарное государство было фюрерским и расовым государством с весьма важными элементами современного социального государства, что придавало гитлеровскому государству особую привлекательность в глазах немцев, по крайней мере до начала войны. Тоталитарный характер государства, однако, не означал непременно его эффективности,

¹² Бергер Пупер Л. Культурная динамика глобализации. В кн.: Бергер П., Хантингтон С. (ред.) Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004, с. 18.

¹³ Ср.: *Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft*, S, 750.

даже и сама тотальность государства оказалась на поверку фикцией во многих отношениях. Гитлер в 1932 г. говорил об инфляции законов, но подлинная инфляция законов началась после 1933 г.: начиная с Закона о чрезвычайных полномочиях правительства от 24 марта 1933 г. (с этого момента законы могли приниматься правительством без рейхстага); до 8 мая 1945 г. было выпущено 8 тысяч законов и распоряжений¹⁴, которые часто противоречили друг другу. Во время войны утверждение новых законов прекратилось – так, в 1944 г. появилось только два закона, но зато вышло 206 распоряжений, имеющих силу закона. Очевидно, что при такой юридической практике даже верные партии юристы вынуждены были прибегать к импровизации в угоду тем или иным группам интересов в борьбе за все новые сферы компетенций в ходе бесконтрольного и беспрецедентного для немецкой правовой традиции «институционального дарвинизма».

Эта историографическая перспектива, разумеется, не исчерпывает все точки зрения на нацистское влияние на право и правопорядок, но представляет наиболее влиятельные и важные позиции.

Немецкая правовая традиция – историческая и теоретическая перспектива.

В истории Запада в новое и новейшее время утвердились две тенденции в развитии, вокруг которых и формировался облик современного мира, вернее происходила его политическая модернизация и унификация с их ныне общепризнанными в цивилизованном мире признаками – с одной стороны – это права и достоинство человека, политические свободы, неоспоримость суверенитета народа и его представительство в парламенте. Эти ценности утвердились на Западе благодаря в основном американской революции, выросшей из европейского Просвещения и европейских рево-

¹⁴ Maser W. Deutschland. Traum oder Trauma. Kein Requiem. München, 1984, S. 397.

люций. С другой стороны, не менее важной составляющей упомянутой модернизации стало утверждение всевластия закона, правопорядок, правосознание, без которых вообще немислимо современное общество. Бесспорно, впервые эти ценности стали актуальными в Германии, вернее, в Пруссии. Там впервые состоялось ясное отделение административной юрисдикции от судебной, произошло отделение одной от другой, что в других европейских странах произошло значительно позднее. Даже по отношению к Франции нельзя сказать, что к началу Первой мировой войны там существовал такой важный признак модернизации как разделение политической и судебной власти.

С начала Нового времени Германия представляла собой страну с высокоразвитым правосознанием, сформировавшимся под действием прусской традиции, и Гитлер со своим враждебным отношением к правовым процедурам и законности и со своим презрением к юристам представлял диссонанс с немецкой традицией. Правопорядок и законность, особенно в Пруссии, а после нее и в других немецких государствах, являлись плотью от плоти немецкой традиции с ее властью закона и независимостью суда. В 1794 г. прусские законы по указанию Фридриха Великого свели в «общее прусское право»; законы стали «обязательны для всех членов общества без различия сословий, ранга или пола, каждый житель государства обязан был требовать защиты своей личности и достояния»¹⁵. Этот свод был принят почти одновременно с американской конституцией 1787 г., и оба эти документа можно рассматривать как значительный вклад в развитие прав человека. Как бы ни отличались национальные законодательства, но независимого правосудия, равного для всех – богатых и бедных, сильных и слабых - они придерживались в равной степени; практика могла отличаться от теории, но Фемида изображалась с повязкой на глазах, поскольку правосудие было едино для всех без исключения.

Можно привести великое множество примеров независимости прусского суда; были случаи, когда пруссаки судились даже с

¹⁵ *Schoeps H.-J. Preußen. Bilder und Zeugnisse. Berlin, 1967, S. 12.*

королем Вильгельмом II (по спорным арендным договорам) и выигрывали. О Фридрихе Великом, которого Гитлер почитал более других исторических деятелей Германии, он любил рассказывать следующую историю: однажды король вызвал к себе начальника полиции, чтобы упрекнуть его за то, что он предоставляет меньше сведений, чем его коллеги при дворах других европейских владык. «Все дело в том,- ответил полицейский,- что я не имею права использовать для наблюдения те же средства, что в других странах». На что король ответил, что, если это так, тогда ему ничего и не надо¹⁶. Это указывает на развитое правосознание, поощряемое к тому же монархией и подкрепленное привычкой немцев к неукоснительному соблюдению формальных установлений, а также контролем со стороны прекрасно налаженной административной системы. Последнее обстоятельство особенно важно, ибо какие бы хорошие законы ни принимались, работать в коррумпированной системе они все равно не будут.

Можно привести забавный случай, свидетельствующий о высокой интегральности закона в немецком сознании: после захвата власти нацистами СА пришли конфисковать велосипеды спортивного клуба, основанного коммунистами, но хозяин гостиницы отказался выдавать велосипеды так как это частная собственность; после Второй мировой войны велосипеды возвратили законным владельцам¹⁷. Такие инциденты не являлись единственной юридической проблемой – после прихода к власти нацистам требовалось преодолеть положение в сфере трудового права, поэтому коллективное трудовое право периода Веймарской республики либо отчасти ликвидировалось, либо заменялось представительством произвольно назначаемых доверенных лиц, либо регулировалось временными актами. При этом ликвидация профсоюзов создала массу правовых проблем, так как не все суды были готовы признать «коричневый профсоюз» ДАФ (Немецкий рабочий фронт) пра-

¹⁶ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 101.

¹⁷ См.: Bessel R. Life in the Third Reich. Oxford, 1986, p. 20-21.

вовым восприемником профсоюзов¹⁸. Власти каждый раз просто принуждали суды принимать решения на основании собственных административных распоряжений, что являлось делом хлопотным и требующим времени, которое у нацистов часто отсутствовало.

О высоком правосознании немцев свидетельствует также и судьба еврейских кладбищ в рейхе: в 1952 г. кладбищенская комиссия центрального еврейского совета в Германии насчитала в Германии около 1700 еврейских кладбищ¹⁹. Почему же в Германии сохранилось так много еврейских кладбищ? Почему их не закрыли, не сравняли с землей, как того требовали многие нацисты и как это сделали с синагогами? Дело в том, что закрытие и уничтожение еврейских кладбищ вступало в противоречие с действовавшим земельным правом. Получалось парадоксальное положение: евреев нацистские власти всячески вытесняли из страны, а с еврейскими кладбищами власти обращались также, как и с христианскими, выделяя на уход за ними необходимые средства²⁰. Кроме того, в Пруссии действовало правило, в соответствии с которым закрывать кладбище можно было только по истечении 40 лет после последнего захоронения, и чиновники категорически отказывались это правило нарушать.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в то время, когда Гитлер пришел к власти, Германия не имела длительной демократической традиции, но зато это была страна фундаментального правопорядка – правопорядок и независимость судебной власти утвердились в Германии с XVIII века, а в XIX веке они расширились и утвердились. Нацисты могли отрицать теоретическое значение либеральной концепции конституционного правопорядка (что они и делали), но удалить все правовые либеральные нормы из судебной и административной практики и вернуться в XVII век они не могли. Без определенного минимума

¹⁸ *Mayer-Malz T. Arbeitsgerichtsbarkeit im Nationalsozialismus. Judikatur als Instrument von „Säuberung“ und Disziplinierung. // Archiv für Sozialpolitik, 1991, Bd. 31, S. 137.*

¹⁹ *Wirsching A. Jüdische Friedhöfe in Deutschland. // VfZ, 2002, H. 1, S. 1.*

²⁰ *Ibid., S. 4.*

правового государства не может функционировать современная экономика, невозможно управлять обществом, да и сам нацистский режим потерял бы всякую опору. Кроме того, в Германии правовая традиция являлась столь значительной, что к радикальному переделу либеральной правовой системы нацисты так и не прибегли – либо не смогли, либо не захотели; правда, без радикального революционного изменения всего общества это и не было возможным. Поэтому позиция нацистов по отношению к прежней либеральной правовой системе и традиционной независимости судебной власти было в равной степени негативным и оппортунистическим.

Конституция Веймарской республики

Переход от политической системы кайзеровской Германии к современной демократии осуществлялся в стране вследствие принятия Учредительным национальным собранием в 1919 г. в Веймаре новой конституции – республиканской, поскольку победители в Первой мировой войне поставили одним из условий заключения мира ликвидацию монархии в стране. Проект конституции разработал левый либерал и известный немецкий правовед Хуго Пройсс и эта конституция являлась одной из самых либеральных конституций в мире. Следует отметить, что конституция сохранила традиционный – со времен Священной Римской империи немецкой нации, федерализм. Собственно и Бисмарковское государство нельзя в полной мере назвать унитарным, ему больше подходит название «республикой князей» (эта «республика» насчитывала 23 монарха). Этот немецкий федерализм весьма похож на федерализм в США, где отдельные штаты обладали и обладают довольно широкими правами. С тем существенным отличием, что в состав немецкой республике входила непропорционально большая часть – самое крупное континентальное протестантское государство – Пруссия, включавшая три пятых населения Германии. Проект Пройсса предусматривал разделение Пруссии на мелкие государства, но по тактическим соображениям

(главным образом из-за опасности единству рейха из-за рейнского сепаратизма – ему могла противостоять только Пруссия с ее великолепно организованной администрацией) депутаты отказались от предложения об унитарном характере конституции. Обычно считается, что унитарное государство и унитарный конституционный порядок предпочтительней, но на самом деле в федерализме тоже много позитивных сторон, связанных с самоуправлением, особой местной идентичностью, что придает политическому ландшафту большее разнообразие, необыкновенную приспособляемость к меняющейся ситуации. Кроме того, во многом этот федерализм стал причиной необыкновенной культурной динамики и духовных достижений Германии. К тому же, традиционное отношение и в Германии, и за рубежом к Пруссии как оплоту консервативных сил и консервативного политического порядка давно ушло в прошлое – Пруссия являлась оплотом социал-демократии, которая весь период Веймарской республики прочно доминировала в этой самой крупной немецкой земле. Гитлеру для того, чтобы пресечь эту традицию, пришлось прибегнуть к насильственным действиям по унификации Пруссии, а затем и всей Германии. Впрочем, после 1949 г. ФРГ возобновила традицию немецкого федерализма, хотя и не в бисмарковских масштабах – Бисмарк, как известно даровал южнонемецким землям привилегии в военном деле, почте, налогообложении.

В новой конституции воспроизводились, хотя и в несколько искаженном виде, прежние взаимоотношения между рейхстагом и главой государства. Дело в том, что бисмарковская система почти целиком воспроизводила западную модель представительской демократии – с одним отличием – парламент (немецкий рейхстаг) не мог принимать решения по вопросам утверждения бюджета и правительство было ответственно перед кайзером, а не перед парламентом, как в западных демократиях. В остальном же – в рейхстаге имели место те же процедуры, что и в демократических странах, свобода печати, свобода критики, свобода формирования парламентских коалиций была полной. Правда, отсутствие возможности

нести правительственную ответственность воспитали в немецких парламентариях своего рода привычку к безответственной и часто неконструктивной критике – по-настоящему серьезное отношение к делу может воспитать только готовность перенять ответственность за происходящее на себя.

Интересно, что кардинальные перемены в политической системе Германии произошли еще при кайзере – в сентябре 1918 г. он заявил, что правительство будет ответственно перед парламентом – однако, это было сделано с коварной целью – перенести вину за проигранную войну с военных и кайзера на ответственное перед парламентом правительство. Войну проиграли военные, а отвечать за поражение предлагалось гражданскому правительству... Таким образом, незадолго до окончания войны немецкая монархия стала такой же, как и английская, в которой король ничего не решал. Как ни странно, этот трюк военных (Пауля фон Гинденбурга и Эриха Людендорфа) полностью удался – Ноябрьскую революцию стали рассматривать не как следствие поражения в войне, а как причину краха Германии – и не только правые. В будущем это имело роковые последствия, поскольку республику стали воспринимать как дитя поражения в войне, дитя нежеланное...

Таким образом, Веймарская конституция просто утвердила уже сложившуюся в конце войны демократическую практику формирования и ответственности правительства. Правда, традиция авторитета верховной власти выразилась в 48 статье конституции, в соответствии с которой рейхспрезидент в случае невозможности формирования правительства на основе парламентского большинства, мог утвердить правительство собственной властью. В силу своих полномочий рейхспрезидента противники конституции сравнивали по полномочиям с кайзером, и утверждали, что он будет «заменой кайзера». К тому же, для того, чтобы рейхспрезидент получил дополнительный политический вес он избирался не парламентом, а прямо народом. На этом настоял при принятии конституции Макс Вебер. Мандат, полученный непосредственно от всех граждан рейха, по мысли Вебера, давал полномочиям пре-

зидента дополнительную демократическую легитимацию, помимо конституционной легитимности. Кроме того, к конституционным полномочиям президента относились верховное командование вооруженными силами, право отдавать распоряжения о проведении референдума, право распускать рейхстаг по собственному усмотрению, назначать и увольнять рейхсканцлера.

Некоторые историки и у нас в стране в советские времена, и в ГДР считали, что такие масштабы полномочий президента в итоге сделали чуть не главной причиной прихода Гитлера к власти. По моему мнению, здесь не обошлось без сильного преувеличения. Похожие полномочия были и остаются во всех президентских (в отличие от парламентских) демократиях (как французская или американская) и никому в голову не приходит утверждать, что это серьезный структурный изъян. Также необоснованны инвективы по адресу Веймарской конституции в наличии в ней элементов плебисцитарной (а следовательно, представлявшей шансы разного рода демагогам²¹) системы – их имеют многие демократические страны и эти элементы политически нейтральны. Другое дело, что, к примеру в США, конгресс исторически сложился сильным представительским противовесом плебисцитарным компонентам американской системы правления. В Германии такая традиция отсутствовала, поэтому существовала даже теоретически опасность какого-либо перекося.

Ко всему прочему, не нужно забывать, что в Германии существовало довольно своеобразное отношение к парламентаризму как таковому. Известный немецкий юрист Карл Шмитт в 1923 г. справедливо указывал, что парламентаризм в современном мире не является местом открытого и свободного обмена аргументами, но местом, где сталкиваются организованные интересы. Вместо рациональной аргументации – повсюду идеологическая поляризация, вследствие чего современная парламентская система лишена способности достичь политического единства.

²¹ См.: *Винклер Г.* Веймар 1919-1933. История первой немецкой демократии. М., 2013, с. 123.

С момента избрания Гинденбурга правые интеллектуалы (в частности Карл Шмитт) не испытывали сомнения в том, что лекарством от слабости парламентаризма является плебисцитарная демократия, назначавшая рейхспрезидента носителем общей воли, и таким образом получавшего самые широкие полномочия. Глава государства делался этим сильнее парламента, где бесплодно соперничали разные эгоистические партийные группировки. Таким образом демократия использовалась против парламента, а народ был призван в свидетели против собственных представителей²².

К слабостям конституции Веймарской республики позднейшие критики (тот же Карл Шмитт²³) относили также пропорциональное избирательное право – в континентальной Европе, в самом деле, пропорциональная избирательная система была везде причиной раздробления партийной системы и невозможности регулярно формировать правительство на основе прочного парламентского большинства. В англо-саксонской системе было проще – если не одна, то значит другая партия имела большинство и обеспечивала преемственное последовательное правление. Тем не менее, пропорциональная избирательная система не плоха и не хороша сама по себе, скорее она более справедлива, так как гарантировала такое распределение мест в парламенте, которое более соответствовало воле избирателей, чем мажоритарная система. Как указывал немецкий знаток истории Веймарской республики Генрих Август Винклер, «идея о том, что мажоритарная система относительного большинства могла предотвратить возвышение нацизма – чистая спекуляция»²⁴. Следует согласиться с этим мнением, поскольку сама по себе избирательная система не может быть причиной падения Веймарской республики.

Коротко говоря, немецкие проблемы, приведшие к власти нацистов, находились не в структурных особенностях конституции,

²² Там же, с. 368.

²³ Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2009, *passim*.

²⁴ Винклер Г. Веймар 1919-1933, с. 126.

которая с формальной точки зрения являлась безупречной, а в тяжелом политическом наследии Первой мировой войны, совершенно исказивших немецкую традицию и предшествующую историю. Именно это наследие привело к тому, что Веймарская республика, по выражению одного немецкого историка была «республикой без республиканцев», поскольку немцев заставили смириться с новой системой власти, и сделали они это по большей части против своей воли.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, связанное с тяжелыми политическими условиями первой немецкой республики: политические особенности развития Германии после Первой мировой войны повлияли на то, что правовое государство в Германии начало выхолащиваться еще в 1919 г.; это значительно облегчило Третьему рейху дальнейшее разрушение права. С падением монархии Гогенцоллернов немецкая юстиция утратила свой традиционный вид, так как в относительно спокойных и благоприятных условиях кайзеровского государства немецким юристам и в голову не приходило использовать юриспруденцию в политических целях (исключение составил бисмарковский «исключительный закон против социалистов», с треском, впрочем, провалившийся). Попав под сильное политическое давление после 1919 г., немецкая юстиция оказалась не в состоянии противостоять настойчивому давлению. По большому счету, и отряды «фрайкора» (фронтовики-добровольцы, взявшиеся самостоятельно наводить порядок в стране) и «черный» рейхсвер (то есть рейхсвер, нелегально вооружавшийся вопреки Версальским решениям) были нарушением закона, но большинство юристов закрывало на это глаза. «Грехопадение» немецкой юстиции произошло в 1922 г. вследствие принятия закона о защите республики. С его принятием нарушались некоторые основополагающие права человека, а также юридические принципы. Опираясь на этот прецедент, после пожара рейхстага нацисты ввели чрезвычайное положение, а также внедрили систему особых судов, к которым сначала принадлежал

и пресловутый «народный суд» (*Volksgerichtshof*)²⁵. Дезориентации немецкого правосудия способствовала его политизация, в процессе которой многие правовые принципы нарушались и извращались, что облегчило «интеграцию» юристов Веймарской республики в Третий рейх.

В нацистские времена юстицию политические власти в значительной мере освободили от необходимости подведения под обвинения строгой доказательной базы, которую заменили «здоровым народным рассудком» (*das gesunde Volksempfinden*). Это произошло вследствие закона об изменениях в уголовном законодательстве от 28 июня 1935 г.; закон предвлял большую правовую реформу на базе допущения приговоров по аналогии. Новшество состояло в том, что судья не обязан проверять, есть ли в уголовном праве точное предписание о наказании за конкретное преступление, - он выносил приговор исходя из духа закона, на основе «здорового народного рассудка». Таким образом национал-социалистически мыслящим судьям режим давал возможность принимать нужные режиму решения. Однако действие «параграфа об аналогиях» (*Analogieparagraph*) на воспитанных в позитивистском духе немецких юристов было не столь велико, как того хотелось ведущим нацистским юридическим теоретикам – Франку, Фрейслеру, Ротенбергеру. Для старого немецкого юридического позитивизма и «здоровый народный рассудок», и «воля фюрера», и «национал-социалистическое мировоззрение» не являлись юридическими категориями, годными в судебной практике. Такого положения не могли изменить даже внедренные нацистами «курсы повышения квалификации юристов», на которых тем пытались внушить «истинно арийское мировоззрение». Нацистское руководство проклинали «формализм» юристов (на него жаловался и Гитлер), но предложить новые ясные и четкие юридические формулировки так до конца и не смогло; эта задача оказалась трудной, по крайней мере, она требовала много времени, изощренности и усилий. И так, полностью преобразить право нацисты не смогли,

²⁵ Koch H. Volksgerichtshof. Politische Justiz im 3. Reich. München, 1988, S. 213.

они лишь частично его изуродовали, именуя свои новшества «национал-социалистическим правом».

Гитлер сам активно участвовал в попытках демонтажа старого права, периодически корректируя судебные приговоры, которые казались ему неадекватными. Например, когда в 1938 г. произошло несколько крупных ограблений с использованием автомобильных ловушек-засад (*die Autofalle*) – заграждений или искусственных препятствий, - они вызвали озабоченность и опасения в немецком обществе. Воспользовавшись общественным неудовольствием, Гитлер 22 июня 1938 г. выпустил закон, имевший обратное действие до 1 января 1938 г. и предусматривавший смертную казнь за устройство подобных ловушек в преступных целях. Кроме того, ради осуществления скорого процесса в подобных случаях сфера компетенций особых судов, которые учреждались для рассмотрения политических дел, была распространена на уголовные дела²⁶. Гитлер не брезговал даже использованием личного влияния для давления на суд с целью вынесения нужных ему приговоров.

Так, в марте 1942 г. высший земельный суд Ольденбурга слушал дело 29-летнего техника-строителя Эвальда Шлитта, который очевидно в состоянии помрачения так сильно избил свою жену во время воздушного налета, что она умерла. Шлитта приговорили к пяти годам каторжной тюрьмы. Гитлер, узнав о приговоре, среди ночи позвонил управляющему делами министерства юстиции Францу Шлегельбергеру (тот руководил министерством одно время после смерти министра Францы Гюртнера) и кричал в телефонную трубку: «Преступник-насилник, как этот Шлитт, идет на пять годочков в безопасное место, и все это за государственный счет, в то время как сотни тысяч порядочных людей отдают свои жизни на фронте за своих жен и детей! Я разгоню к черту Вас и всю юстицию, если этот приговор срочно не будет пересмотрен! Срочно! И если это не будет сделано, то я направлю все судебные дела и передам все исполнения приговоров в ведение рейхсфюрера

²⁶ Ср.: *Broszat M. Der Staat Hitlers München, 1987, S. 418.*

СС».²⁷ Чтобы выполнить приказ Гитлера, Шлегельбергер вместе с президентом Верховного суда Бумке распорядился перевести Шлитта в Лейпциг, где Особый уголовный сенат Верховного суда приговорил Бумке к смертной казни, приведенной в исполнение уже 2 апреля 1942 г.

В застольной беседе (в разгар войны) Гитлер назвал юриспруденцию «единственно верным путем к безответственности» и далее утверждал, что «для него каждый юрист либо дефективный, либо скоро станет им»²⁸. 26 апреля 1942 г. Гитлер потребовал у рейхстага, собравшегося в последний раз, особых полномочий для того, чтобы без всяких юридических формальностей принудить любого немца к выполнению долга под страхом лишения поста или штрафа²⁹. Он потребовал для себя права смещать и назначать судей и самостоятельно вводить новые юридические нормы. В целом немецкая общественность поддержала эти начинания, хотя немцы недоумевали: зачем фюреру понадобилось выказывать всему миру слабости и несовершенство административной системы немецкого государства. Правда, многие радовались, что, наконец, будет положен конец коррупции и протекционизму в обществе и партии. Из очередного расширения собственной власти Гитлер, угадав в очередной раз самое слабое место в общественных настроениях, извлек значительную пользу³⁰.

Рейхстаг, конечно, дал ему такое право; таким образом, эволюция принципа фюрерства завершилась: в этот день были отвергнуты последние связи власти фюрера с правом и законом: рейхстаг постановил, что «приказ фюрера» (*Führerbefehl*) является законом. Как утверждал один из нацистских юристов Готфрид Неезе, «фюрер говорит не от имени народа, действует не представляя его интересы - фюрер сам и есть народ, поэтому никакие ограничения его

²⁷ Бройнингер В. Противники Гитлера в НСДАП 1921-1945. М., 2006, с. 236.

²⁸ Picker H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941-42. Stuttgart, 1963, S. 225.

²⁹ Domarus M. (Hg) Hitlers Reden, Bd. 2, Hlbd. 2, S. 1876.

³⁰ Maser W. Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983, S. 303.

власти неуместны. Сама его воля создает право. Между фюрером и немецким народом существует магическое согласие, которое делает предательством любую оппозицию фюреру»³¹.

СД передавал, что народ удивлялся, зачем Гитлеру понадобился еще и закон о чрезвычайных полномочиях: неужели ему, как фюреру, и без этого не хватает власти. Многие немцы восприняли обращение Гитлера к рейхстагу и его речь как завуалированную угрозу тем партийным функционерам, которые еще не осознали, что идет война и что нужно уметь идти на жертвы³². В образованных же кругах новое расширение власти Гитлера расценили как диктатуру: говорили даже, что теперь все немцы вне закона. Судьи же однозначно восприняли обращение Гитлера как призыв к ужесточению судебной практики, усиление репрессивных мер. Однако ожидаемого Гитлером прямого и непосредственного действия новые полномочия не имели по причинам, о которых речь ниже.

Из дневников Йозефа Геббельса видно, что брожение умов среди юристов и чиновников, вызванное речью Гитлера перед рейхстагом, не улеглось: Геббельс в этой связи сетовал, что не стоит так сильно давить на чиновничий корпус в тяжелых условиях войны, требующих особого напряжения и самоотдачи³³. Это были не пустые слова: нацистам так и не удалось привлечь на свою сторону крупных ученых-юристов – за исключением короткого сотрудничества с ними Карла Шмитта. Гитлеровцы довольствовались второстепенными и третьестепенными специалистами – Теодором Маунцем, Вернером Бестом, Гансом Франком, Готфридом Неезе, Рейнгольдом Хене. Отход от правового государства и его правил осуществился открыто и явственно. Карл Шмитт объявил словосочетание «правовое государство» – плохим, в отличие от словосочетания «национал-социализм». Центральным элементом всякого правового государства является разделение властей.

³¹ Цит. по: *Milza P.* Les fascismes. Paris, 1991, p. 301.

³² *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. Düsseldorf, 1970, S. 259.

³³ *Goebbels J.* Tagebücher aus den Jahren 1942-43. Zürich, 1948, S. 199.

Другим важнейшим признаком правового государства является доступность правосудия для всех. Как в первом, так и во втором случае нацистская система отрицала правовое государство.

Критика нацистских юристов сосредоточилась на «римском праве», которое противопоставляли немецкому «народному праву». Против «римского права», в котором одна норма подтверждалась другой, была направлена и упразднение запрета на приговоры по аналогиям и отмена правила о том, что закон не имеет обратной силы. В 1935 г. приговоры по аналогиям допустили в судебную практику с той целью, чтобы заменить формальный подход к делу представлением о том, что любой ущерб общественно значимым целям следует строго пресекать. Нацисты стремились к тому важно, чтобы не произошло застывания (формализации) права в законах. Как пояснял министр юстиции Гюртнер, очень важно, чтобы принцип справедливости, ради которого существует закон, не ущемлялся бы этим законом. Писанные законы продолжали отражать волю фюрера и оставались важным источником правосудия; там, где закон молчал, суд должен был действовать по своему усмотрению³⁴. Вновь введенный в практику принцип приговоров по аналогиям открыл почти неограниченные возможности для обвинительных заключений. Например, внебрачного сына еврейки осуждали за то, что при вступлении в НСДАП он указал только на усыновивших его родителей. Этого человека признали виновным, несмотря на то, что НСДАП не являлась в тот момент государственной организацией, и заявление этого человека в юридическом смысле не являлось документом. В обвинительном заключении говорилось: «Нет никакого сомнения в том, что здоровое национальное чувство не может допустить подобного образа действия, наносящего прямой вред НСДАП»³⁵. Нацисты сплошь и рядом нарушали один из главных принципов права – «*nullum crimen, nulla poena*

³⁴ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus Frankfurt am Main, 2000, S. 195.

³⁵ Dreier R., Sellert W. (Hg) Recht und Justiz im Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1989, S. 163.

sine lege) (не карается действие, в момент совершения которого законом не было предусмотрено за него наказания).

Эволюция правопорядка в нацистской Германии до войны

Непосредственным поводом для создания нацистами «народного суда» стал пожар рейхстага: СА и СС получили право на превентивные аресты; таким образом нацистское руководство стремилось укрепить свою властную автономию³⁶. Гитлеру и Герингу очень не нравилось то, что поджог рейхстага стал предметом следствия имперского суда; оба они по праву опасались, что следствие может прийти к выводам, которые не будут согласоваться с политическими потребностями и целями нацистов, что на деле и произошло. 28 февраля 1933 г. был опубликован чрезвычайный декрет «О защите народа и государства», который положил основу формирования «правовых» начал диктатуры. Гитлер обосновывал декрет следующим образом: «Показателем высокого уровня развития культуры является отнюдь не личная свобода... Если не ограничивать свободу личности, то люди начинают вести себя, как обезьяны... Чем примитивнее люди, тем более воспринимают они любое ограничение своей свободы как насилие над собой»³⁷. На заседании правительства 7 марта 1933 г. рейхсканцлер Адольф Гитлер и рейхсминистр внутренних дел Вильгельм Фрик потребовали, чтобы следствие вовсе не затевали, а обвиненного в поджоге рейхстага голландского коммуниста Маринус ван дер Люббе публично повесили бы в связи с очевидностью его вины. Поскольку действовавший в Германии уголовный кодекс за поджог предусматривал «только» каторгу, а дополнения к кодексу о смертной казни за поджог рейхстага были утверждены уже после поджога Люббе, то в отношении этого конкретного преступления Фрик потребовал в виде исключения применить к закону обратную силу и казнить

³⁶ С 1934 г. гестапо снабжало дело каждого превентивно арестованного первой буквой его фамилии и номером: один немец, арестованный в 1945 г., имел номер М-34591. Ср.: *Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus*, S. 220.

³⁷ *Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера*. С. 198.

Люббе. Это являлось грубейшим нарушением права, которое не могла себе позволить никакая культурная страна, и в министерстве юстиции возникли возражения. Процесс о поджоге рейхстага все-таки состоялся, он протекал для нацистов крайне неблагоприятно, поскольку все обвиняемые, кроме несчастного Люббе, были оправданы. Тем не менее, 29 марта появился «закон Люббе», и виновник поджога по этому закону в итоге казнен. Однако вследствие сопротивления президента Гинденбурга и министра юстиции Гитлеру пришлось допустить следствие имперского суда. Иными словами, нацисты смогли создать прецедент, но органы правосудия формально отстояли свои компетенции³⁸.

Партийное руководство осталось недовольно действиями судебных инстанций и задумало создать для государственных преступлений специальное судопроизводство. Статс-секретарь министерства юстиции Роланд Фрейслер сыграл ведущую роль в дискуссии по этому поводу; именно он смог настоять на создании в начале 1934 г. чисто политического судопроизводства, компетенции которого распространялись на дела, связанные с государственными преступлениями. Фрейслер в годы Первой мировой войны попал в русский плен, где выучился бегло говорить по-русски. Вернувшись на родину, он поступил в Геттингенский университет, в 1924 г. вступил в НСДАП. Став адвокатом, Фрейслер защищал штурмовиков от уголовных обвинений, восхищаясь их идеализмом и обличая демократию как преступление против народа. В 1933 г., когда Фрейслеру исполнился 41 год, он стал секретарем в министерстве юстиции³⁹. Фрейслер был настоящим садистом, «нашим Вышинским», как его называл Гитлер.

По предложению Фрейслера, каждый из назначенных в «народный суд» юристов становился «солдатом закона», обязанным быстро и жестко карать врагов государства⁴⁰. Первым президентом такого суда стал Фриц Рен, но в сентябре 1934 г. он

³⁸ Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers, S.405.

³⁹ *Куц К.* Совесть нацистов. М., 2007, с. 192.

⁴⁰ *Koch H.* Volksgerichtshof. Politische Justiz im 3. Reich. München, 1988, S. 150.

неожиданно умер, после чего в течение 2 лет этот пост оставался вакантным – в этот период суровые приговоры отсутствовали. Недостаточная жесткость «народного суда» привела к критике в его адрес со стороны руководства министерства юстиции. После этого президента суда, наконец, назначили – им стал член партии со стажем Отто Георг Тирак; именно под его руководством «народный суд» превратился в эффективный инструмент политического давления. Ради этого компетенция суда расширили на преступления, связанные с саботажем и попустительством на производстве. Несмотря на декларированное Тираком усиление судебных преследований, судьи придерживались умеренного курса⁴¹, но только до поры до времени...

С момента пожара рейхстага в Германии под сенью перманентного чрезвычайного положения постепенно созидалось тоталитарное государство: Закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству от 24 марта 1933 г. является в такой же степени противоречащим Конституции, как и унификация земель. Дальнейшие нарушения посыпались, как из рога изобилия – вплоть до узурпации поста президента, что противоречило статьям 41-43 Конституции. Фактически Веймарская конституция была ликвидирована в 1933-34 гг., и продление чрезвычайных полномочий в 1937 г. и 1938 г. уже ничего не меняло. Спектакли по продлению чрезвычайных полномочий устраивались каждый раз 30 января.

Большое значение для процесса юридической унификации рейха имел Закон о главе государства от 1 августа 1934 г. Закон гласил, что пост рейхспрезидента объединяется с постом рейхсканцлера и вследствие этого прежние полномочия президента переходят фюреру и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру. Специальным указом от того же дня Гитлер распорядился впредь более не употреблять термин «президент». После этого самозванный «фюрер немецкого рейха и народа» утвердился в качестве пожизненного диктатора и легализовал свое назначение «свободным народным волеизъявлением». Во время референдума 19 августа 1934 г. 4,3 (10,1%)

⁴¹ Ibid., S. 130.

миллиона немцев проголосовало против этого произвольного объединения государственных постов, а 1,98 миллиона вообще не явилось на избирательные участки⁴². Юридическим салто-мор-тале от 1 августа 1934 г. разделение властей, являющееся главным элементом современного конституционного порядка, ликвидировалось таким образом. Диктатор стал главой исполнительной власти и главнокомандующим армией. Рейхстаг, избранный 12 ноября 1933 г., также беспрекословно подчинился фюреру, так как там остались только члены НСДАП, которые повиновались его приказам хотя бы в силу того, что Гитлер являлся главой партии. После речи Гитлера с объяснениями убийств 30 июня 1934 г. («ночь длинных ножей») и объявления их «необходимой самозащитой государства» Геринг, председатель рейхстага и верный паладин фюрера, сказал, что «мы все всегда будем одобрять то, что делает фюрер». Марионеточный характер такого парламента стал очевиден. В той же речи Гитлер «обосновал» узурпацию судебной власти: «В этот час я был ответственным за судьбу всей немецкой нации и таким образом стал и высшим судьей немецкого народа»⁴³. Карл Шмитт пустил в обращение формулу «фюрер защищает право»; вскоре это стало лейтмотивом многоголосого хора славословий в адрес Гитлера. Известный юрист Эрнст Рудольф Хубер поддержал Шмитта: «выступая в час опасности высшим арбитром, фюрер защищает право от самого худшего злоупотребления им. Действия фюрера – это реализация высшей справедливости. Фюрер не подчиняется правосудию - он сам правосудие». Хубер решительно выступал против политического плюрализма и разделения властей, которое «окончательно устранено политической тотальностью национал-социалистического государства». Все эти формальные изыски ученых юристов не могли скрыть того факта, что Веймарскую конституцию 1919 г., формально до конца

⁴² *Ruck M. Führerabsolutismus und polykratisches Herrschaftsgefüge - Verfassungsstrukturen des NS-Staates. In: Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992, S. 32.*

⁴³ *Ibid., S. 33.*

не ликвидированную, свели на нет серией незаконных актов или полузаконных актов.

Презрение нацистов к законному порядку выразилось и в амнистии убийц Маттиаса Эрцбергера (этого политика партии Центра травили и преследовали как одного из «виновников» Версальских решений, он был убит 26 августа 1921 г. бывшими морскими офицерами Генрихом Тилессеном и Генрихом Шульцем), а день памяти убийц Вальтера Ратенау (он был убит 24 августа 1922 г. экстремистами из правой организации «Консул» за свои демократические взгляды и еврейское происхождение) был обставлен нацистскими режиссерами как торжественный государственный акт. 7 августа 1934 г. Гитлер объявил об амнистии для нацистов, проявивших до 1933 г. излишнее рвение (*übereifrige NS*) и вступивших в конфликт с законами Веймарской республики. Напротив, в августе 1934 г. было расстреляно 2 коммуниста из Дортмунда, в 1932 г. зарезавших в драке штурмовика, хотя они еще в Веймарскую республику подпали под амнистию, а на время совершения преступления смертного приговора в уголовном праве не существовало. Убийцу автора текста нацистского гимна Хорста Весселя коммуниста Али Холер (*Ali Höhler*) нацисты намеренно вызволили из тюрьмы и ликвидировали⁴⁴. Убийцы, разумеется, никакого наказания не понесли.

Геббельс даже распорядился снять фильм о Весселе, он вышел на экран 13 декабря 1933 г. под названием «Ханс Весмар – один из многих». Инициалы главного героя – почти все, что осталось от первоначальной версии. Постановщики фильма превратили биографию Весселя, заурядного головореза, провозглашенного мучеником, в повесть о добродетельном юноше. Ханс Весмар, выросший в семье среднего класса, вовсе не думает порывать с нею, ни затевать драки с коммунистами – напротив, он проповедует классовое примирение. В Третьем рейхе главное вовсе не отчаянный героизм, а выдержка. Ханс разъясняет: «мы уже не

⁴⁴ *Niermann H.-E.* Politische Strafjustiz im NS. Exemplarische Bedingungen ihrer Durchsetzung und Radikalisierung im Dritten Reich. Aachen, 1996, S. 309.

может говорить о каких-то «классах». Мы тоже рабочие, просто мы работаем головой. Наше место – рядом с нашими братьями, которые работают руками». Кульминация фильма – зверское убийство Весмара недисциплинированными коммунистами⁴⁵.

Необходимо отметить, что судьи – члены партии сами находились в юрисдикции партийных судов, бывших «судов чести», преобразованных в 1933 г. в местные окружные суды, региональные суды отдельных гау и высший партийный суд. Источником «права» для этих судов была партийная программа и «Майн кампф», а единственным действенным наказанием – исключение из партии. Особенно интенсивно проникновение нацистской идеологии в судебскую среду началось с введением обязательной идеологической учебы для работников суда. На курсах повышения квалификации судебские работники жили на казарменном положении и для «укрепления духа» даже участвовали в 25 - километровом пешем марше. Комендант одного такого лагеря, офицер и ветеран Первой мировой войны, говорил, что нигде нельзя лучше узнать характер человека, чем во время такого марш-броска с полной боевой выкладкой⁴⁶.

Любопытным феноменом в истории нацистского государства и его правосудия была эволюция министерства юстиции, во главе которого находился Франц Гюртнер, занимавший этот пост еще в правительстве Франца фон Папена и Курта фон Шлейхера.

Гюртнер происходил из рабочей семьи (его отец был машинистом локомотива), являлся участником Первой мировой войны, имел офицерское звание. Героизм, проявленный им на Ближнем Востоке, не только отметили наградой кайзера (Железный крест 1 степени), но он даже заслужил похвалы своего противника – английского тайного агента Лоуренса Аравийского. Разносторонне образованный, Гюртнер бегло говорил на четырех языках и являлся страстным поклонником английских детективных романов. Гюртнер не скрывал своей приверженности к католи-

⁴⁵ Кунц К. Совесть нацистов. М., 2007, с. 106.

⁴⁶ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus, S. 201.

цизму, отказался вступать в партию, критически высказывался против порнографического нацистского издания «Штюрмер», а его протесты против бесчеловечного обращения с узниками Дахау создали ему за пределами партийных кругов репутацию порядочного человека⁴⁷.

В 1922 г. стал баварским министром юстиции. Во время процесса 1924 г. по делу о «пивном путче» Гюртнер, несмотря на то, что не был членом НСДАП, (он состоял в Баварской народной партии) всячески помогал нацистам и их фюреру. Именно Гюртнер обеспечил досрочное освобождение Гитлера из тюрьмы. Он же содействовал слиянию старого Союза немецких судей с вновь созданным Союзом национал-социалистических немецких юристов. Гюртнер вместе с Вильгельмом Фриком предпринимал попытки к сохранению независимой юстиции, но практического значения эти усилия не имели. Нацисты же после прихода к власти время от времени пытались изменить правопорядок и законодательство в свою пользу или скорректировать их в удобном им направлении. Изменения и извращения права, к которым прибегали нацисты, меньше всего касались гражданского права. Основы частной собственности и ее правового регулирования почти вовсе не были затронуты. Характерно, что в гражданско-правовых спорных вопросах НСДАП и примыкающие организации и после 1933 г. не имели особого статуса. В нацистские времена полем битвы в сфере юриспруденции выступали публично-правовые вопросы, а более всего уголовное право и система наказаний.

Прежние представления о равенстве всех перед законом были заменены системой правового апартеида: «расово чуждые» (*Artfremde*) и уголовные «паразиты на теле народа» не считались достойными правового обращения. Преступление рассматривалось как «предательство» по отношению к народу, поэтому всякие преступления или отклоняющееся поведение считались политическими. Тот, кто крал во время воздушной тревоги, становился «грабителем», а еврей или поляк, вступившие в половую связь с

⁴⁷ Кунц К. Совесть нацистов. М., 2007, с. 193.

немками, становились виновниками «урона расе» (*Rassenschande*). В процессе дальнейшего отхода от цивилизованных норм права даже слова стали преступлением. Когда в немецком обществе начали распространяться слухи о причастности СА к пожару рейхстага, вышло чрезвычайное распоряжение от 21 марта 1933 г., которое в народе сразу прозвали «указ о коварных происках» (*Heimtückeverordnung*). По этому распоряжению все высказывания против партии и государства считались наказуемыми. Судебным и полицейским инстанциям вменялось в обязанность способствовать и наблюдать за распространением оптимистических настроений в обществе, быстро и эффективно пресекая всякие попытки негативных суждений и высказываний о новом государстве и партии⁴⁸. Преобладающая ценность коллективных интересов отразилась в новшествах уголовного законодательства. Дело в том, что в 20-30-е годы в Германии, как и в других европейских странах, криминалисты, судебные эксперты, адвокаты и психиатры дебатировали вопрос о влиянии наследственных факторов с одной стороны, и социального окружения - с другой. В 30-е годы сторонники преобладающих наследственных факторов получили преимущество и продолжали усердно описывать типы бытовых правонарушителей, которые якобы отличались и от рецидивистов и от обычных граждан. Из убежденности в том, что наследственные факторы доминируют и такие люди являются неполноценными, логически вытекал вывод о том, что существует необходимость избавить в будущем национальную общность от размножения подобных типов. Считалось, что евреи, цыгане и негры (много метисов осталось от связей с французскими колониальными войсками в Рейнской зоне и на Руре) особенно склонны к правонарушениям, что якобы находило подтверждение в народных преданиях о евреях-отравителях колодцев или о цыганах – конокрадах и похитителях детей. Поэтому Закон об опасных бытовых преступлениях от 24 ноября 1933 г. связывал наказание за конкретное преступление с преимущественным правом «народной общности»

⁴⁸ Ibid., S. 197.

на защиту от потенциальных преступников. На практике это означало вынесение приговоров, при которых преступник и в будущем не представлял бы опасности для общества (например, кастрация и (или) максимальное продление срока). Такая политика нацистов была ориентирована на «прикладные» возможности биологии и одновременно напоминала варварские обычаи прошлого, опиравшиеся на предрассудки. Понятие «здравый смысл народа» вместе с варварским биологическим популизмом выдвигалось нацистами на первый план. Уголовный кодекс и идеология охранительства стали частью эпидемиологии, средством для предотвращения размножения «расово чуждых» или для переименования преступления в болезнь, которую рассматривали как неизлечимую со всеми вытекающими отсюда последствиями⁴⁹.

Вместо того, чтобы создавать собственное уголовное право, нацисты воспользовались правом, существовавшим на тот момент (*Preußische Strafgesetz von 1851 und das Reichsstrafgesetz von 1871*). В «Законе о реставрации профессионального служилого сословия» Гитлер обещал судьям независимое положение, но дал понять, что ожидает от них «гибкости». Руководитель корпоративной организации нацистских юристов Ганс Франк напоминал о необходимости согласия судей с «основными принципами фюрерского государства»⁵⁰. По требованию Франка, адвокаты и прокуроры должны объединяться в достижении поставленных целей. Прокуратура стала важным звеном в реализации установок нацистского режима: именно она решала, в какой суд направлять дело, и определяла степень виновности и наказания. При этом гестапо часто занималось произвольными арестами, поэтому обещание об укреплении прокуратуры так и оставались обещаниями. Что касается защиты, то вместо того, чтобы делать упор на доказательстве невиновности своих подзащитных, она концентрировалась на смягчающих обстоятельствах и на том, чтобы «скостить» срок. Оправдательные приговоры были даже опасны –

⁴⁹ Ср.: Ibid., S. 198.

⁵⁰ Ibid., S. 194.

гестапо их «корректировало» при помощи превентивных арестов, поэтому защита и судьбы сходились, как правило, на более мягких приговорах, предпочитая их отправке в концлагерь⁵¹.

Однако для полного контроля над государством и народом простой политической и административной унификации было недостаточно. Нацистам хотелось еще и привлечь на свою сторону тех, кто враждебно или скептически относился к гитлеровскому режиму. В начальной стадии развития режима большое значение имели законы об амнистии осужденным во времена «системы» (так в нацистской терминологии именовалась Веймарская республика) за «борьбу за национальное возрождение Германии», Закон о пресечении коварных происков врагов (речь идет об упомянутом выше «законе о коварных происках») и распоряжение о создании особых судов. Если амнистия была нацелена на освобождение нацистов, осужденных властями Веймарской республики, то «закон о коварных происках» направили против всякой критики - даже устной - режима: критика каралась тюрьмой, а в особенно тяжелых случаях - и каторгой⁵². 28 февраля 1933 г. вышел чрезвычайный закон (поводом к его принятию был пожар рейхстага), направленный на «преступления против немецкого народа и государственные преступления», в этом законе понятия «предательство народа» и «государственное предательство» (*Landes- und Hochverrat*) были расширены, а наказания за них ужесточены. В некоторых пунктах закона заходил очень далеко: так, §3 предусматривал 3 месяца тюрьмы даже за распространение сведений, которые уже были известны за границей и поступили туда официальным путем. Закон от 28 февраля стал правовым основанием для превентивного ареста, который осуществлялся без суда и полиции. Длительность его варьировалась от нескольких дней до нескольких месяцев, при этом основанием могло стать даже подозрение в связях с коммунистами. Если арестованному везло, то он попадал

⁵¹ Niermann H.-E. Politische Strafjustiz im NS. Exemplarische Bedingungen ihrer Durchsetzung und Radikalisierung im Dritten Reich. Aachen, 1996, S. 206.

⁵² Ср.: Broszat M. Der Staat Hitlers, S.405.

в тюрьму, а если не везло – то в концлагерь СА или СС. Только в Берлине в 1933 г. в заброшенных помещениях существовало около 50 импровизированных лагерей СА. Превентивный арест являлся важнейшим и самым массовым средством террора – в первой фазе нацистской революции - к 31 июля 1933 г. - под «превентивным арестом» находилось 26784 человек⁵³. С 1935 г. превентивное помещение в лагерь стало обычной практикой. Общее количество узников старались держать на уровне от 20 000 до 25 000. В концлагерях царили коррупция и садизм; во время войны Гиммлер даже приказывал судить за жестокость и воровство в лагерях, и было вынесено несколько смертных приговоров⁵⁴.

Из сфер, касающихся политических вопросов, правовой беспредел постепенно распространился и на другие сферы жизни общества. Так, даже отношения по трудовому найму нацисты использовали в качестве инструмента борьбы с политическими противниками режима. Закон об организации национального труда указывал, что всякий труд должен рассматриваться не столько с точки зрения производственной необходимости, сколько с точки зрения пользы для народа и государства. Соответственно, «враждебность» по отношению к государству уже рассматривалась как достаточное основание для увольнения с работы: уволить могли за оскорбление персоны Гитлера, даже если это оскорбление было нанесено в состоянии алкогольного опьянения. Суды приговаривали к увольнению, если человек негативно высказался о ДАФ, партии, даже за уничижительный отзыв о Геббельсе⁵⁵. Чтобы лишиться работы, достаточно было сказать, что Геббельса воспитывали иезуиты. Отказ от использования «немецкого приветствия»

⁵³ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. Frankfurt am Main, 1996, S. 80.

⁵⁴ *Petter W.* SA und SS als Instrumente nationalsozialistischer Herrschaft. In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg)* Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992, S. 92.

⁵⁵ *Mayer-Malz T.* Arbeitsgerichtsbarkeit im Nationalsozialismus. Judikatur als Instrument von „Säuberung“ und Disziplinierung. // *Archiv für Sozialpolitik*, 1991, Bd. 31, S. 144.

или нежелание петь песни движения тоже могли стать причиной увольнения. Суд по трудовым спорам в Берлине уволил квалифицированного специалиста по праву за то, что тот при исполнении нацистского гимна «Хорст Вессель» вместо правой руки поднял левую. В 1937 г. Лейпцигский суд по трудовым конфликтам признал достаточным основанием для увольнения отказ от участия в «Зимней помощи». В 1942 г. в Австрии по постановлению суда также за отказ от участия в «добровольно-принудительной» благотворительности по программе «Зимняя помощь» уволили грузчика, который признал необходимость этой помощи, но выступал против нарушения принципа добровольности⁵⁶.

Ради политического давления на общество нацисты учредили «особые суды» (*Sondergerichte*) - специальный юридический инструмент политического преследования неугодных режиму лиц. Распоряжение предусматривало создание «особого суда» при каждом верховном земельном суде; компетенции «особых судов» распространялись на все преступления, предусмотренные распоряжением о поджоге рейхстага и «законом о коварных происках». Определяющей в этих судах была позиция председателя, что весьма походило на советскую систему «троек» (изобретена, впрочем, она была еще А.Ф. Керенским для замены мировых судей) и значительно ограничивало возможности правосудия в политических делах, которые стали напоминать простую расправу: если в 1932 г. за государственную измену осудили 230 человек, то в 1933 г. – 9529. Только через «народные суды» в 1934-37 гг. прошло 450 дел о шпионаже и 575 - о государственной измене⁵⁷.

Главным нацистским «спецом» и теоретиком юриспруденции стал Ганс Франк, который в 1924 г. защитил диссертацию по праву, продолжая семейную традицию – его отец был прокурором. Несмотря на молодость в сравнении с другими партийными ветеранами он родился 23.5.1900 г. и не воевал, Франк сделал блестящую карьеру, уже в 1920 г. вступив в партию. Сначала Франк

⁵⁶ Ibid., S. 146.

⁵⁷ Broszat M. Der Staat Hitlers, S.407.

симпатизировал социализму; из его дневников следует, что он являлся почитателем лидера баварских социал-демократов Курта Эйснера, убитого монархистом в 1919 г. В отличие от марксистов, однако, Франк полагал, что целью социализма является не классовая борьба, а примирение классов, и реализовать эту цель может только вождь: «такой человек, который сможет снять с человечества проклятие классовой борьбы. Люди слабы и мелки, а вождь – это все»⁵⁸. Понятно, что такая позиция не соответствовала республиканской правовой философии.

После прихода к власти Гитлера Франк некоторое время находился на посту баварского министра юстиции, а в 1934 г. стал имперским комиссаром по унификации правосудия в землях и обновлению правового порядка. В 1933 г. Франк основал «Академию немецкого права», главной целью которой было создание «права немецкой общности». К 1937 г. в Академии насчитывалось 45 комитетов и более 300 сотрудников. В качестве министра без портфеля Франк до 1945 г. состоял членом правительства рейха. Как и Гюртнер, Франк пытался дистанцироваться от правового беспредела нацистов: по некоторым сведениям, в начале 30-х гг. он пытался протестовать против действий политической полиции, выступал против создания концлагеря Дахау, против расстрела без суда и следствия руководства СА во главе с Ремом, против решения министра юстиции Франца Гюртнера о легализации убийств в «ночь длинных ножей» и проведения Закона о необходимой защите государства⁵⁹. Правда, и самому министру юстиции доктору Гюртнеру стоило большого труда 3 июля 1934 г. поставить свою подпись под законом, задним числом оправдывавшим расправу с верхушкой СА, но он надеялся (как и прочие консервативные элементы в рейхсвере и среди чиновников) восстановить таким образом правопорядок в стране и остановить беспредел штурмовиков. Гюртнер добился своего только отчасти: общественный

⁵⁸ Цит. по: *Smelser R., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen.* Darmstadt, 1989, S. 42.

⁵⁹ *Ibid.*, S. 132.

террор хотя и прекратился, но в тюрьмах гестапо и в концлагерях продолжало твориться насилие: внутриведомственные инструкции СС разрешали и даже поощряли убийства заключенных в случае побега и пр.

По распоряжению одного из высших функционеров СС и сподвижника Гиммлера Рейнгольда Гейдриха все политические дела с августа 1933 г. контролировали региональные отделы гестапо, а с 1935 г. эта практика была централизована. С 1935 г. эсэсовский еженедельник «Черный корпус» стал регулярно осуществлять нападки на суды за их чрезмерно мягкие приговоры; судьи, правда, в долгу не оставались. Так, «Черный корпус» писал в 1937 г.: «То, что вчера было «правом», нынче не является таковым, а то, что не было правом, теперь является нашей нормой. Судья, прокурор или адвокат не могут держаться за нормы вчерашнего дня, не творя при этом беззакония»⁶⁰. Один портовый рабочий из Дюссельдорфа получил 18 месяцев тюрьмы за то, что назвал Гитлера «быдлом, полным дерьма» (*Proleten, Sack voll Scheiße*). Некого поляка осудили за то, что в письме из Германии в Лодзь он обмолвился, что в новой Германии сажают в концлагеря. Его письмо вскрыли в поисках денег, а не вследствие цензуры. Духовник, который скептически и недоверчиво высказался об официальной версии смерти Рема, получил 12 месяцев тюрьмы⁶¹. В 1935 г. ветеринар, указывая на осла, сказал: «Такая же обожравшаяся скотина, как Геринг». Поденщик донес на него, но судьи оправдали ветеринара на том основании, что эти слова не подходили под понятие «публичного оскорбления», ведь собеседников было двое. Узнав о приговоре, Геринг написал судье о недопустимости подобных высказываний о государственных деятелях. На осуждении ветеринара он, впрочем, не настаивал.⁶²

Закон о гестапо 10 февраля 1936 г. институционализировал концлагеря и превратил состояние «чрезвычайщины» в правовую

⁶⁰ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus, S. 202.

⁶¹ *Ibid.*, S. 206.

⁶² *Ibid.*, S. 208.

обыденность Третьего рейха. По сути, гестапо этим законом исключили из компетенций судов и его сотрудники сами определяли, какое преступление является «политическим» и относящимся к сфере деятельности политической полиции (но не политической юстиции), а какое – нет. Попытки министерства юстиции узаконить практику превентивных арестов, ввести её в русло закона сначала имели успех, но впоследствии сошли на нет, поскольку четкой законодательной базы здесь не существовало. С 1934-35 гг. преследования гестапо и помещение в концлагерь приняло характер дополнительного (сверх судебного приговора) наказания или даже способа корректировки судебных приговоров. Часто людей, оправданных по суду, гестапо арестовывало в качестве «профилактики» преступлений. При этом иногда возникали конфликты компетенций: так, когда в 1937 г. бывшую коммунистку, арестованную по обвинению в государственной измене, «народный суд» оправдал за недостатком улик, присутствовавшие на заседании суда гестаповцы заявили о желании подвергнуть оправданную «превентивному аресту», но председатель суда запретил им это делать. Судья мотивировал свои действия тем, что он и его коллеги имеют высшие судебные полномочия, которые они получили от фюрера и не намерены уступать их гестапо. Судья смог настоять на освобождении бывшей коммунистки и запретил ее арестовывать в зале суда, что, впрочем, не помешало гестаповцам арестовать несчастную два дня спустя⁶³. Хотя этот инцидент нельзя назвать характерным, так как до 1938-39 гг. между политической полицией и судебными властями в целом преобладало «сотрудничество», а в войну судебные власти и вовсе капитулировали перед могущественным и устрашающим гестапо.

Систему власти в рейхе (в том числе и судебной) Франк называл «анархией полномочий»; она, на его взгляд, делала невозможным эффективное правосудие и администрирование. Назначенный в войну генерал-губернатором Польши, Франк повел борьбу против исключительных полномочий СС, выступая, однако, не за утес-

⁶³ Ср.: *Broszat M. Der Staat Hitlers*, S. 411.

няемых поляков и евреев, а за расширение собственной власти. Самую точную характеристику генерал-губернатору Франку, обосновавшемуся в краковском замке Вевельсбург, дал один из героев Сопrotивления, дипломат Ульрих фон Хассель: «Франк ведет себя, как страдающий манией величия султан»⁶⁴. Такая оценка личности Франка совпадала с мнением итальянского писателя Курцио Малапарте, но последний указывал на крайнюю противоречивость и многосложность его натуры, характеризующейся смешением жестокости и интеллигентности, утонченности и вульгарности, грубого цинизма и утонченной восприимчивости⁶⁵. По всей видимости, эта неоднозначность натуры и склонность к спонтанным решениям и предопределили неожиданные выступления Франка против произвола властей в 1942 г. Будучи закоренелым нацистом, Франк, однако, как юрист не мог перенести правового беспредела и летом 1942 г., читая лекции в университетах Берлина, Вены, Мюнхена и Гейдельберга, пошел в открытую атаку против полицейского произвола. Резонанс от выступлений Франка усиливался тем, что всем был известен его конфликт с СС из-за компетенций. Лекции Франка вызвали неудовольствие Гитлера, который запретил ему выступать. Франк сам просил Гитлера об отставке, ему было отказано, но политической карьере Франка пришел конец – до 1945 г. он так и остался министром без портфеля. За преступления в Польше Франка повесили по приговору Нюрнбергского трибунала.

Правопорядок и общество нацистской Германии в годы войны

Большую роль во время войны сыграли упомянутые выше «особые суды», эти «тройки» выносили судебные приговоры после упрощенного следствия. Приговор «тройки» обжалованию не

⁶⁴ Цит. по: *Smelser R., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen*, S. 44.

⁶⁵ Ср.: *Ibid.*, S. 49.

подлежал и приводился в исполнение немедленно. Председатель «народного суда» Роланд Фрейслер именовал судебные «тройки» не иначе как «судами внутреннего фронта»: их задачей было преодоление «внутренней контрреволюции». По важным делам в дополнение к «особым судам» использовался также упоминаемый выше «народный суд», исполнявший схожие с судебными «тройками» функции. Этот суд сразу стал судом первой инстанции по делам о государственной измене – до этого подобные компетенции имел только имперский суд в Лейпциге. «Народный суд» стал политическим судом; он состоял из 5 судей (из них только два являлись юристами), которых назначал Гитлер. Фрейслер не сразу возглавил «народный суд», но после его назначения и без того высокая степень политизации этого суда стала еще выше.

В преддверии войны этих судебных мер нацистам явно не хватило, и с 1938 г. Гиммлер получил от Гитлера полномочия по осуществлению иных (помимо судебной власти) «мероприятий». Когда началась война, Гитлер обновил его полномочия. 3 сентября 1939 г. руководитель РСХА Рейнгольд Гейдрих выпустил циркуляр «Об основах внутренней безопасности во время войны», в котором говорилось о возможности прибегать к прямым действиям исполнительной власти помимо судебных инстанций «для обеспечения решительности и воли немецкого народа к борьбе во имя победы»⁶⁶.

В соответствии с этими решениями с началом войны судебная практика ужесточилась, приговоры стали приводить в исполнение быстрее, но настоящая радикализация юстиции, на которой настаивали Гитлер, Йозеф Тирак, Геббельс и Гейдрих, началась в 1941 г., после смерти несколько тормозившего произвол министра юстиции Франца Гюртнера. В августе 1942 г. министром юстиции назначили сторонника крайних мер Тирака, а Роланд Фрейслер занял его место председателя народного суда. С этого момента число смертных приговоров, выносимых «народным судом», резко возросло: только до конца 1944 г. зарегистрировало 16 500 смертных

⁶⁶ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945, S. 270.

приговоров⁶⁷. Гитлеровская судебная система была тесно слита и зависима от исполнительной власти, поэтому она в той же степени ответственная за преступления перед человечностью. В «особых судах» подсудимые и надеяться не смели на честное ведение процессов. Сенаты «народного суда» являлись первой и последней инстанцией рассмотрения дел о государственных преступлениях, поэтому они комплектовались юристами, доказавшими свою безусловную преданность режиму и являвшимися членами партии. Как подготовку к государственному преступлению «народный суд» рассматривал прослушивание радио Москвы, хранение и распространение антинацистской литературы, оказание помощи государственным преступникам.

Как уже указывалось выше, с началом войны правовые нормы, особенно система наказаний, значительно ужесточились. К тому же с расширением полномочий и компетенций СС право все более выхолащивалось. В согласии с манихейским мировосприятием как враг рассматривался каждый, кто хоть как-то выделялся (или казалось, что выделялся) из народной общности. При этом страх перед повторением общественной ситуации Ноябрьской революции сочетался со страхом, навеянным нацистской пропагандой – страхом биологически-расовой дегенерации. «Особенностью задач правосудия в войну,- писал один из нацистских юристов,- является необходимость отделения преступных элементов, которые в критический момент могут нанести удар ножом в спину сражающемуся фронту (как это однажды сделали подобные элементы в Ноябрьскую революцию в 1918 г.). Это тем более важно, что в войну действует отрицательный отбор и лучшие погибают на фронте, а в тылу процветают неполноценные элементы»⁶⁸. Поэтому наиболее опасными считались: правонарушения, имевшие следствием снижение обороноспособ-

⁶⁷ *Angermund R.* "Recht ist, was dem Volk nutzt." Zum Niedergang von Recht und Justiz im Dritten Reich. In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992, S. 57.*

⁶⁸ *Gruchmann L.* Justiz im Dritten Reich 1933-1945. München, 1988, S. 909.

ности страны (*Wehrkraftzersetzung*), саботаж (*Wirtschaftssabotage*), мародерство (*Volksschaden*), которое совершали в условиях суматохи воздушных тревог и бомбежек, что считалось особенно отягчающим обстоятельством. После отбытия наказания что немец, что инородец не обязательно освобождались – о предстоящем освобождении суд за несколько недель уведомлял гестапо, а оно решало, не следует ли взять отбывшего наказание под превентивный арест. Для инородца концлагерь был гарантирован всегда, для немца – почти всегда⁶⁹.

Во время войны число статей УК, требовавших смертной казни, увеличилось в несколько раз. Введение драконовских мер усугублялось требованием властей «упростить» судопроизводство. Вследствие этого в практику вводилось внесение отзыва судебного приговора (*außerordentliche Einspruch*): если вышестоящей судебной инстанции приговор казался недостаточно жестким, то она могла его изменить по своей воле и ходатайствовать в имперском суде о передаче дела в специальную штрафную инстанцию (*Strafsenat*)⁷⁰. Для разрушения правовой немецкой традиции нацисты не брезговали и мобилизацией эмоций граждан, возмущенных действиями бандитов. Так, когда 13 октября 1939 г. судьи особого суда Берлина приговорили грабителей банка Лятакца и Якобса к 10 годам лишения свободы, то - по сведениям СД - многие немцы возмущались столь мягким наказанием; и через два дня Гитлер приказал расстрелять обоих преступников. Впрочем, закон от 5 сентября 1939 г. гласил, что опасные преступления, совершенные в условиях военного времени, караются смертной казнью. Несмотря на жесткость наказаний, в войну преступность быстро росла. Введение в судебную практику экстраординарных мер нацистские юристы оправдывали необходимостью усиленной борьбы против преступности, как этого требовал Гитлер и практиковал Гиммлер. На самом деле эта жесткость выходила далеко за рамки разумного и достаточного. Количество смертных при-

⁶⁹ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958, S. 75.

⁷⁰ Ср.: Broszat M. Der Staat Hitlers, S. 419.

говоров, вынесенных гражданскими судами, непрерывно росло, о чем свидетельствуют следующие данные⁷¹.

Год	Количество смертных приговоров
1938	23
1939	220
1940	926
1941	1109
1942	3002
1943	4438
1944 (янв.-авг.)	4438
Всего	11733

Такие показатели, по всей видимости, не удовлетворяли Гитлера: в годы войны он жестко критиковал судей и систему правосудия в целом, называя юристов «вредителями» и «преступниками». 26 апреля 1942 г. – на последнем заседании рейхстага (больше он при нацистах не созывался) – он выступил с речью, в которой подверг резкой критике немецкую юстицию, а также потребовал полномочий (и получил их) по своей инициативе смещать судей, выносивших негодные нацистскому режиму решения. В специальной литературе это решение Гитлера обычно изображают как поворотный пункт в развитии юстиции в условиях Третьего рейха, так как независимость судей этим решением *de facto* ликвидировалась. Некоторые авторы писали даже о конце немецкого правосудия. Однако, как показали новейшие немецкие исследования, это мнение оказалось ложным.⁷²

⁷¹ Ibid., S. 420.

⁷² См.: Gruchmann L. Der Reichstagsbeschluss vom 26. April und seine Bedeutung für die Maßregelung der deutschen Richter durch Hitler. // Vierteljahrshefte für Zeitge-

Дело в том, что в почти часовой речи Гитлер посвятил правосудию всего три предложения – он больше говорил о ситуации 1939 г., приведшей к войне, дал исторический анализ положения Британской империи и ее предстоящего краха, упомянул мировое еврейство, которое якобы активно действует во всех враждебных Германии государствах, коснулся и зимнего кризиса 1941-42 годов на Восточном фронте. Он обрушился на чиновников и служащих, цепляющихся за свое право на отпуск, выходные и отгулы, в то время как солдаты на Восточном фронте терпят невыразимые лишения. Гитлер заявил, что немцам следует забыть о своих правах и привилегиях, поскольку в условиях войны у всех остались только обязанности, и потребовал права в интересах дела смещать любого чиновника, какой бы пост он ни занимал. И только потом Гитлер обрушился на «формалистов-судей», которые якобы игнорируют политические потребности воюющей страны. Гитлер сказал, что он не в состоянии понять судью, который дает пять лет тюрьмы преступнику, до смерти забившему свою жену, в то время как на фронте миллионы немецких солдат отдают свои жизни за то, чтобы защитить своих жен и детей от врага. Гитлер имел в виду приговор земельного суда Ольденбурга от 14 марта 1942 г. по делу некоего Эвальда Шлитта, которого по его личному распоряжению повесили. Гитлер подчеркнул, что в подобных случаях он намерен решительно вмешиваться в такие дела, а судей, не понимающих политического значения своих решений, - отстранять от должности⁷³. На деле, однако, эти полномочия Гитлера ничего не значили, поскольку еще 26 января 1937 г. приняли закон о немецких чиновниках (*Deutsche Beamten-gesetz*), в соответствии с которым судья, не разделявший национал-социалистического мировоззрения, могли лишиться полномочий и отправить на пенсию только после полного служебного расследования. Кроме того, принудительное отправление на пенсию не могло стать следствием какого-либо конкретного приговора. Гитлер вынужден был при-

schichte, 2003, Н. 4, passim.

⁷³ Ibid., S. 510.

знать этот порядок, подтверждением чему является дело судьи Пауля Фабига, который отказал одной партийной активистке в праве на бесплатного адвоката и бесплатный судебный процесс (*Armenrecht*). В принципе, предоставление права на бесплатный суд являлось исключительно компетенцией судьи, но дама оказалась очень настойчивой и с жалобой дошла до канцелярии Гитлера, который приказал в течение 24 часов лишиться судью полномочий и уволить. Начальник личной канцелярии Гитлера информировал начальника рейхсканцелярии Ганса Ламмерса о том, что министр юстиции Гюртнер должен сместить этого судью. Ламмерс же, в обязанности которого входило следить за соблюдением формально-юридических правил, написал Гитлеру, что министр юстиции не обладает правом смещать судей – это можно сделать только после проведения дисциплинарного расследования. С тем, чтобы не дезавуировать только что принятый Закон о немецких чиновниках, Гитлер согласился с доводами Ламмерса.⁷⁴ Судья Фабиг остался на своем посту, хотя сам министр сделал ему строгое внушение.

Легко себе представить, как ограничение власти действовало фюреру на нервы. 20 марта 1942 г. Геббельс записал в дневнике: «До сих пор фюрер не в состоянии самостоятельно смещать неудобных судей. Как можно вести войну, если такая важная сфера общественной жизни является недосягаемой для политического руководства?»⁷⁵.

Эти обстоятельства и вызвали критику правосудия в речи Гитлера в рейхстаге 26 апреля 1942 г. Вскоре возникла возможность проверить действенность полномочий Гитлера: 10 апреля 1942 г. берлинский судья Пауль Грамзе за неуплату аренды вынес приговор о выселении из квартиры вдовы погибшего на Восточном фронте лейтенанта. Эсэсовская газета «*Der schwarze Korps*» писала, что этот лейтенант пал, защищая в том числе и этого злополучного судью, и такое обращение с родственниками героев, сражающихся за родину, недопустимо. 24 июня 1942 г. Гитлер распорядился

⁷⁴ Ibid., S. 512.

⁷⁵ Ibid., S. 513.

лишить полномочий судью Грамзе, поскольку приговор «не соответствует национал-социалистическому правосознанию». Но и в этом случае Грамзе не сместили, поскольку для этого требовались формальные процедуры и служебное расследование. Что касается вдовы лейтенанта, то Гитлер распорядился впредь не взимать квартплаты с родственников солдат, павших на фронте⁷⁶.

Итак, решения рейхстага от 26 апреля 1942 г. имело скорее психологическое значение - как средство давления на судей, - а не формально-юридическое: изменить что-либо в этой сфере ввиду сильных традиций немецкого правосознания было очень непросто. Ни одного судью так и не отстранили от должности.

Некоторой компенсацией безотрадного (для Гитлера) положения с «регулированием» деятельности судей стал «народный суд», который под руководством Роланда Фрейслера превратился практически в партийную инстанцию. Выступая в роли прокурора или судьи, Роланд Фрейслер угрожал, высмеивал, издевался над подсудимыми; его пронзительный голос слышался в коридорах суда⁷⁷. В то же время не следует преувеличивать роль Фрейслера в процессе унификации правосудия: некоторые немецкие историки права решительно выступают против тенденции, воцарившейся в историографии после войны – валить всю вину немецких юристов на Фрейслера. Убежденный нацист, Фрейслер все-таки не являлся одиночкой в своих усилиях утвердить тоталитарную систему как можно шире. Эти историки справедливо указывают на ужесточение позиций и трибуналов вермахта, и имперского военного суда, и других «особых судов», которые были несколько не гуманнее, чем «народный суд»⁷⁸.

Не менее одиозной фигурой являлся Отто-Георг Тирак (*Thierack*), в середине 1942 г. взявший на себя руководство имперским министерством юстиции и предпочитавший не ссориться с могущественным РСХА во главе с вездесущим Гейдрихом. В отно-

⁷⁶ Ibid., S. 517.

⁷⁷ Ср.: *Толанд Д.* Последние 100 дней рейха. Смоленск, 2001. С. 63.

⁷⁸ *Koch H.* Volksgerichtshof. Politische Justiz im 3. Reich. München, 1988, S. 437.

шении положения дел в министерстве юстиции Геббельс еще 19 марта 1942 г. отмечал в своем дневнике, что министерство юстиции после смерти Гюртнера «осиротело», а «буржуазные элементы» в этом министерстве тормозят нововведения и действенные меры. Для борьбы с оппортунизмом Геббельс порекомендовал Гитлеру Тирака, который и стал министром юстиции⁷⁹. Одновременно он являлся главой нацистского «Союза сохранения немецкого права» и президентом «Академии немецкого права». Своей главой задачей Тирак считал полную переориентацию юстиции на национал-социализм. Разумеется, никто из чиновников министерства юстиции не рискнул критически высказаться о новом министре, к тому же многие считали, что Тирак – это меньшее зло по сравнению с нацистским фанатиком Фрейслером⁸⁰.

Тирак не обманул ожиданий руководства: по его словам, - поскольку юстиция не в состоянии оказать реальную помощь в процессе истребления «асоциальных элементов», евреев, русских и цыган, - контроль юстиции следует поручить Гиммлеру, предоставив СС полную возможность для «уничтожения работой» упомянутых групп. В ноябре 1942 г., по распоряжению Тирака, служащие министерства начали осуществлять селекцию «асоциальных элементов» и отобранных передавать СС: до 30 апреля 1943 г. было передано 14700 человек. Чуть позже – 30 июня 1943 г. - РСХА известило, что русские и поляки входят в юрисдикцию СС, а не судов и полиции. Судебное разбирательство над этой категорией лиц должно проводиться только в том случае, если суд гарантирует вынесение смертного приговора⁸¹. Таким образом, государство юридических норм окончательно превратилось в государство произвольных полицейских мер, чему всячески спо-

⁷⁹ *Goebbels J.* Tagebücher aus den Jahren 1942-43. Zürich, 1948, S. 130.

⁸⁰ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944.* Berlin, 1965, S. 293.

⁸¹ *Angermund R.* "Recht ist, was dem Volk nutzt." Zum Niedergang von Recht und Justiz im Dritten Reich. In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) *Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft.* Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992, S. 73.

собствовал Тирак, стремившийся добиться расположения фюрера добровольной уступкой компетенций в пользу СС и полиции. Так, Тирак сошелся с Гиммлером во мнении, что содержащиеся в тюрьмах Германии уголовные преступники должны быть переведены в концлагеря (большей частью – в Маутхаузен) и там подвергнуты «уничтожению работой»⁸². Тирак сразу высказался за то, чтобы преследование провинившихся польских и советских рабочих на территории Германии осуществлялось полицией, без участия судебных инстанций. 30 июня 1943 г. новый шеф РСХА (после убийства Гейдриха) Эрнст Кальтенбруннер разъяснял подчиненным, что судебное расследование по факту преступления «остов» нужно проводить только в том случае, если при помощи судебных инстанций полиции нужно будет дополнительно легитимировать свои действия. Таким образом, отношения между полицией и правосудием поставили с ног на голову. С вступлением войны в радикальную стадию ведущие нацистские функционеры решили воспользоваться ситуацией и окончательно сломить дуализм государства и партии в пользу последней. Особенно это было заметно по отношению к правосудию: именно в трудный для государства момент ему собрались окончательно сломать хребет.

С помощью концлагерей, пыток и убийств полицейский аппарат боролся не только с «политическими», но занимался «профилактической борьбой с преступностью»: сначала в небольших масштабах, затем - устраивая облавы, вследствие которых число людей «асоциального поведения» и рецидивистов, помещенных в концлагеря, выросло с 2 848 в конце 1937 г. до 12 921 в конце 1938 г. Несмотря на это, число особо тяжких преступлений с 1933 г. по 1939 г. выросло более чем в 10 раз. Тому способствовала сама система правосудия, которая не дифференцировала вины, осуждая людей в соответствии с их расовой принадлежностью или индивидуальными особенностями. Все подчинялось принципу «общее благо выше личного» (*Gemeinnutz geht vor Eigennutz*), иными словами, права отдельных людей подчинили коллективным инте-

⁸² Broszat M. Der Staat Hitlers, S. 421.

ресам. Нацистское правосудие вовсе не учитывало не отмененную при Гитлере конституцию Веймарской республики, гарантировавшую, между прочим, свободу вероисповедания и политические свободы. Высшим законом в Третьем рейхе стала воля фюрера и интересы «народной общности» (*Volksgemeinschaft*), которые формулировал тот же фюрер... Каким образом он трактовал существо этих интересов в рациональных понятиях выразить на деле невозможно, поэтому от судей требовали «национальной укорененности» и «народности». Принадлежность к «народной общности» в конечном счете определялась расой, приобретая в этой связи все большее значение.

Недовольные «неповоротливостью» судов в борьбе с «врагами государства», подопечные Гейдриха постепенно перешли к систематической проверке и перепроверке их работы. С апреля 1935 г. по приказу Гейдриха стали составлять списки неудовлетворительно мягких приговоров, по которым затем делали выводы либо о политической близорукости судей или прокуроров, либо об их враждебности национал-социалистическому государству. Часто решения судов «корректировали», отправляя оправданного человека в концлагерь или в тюрьму. В войну судопроизводство ужесточилось, «особые суды» расширили свои полномочия. Такие преступления, как утаивание продуктов питания (например, несанкционированный убой скота), прослушивание вражеского радио или помощь военнопленным - карались тюрьмой или каторгой. Чтобы высвободить больше людей для отправки на фронт, мелкие окружные суды упраздняли, следовательно, полномочия все больше переходили к «особым судам»⁸³. Например, в 1943 г. «особые суды» Гамбурга и Бремена брали на себя 73% всех судебных процессов. В военных законах туманно толковались понятия некоторых преступлений. Так, не было точно определено, что такое «ограбление» в обстоятельствах, связанных с войной. Все четыре статьи закона судьи могли толковать совершенно свободно и за одно и то же преступление, например, присвоение

⁸³ *Angermund R.* "Recht ist, was dem Volk nutzt.", S. 69.

чужой собственности во время налета вражеской авиации - можно было получить смертную казнь или 15 лет каторги. Число преступлений, каравшихся смертью, увеличилось к 1943 г. до 46. Начало массовых бомбежек немецких городов повлекло за собой увеличение приговоренных к смерти: в 1941 г. их было 1292, в 1942 г. - 3660, в 1943 г. - 5336⁸⁴.

Какие же конкретно преступления заслуживали смерти? 26 июня 1943 г. служащая военного завода, вдова солдата, была осуждена на смерть за такой анекдот: Гитлер и Геббельс стоят на смотровой площадке берлинской башни для радиоантенн. Гитлер спрашивает, какую бы радость доставить немцам? Геббельс отвечает: спрыгнуть с башни... Несчастной еще припомнили, что она поддерживала контакты с чешскими рабочими и в разговорах с ними предсказывала поражение в войне. 23 октября 1943 г. «особый суд» Вуппертале осудил на смерть некоего инвалида за то, что на руинах после бомбежки он нашел и присвоил полотенце и серебряную ложку. Некий строительный рабочий украл и продал в общей сложности около 70 велосипедов; другой рабочий сбывал поддельные карточки на одежду и спекулировал радиоприемниками. «Особым судом» в Вуппертале оба были приговорены к смертной казни; 31 августа 1942 г. и 22 мая 1943 г. соответственно. Некий литовский рабочий взял на улице три алюминиевые миски, выкатившиеся из разбитой бомбой лавки. 8 марта 1943 г. «особый суд» Эссена, указав на тяжелые моральные последствия грабежей при бомбежках, приговорил несчастного к смерти. «Остов», то есть рабочих из Восточной Европы, могли приговорить к смерти и за более ничтожные проступки⁸⁵.

Довольно жесткой была нацистская юстиция по отношению к солдатам вермахта, что видно из следующего сравнения. В Первую мировую войну, после краха наступления французского генерала Нивеля в 1917 г., некоторые французские дивизии взбунтовались. Даже в этот кризисный момент французские военные суды

⁸⁴ Ibid., S. 70.

⁸⁵ Ibid., S. 71.

вынесли всего 629 смертных приговоров (50 из них было приведено в исполнение). В Германии же была распространена легенда, что был расстрелян каждый десятый французский солдат. Примерно таким же в Первую мировую войну было положение и в немецкой армии – за различные воинские преступления 150 немецких солдат были осуждены и 48 расстреляны. Во Вторую мировую войну англичане расстреляли 40, французы – 102, американцы – 146 своих соотечественников - военных преступников⁸⁶. В английской армии дезертирство не каралось смертью; в 1942 г. генерал Окинлек, командующий английской армией в Северной Африке, хотел ввести там смертную казнь, но его не поддержали, хотя в английской армии в тот момент было приблизительно 20 дезертиров на батальон. В американской армии за дезертирство была предусмотрена смертная казнь, но ее, прибегая к различным юридическим уловкам, использовали крайне редко. Надо отметить, что в демократическом обществе последовательно распространяется сочувствие страданию, смерти. Это заметно, например, в том, что в развитых демократиях смертная казнь постепенно исчезает. Ещё во время Гражданской войны в США расстрел дезертира был рутинным делом, а во время Второй мировой войны за дезертирство был расстрелян только 1 американский солдат. Потом его вдова подала в суд на правительство⁸⁷.

В Красной армии с 1941 г. по 1945 г. военные трибуналы вынесли 157 тысяч смертных приговоров⁸⁸. В Германии дезертирство часто каралось смертной казнью – уже к 1940 г. количество смертных приговоров в военных судах превысило их количество в судах гражданских: террор нацистской военной юстиции с каждым годом войны развивался все интенсивнее; в 1943 г. министерство юстиции приговорило к смерти 5684 человека, а в 1944 г. – 5768 человек⁸⁹.

⁸⁶ Haase N. Wehrmichtsangehörige vor dem Kriegsgericht. In: Müller R.-D., Volkman H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999, S. 481.

⁸⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004, с. 393.

⁸⁸ Haase N. Wehrmichtsangehörige vor dem Kriegsgericht, S. 481.

⁸⁹ Ср.: Dänhoff M. Gräfin „Um der Ehre willen“. Erinnerungen an die Freunde vom 20. Juli. Berlin, 1994, S. 36.

Всего немецкие военные суды вынесли 30 тысяч смертных приговоров (22 750 были вынесены смертные приговоры, в 15 тыс. случаев они были приведены в исполнение – можно сказать, что военной юстицией было уничтожено почти две дивизии вермахта⁹⁰. Правда, значительная часть смертных приговоров приходится на последнюю стадию войны. Вовсю зверствовали «летучие военно-полевые суды» (*Fliegende Standgerichte*) – эту необыкновенную (по сравнению с Первой мировой войной) жесткость нацистской военной юстиции можно объяснить только проникновением в сознание юристов нацистской идеологии. Из 9732 смертных приговоров, приведенных в исполнение до 31 декабря 1944 г., 7914 приходились на вермахт, 836 – на кригсмарине, 982 – на люфтваффе⁹¹.

После Сталинграда репрессивная деятельность аппарата юстиции усилилась, и не только по отношению к солдатам: так, в декабре 1943 г. судебная палата Берлина на 1,5 года тюрьмы осудила человека, предложившего вместо «хайль Гитлер» приветствовать друг друга криком загонщиков на охоте – «улюлю» (*Horrido*); осужденный намекал на то, что под Сталинградом Гитлер загнал в тупик 6 армию. Партийные товарищи были недовольны мягкостью приговора. Недовольство партийцев чаще всего касалось судов низших инстанций; «народный суд», напротив, раздавал смертные приговоры направо и налево.⁹² Известен прецедент с регирунгсратом (государственным советником) из Ростока Теодором Корзельтом, осужденным «народным судом» на смертную казнь за то, что в трамвае он сказал: Гитлера, мол, ждет та же судьба, что Муссолини, и что Гитлер должен уйти в отставку. За схожий проступок была казнена сестра Ремарка фрау Шольц⁹³.

⁹⁰ Graml H. Die Wehrmacht im Dritten Reich. // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1997, N 3, S. 383, Кноп Г. История вермахта. Итоги. СПб., 2009, с. 168.

⁹¹ Messerschmidt M. Die Wehrmachtjustiz 1933-1945. Paderborn, 2005, S. 172.

⁹² Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965, S. 466.

⁹³ Weisenborn G. (Hg) Der lautlose Aufstand. Bericht über die Widerstandsbewegung des deutschen Volkes. Hamburg, 1962, S. 265.

Ожидания немцев, что «воля фюрера» или его указания смогут обеспечить желанный порядок в стране, не оправдались, что и нашло отражение в информации осведомителей СД⁹⁴. СД передавала, что в 1944 г. к дню рождения Гитлера флаги на домах в сельской местности вывешивали скандально мало по сравнению с прежними временами. Если в первые годы войны пораженческие настроения карались в Германии довольно умеренно – «пораженцам» давали до 5 лет лагерей, то с 1943 г. положение резко изменилось. В первой половине 1940 г. за пораженчество привлекли к ответственности и направляли в концлагеря 581 обвиняемого, в 1941 г. – 815, с 1 января по 30 июня 1943 г. было осуждено 3338 человек, среди них 1662 – приговорено к смертной казни⁹⁵. По донесениям СД, население весьма критически реагировало на это ужесточение судебной и, в целом, юридической практики⁹⁶.

Вместо заключения – «неисторический характер» тоталитарного режима...

При любого рода анализе тоталитарных систем совершенно теоретически непреодолимой является их «неисторический» характер... В самом деле, можно ли с полной уверенностью утверждать, что большевизм логически вытекал из всей российской политической традиции, целиком и полностью в нее «вписываясь»? Или национал-социализм – из немецкой. Или фашизм – из итальянской истории? Или фалангизм – из испанской? На самом деле эта историческая традиция гораздо шире, чем то, во что она вылилась, в ней были заключены совершенно разные, разнообразные возможности развития в любых мыслимых направлениях. И то, что произошло в России, Италии, Германии после Первой мировой войны выглядит совершенно дико на фоне предшеству-

⁹⁴ Ср.: Maser W. Das Regime, S. 317.

⁹⁵ Ibid., S. 316.

⁹⁶ Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965, S. 250.

ющей истории, не предвещавшей никаких подобных катаклизмов. Совершенно напрасно иные историки представляют прошлое, развивавшееся в соответствии с «железными» законами, которые и привели к нацизму, фашизму, большевизму (как например Уильям Ширер в своей многократно изданной книге «Взлет и падение Третьего рейха» или Ричард Пайпс в своих монографиях об истоках большевизма). Подобным образом аналитики поступают для оправдания или порицания какой-то конкретной политической точки зрения – иными словами, многие утверждения таких морализаторов от исторической науки следует подвергнуть сомнению.

С другой стороны, представлять общество и его традиции как совершенно пассивную сторону, ставшую жертвой особой ситуации, возникшей в момент вступления Европы в «век масс» и, особенно, вследствие Первой мировой войны, – это также неоправданное упрощение. Даже немецкую правовую традицию и ее носителей нельзя совсем освободить от вины... Поэтому напрасно германскую юстицию иногда рассматривают как пассивную жертву нацизма, но она также играла и активную роль – стоит вспомнить *Volksgesichtshof, Sondergerichte*...

Но «перерыв» в постепенном, довольно стройном логически и структурно эволюции немецкого правосознания и традиционного правопорядка все же был и он отчетливо виден. Важнейшими правовыми (или даже более идеологическими) новшествами нацистов были следующие:

Абсолютный принцип фюрерства, отсюда – «пирамидальное» строение государства в соответствии с этим принципом. Если в демократии руководители ответственны перед теми, кто их выбрал, то в условиях фюрерского государства – перед теми, кто их назначил, отсюда совершенно «пирамидальный» характер власти, на вершине этой пирамиды находился фюрер или дуче, власть которых вообще никак не была ограничена – ни моральными, ни религиозными, ни традиционными условиями – такого в человеческой истории еще не было. Отсюда и экстремальный антигуманизм этих режимов, поскольку основные решения при-

нимались в «стерильных» (исторически) условиях полного и абсолютного отсутствия ответственности.

Идеологическая монополия партии и исключение других партий из политической жизни в соответствии с §1 закона «Об обеспечении единства партии и государства» от 1 декабря 1933 г. («партия – это носитель немецкого государственного мышления и неотделима от государства»). Примат идеологического выразился в том, что действительность – всякого рода (политическая, юридическая, социальная, моральная) были совершенно искажены целями, которые формулировали идеологи. Получалось, что идеологи создавали (или лучше сказать, инсценировали) новую действительность, а потом под нее подлаживали реалии жизни. Совершенно точно описал такую ситуацию Герберт Маркузе: «идеология – это правильное отражение ложной действительности».

Расовый принцип, выразившийся во введении особого правового статуса для всех «расово чуждых» персон (четвертый пункт партийной программы). Этот статус означал не столько особое правовое положение этих людей, но и постепенное их выведение вообще из правового поля. Эти три пункта никогда не были четко зафиксированы или изложены нацистскими юристами, но они проходят красной нитью через всю юридическую практику⁹⁷.

Особенно нелепыми, выбивающимися из контекста на фоне традиционной немецкой (и европейской) юридической практики были нацистские новшества в расовой сегрегации и преследованиях. Так, закон о браке 1938 г. легализовал практику развода по расовым причинам. Этим же законом евреи были исключены из действия закона 1928 г. об условиях найма жилья – они оказались беззащитными от произвола властей и владельцев жилья.

«Апогеем» расового особого права стали Нюрнбергские законы 15 сентября 1935 г., в соответствии с которыми просто взгляд (!?) или высказывание могли рассматриваться как «*Rassenschande*» (ущерб расе) и подлежали наказанию.

Не менее дикими можно назвать и другие иные нацистские

⁹⁷ *Jasper G. et al. (Hg) Justiz und NS. Hannover, 1985, S. 124.*

«новшества», так в соответствии с «штрафным порядком по отношению к полякам» от 4 декабря 1941 г. смертная казнь предусматривалась даже для малолетних преступников. Свидетельские показания поляков и евреев не принимались во внимание судом⁹⁸.

Хотя подобные расовые ограничения и не являлись исключительно нацистскими – к примеру – юридическая практика в США в межвоенный период также носила характер расовой. Но для Европы с её, казалось, утвердившейся в либеральном XIX веке довольно высоким уровне терпимости и лояльности по отношению к другим нациям и расам такая практика представляла собой совершенно новое явление. Она отчетливо показала, насколько хрупкими и непрочными являются либеральные ценности и традиция, ставшая складываться в XIX веке. И насколько она подвержена опасности...

⁹⁸ Ibid., S. 130.

ГЛАВА 4

XXI ВЕК – НОВЫЙ ВЫЗОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ФРАНЦИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ – МЕЖДУ ПЯТОЙ И ШЕСТОЙ РЕСПУБЛИКОЙ?

«Конституции дают лишь тусклое представление об общественной жизни. Они являют собой фото, сделанное при рождении, чтобы увековечить воспоминание и разглядываемое по прошествии времени, чтобы найти в нем некие черты, семейную схожесть, неопределенную идентичность, стершуюся в памяти. Статьи еще здесь, иногда с поправками, чаще всего неизменные, но под действием людей и групп они потеряли часть первоначального смысла, и приобрели другой. Конституция остается, но система изменилась»¹.

За 225 лет истекших после падения Бастилии в истории Франции сменилось значительное количество политических режимов (две империи, три конституционные монархии, пять республик), но еще больше конституций. Общее их количество достигает 15-ти². Таким образом, в среднем каждые 15 лет во Франции менялась конституция – чаще, чем в других европейских государствах. Соответственно и политические режимы, через которые прошла эта страна в своей истории, имели по большей части непродолжительный срок существования.

Самым длительным из всех республиканских режимов Франции остается пока Третья республика, которая просуществовала 70 лет

¹ *Donegani J.-M., Sadoun M. La Ve République: Naissance et mort. Paris, 1998. P. 27.*

² Конституции 1791 г., 1793 г., III года Республики (1795), VIII года (1799), X года (1802), XII года (1804), Хартия 1814 г., Дополнительный акт к Конституциям империи 1815 г., Хартия 1830 г., Конституции 1848 г., 1852 г., Конституционные законы 1875 г., Конституционный закон 1940 г., Конституция 1946 г., Конституция 1958 г.

от революции 4 сентября 1870 г. по 10 июля 1940 г., когда после поражения в войне с гитлеровской Германией парламент наделил правительство маршала Петена чрезвычайными полномочиями. Послевоенной Четвертой республике было отмерено лишь 12 лет: символическим ее началом можно считать Временное правительство, сформированное 3 июня 1944 г. в Алжире и возглавленное генералом Де Голлем, а концом – 4 октября 1958 г., когда была обнародована конституция, учредившая режим Пятой республики, при котором живет современная Франция.

Франсуа Олланд – ныне действующий президент, избранный в 2012 г. от Социалистической партии, – седьмой по счету глава Пятой республики после Шарля Де Голля, Жоржа Помпиду, Валери Жискар д'Эстена, Франсуа Миттерана, Жака Ширака, Николя Саркози. В 2013 г. Пятая республика отметила полукруглый юбилей – 55 лет с момента своего основания, зарекомендовав себя как один из самых длительных и стабильных режимов Франции, несмотря на свой необычный характер, а может быть и благодаря ему. Особенность Пятой республики в том, что она сочетает в себе черты как парламентского, так и президентского режимов. Здесь можно усмотреть парадокс: французы, кичащиеся своим картезианским мышлением, которое предполагает оперирование ясными категориями, уже более полувека живут при гибридном режиме, не подпадающем под классические определения конституционного права. А ведь в первые годы существования Пятой республики многие серьезные политические аналитики и юристы предсказывали ей скорый конец.

«Все знают сегодня, что институты V-й Республики не переживут своего основателя, – заявил профессор конституционного права Морис Дюверже в книге «Шестая республика и президентский режим» (1961), – что не существует собственно говоря институтов V-й Республики, но только личное консульство, которое исчезнет в то же самое время, что и консул»³. Как только Де Голль сменит другой президент, не обладающий его харизмой и нацио-

³ *Duverger M.* La VIe République et le Régime présidentiel. Paris, 1961. P. 10.

нальной славой, неизбежен будет фактический возврат к Третьей и Четвертой республикам, характерной чертой которых была слабость исполнительной власти. И для того, чтобы избежать такой развязки, М. Дюверже призывал к конституционной реформе, которая позволила бы учредить во Франции Шестую республику, видевшуюся ему в виде президентского режима по американскому образцу.

Тем не менее, Пятая республика пережила своего основателя и не изжила себя до сих пор. Как это стало возможно? В ответе на данный вопрос – цель очерка.

Генезис Пятой республики

Первые шаги Пятой республики неразрывно связаны с именем ее основателя и национального героя Франции – генерала Шарля Де Голля. Конституция 1958 г., по известному выражению, была, как костюм, «скроена по мерке под Де Голля», что вполне объяснимо обстоятельствами его возвращения к власти весной того же года. Тогда все политические силы, от крайне правых («ультра») до социалистов, и общественное мнение Франции, стоявшей на пороге гражданской войны, взывали к нему как к единственному спасению. Тогда к ореолу своих прежних заслуг как руководителя движения Сопротивления в годы нацистской оккупации Франции, освободителя и главы Временного правительства генерал Де Голль прибавил еще одну, предотвратив распространение на метрополию алжирского путча. События 13 мая 1958 г. в Алжире, где французские вооруженные силы вели с 1954 г. ожесточенную колониальную войну, и неспособность политических лидеров Четвертой республики урегулировать кризисную ситуацию позволили Де Голлю вновь выступить в роли спасителя нации или ниспосланного Провидением человека (*l'homme providentiel*).

Сразу по окончании Второй мировой войны обширная колониальная империя, которой владела Франция, вступила в фазу своего разложения. Признание независимости Сирии и Ливана в 1945 г., Вьетнама, Лаоса и Камбоджи в 1954 г., Марокко и Туниса

в 1956 г. были вынужденными мерами, на которые лидеры Четвертой республики шли только после ожесточенных кровопролитий, как Индокитайская война, или в тупиковых ситуациях. Военный мятеж 13 мая в г. Алжире спровоцировали генералы и полковники французской армии, сторонники «французского Алжира», недовольные склонностью гражданских властей к переговорам и поискам компромиссов с повстанцами. Четыре алжирских департамента являлись в их глазах неотъемлемой частью Франции и должны были остаться ею и впредь. К тому же в метрополии с момента отставки радикала Феликса Гайяра (15 апреля) налицо был затяжной правительственный кризис. В течение почти месяца все кандидаты, выдвигаемые президентом Рене Коти на пост главы правительства, терпели неудачу в формировании кабинета, пока выбор не пал на Пьера Пфлимлена, представителя Народно-республиканского движения (МРП⁴). Кабинет Пфлимлена, сформированный 12 мая, Национальная ассамблея утвердила на следующий день, как раз в то самое время, когда в алжирской столице вспыхнул мятеж. Репутация нового председателя Совета министров как сторонника прекращения военных действий и завязывания переговоров с алжирским Фронтом национального освобождения (ФЛН⁵) послужила детонатором беспорядков.

Овладев зданием колониальной администрации, путчисты провозгласили образование Комитета общественного спасения во главе с генералом Массю и потребовали создания в Париже аналогичного правительства, способного сохранить Алжир в составе Республики. В то время как президент и председатель Совета министров пребывали в замешательстве из-за невозможности силовой расправы с мятежниками, на стороне которых была армия, голлисты не теряли времени. Внедрившись в алжирский Комитет, они склонили его лидеров к признанию необходимости воззвания к генералу. 15 мая командующий французской армией в

⁴ Mouvement républicain populaire (MRP) – французский эквивалент христианских демократов Германии и Италии.

⁵ Front de libération nationale (FLN).

Алжире генерал Рауль Салан закончил свое выступление с балкона генерал-губернаторства возгласом «Да здравствует Де Голль!». Многие воспринимали тогда Де Голля как единственного человека в силах которого было вернуть Франции веру в свою судьбу великой нации. Французская пресса разных политических ориентаций пестрела призывами к нему как к спасителю.

25 мая путчисты захватили Корсику, сделав ее своим плацдармом, и планируя парашютный десант в парижском регионе, после чего стала очевидна невозможность дальнейшего пребывания кабинета Пфлимлена у власти. Единственным выходом было пойти на уступки требованиям мятежников. В то время как Де Голль множил публичные выступления с критикой институтов Четвертой республики, Пфлимлен подал в отставку 28 мая. На следующий день президент Рене Коти принял Де Голля в Елисейском дворце, чтобы предложить ему сформировать правительство. «Самый знаменитый из французов»⁶ имел все основания для разговора с позиции силы, поставив условием предоставление его кабинету чрезвычайных полномочий и права пересмотра Конституции 1946 г.

Надо отметить, что уже на самых ранних стадиях существования Четвертой республики Де Голль объявил ей беспощадную войну. 20 января 1946 г. он неожиданно для всех подал в отставку с поста председателя Временного правительства, объяснив свой уход невозможностью работать в атмосфере постоянных конфликтов с представителями политических фракций. В Учредительном собрании, созванном в 1945 г. для разработки новой конституции, три четверти мест принадлежали коммунистам (ФКП)⁷, социалистам (СФИО)⁸, а также образованной в конце 1944 г. центристской МРП, где тон задавали голлисты. Фактически в стране возродилась многопартийная система и политическая практика

⁶ Так назвал Де Голля президент Рене Коти в выступлении перед Национальной ассамблеей 29 мая 1958 г.

⁷ Parti communiste français (PCF).

⁸ Section française de l'Internationale ouvrière (SFIO).

парламентаризма, в соответствии с которой глава государства вынужден считаться с мнением партий, и которая была абсолютно неприемлема для Де Голля. Парламентский режим, по его глубокому убеждению, дискредитировал себя неспособностью Третьей республики противостоять нацистской Германии и привел Францию к национальной катастрофе 1940 г. К тому же, авторитарный темперамент Де Голля не терпел возражений и требовал полного послушания. Он не мог примириться с претензиями депутатов на то, чтобы разработка конституции проходила без участия правительства, которое представители партий, в нем заседавших, позволяли себе критиковать, как в случае социалистов, потребовавших 20-типроцентного сокращения статьи военных расходов в проекте бюджета.

«В страну вновь вернулся монопольный режим партий, – заявил Де Голль, информируя министров о своем решении покинуть пост председателя Временного правительства. – Я не могу этого одобрить. Но я не могу этому и помешать, разве что силой, установив диктатуру, которая мне претит и которая ни к чему хорошему не приведет. Поэтому я должен уйти»⁹.

Первый проект конституции, одобренный Учредительным собранием 19 апреля 1946 г., отводил преобладающее влияние в жизни страны однопалатному парламенту, но не выдержал испытания референдумом 5 мая. Второе Учредительное собрание, созданное 2 июня 1946 г., по составу незначительно отличалось от первого, что пророчило вероятность сходства нового проекта с предыдущим. Действительно, хотя большинство мест в парламенте принадлежало на этот раз представителям МРП, коммунисты и социалисты, объединившись, могли провести любой текст. Стремясь предупредить появление нового проекта в духе «правления ассамблеи», Де Голль произнес 16 июня в нормандском городе Байё ставшую знаменитой речь, в которой изложил свои конституционные чаяния.

⁹ Де Голль Ш. Военные мемуары: Спасение 1944–1946 / Пер. с фр. И. В. Ионова, Д. Д. Литвинов, А. И. Щедров. М., 2004. С. 319.

«Сильное государство» – таков был лейтмотив выступления Де Голля. Франция нуждается в таком государственном устройстве, при котором существовало бы четкое разделение трех ветвей власти – исполнительной, законодательной и судебной при верховенстве главы государства – президента, на котором возлежит роль национального арбитра. От него зависит «обеспечить дух преемственности в условиях существования разношерстных по партийному составу правительств»¹⁰. Необходимость такой системы государственного устройства была продиктована, по мнению Де Голля, в большой мере особенностями национального темперамента французов. «Древняя галльская склонность к раздорам и спорам», проявляясь в партийном соперничестве и борьбе интересов, должна найти в президенте модератора. Наделенный широкими полномочиями, он должен блюсти высшие интересы нации, как в Республике, так и во Французском союзе, в который предполагалось трансформировать колониальную империю. Главе государства, стоящему над партиями, а не парламенту должно, по мысли Де Голля, принадлежать право формирования правительства.

«Именно Глава Государства должен путем подбора людей соединить общие интересы с доминирующим в Парламенте направлением. Именно ему должно принадлежать право назначать министров и прежде всего Премьер-министра, который руководит политикой и работой Правительства. <...> Он должен выполнять функции арбитра в случае политических разногласий либо обычным путем в ходе заседаний Совета министров, либо, в моменты серьезных конфликтов, призывая страну высказать свое суверенное мнение. А если над Родиной нависнет угроза, он должен выступить в роли гаранта ее национальной независимости и соблюдения заключенных Францией договоров»¹¹.

Довольный отрицательной реакцией французов на проект однопалатного парламента, Де Голль отстаивал необходимость

¹⁰ Там же. С. 732.

¹¹ Там же. С. 734.

образования двух палат с тем, чтобы первая палата, «чисто политическая по своей сути»¹², вынуждена была считаться с мнением второй, состоящей из представителей муниципальных и генеральных советов и, следовательно, более приближенной к конкретной ситуации на местах.

Речь в Байё легла в основу идеологии голлизма, которая сложилась в конце 1940-х – начале 1950-х гг. и имела главным стержнем идею «сильного государства» вкупе с идеями «национального величия» Франции и «ассоциации труда и капитала», но не всем она оказалась по душе. Несмотря на харизму Де Голля и убедительную силу его речи, коммунисты и социалисты увидели в его предложениях лишь претензию на «личную власть», по выражению Леона Блюма¹³. Все же, по настоянию голлистов из Народно-республиканского союза (МРП), коммунистическая и социалистическая фракции пошли на некоторые уступки. Был разработан компромиссный проект под руководством лидера МРП Поля Кост-Флоре, но он не удовлетворил Де Голля, который счел его столь же плохим, как и первый, и резко раскритиковал в ходе своего выступления в г. Эпиналь (департамент Вогезы) всего несколько часов спустя после его утверждения Учредительным собранием. В нем, по словам Де Голля, отсутствовали глава государства «как таковой» и правительство «как таковое». «Откровенно нет! – заявил экс-лидер «Свободной Франции». – Такой компромисс, как нам представляется, не обеспечивает достойной организации республиканских институтов»¹⁴.

Несмотря на призыв Де Голля голосовать «нет» на всенародном референдуме 13 октября, его результаты обеспечили победу сторонникам конституции, хотя и неубедительную: 35% голосов «за», 33% «против», 32% воздержались¹⁵. Конституция Четвертой республики вступила в силу 27 октября 1946 г., закрепив преобладающее

¹² Там же. С. 733.

¹³ *Lacouture J.* De Gaulle. 2. Le politique 1944–1959. Paris, 1985. P. 271.

¹⁴ Там же. P. 279–280.

¹⁵ См.: *Les constitutions de la France depuis 1789. Présentation par Jacques Godechot.* Edition corrigée et mise à jour par Hervé Faupin. Paris, 2006. P. 389–410.

влияние в государстве за двухпалатным парламентом, состоявшим из Национальной ассамблеи (Национального собрания) и Совета республики. Нижняя палата избиралась прямым всеобщим голосованием, а верхняя – представителями административно-территориальных образований. Как известно, при Третьей республике парламент состоял из Палаты депутатов и Сената, тогда как их совместные заседания в случаях выборов нового президента носили название Национальной ассамблеи. Окредитовав так нижнюю палату, авторы конституции 1946 г. стремились сделать явным ее превосходство над всеми остальными ветвями власти, в том числе и над Советом республики, ибо в случае разногласий, последнее слово оставалось за ней. Неудивительно, что режим Четвертой республики воспринимался как «правление ассамблеи».

Президент республики избирался совместно обеими палатами парламента на 7-летний срок и не обладал какой-либо политической значимостью. Все его акты подлежали согласованию с председателем Совета министров и кем-то из министров. Глава правительства утверждался на должность Национальной ассамблеей, президент республики мог лишь предложить его кандидатуру. Получив одобрение своей программы, председатель Совета формировал свой кабинет, состав которого также подлежал утверждению Национальной ассамблеей. На законодательной власти возлежала, таким образом, функция формирования исполнительной власти. Министры несли коллективную ответственность перед депутатами за политику кабинета в целом и индивидуальную ответственность за свои действия.

Некоторые положения конституции 1946 г. принимались с учетом недостатков парламентского режима Третьей республики и с явным намерением предотвратить министерскую чехарду, пик которой пришелся на межвоенный период (1919–1939). Так, Совет министров приобрел право распустить Национальную ассамблею, настроенную враждебно по отношению к проводимой им политике, за исключением первых 18-ти месяцев мандата, который в принципе длился пять лет. Тем не менее, закрепленные в основном

законе предосторожности оказались недостаточны для того, чтобы обеспечить министерскую стабильность. Конституционная практика подпитывалась застарелыми привычками, выработавшимися в период существования Третьей республики. Только однажды, в 1955 г., президент Четвертой республики Рене Коти подписал декрет о роспуске Национальной ассамблеи по настоянию председателя Совета министров, консервативного радикала Эдгара Фора, что, как выяснилось, было со стороны последней тактической ошибкой, ибо ему не удалось предотвратить формирования левоцентристского большинства в новоизбранной ассамблее.

При парламентской республике правительство формируется той партией, которая преобладает в парламенте, однако пропорциональная избирательная система¹⁶, действовавшая при Четвертой республике, имела следствием ситуацию, когда ни у одной из партий, представленных в Национальной ассамблее, не было абсолютного большинства. После отозвания коммунистов из правительства Поля Рамадьё в 1947 г. на смену трехпартийной коалиции (МРП, СФИО, ПКФ) пришла коалиция «третьей силы», объединявшая СФИО, ЮДСР¹⁷, радикалов, МРП и умеренных в целях поддержания режима против оппозиции коммунистов и голлистов. Парламентское большинство формировалось либо объединением радикалов и МРП, вызвав к жизни правительства, действовавшие с 1951 по 1956 гг., либо объединением радикалов, МРП и социалистов с добавлением правых (1947–1951, 1956–1958). Отсюда частые правительственные кризисы, порой достигавшие 30-ти дней, и переформирование кабинетов министров, которое

¹⁶ При пропорциональной избирательной системе депутатские мандаты распределяются между списками кандидатов от каждой партии пропорционально поданным голосам в случае, если они преодолели установленный процентный барьер. Достоинство пропорциональной системы в том, что каждая политическая партия получает возможность иметь своих представителей в парламенте пропорционально числу полученных на выборах голосов, но недостаток в том, что отсутствует ярко выраженное большинство и происходит частичная утрата связи депутатов с избирателями и территориями.

¹⁷ Union démocratique et socialiste de la Résistance (UDSR) – Демократический и социалистический союз Сопротивления.

часто сводилось к перераспределению министерских портфелей.

Франсуа Миттеран, неоднократно занимавший министерские и иные государственные посты Четвертой республики, очень метко прокомментировал впоследствии эту ситуацию: «По кабинету министров на каждую проблему, таково было правило Четвертой республики. Как только кабинет министров делал шаг вперед, он подал. Все его силы были мобилизованы на то, чтобы не двигаться с места, достаточно было щелчка, чтобы поколебать его»¹⁸. У некоторых наблюдателей, в частности у историка и социолога Андре Зигфрида, правительственная нестабильность Четвертой республики вызывала ассоциации с морской стихией: «Думается о паруснике, капитан которого поминутно меняет паруса, чтобы приспособить судно к изменениям в направлении ветра и даже к “малейшему дуновению, которое невзначай...”»¹⁹.

В итоге за 12 лет существования Четвертой республики сменилось 25 «призрачных правительств»: 16 за период президентства социалиста Венсана Ориоля (1947 – 1954) и 9 – за период президентства представителя правых Рене Коти (1954 – 1959), в среднем, по два в год²⁰! Четвертой республике не удалось избежать повторения довоенных сценариев своей предшественницы. Многими чертами она напоминала также режим, установленный в Германии Веймарской конституцией. Срок жизни некоторых правительств не превысил одного или двух дней, как в случае кабинетов во главе с радикалом Анри Кёй²¹ и социалистом Кристианом Пино²² не получивших инвеституры Национальной ассамблеи. Первый кабинет Эдгара Форы продержался лишь 40 дней²³, вынужденный 20 раз ставить вопрос о доверии вследствие оппозиции умеренных и социалистов его экономической политике. Социалист

¹⁸ *Mitterrand F.* Le coup d'Etat permanent. Paris, 2010 (1ère édition 1964). P. 38.

¹⁹ Цит по: *Dupeux G.* La France de 1945 à 1965. Paris, 1972. P. 200.

²⁰ См.: Там же. P. 227–230.

²¹ Правительство Анри Кёй (2–4 июля 1950 г.).

²² Правительство Кристиана Пино (17–18 февраля 1955 г.).

²³ Первое правительство Эдгара Форы (20 января – 28 февраля 1952 г.).

Ги Молле задержался в Матиньонском дворце дольше других, – полтора года с 1 февраля 1956 г. по 21 мая 1957 г. Министерская неустойчивость и слабость исполнительной власти, дававшие обильную пищу карикатуристам, были столь велики, что президент Венсан Ориоль отказался выдвигать свою кандидатуру на второй срок в Елисейский дворец. Слишком изнурительной представлялась необходимость каждый раз подстраиваться под новое правительство, сформированное новым парламентским большинством. «Президент осиновый чурбан» (*«président soliveau»*) – такое обидное прозвище, заимствованное из басни Лафонтена «Лягушки, просящие царя», закрепилось за декоративной должностью главы государства Четвертой республики.

Как отмечалось выше, Четвертая республика уже на момент своего конституционного оформления являлась в глазах Де Голля «слабым режимом», последующее ее развитие лишь подтвердило самые пессимистичные прогнозы генерала. Де Голль воспринимал «режим партий» как позор для Франции, так что самая мысль сотрудничества с ним казалась ему невыносимой. Подав в отставку, он рассчитывал в скором времени вновь быть призванным к власти. Так, во всяком случае, выходило из его бесед с писателем Франсуа Мориаком, посетившим генерала месяц спустя после его ухода с авансены политической жизни: «По его мнению, события грядущих дней будут развиваться по одному из трех сценариев: «Либо режим партий продолжится в ныне существующем сумбуре и заурядности; либо коммунисты возьмут власть – и тогда можно не сомневаться в иностранной интервенции, поскольку американцы и англичане ни за что не примирятся с русским влиянием во Франции; либо мое возвращение...»²⁴. В этом последнем случае Де Голль рассчитывал вернуться к властным полномочиям не иначе как на своих условиях: полная капитуляция партий и установление сильной центральной власти.

Удалившись сначала в Марли – охотничий павильон Людовика XIV в окрестностях Версаля, затем – в родовое имение Буассери

²⁴ *Lacouture J. De Gaulle. 2. Le politique. P. 256.*

в Коломбэ-ле-Дёз-Эглиз на просторы Шампани, Де Голль тайно надеялся на скорый крах «правления ассамблеи»... Но, видя, что события развиваются по первому сценарию, и тяготясь бездействием, решил ускорить падение ненавистного режима. 7 апреля 1947 г. в Страсбурге он выступил с речью, в которой объявил создание Объединения французского народа (РПФ²⁵). Де Голль никогда не мыслил себя представителем какой-либо отдельно взятой политической партии, стремясь воплощать в своей особе всю Францию, и Объединение задумывалось им как стоящее вне парламентских маневров и интриг или скорее над ними, его деятелям позволялось членство в партиях. Целью РПФ провозглашалась глубинная ревизия государственных институтов, «борьба за реформу конституции в духе предложений, высказанных в Байё»²⁶. По замыслу генерала, Объединение должно было воплощать собой «новое сопротивление», отсюда Лотарингский крест в качестве эмблемы. В РПФ вошли близкие соратники генерала Жак Шабан-Дельмас, Мишель Дебре, Жак Сустель и др., но были и такие, кто, как Пьер Мендес-Франс, осудили использование священных символов «Сражающейся Франции» применительно к дебатам по внутриполитическим вопросам²⁷.

После триумфальных результатов муниципальных выборов октября 1947 г. и относительного успеха парламентских выборов 1951 г., муниципальные выборы 1953 г. оказались для РПФ провалом – 10,6% голосов избирателей. К тому же внутри РПФ наметился раскол, который имел причиной недовольство некоторых депутатов-голлистов строгими установками генерала, не мыслившего Объединение иначе как в оппозиции к существующему режиму. Для Де Голля, который обличал политиков, стоявших у власти, в предательстве интересов своей страны, не могло быть и речи о каких-либо соглашениях с политической системой Четвертой республики. Поэтому после того как пять

²⁵ Rassemblement du Peuple Français (RPF).

²⁶ Цит. по: Арзаканян М. Великий Де Голль. «Франция – это я!». М., 2012. С. 227.

²⁷ См. *Lacouture J. De Gaulle. 2. Le politique.* P. 303.

депутатов-голлистов вошли в правительство Жозефа Ланьеля в июне 1953 г., стало ясно, что надежды, возлагавшиеся Де Голлем на РПФ, не оправдали себя. В сентябре 1955 г. голлистское объединение официально прекратило свое существование.

Для генерала и его сподвижников начался тяжелый период политического бездействия, названный «переходом через пустыню» (*«la traversée du désert»*). Тем не менее, пока «отшельник Коломбэ» занимался написанием «Военных мемуаров», проекты обновления существующих институтов прорастали из недр государственной власти и обсуждались в парламентских кругах. Конституционная реформа от 7 декабря 1954 г., осуществленная по инициативе правительства П. Мендес-Франса, хотя и казалась незначительной, тем не менее, отражала дух тех требований, которые раздавались в политических кругах и имели в виду ограничение прав парламента. Ушла в прошлое двойная инвеститура, при которой Национальная ассамблея сначала утверждала в своих полномочиях председателя Совета министров, а затем сформированный им кабинет. Отныне голосование проводилось один раз по вопросу о кабинете министров в целом. Ситуация, при которой Совет республики мог лишь однажды выразить свое несогласие с текстом законопроекта, вотированным Национальной ассамблеей, если эта последняя принимала его во втором чтении – он становился законом, также претерпела изменения. Отныне в случае несогласия сенаторов законопроект, одобренный нижней палатой, подлежал пересмотру и вторичному утверждению верхней палатой в рамках ста дней с момента принятия текста во втором чтении Национальной ассамблеей, по истечении которых эта последняя принимала решение суверенно. По сути это означало возврат к практике, существовавшей при Третьей республике с той разницей, что тогда сенаторы могли вносить свои поправки бесконечно долго, парализуя тем самым волю депутатов²⁸.

²⁸ Так случилось, например, в 1936 г., когда консервативный Сенат заблокировал проект Блюма-Виолетта, предлагавший даровать французскую национальность части алжирцев, а также проекты предоставления независимости подмандатным территориям Сирии и Ливана и права голоса женщинам.

После 1954 г. в рамках движения за обновление, получившего название «мендесизм» (*mendésisme*), звучали предложения и более весомых изменений, среди которых автоматический роспуск парламента в случае падения кабинета министров, выборы председателя Совета министров всеобщим голосованием и т.д. Все эти предложения имели целью укрепление исполнительной власти, но крайне неустойчивые коалиционные правительства неспособны были провести их. Аппетиты реновации столь сильно давали о себе знать, что, как иронизировал Франсуа Миттеран, «правительство месье Пфлимлена, не озабочиваясь расправой с мятежниками, посвятило четырнадцать дней своей ухабистой эпопеи переписыванию текстов»²⁹. 27 мая, накануне отставки кабинета Пфлимлена, Национальная ассамблея приняла подавляющим большинством голосов (408 «за» 165 «против»)³⁰ проект пересмотра положений конституции.

Очевидно, что возвращение Де Голля к власти совпало с тем моментом, когда реформаторские настроения взяли верх, он лишь умело воспользовался благоприятными обстоятельствами. Выше упоминалось, что встретившись с президентом Рене Коти вечером 29 мая, Де Голль поставил разработку новой конституции непременным условием формирования своего правительства. В тот же день, несколькими часами ранее, выступая перед депутатами Национальной ассамблеи, Рене Коти пригрозил своей отставкой в случае нежелания депутатов облачить генерала доверием. 1 июня 1958 г., выслушав обращение Де Голля, Национальная ассамблея большинством голосов (329 «за» 224 «против») выразила доверие сформированному им правительству. Парламентская фракция социалистов, возглавляемая генеральным секретарем СФИО Ги Молле, имела большое значение в положительном исходе голосования, тогда как некоторые видные политические величины, как лидер левых радикалов Пьер Мендес-Франс и член ЮДСР Франсуа

²⁹ *Mitterrand F.* Le Coup d'Etat permanent. P. 35.

³⁰ См.: *Chevallier J.-J.* Histoire des institutions et des régimes politiques de la France de 1789 à 1958. Paris, 2001. P. 721.

Миттеран, проголосовали «против», обвинив генерала в заговоре с алжирскими мятежниками для достижения собственных политических целей.

Правительство, сформированное Де Голлем, включало все крупные политические силы Национальной ассамблеи (представитель МРП Пьер Пфлимлен и социалист Ги Молле, в частности, получили портфели государственных министров) и лишь трех голлистов (Мишель Дебре – министр юстиции, Андре Мальро – министр информации, Эдмон Мишле – министр ветеранов войны), но, как отмечает французский исследователь Серж Берстайн: «Подлинная сущность правительства была в другом. И прежде всего в назначении на государственные посты первого плана не политических деятелей, а технократов, в обязанности которых входило обеспечить реализацию программной линии, намеченной главой правительства»³¹.

2 июня 1958 г. Национальная ассамблея предоставила Де Голлю специальные полномочия для урегулирования алжирского кризиса (двумя годами ранее кабинет Ги Молле получил такие же): новое правительство заручилось невмешательством парламента в его распоряжения на срок в шесть месяцев. 3 июня парламент, после некоторых колебаний, вотировал конституционный закон, который позволил правительству спешно приступить к разработке проекта новой конституции. Так Четвертая республика после длительной агонии сошла в могилу.

Де Голль стал ее могильщиком, ловко повернув себе на пользу кризисную ситуацию, созданную мятежом 13 мая. Свидетельства современников разнятся насчет решимости Де Голля вернуться к власти в багаже военных парашютистов, по приказу мятежного генералитета готовивших десантную операцию над Парижем³², но факт остается фактом, угрозы военного переворота оказалось достаточно. Обстоятельства сложились так, что рождение Пятой

³¹ *Berstein S.* La France de l'expansion. 1. La République gaullienne (1958–1969). Paris, 1989. P. 13–14.

³² См.: *Lacouture J.* De Gaulle. 2. Le politique. P. 483–484.

республики было обставлено всеми предусмотренными законом процедурами.

Предоставив правительству Де Голля полномочия для ревизии основного закона, Национальная ассамблея отступила от положений статьи 90 конституции 1946 г., которая возлагала эту задачу на парламентариев. Однако в обмен на свою уступчивость депутаты сформулировали пять основополагающих принципов, обязав тем самым разработчиков новой конституции руководствоваться ими в своей работе: всеобщее избирательное право; четкое разделение полномочий законодательной и исполнительной властей; ответственность правительства перед парламентом; независимость судебной власти; определение характера будущих отношений Республики с ассоциированными народами. Предполагалось, что Консультативный комитет, составленный, в том числе, и из парламентариев, примет участие в разработке проекта, который после одобрения Государственным советом и Советом министров будет передан на референдум³³.

В беспокойной атмосфере, вызванной накалом страстей в Алжире, Де Голль не намеревался растягивать работу над текстом конституции на многие месяцы. Остро ощущалась потребность в как можно более быстром обеспечении исполнительной власти всеми необходимыми рычагами действенного управления. Начавшись 19 июня, работа по подготовке предварительного проекта осуществлялась под личным контролем генерала и была выполнена в рекордно короткие сроки – за один месяц. Понадобилось еще два месяца на обсуждение проекта и его принятие Советом министров 3 сентября. В целом, разработка конституции заняла три месяца! Впрочем, это не слишком удивительно, если принять во внимание, что основные конституционные принципы были намечены 12-ю годами ранее – в Байё. Де Голль твердо намеревался воплотить их в жизнь: «Текст, который будет выработан, в сущности, будет по образу и подобию так называемой “Конституции Байё”, потому что там, 16 июня 1946 г., я наметил государственное устройство, в

³³ См.: Les constitutions de la France depuis 1789. P. 433–434.

котором нуждается Франция»³⁴.

Главным редактором конституции по праву считается министр юстиции и знаток конституционного права Мишель Дебре, закрепивший в ее статьях основные положения речи в Байё. Тем не менее, работа над текстом велась коллективом, и первые наброски были выполнены так называемой группой экспертов, состоявшей по преимуществу из государственных советников и юристов и собиравшейся на заседания в министерстве юстиции на Вандомской площади. Подготовленные ею тексты статей передавались на рассмотрение второй рабочей группе, которая собиралась в Матиньонском дворце, официальной резиденции главы правительства, и в состав которой входили четыре государственных министра (Ги Молле, Пьер Пфлимлен, Феликс Уфуэ-Буаньи, Луи Жакино), а также некоторые другие высокопоставленные чиновники. Тогда как эксперты, в большинстве своем молодые и склонные к экспериментам, тяготели к закреплению главенствующей роли в государстве за исполнительной властью, матиньонская группа выступала за сохранение парламентского режима, находя в этом поддержку Мишеля Дебре и Шарля Де Голля.

Верный соратник генерала, сенатор Четвертой республики, Мишель Дебре зарекомендовал себя как поклонник британских политических традиций, выступал за «рационализированный» парламентаризм, то есть стремящийся к обеспечению правительственной стабильности, и был вполне согласен в этом с господствующими настроениями в политических кругах Франции. Конституционный опыт прошлого диктовал парламентские предпочтения французских политиков. Президентский режим, классическим образцом которого являются США, воспринимался как опасный с тех пор, как Вторая республика познала бесславный конец.

Действительно, президентский режим схожий с американским, хотя и не являвший собой его кальку, существовал во Франции

³⁴ *De Gaulle Ch. Mémoires d'espoir. T. 1. Le renouveau 1958–1962. Paris, 1970. P. 34.*

лишь однажды – при Второй республике, но дискредитировал себя государственным переворотом 2 декабря 1851 г. и провозглашением Луи-Наполеона Бонапарта императором ровно год спустя. Полное разделение исполнительной и законодательной властей – неременная характеристика президентского режима (парламент не может вынести вотум недоверия правительству, президент не может распустить парламент), но в этом и его слабость. По конституции от 4 ноября 1848 г. законодательная власть вручалась однопалатному парламенту, избираемому всеобщим мужским голосованием на три года, исполнительная власть – президенту республики, избираемому на четыре года также всенародной подачей голосов. Президент республики обладал правом назначать и отзывать министров, но не мог распустить парламент, с которым Луи-Наполеон, избранный президентом 10 декабря, в скором времени вступил в конфронтацию по вопросам социальной политики и избирательного закона. Ситуация осложнялась тем, что в отличие от США, где президент может пробить в должности два срока подряд, Луи-Наполеон не имел возможности вторично выставить свою кандидатуру (по конституции 1848 г. между первым и вторым сроками должно пройти не менее четырех лет). Попытка провести через Законодательное собрание поправку к конституции с целью продления президентских полномочий окончилась неудачей. При отсутствии юридического механизма разрешения спорных ситуаций у Луи-Наполеона не было другого выхода, как прибегнуть к силе и разогнать ретивый парламент, что он и сделал в ходе государственного переворота 1851 г., результаты которого закрепил плебисцит. Конституция от 14 января 1852 г., увеличив срок президентских полномочий до 10-ти лет, открыла дверь авторитарному правлению принца-президента и подготовила почву для восстановления империи. Опыт президентского правления оставил по себе во Франции очень негативные воспоминания. Во-первых, президентский режим не оправдал себя, просуществовав слишком короткое время, во-вторых, в политических кругах и в обществе в целом появилось предубеждение против избрания президента

всеобщим голосованием, ведь все свелось, в конечном счете, к государственному перевороту.

Предубеждение против избрания президента всеобщим голосованием давало о себе знать и в XX в., в частности, в предпочтении слова “референдум” “плебисциту”. Хотя и абсолютный синоним первому в смысле народного волеизъявления, слово “плебисцит” приобрело отрицательную коннотацию, отсылая к империям и диктатурам всякого рода и подразумевая полицейское давление на народную волю.

Итак, президентский режим, опыт которого оказался неудачен для Франции, шел вразрез с французскими политическими традициями, сложившимися за время существования Третьей республики, и это прекрасно понимал Де Голль. Нет свидетельств тому, что в 1958 г. Де Голль помышлял уже об усилении роли президента путем избрания его всеобщим голосованием. Среди тезисов Байё об этом нет речи, говорилось только о необходимости избрания главы государства более широким составом коллегии, нежели только парламент. Тем не менее, социалист Леон Блюм, к примеру, писал в 1946 г., что возросшая роль президента, на которой настаивал Де Голль, могла открыть в будущем лишь две перспективы: американская система, где президент одновременно глава государства и правительства, или Вторая республика, которая, как известно, закончилась подавлением демократии³⁵. И в 1958 г. некоторые политические обозреватели подозревали Де Голля в диктаторских намерениях. Известна гневная отповедь генерала на пресс-конференции 19 мая в ответ на выраженное одним из присутствующих опасение о риске, которому подвергаются общественные свободы в случае наделения его исключительными полномочиями: «Поступил ли я так когда-нибудь? Свободы, напротив, я их восстановил, когда они исчезли. Думает ли кто-нибудь, что в 67 лет я начну карьеру диктатора?»³⁶. В Бурбонском

³⁵ *Lacouture J.* De Gaulle. 2. Le politique. P. 271.

³⁶ *Ibid.* P. 472.

дворце³⁷ в ходе обсуждения инвеституры Де Голля против него звучали публичные обвинения в причастности к военному заговору с целью захвата власти³⁸, алжирский мятеж 13 мая уподоблялся 18 брюмеру и 2 декабря. Сам Де Голль, отвергая наветы, предпочитал апеллировать к политическому опыту Третьей республики.

Урок 1848 г. был хорошо усвоен республиканцами, ибо в соответствии с конституционными законами 1875 г. президент Франции избирался обеими палатами парламента, и все же глава государства располагал широкими полномочиями. Президент республики, избираемый на семь лет, мог выставить свою кандидатуру для переизбрания и наделялся правом роспуска Палаты депутатов в случае согласия Сената на этот шаг. При наличии сильного президента, неподотчетного парламенту, министры несли ответственность перед палатами, зато в тексте конституционных законов отсутствовало упоминание о главе правительства. В общем и целом, широкие права, которыми наделялся президент Третьей республики, многие республиканцы восприняли как чрезмерные. Луи Блан, в частности, дал им такую оценку: «У нас есть король, не обладающий правом передачи трона по наследству!»³⁹. Еще бы! Ведь подразумевалось, что президент призван послужить в недалеком будущем делу возрождения конституционной монархии.

Тем не менее, вопреки надеждам роялистов, республика консолидировалась, свидетельством чему стали парламентские выборы 1876 г., по результатам которых республиканцы получили большинство мест в Палате депутатов, тогда как в Сенате роялисты имели незначительное преобладание. Отправив 16 мая 1877 г. в отставку республиканское правительство Жюль Симона, президент Мак-Магон пошел на роспуск Палаты депутатов, надеясь, что новые выборы обеспечат консерваторам победу, но просчитался. Новая палата имела еще большее преобладание республиканцев

³⁷ Бурбонский дворец (Palais Bourbon) – место заседаний Национальной ассамблеи Франции в Париже.

³⁸ Ibid. P. 494–496.

³⁹ Цит. по: Les constitutions de la France depuis 1789. P. 327.

над монархистами, чем прежняя. Мак-Магону оставалось либо подчиниться обстоятельствам, либо подать в отставку в соответствии с популярным тогда выражением лидера республиканцев Леона Гамбетты⁴⁰. Подчинившись сначала, Мак-Магон подал в отставку в 1879 г. Однако «государственный переворот 16 мая» был воспринят левыми силами как опасный прецедент. Он отвратил республиканцев на будущее от соблюдения буквы конституционных законов в том, что касалось широких полномочий президента. В итоге, майский кризис 1877 г. привел к складыванию конституционной практики, лишившей президента Третьей республики политического влияния в обмен на усиление роли парламента.

Неоднократно предпринятые в 1920–1930-е гг. попытки вернуть реальную значимость главе государства успеха не имели. В речи, с которой выступил в Эврё президент Третьей республики Александр Миллеран (октябрь 1923 г.), говорилось о необходимости достичь большего равновесия властей, законодательной и исполнительной, и содержалось предложение о расширении избирательного корпуса президента. Вынужденный подать в отставку в 1924 г., он попытался популяризировать свои институционные предложения путем создания Национальной республиканской лиги, но тщетно. Еще один несостоявшийся реформатор среди государственных деятелей Третьей республики – Андре Тардьё, трижды возглавлявший правительства в 1929–1932 гг. Начатая им в 1933 г. кампания в пользу ревизии государственных институтов и восстановления практики роспуска парламента имела одним из лозунгов: «Парламентский режим противоречит интересам Франции». Призывая к сокращению количества партий, Тардьё предложил именовать главу правительства премьер-министром, значительно расширив его полномочия. Кабинет Думерга с участием Тардьё, созданный после неудачной попытки фашистского путча в 1934 г., имел целью институционную реформу, но не продержался и года ввиду сильной оппозиции радикалов. На этом

⁴⁰ Фраза Леона Гамбетты звучала так: «Il faudra qu'il se soumette ou qu'il se démette» («Ему придется подчиниться или подать в отставку»).

закончилась политическая карьера Тардьё, которого Блюм обвинил в необуланжизме.

Подобные нападки сыпались и на Де Голля и, как правило, от лидеров левых сил и левого центра. Правые выступали чаще всего за реформирование государственных институтов с целью придания большего авторитета исполнительной власти. Такая ситуация наблюдалась при Третьей республике и при Четвертой тоже. Миллеран и Тардьё на момент своих институциональных инициатив принадлежали к правым политическим кругам. Проведение конституционной реформы 1954 г. стало возможным в тот момент, когда многие государственные деятели Третьей республики правого толка, отстраненные от должностных полномочий после Освобождения, вернулись на авансцену политической жизни. Последующие требования углубления реформы государственных институтов со стороны правых сил и правого центра имели целью возврат к букве конституционных законов 1875 г. Конституция Пятой республики и стала тем текстом, который более всего к ней приблизился.

29 июля предварительный проект конституции, так называемая «красная тетрадь», поступил на обсуждение Консультативному комитету, который заседал в Пале-Руаяле и состоял из депутатов Национальной ассамблеи, Совета республики и 13-ти членов, назначенных правительством. Посетив Пале-Руаяль 8 августа, Де Голль ответил на вопросы парламентариев и юристов, изложив свою точку зрения по статьям, вызвавшим полемику, и в некоторых случаях взяв на заметку высказанные пожелания и дополнения. Консультативный комитет, заседания которого продолжились до 14 августа, «в целом, достаточно модифицировал проект, чтобы не быть обвиненным в чрезмерной снисходительности к правительству и недостаточно, чтобы исказить его сущность, – так оценил его работу голлист Леон Ноэль. – В конечном итоге это успех для генерала Де Голля»⁴¹. 4 сентября, на следующий день после одобрения проекта конституции в Совете министров, он появился

⁴¹ Noël L. La Traversée du désert. Paris, 1973. P. 254.

в печати. Оставался последний этап – всенародный референдум, намеченный на 28 сентября.

4 сентября на площади Республики вокруг республиканского символа Франции – бронзовой Марианны – прошел грандиозный митинг, на котором Де Голль представил народу свой проект конституции. И место и дата, очередная годовщина падения Второй империи, свидетельствовали о решимости Де Голля поставить новый режим под покровительство Республики и демократии. Взойдя на трибуну, он воздел руки к небу в виде победного «V», символизовавшего Пятую республику, и изложил кратко и емко основные положения конституции, призвав французов сказать «да» на референдуме. Одобрительный порыв большинства был ему ответом, но не все собравшиеся разделяли энтузиазм толпы. Плакаты с надписями «нет» и столкновения с полицейскими из CRS⁴², охранявшими порядок, были в унисон с резким неприятием новой конституции и «режима 13 мая» со стороны некоторых политических лидеров, как Пьер Мендес-Франс, Франсуа Миттеран, и Коммунистической партии. Тем не менее, мобилизация партий и движений (социальные республиканцы, МРП, независимые⁴³, консервативные радикалы, большая часть СФИО), и политических фигур вроде Рене Плевена⁴⁴ в пользу «да» собрала несравненно больше сторонников.

Результаты референдума оправдали надежды Де Голля, 28 сентября 1958 г. стало днем рождения Пятой республики. По официальным данным, 79,26% от принявших участие в голосовании французов (при явке в 85%) сказали «да» новой конституции и соответственно новому политическому режиму, придав ему печать всенародной легитимности. Конституция Пятой республики вступила в силу 4 октября и на следующий день появилась в «Journal

⁴² Compagnies républicaines de sécurité (CRS) – Республиканские отряды безопасности.

⁴³ Centre national des indépendants et paysans (CNIP) – Национальный центр независимых и крестьян (СНИП).

⁴⁴ Рене Плевен – участник Сопротивления, с 1951 по 1952 гг. дважды возглавлял правительства Четвертой республики.

officiel». Было очевидно, что новый конституционный текст – плод компромисса его разработчиков: генерала Де Голля, рабочей группы Матиньонского дворца, экспертной группы с Вандомской площади и Консультативного комитета Пале-Руаяля. В некотором смысле, новая конституция напоминала конституционные законы Третьей республики, ибо предоставила широкие полномочия президенту и существенно ограничила роль парламента. Глава государства перестал быть ставленником депутатов вследствие существенного расширения коллегии, осуществлявшей его избрание и состоявшей из 80 тыс. избирателей всех уровней: парламентарии оказались растворены в массе генеральных советников, представителей ассамблей заморских территорий, мэров, помощников мэров, делегатов муниципальных советов. При этом режим сохранил свои парламентские характеристики. Декларировалась ответственность правительства перед Национальной ассамблеей, которая избиралась всеобщим голосованием и вследствие этого неизбежно обладала большей легитимностью по сравнению с президентской властью.

Статья XV конституции предусматривала меры переходного времени, а также срок в четыре месяца для учреждения новых институтов власти Республики, шесть месяцев – для институтов Сообщества – федерации, которая пришла на смену Французскому Союзу и в которую вошли Франция, заморские департаменты и территории, а также десять африканских государств и Мадагаскар. В преддверии парламентских выборов, намеченных на 23 и 30 ноября, была образована федерация голлистских партий – Союз за Новую Республику (ЮНР⁴⁵). Выборы в парламент по мажоритарной системе⁴⁶, в соответствии с новым избирательным законом,

⁴⁵ L'Union pour la Nouvelle République (UNR).

⁴⁶ Выступив в пользу замены действовавшей при Четвертой республике пропорциональной системы мажоритарной, Де Голль уповал, что она положит конец «тирании партий» на выборах. При мажоритарной системе избираемые по одномандатным округам кандидаты более независимы от политических партий, получая мандат непосредственно от избирателей, – в этом ее достоинство, однако представительство некоторых партий в парламенте получается выше, чем действительный процент отданных за них голосов избирателей.

явили собой новый триумф голлизма вследствие безусловной победы на них ЮНР, которая провела 198 депутатов, и «независимых», представленных 133-мя депутатами, из 482-х. На этом фоне учреждение новых институтов власти прошло быстро и болезненно. Избранный президентом 21 декабря, Де Голль вступил официально в должность 8 января 1959 г. (за него проголосовало 78,5% избирательного корпуса). Главой правительства, по новой терминологии – премьер-министром⁴⁷ (заимствование из британского политического лексикона) – стал Мишель Дебре. 26 апреля состоялись выборы в верхнюю палату, которая стала называться Сенатом, как при Третьей республике, после чего все институты предусмотренные конституцией 1958 г. оказались на месте.

Тем не менее, окончательное складывание режима Пятой республики произошло в 1962 г. после введения всеобщих президентских выборов.

Буква и практика: парламентаризм и президентское правление

Призванный к власти поборниками «французского Алжира», генерал Де Голль не оправдал возложенные на него надежды. Его политические решения в этом вопросе носили сугубо прагматический характер, от уступки к уступке, не упуская из виду главную цель – окончание войны, и привели, в конечном счете, к признанию независимости Алжира. Сместив мятежных генералов и полковников и восстановив авторитет французского государства, Де Голль признал 16 сентября 1959 г. право Алжира на самоопределение, чем вызвал возмущение сторонников силового

⁴⁷ Выражение «председатель Совета министров» оказалось в явном противоречии с заложенным в нем смыслом, ибо на заседаниях Совета министров председательствует президент республики. Истоки такого наименования главы правительства следует искать в пору Третьей республики. После неудачи Патриса Мак-Магона в деле монархической реставрации в 1877 г. (кризис 16 мая), заседания республиканского правительства стали проходить зачастую в отсутствие президента республики. И хотя в пору Четвертой республики такой практики более не наблюдалось, главу правительства по привычке именовали, как и прежде, председателем Совета министров.

решения вопроса. Январская «неделя баррикад», в ходе которой активисты интеграции попытались совершить «13 мая против Де Голля», устроив мятеж в алжирской столице, потерпела поражение вследствие отсутствия массовой поддержки со стороны военных. Однако желание поборников «французского Алжира» сместить Де Голля, не оправдавшего их доверия, лишь возросло после того, как в ходе радиотелевизионного обращения 4 ноября 1960 г. генерал признал возможность создания независимой Алжирской республики и вынес этот вопрос на референдум 8 января. Результат превзошел ожидания: поворот французской политики в пользу «алжирского Алжира» поддержали 75% граждан. Недовольные колонисты и часть офицеров французской армии, не желая сдавать свои позиции, сформировали Секретную военную организацию (ОАС⁴⁸), чинившую террор и насилия, тогда как генералы в отставке организовали путч в алжирской столице, хотя и безуспешно. В конечном счете, начатые в мае 1961 г. переговоры о мире с временным правительством Алжирской республики привели к подписанию Эвианских соглашений 18 марта 1962 г. о прекращении огня и самоопределении Алжира путем референдума. 8 апреля Эвианские соглашения получили массовое одобрение французов, что ознаменовало собой выход Франции из 8-летнего кровавого конфликта.

Однако в самом Алжире до замирения было еще далеко, так как ОАС продолжала политику террора, как против мусульманских сепаратистов, так и против французов, одобрявших алжирскую политику Де Голля, «охотясь» за ними и на французской территории. Накал страстей в Алжире вызвал бегство во Францию сотен тысяч алжирских европейцев («черноногих»). Французские «ультра» испытывали бессильное раздражение. После триумфальных результатов алжирского референдума Де Голль признал независимость Алжира 3 июля 1962 г.

Безусловно, выход из Алжирской войны символизировал собой победу нового режима. Генерал Де Голль подтвердил свою репу-

⁴⁸ Organisation de l'armée secrète (OAS).

тацию единственного политика способного на такой исход. Он обладал достаточно большим авторитетом для того, чтобы убедить значительную часть французов, изначально настроенных на сохранение Алжира, и в особенности армию, проглотить пилюлю его отделения. И хотя гражданский конфликт, свирепствовавший в Алжире между сторонниками и противниками независимости, давал о себе знать и на территории Франции в уличных манифестациях и в противоправных действиях ОАС, в том числе и в покушениях на самого президента, Пятая республика выдержала свое первое испытание на прочность.

Тем не менее, из Алжирской войны новый режим вышел не совсем тем, каким задумывался по конституции 1958 г. Чрезвычайная ситуация в Алжире требовала быстрого реагирования, которое выражалось в наделении президента специальными полномочиями, что не могло не сказаться на равновесии властей. В феврале 1960 г. после «недели баррикад» правительство вновь, как и двумя годами ранее, получило возможность осуществлять законодательную деятельность посредством ордонансов. В апреле 1961 г. в ситуации путча генералов Де Голль прибег к ст. 16 конституции, наделявшей его исключительными правами для урегулирования кризиса, так что возврат к конституционному правлению осуществился не ранее 30 сентября того же года.

Окончание Алжирской войны побудило Де Голля провести важнейшую конституционную реформу, которая состояла в изменении способа избрания президента республики. Широкая коллегия выборщиков по подобию той, что избирала сенаторов, должна была уступить место всеобщему голосованию. Противник «режима партий», Де Голль желал, таким образом, избавиться от их контроля. Он всегда тяготел к прямому диалогу с народом, предпочитая прямую демократию парламентской, но действительная цель реформы состояла в том, чтобы юридически оформить возросшую значимость президентской власти в государственных институтах Пятой республики.

22 августа 1962 г., спустя почти год после покушения на Де

Голля в Пон-сюр-Сен, прицельный огонь, открытый боевиками ОАС по президентскому кортежу в деревушке Пети-Кламар, изрешетил автомобиль генерала пулями, тогда как он сам и его близкие чудом избежали смерти. Покушение ускорило проведение задуманной реформы. Возмущение и взрыв эмоций по всей стране подходили как нельзя более для радикальных преобразований такого плана, ведь конечная их цель заключалась в том, чтобы сделать из президента республики «краеугольный камень» институтов. «Глава государства и лидер Франции» – вот кем должен ощущать себя президент. Себя Де Голль считал наделенным с 1940 г. безусловной исторической легитимностью, но вовсе не факт, что его преемники на посту государства будут обладать ею. Президент, которому вверена защита высших интересов нации, должен обладать всей полнотой народного доверия, выраженного прямо и непосредственно, только так можно избавиться от демонов разногласий, чреватых возвратом к хроническим кризисам предыдущего режима. «Это доверие, которым я был имплицитно облечен в 1958 г. по причине исторического и исключительного свойства, отныне Президент будет наделяться им посредством всеобщего голосования»⁴⁹.

В таких выражениях Де Голль объяснил французам свое решение в радио и телеобращении к ним 20 сентября и 4 октября. Вопрос оказался вынесен на всеобщий референдум 28 октября. В итоге «да» одержали убедительную победу над «нет» (61,75% против 38,25%), при том, что явка составила почти 77% от внесенных в списки граждан. 6 ноября 1962 г. закон об избрании президента всенародным голосованием вступил в силу.

Изменение порядка избрания президента может считаться вторичным основанием Пятой республики. Тем самым президентская должность приобрела больший вес, большую легитимность, а конституция Пятой республики – гибридный, иначе говоря, двойственный характер. Режим остался парламентским, в согласии с дорогой М. Дебре концепцией «рационализованного» парла-

⁴⁹ *De Gaulle Ch. Mémoires d'espoir. T. 2. L'Effort 1962 –... Paris, 1971. P. 54.*

ментаризма, но при наличии сильной президентской власти. И президент и парламент отныне наделялись властью всенародным волеизъявлением, такова была природа их легитимности. Прямая, если не сказать личная связь с гражданами Франции всегда пребывала в сердце концепции президентской власти Де Голля, и, наконец, она нашла свое выражение в букве закона. Компромиссу 1958 г. наступил конец, переходный период закончился, и в 1962 г. режим обрел, наконец, свое настоящее лицо.

Де Голль считал, что основной закон может и должен подстраиваться под требования времени: «Конституция вполне может меняться. Не надо ее мумифицировать»⁵⁰. К 1962 г. изменения претерпели лишь три статьи первоначального текста. Первый конституционный пересмотр произошел 4 июня 1960 г. и имел следствием разрешение государству – члену Сообщества провозгласить независимость, не прекращая при этом членства. Продиктованная стремлением парировать вызовы времени, эта поправка к разделу XII не имела, однако, ожидаемого эффекта, так сильно сказывалось желание полной и неотъемлемой независимости среди африканских народов. Второй пересмотр конституции имел место в связи с изменением порядка избрания президента республики: новой редакции подверглись ст. 6 и 7 раздела II.

С тех пор конституция Пятой республики претерпела значительные изменения. Каковы же были основные ее положения по состоянию на 1962 г.? Конституция включала в себя преамбулу, за которой следовали 92 статьи, распределенные по XV разделам.

В преамбуле торжественно провозглашается приверженность французского народа правам человека и принципам национального суверенитета, определенным в Декларации 1789 г. и дополненным в преамбуле конституции 1946 г. Тем самым основной закон вписывается в конституционную историю страны. В разделе I декларируется, что «Франция является неделимой, светской, социальной демократической Республикой»⁵¹, в которой все граждане

⁵⁰ Цит. по: *Peyrefitte A. C'était De Gaulle. En 3 volumes. Vol. 1. Paris, 1994. P. 238.*

⁵¹ *Les constitutions de la France depuis 1789. P. 435.*

равны перед законом, а «национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и путем референдума»⁵².

Раздел II посвящен президенту республики, что примечательно, ибо порядок размещения разделов, определяющих полномочия тех или иных органов власти, свидетельствует об отводимой им роли в государстве. Тот факт, что полномочия президента фигурируют в самом начале текста перед правительством (раздел III) и парламентом (раздел IV), свидетельствует о значении главы государства (для сравнения в конституции Четвертой республики президенту посвящен раздел V, тогда как парламенту – раздел II). В разделе V конституции 1958 г. трактуются вопросы взаимодействия правительства и парламента.

Действительно, конституция 1958 г. наделяет президента более значительной ролью, чем конституционные тексты 1875 г. и основной закон 1946 г. Разработчики конституции, несомненно, учли при работе над этим разделом и тезисы президента Миллерана в Эврё, и реформаторские попытки президента Думерга, и в особенности речь Де Голля в Байё. Президент республики избирается на семь лет, что отвечает сложившейся при Третьей и Четвертой республиках традиции, причем без ограничения количества сроков. Избрание осуществляется всеобщими прямыми выборами абсолютным большинством поданных голосов. «Если это большинство не набрано в первом туре выборов, то во второе воскресенье после него проводится второй тур. В нем могут участвовать только те два кандидата, которые набрали наибольшее количество голосов в первом туре...»⁵³.

Глава государства располагает значительными полномочиями, неизвестными его предшественникам. Среди них – роль арбитра. «Президент следит за соблюдением Конституции. Он обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование органов

⁵² Ibid. P. 436.

⁵³ Ibid. P. 438.

публичной власти, а также преемственность государства»⁵⁴ (ст. 5). Исполнительная власть перестала быть производной от парламента. Президент назначает премьер-министра в соответствии с практикой, существовавшей при Третьей республике. Члены правительства, выбранные премьер-министром, представляются президенту на утверждение. Прекращение полномочий членов правительства происходит решением президента по представлению премьер-министра (ст. 8).

Право президента объявлять о роспуске Национальной ассамблеи (ст. 12), хотя и фигурировало среди традиционного набора президентских прерогатив, однако по сравнению с конституционными текстами 1875 и 1946 г. глава государства стал более свободен в принятии решения. Отныне для объявления о роспуске Национальной ассамблеи ему достаточно консультации с главой правительства и председателями палат, тогда как при Третьей республике требовалось одобрение Сената, а при Четвертой – решение принималось на Совете министров.

Президент республики получил незнакомое его предшественникам право прибегать к референдуму. Как сказано в ст. 11: «Президент Республики <...> может выносить на референдум любой законопроект об организации органов публичной власти <...> либо направленный на разрешение ратификации какого-либо договора...»⁵⁵. Однако президент не обладает инициативой в этом вопросе. Необходимо, чтобы либо правительство, либо обе палаты парламента обратились к нему с предложением о референдуме, и это предложение должно непременно быть сформулировано во время парламентской сессии.

В случае угрозы нападения иностранного государства, гражданской войны или другой кризисной ситуации президент республики получает все полномочия, дарованные конституцией парламенту, правительству и другим органам публичной власти. «Когда

⁵⁴ Les constitutions de la France depuis 1789. P. 436.

⁵⁵ Sénat, un site au service des citoyens: http://www.senat.fr/evenement/revision/texte_originel.html (Дата обращения 05.03.2014).

институты Республики, независимость нации, целостность ее территории или исполнение ее международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных органов публичной власти прервано, Президент Республики принимает все меры, которые диктуются этими обстоятельствами... Он информирует об этом Nation посланием»⁵⁶ (ст. 16). Тем не менее, решение о введении чрезвычайного положения принимается только после консультации с премьер-министром, председателями верхней и нижней палат и Конституционным советом. Именно положения этой статьи, вызвав наибольшее количество дебатов в Консультативном комитете, потребовали вмешательства Де Голля, напомнившего о тяжелой ситуации, в которой оказался президент Альбер Лебрен в июне 1940 г. Фактически низложенный, вследствие вотированной Национальной ассамблеей передачи власти маршалу Филиппу Петену, он не располагал никакими конституционными рычагами быстрого реагирования на исключительную ситуацию, в которой оказалась потерпевшая поражение Франция и был фактически бессилён что-либо предпринять⁵⁷. Наделение президента диктаторскими полномочиями предполагает «обеспечить в кратчайшие сроки конституционным органам публичной власти возможности для выполнения их задач»⁵⁸. Президент не может, следовательно, изменить конституцию или распустить парламент, который собирается по праву и в пору его единоличного правления.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что президент, действительно, стал «краеугольным камнем» государственных институтов Пятой республики, если воспользоваться выражением Де Голля из его речи от 20 сентября 1962 г.⁵⁹. Кроме вышперечисленных полномочий, президент по традиции председательствует в Совете министров, подписывает ордонансы и декреты, промуль-

⁵⁶ Les constitutions de la France depuis 1789. P. 441.

⁵⁷ См.: Lacouture J. De Gaulle. 2. Le politique. P. 556–558.

⁵⁸ Les constitutions de la France depuis 1789. P. 441.

⁵⁹ La Fondation Charles De Gaulle: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/espace-pedagogique/le-point-sur/les-textes-a-connaître/discours-du-20-septembre-1962.php>

гирует законы, назначает на гражданские и военные должности, аккредитует послов и чрезвычайных посланников Франции за границей, в качестве верховного главнокомандующего вооруженных сил председательствует в высших советах и комитетах национальной обороны и т.д. Свои наиболее значимые прерогативы, как вынесение законопроекта на референдум, роспуск Национальной ассамблеи, принятие чрезвычайных мер, президент может осуществлять без контрассигнации премьер-министра. Для полномочий более традиционного характера, как право помилования, созыв парламента на внеочередную сессию, объединение палат в конгресс, назначение высокопоставленных чиновников требуется контрассигнация премьер-министра и, в случае необходимости, ответственного министра (ст. 19). Таким образом, значительную часть своих прерогатив президент разделяет с правительством.

Сферы деятельности правительства и премьер-министра зафиксированы в ст. 20 и 21: «Правительство определяет и проводит политику Нации. В его распоряжении находятся администрация и вооруженные силы... Премьер-министр руководит деятельностью правительства»⁶⁰. Сохранен базовый принцип парламентаризма, который заключается в том, что правительство несет ответственность перед Национальной ассамблеей (ст. 20). Назначаемое президентом, оно может быть отправлено в отставку не иначе, как потеряв доверие депутатов. По меньшей мере, одно пленарное заседание в неделю отводится в приоритетном порядке вопросам парламентариев к министрам (ст. 48). Правительство может быть опрокинуто Национальной ассамблеей вследствие отрицательного голосования депутатов на поставленный им вопрос о доверии (*question de confiance*) или принятия абсолютным большинством резолюции порицания (*motion de censure*), внесенной на рассмотрение, по меньшей мере, десятой частью Национальной ассамблеи (ст. 49). В случае потери правительством доверия парламентариев, президент республики имеет возможность действовать по двум сценариям: либо принять его отставку, либо распустить

⁶⁰ Les constitutions de la France depuis 1789. P. 442.

Национальную ассамблею и тем самым спровоцировать новые выборы с надеждой, что их результаты будут благоприятны для действующего кабинета министров.

Положение, запрещающее членам правительства совмещать свои должности с парламентским мандатом, государственной или профессиональной деятельностью (ст. 23), нацелено на то, чтобы ослабить связи между парламентом и правительством в духе принципа разделения властей. «Никто не может быть одновременно... судьей и подсудимым, контролером и контролируемым»⁶¹. Несмотря на возросшие полномочия президента, глава правительства сохранил за собой весь традиционный набор полномочий. Премьер-министр обеспечивает исполнение законов. Ответственный за национальную оборону, он дополняет президента в его статусе верховного главнокомандующего. Как и президент, премьер-министр назначает на гражданские и военные должности. В исключительных случаях он замещает президента в качестве председателя на заседаниях Совета министров. Правительство имеет доступ в парламент и находится в тесном взаимодействии с народными представителями, тогда как президент сносится с ними посредством посланий. Наряду с депутатами члены правительства обладают правом законодательной инициативы и обсуждают законопроекты на Совете министров, прежде чем внести их на рассмотрение в одну из палат.

Парламент, против всемогущества которого Де Голль боролся на протяжении всех 12-ти лет существования Четвертой республики, оказался существенно урезан в своих полномочиях. Вынесенный за рамки конституционного текста закон о мажоритарной избирательной системе в два тура стал ключевым моментом нового режима, способствуя его стабильности вкупе с правом президента распустить Национальную ассамблею избираемую на пять лет всеобщим голосованием. Сенат, избираемый непрямим голосованием, обеспечивает представительство адми-

⁶¹ Цитата из речи Де Голля на пресс-конференции 30 июня 1955 г. Цит. по: *Donegani J.-M., Sadoun M. La Ve République: Naissance et mort. Paris, 1998. P. 94.*

нистративно-территориальных образований республики. Проекты законов и законодательные предложения рассматриваются и вотируются двумя палатами. В случае их несогласия после того как текст был рассмотрен в двух чтениях организуется смешанная паритетная комиссия из семи депутатов и семи сенаторов, на которых возлежит задача выработать компромиссный вариант. Если компромисса не удастся достичь, правительство имеет право потребовать от Национальной ассамблеи принять окончательное решение либо введя в силу последний текст, вотированный ею, либо приняв текст, разработанный смешанной комиссией. Таким образом, Сенат не может значительно ограничить свободу действия Национальной ассамблеи, за которой остается последнее слово (ст. 45). Тем не менее, именно председатель Сената обеспечивает временное исполнение обязанностей президента в случае его отсутствия по каким-либо причинам (ст. 7).

В сфере законодательной деятельности, в которой ранее безраздельно властвовал парламент, привнесены многочисленные ограничения. Законы не могут касаться любых сфер жизни, но только тех, которые перечислены в ст. 34 и имеют отношение к фундаментальным правам человека и социума. «Вопросы, не входящие в сферу законодательства, носят подзаконный характер» и входят в компетенцию правительства (ст. 37). Выше уже отмечалось, что президент может в обход парламента вынести на референдум любой законопроект. Национальная ассамблея лишена возможности выносить решения о дате своих сессий (они фиксированы в ст. 28). С другой стороны, исполнительная власть получила беспрецедентные в республиканской истории Франции права вмешательства в сферу компетенций законодательной власти. Так, распорядок дня заседаний парламента отныне определяется правительством, которое может отдать приоритет обсуждению тех или иных законопроектов (ст. 48). Узаконена практика, существовавшая и ранее и позволяющая правительству «для выполнения своей программы просить Парламент о разрешении в течение ограниченного срока осуществлять путем ордонансов меры, которые обычно

относятся к сфере законодательства»⁶² (ст. 38). Правительство может возразить против рассмотрения любой поправки, которая предварительно не прошла обсуждение в комиссии. Наконец, в случае, если правительство берет на себя ответственность за законопроект, текст считается принятым без голосования (*le vote bloqué*) при условии отсутствия со стороны депутатского корпуса резолюции порицания (ст. 49-3). Парламент, как водится, голосует за бюджет, но принимая во внимание его расточительность и подверженность давлению со стороны групп и граждан, конституция упразднила депутатскую инициативу в сфере расходов (ст. 40) и установила ограничительные сроки для принятия проектов финансовых законов (ст. 47).

Законодательная деятельность парламента оказалась ограниченной также Конституционным советом – органом конституционного контроля, аналогов которому не было ранее в истории Франции (раздел VII). Созданный по модели американского Верховного суда, Конституционный исполняет роль арбитражной инстанции, в которую могут обратиться до промульгации законов и международных договоров с целью их проверки на соответствие конституции президент республики, премьер-министр, председатели Национального собрания и Сената (ст. 61). Кроме того, в обязанности Конституционного совета входит обеспечение законности президентских и парламентских выборов, наблюдение за правильностью проведения референдума и объявление его результатов. Консультация с ним необходима при вступлении в действие ст. 16 о чрезвычайных мерах. Конституционный совет состоит из бывших президентов республики, а также девяти членов со сроком полномочий в девять лет, из них треть назначается президентом, столько же каждым из председателей палат. Председатель Конституционного совета назначается президентом республики (ст. 56).

Вопросы международных соглашений и договоров рассматриваются в разделе VI, где провозглашается, что «Президент

⁶² Ibid. P. 446–447.

Республики ведет переговоры о заключении договоров и ратифицирует их». В разделе VIII о положении судебной власти декларируется несменяемость судей. «Президент Республики является гарантом независимости судебной власти. В этом ему оказывает содействие Высший совет магистратуры»⁶³ (ст. 64), все девять членов которого назначаются президентом. По примеру конституции 1946 г., учреждается Высокая палата правосудия (раздел IX), которая осуществляет суд над высшими должностными лицами государства по представлению обеих палат парламента. В обязанности Высокой палаты, которая состоит исключительно из парламентариев, входит осуществление суда над президентом республики по обвинению в государственной измене, и министрами за преступления и правонарушения, допущенные ими при исполнении служебных обязанностей. Экономический и социальный совет, созданный в 1946 г. и носивший сугубо консультативный характер, был сохранен без особых изменений. В его функции входило делать по запросу правительства заключения по проектам законов, ордонансов, декретов и т.д. (раздел X). Положения об административно-территориальных образованиях предоставили коммуна, департаментам, заморским территориям свободное управление выборными органами – генеральными советами или местными ассамблеями (раздел XI).

Сообщество, принципы функционирования которого были расписаны в разделе XII, просуществовало всего два года, ибо в 1960 г. все бывшие африканские владения Франции воспользовались правом на независимость, чтобы выйти из его состава, и отношения между Францией и эмансипированными государствами перешли в плоскость двусторонних и многосторонних соглашений о сотрудничестве. К 1962 г. раздел XII, по сути, утратил актуальность, хотя оставался в тексте конституции бесильным напоминанием о фиаско Сообщества до 1995 г., когда, наконец, был упразднен. В разделе XIII предусматривалась возможность ассоциированного статуса тех государств, которые заключат

⁶³ Ibid. P. 454.

с Францией соглашения с целью развития их цивилизации (ст. 88). Раздел XIV определял механизм пересмотра конституционных положений.

Вопрос о природе институтов Пятой республики по-разному истолковывался общественными и политическими деятелями. Основатель нового режима Де Голль считал, что Пятая республика порывает самым радикальным образом с конституционной традицией, как парламентской, так и президентской, и пытается втиснуть ее в какие-то существующие схемы – тщетное занятие. «Мне хорошо известно, что есть экзегеты, которые испытывают неудобство от того, что не могут вместить Конституцию в одну из двух жестких форм, являющих собой, если верить им на слово, единственно возможные модели для институтов Франции. Необходимо, говорят они, чтобы режим был либо парламентским, что в их глазах означает возврат к порядку вещей, существовавшему прежде, либо президентским, что означает принятие системы Соединенных Штатов. Но я совершенно не вижу, почему надо, чтобы Франция была предназначена либо к нестабильности, несостоятельности и немощности режима ассамблеи, либо к применению правил, которые подходят для Северной Америки»⁶⁴.

Большинство комментаторов, давая характеристику конституции 1958 г., подыскивали ей определения на основе исторических сравнений, и заостряли внимание на фигуре президента. Выдающийся философ и публицист Реймон Арон заявил в своем исследовании «Демократия и парламентаризм» (1963) о наступлении «парламентской империи»: «*V* Республику не отнесешь ни к одному из классических режимов, о которых толкуют политологи: это не парламентское правление (чистейшим образцом которого служит Великобритания) и не правление президентское (наиболее частый пример – США); это возвращение парламентской империи – избираемый на семь лет на основе всеобщего избирательного права император обладает prerogative главы исполнительной

⁶⁴ Conférence de presse du 11 avril 1961 // *De Gaulle Ch. Discours et messages*. Т. III. Paris, 1979. P. 300.

власти и чрезвычайно свободно прибегает к референдумам»⁶⁵. По мнению Арона, Пятая республика – Третья империя, либеральная и парламентская, хотя «недостаточно парламентская». Философ и политолог Бертран де Жувенель назвал Пятую республику принципатом по подобию того, что существовал в Древнем Риме в период ранней империи. Морис Дюверже определил голлистский режим как полупрезидентский. Жорж Ведель, еще один замечательный знаток конституционного права, назвал режим ультрапрезидентским, намекая тем самым на концентрацию власти в руках главы государства⁶⁶. Можно назвать Пятую республику и президентским правлением, хотя термин ассоциируется с Латинской Америкой.

Что же до противников голлистского режима, то крайне правых возмущал в первую очередь факт утраты колониальной империи, а политические деятели левого фланга делали акцент на диктаторских поползновениях Де Голля. П. Мендес-Франс, приверженец преобладания парламента в политической жизни, назвал конституционный закон от 6 ноября 1962 г. «антиреспубликанским», а новый режим «выборной монархией». Франсуа Миттеран денонсировал «личную власть» Де Голля в памфлете «Постоянный государственный переворот» (1964). Находя генерала похожим на «Луи-Наполеона Бонапарта, в которого вселились буржуазные добродетели Луи-Филиппа I», он восклицал в полемическом запале: «Что есть Пятая республика как не обладание властью одним человеком, малейшая оплошность которого вызывает равную настороженность, как его противников, так и в клане его друзей? Временная магистратура? Личная монархия? Пожизненное консульство? Пашалык? И кто он, Де Голль? Дуче, фюрер, каудильо, лидер, вождь? К чему эти вопросы? Специалисты конституционного права сами сбились с толку и лишь по привычке продолжают играть в дефиниции. Я называю голлистский режим диктатурой, потому что, как ни крути, именно на нее он более всего похож, потому что

⁶⁵ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. Пер. с фр. Г. И. Семенова. М., 1993: <http://bookz.ru/authors/reimon-aron/aronreim01/1-aronreim01.html> (Дата обращения 03.03.2014).

⁶⁶ См.: *Donegani J.-M., Sadoun M. La Ve République: Naissance et mort. P. 62.*

к постоянному укреплению личной власти он устремлен, потому что изменение курса более не в его силах»⁶⁷. В словах Миттерана звучит критика не столько текста конституции, сколько политического поведения Де Голля. Ведь выборы президента всеобщим голосованием проводятся, к примеру, в Финляндии, Австрии, Исландии, демократической Португалии, тем не менее, никто не ставит под сомнение парламентский характер этих республик.

По-разному восприняли институты Пятой республики, по-разному их комментировали, но практика голлизма вызвала намного большее неприятие, нежели буква конституционного закона. Из нее вытекало, что из двух составляющих исполнительной власти нового режима (президент республики, избираемый всеобщим голосованием, и правительство, ответственное перед парламентом) глава государства стал доминировать. Дело в том, что в случае Пятой республики, как и в случае предыдущих режимов Франции, буква конституции и конституционная практика – далеко не тождественные понятия. Манера приложения основного закона к практике власти столь же важна, как и сам текст. А первые годы после принятия новой конституции как нельзя более значимы для складывания политической традиции (*coutumes*). Отметим, что настоящая природа голлистского режима проявилась с самого момента его основания в 1958 г. через повседневную практику власти.

Сила Де Голля была в том, что он всегда верил в свою историческую миссию, как Наполеон верил в свою счастливую звезду. В то время, когда урегулирование алжирского конфликта являлось задачей первостепенной государственной важности, Де Голль, как упоминалось выше, располагал широтой действий, которую никто не мог у него оспаривать. К тому же личная склонность генерала, по-военному тяготевшего к командованию, побуждала его к расширительному толкованию конституции в том, что касается его полномочий. Впрочем, Шарль Де Голль имел убеждение, что его власть проистекает не столько из конкретных текстов, сколько из

⁶⁷ *Mitterrand F. Le Coup d'Etat permanent. P. 85–86.*

исторической миссии, которой он облечен с 1940 г. – «спасать» народ Франции в драматические моменты: «Вот факт, который рядом с буквой конституционных положений, довлеет над всеми и надо мною. Какова бы ни была трактовка, даваемая той или иной статье, к Де Голлю в любом случае обращают французы свои надежды. От него ожидают они решения своих проблем <...> Со своей стороны, я чувствую как неотделимы от моего собственного существования право и обязанность стоять на страже национального интереса!»⁶⁸. Таким образом, власть Де Голля носит харизматический характер и не может никоим образом ограничиваться текстом пусть даже и основного закона.

В соответствии со своим пониманием исторической легитимности, Де Голль множил прямые контакты с народом в обход посреднических корпусов народных представителей. Эти контакты принимали разные формы: телевизионных и радиообращений, пресс-конференций, путешествий в департаменты. Но более всего «живая связь» с народом находила выражение в референдумах, которые стали ключевым элементом голлистской концепции власти. Парламент перестал представлять собой ключевой фактор в определении национальной политики. И так урезанный текстом конституции в своей законодательной и бюджетной роли, парламент смог убедиться, как мало Де Голль придает ему значения, считая чуть ли не формальным пережитком по отношению к духу новых институтов. «Конечно, есть парламент, одна из палат которого правомочна выносить порицание министрам. Но народ и я лично не видим здесь ничего, что ограничивало бы мою ответственность, тем более что юридически я вправе распустить, в случае необходимости, оппозиционную ассамблею, обратиться с воззванием к стране поверх парламента путем референдума и, в случае общественной угрозы, принять все меры, которые покажутся мне необходимыми»⁶⁹.

⁶⁸ *De Gaulle Ch. Mémoires d'espoir. T. 1. Le renouveau 1958–1962. Paris, 1970. P. 284.*

⁶⁹ *Ibid.*

Главный вдохновитель текста конституции, Де Голль считал, что никто не может оспаривать у него право толковать содержание ее статей по собственному усмотрению, ибо кому еще как не ему знать о заложенном в них значении. Безусловно, такая претензия не вписывалась в традиции правового государства и вызывала возмущение, как парламентариев, так и юристов. В марте 1960 г. на намерение депутатов созвать внеочередную сессию парламента для обсуждения накопившихся в сельском хозяйстве проблем в соответствии со ст. 29 («Парламент собирается на внеочередную сессию по требованию Премьер-министра или большинства членов Национального собрания») Де Голль ответил отказом. К всеобщему удивлению он обосновал его ссылкой на ст. 30 («...внеочередные сессии открываются и закрываются декретом Президента республики»), что выглядело крайне неубедительно. Потеря влияния парламентом влекла за собой с неизбежностью уменьшение роли политических партий, которые, хотя и недовольные таким положением дел, не спешили переходить в открытую оппозицию, пока продолжалась Алжирская война. Но по ее окончании и после того, как в 1962 г. Де Голль вновь свободно обошелся с конституционным текстом, создав референдум по вопросу об избрании президента всеобщим голосованием в обход парламента, политические партии, кроме ЮНР, объявили ему «войну».

Осуждение касалось не только существа реформы, неприемлемой на взгляд приверженцев республиканской традиции (вновь припомнили 2 декабря 1851 г. и плебисцитарный цезаризм!), но и избранной формы для ее проведения, а именно обращение к ст. 11, имеющей отношение к обычным законам, вместо ст. 89 из раздела о пересмотре конституции. Но по ст. 89 «проект или предложение пересмотра конституции должны быть приняты в идентичной редакции обеими палатами», прежде чем быть вынесены на референдум, и Де Голль, зная заранее о неприятии палатами его реформы, пошел на сознательное нарушение конституционных норм с тем, чтобы провести желаемое поверх голов депутатов. Оскорбленные таким с собой обращением, депутаты всех фракций,

за исключением ЮНР, вынесли абсолютным большинством в 280 голосов резолюцию порицания правительству Жоржа Помпиду, на что Де Голль ответил роспуском Национальной ассамблеи 9 октября.

Противостояние партий проекту реформы Де Голля не помешало его одобрению большинством французов, как не помешало и победе голлистов на парламентских выборах 18 и 25 ноября 1962 г. ЮНР набрала во втором туре 42,1% голосов, проведя в парламент 233 депутата, что вкупе с 36 депутатами от партии независимых республиканцев Валери Жискар д'Эстена, обеспечило ей абсолютное большинство голосов, тогда как социалисты, коммунисты, радикалы, МРП и часть «независимых» составили оппозицию. Осенний кризис 1962 г., напоминавший, по справедливому замечанию Сержа Берстайна, события 1877 г., оказался «16 мая наоборот»⁷⁰, ибо на этот раз в конфликте парламента и президента победа досталась последнему. Доминирование президента в государственных институтах Пятой республики получило окончательное закрепление и апробацию.

Правительство постигла участь подобная парламенту – полное подчинение президентской воле генерала Де Голля. «Разумеется, существует правительство, которое “определяет политику нации”. Но все знают и ожидают, что оно происходит из моего выбора и действует не иначе как при условии моего доверия»⁷¹, – писал Шарль Де Голль в «Мемуарах надежды». Де Голль не только назначал премьер-министров и министров (право, данное ему конституцией), но и отправлял их в отставку, как только они переставали устраивать его, в обход парламента. Так, в апреле 1962 г. президент вынес решение о прекращении исполнения М. Дебре его обязанностей премьер-министра, несмотря на то, что тот по-прежнему располагал большинством в Национальной ассамблее, и для отставки его правительства не было видимых причин.

⁷⁰ *Berstein S.* La France de l'expansion. 1. La République gaullienne (1958–1969). Paris, 1989. P. 108.

⁷¹ *De Gaulle Ch.* Mémoires d'espoir. T. 1. Le renouveau 1958–1962. P. 284.

Так утвердилась практика, согласно которой премьер-министр не может оставаться у власти в случае, если президент по каким-то соображениям хочет от него избавиться. Последовавшее 16 апреля назначение на место премьер-министра почти никому неизвестного Жоржа Помпиду также было грубым нарушением, на этот раз не буквы конституции, но республиканской традиции, поскольку в выборе преемника Дебре Де Голль руководствовался не политическим опытом этого последнего (Помпиду не был ни сенатором, ни депутатом, ни дипломатом, ни министром), но своей личной к нему дружбой и доверием.

Конституционное требование о формировании правительства премьер-министром стало формальностью. Фактически Де Голль сам подбирал угодных ему министров, которых смещал тоже по своей воле. Так министр финансов Антуан Пине был изгнан из правительства Дебре в январе 1960 г. после того как огласил свое несогласие с общим направлением внешней политики главы государства. По мнению Де Голля, компетенция министра финансов, как и всякого другого министра, ограничивается делами его ведомства. В феврале того же года, после «недели баррикад», президент отозвал министров, выступавших за сохранение Алжира в составе Франции, – Жака Сустеля и Бернара Корню-Жантий. Количество министерских портфелей в целях достижения большей стабильности было сокращено, и голлистские правительства ассоциировались у современников с генеральным штабом армии.

В своих мемуарах, говоря о подчиненной роли премьер-министра, Де Голль употребил метафору корабля, на котором существует строгая иерархия. «Так же как на борту корабля по старинной морской традиции, у Командира есть Помощник, так и в нашей новой Республике, Исполнительная власть имеет в своем штате после Президента, занятого основным и непреходящим, Премьер-министра ведающего повседневными делами»⁷². Президент намечает цели, раздает директивы, разрабатывает стратегию социально-экономического и политического развития

⁷² Ibid. P. 288.

страны. Он представляет Францию за рубежом. По теории Жака Шабан-Дельмаса, сформулированной в 1959 г., существует так называемая «заповедная зона», в которую входят иностранные дела и национальная оборона, требующие более всего президентского внимания. «Открытая зона» – все остальные вопросы (экономические, финансовые, социальные и т.д.), которые входят в компетенцию правительства, но для которых президент определяет основные направления их развития. Все, что касается целостности страны, имеет непосредственное отношение к сфере компетенций президента.

Следствием глубокой вовлеченности Де Голля в формирование политики стала слаженная команда советников Елисейского дворца, которая, не подменяя собой правительство, дублировала его в вопросах, имеющих отношение к «заповедной зоне». Правительство уже в первые годы президентства Де Голля стало сугубо исполнительным органом, следующим указаниям главы государства, вопреки словам конституции о том, что оно «определяет и проводит политику Нации». Советы министров очень редко становились местом настоящих дебатов. Как правило, министры зачитывали доклады по тем или иным вопросам их компетенции, высказывали при случае свое мнение, но решение принималось не столько коллегиально, сколько единолично президентом. В случае разногласий последнее слово оставалось за президентом. Единственная сфера полномочий правительства, на которую не претендовал Де Голль, была администрация: «<...> руководство администрацией полностью оставлено министрам, и я никогда не адресую поверх их головы никакие приказы чиновникам»⁷³.

Абсолютная власть президента, претворяемая Де Голлем в жизнь с 1958 г., получила концептуальное закрепление в знаменитой пресс-конференции 31 января 1964 г. Президент «это человек из народа, поставленный народом, чтобы нести ответственность за его судьбы. Он разумеется один обладает государственной властью и делегирует ее <...> Действует безусловный принцип, в

⁷³ Ibid. P. 287.

соответствии с которым неделимая власть государства доверена вся целиком президенту народом, которым он избран, при этом не существует никакой другой власти, ни министерской, ни гражданской, ни военной, ни судебной, которая не была бы ему вверена и им обеспечивалась»⁷⁴. Слова Де Голля поражают своей категоричностью, они – вызов демократическому принципу равновесия властей. Президент в его понимании – стержень политической жизни Франции именно вследствие того, что народ-суверен, удостоивая его своим доверием, передает ему свой суверенитет. Де Голль воплощает собой Францию.

Президентское прочтение конституции получило закрепление последующей практикой власти. В декабре 1965 г. состоялось переизбрание Де Голля всеобщим голосованием на второй президентский срок, хотя и не столь массивным плебисцитом, на который он рассчитывал. Не получив абсолютного числа голосов в первом туре, он вынужден был выставить свою кандидатуру на второй тур против единого кандидата от левых Франсуа Миттерана, и набрал, в конечном счете, победные 54,9 %. Пятая республика укоренилась. Президентские и парламентские выборы всенародным голосованием стали стержнем демократической жизни страны. В предвыборной гонке разрозненные политические силы образовывали коалиции для поддержки своих кандидатов. Де Голль имел все основания считать, что дал Франции институты, способные отвечать вызовам современности. Экономика развивалась быстрыми темпами, это был счастливый период так называемого «Славного тридцатилетия». Правительство получило стабильность, «которой было лишено, – писал Де Голль в 1967 г., – в течение 169-ти лет»⁷⁵. Жорж Помпиду был удобным исполнителем президентских предначертаний. Парламентские выборы 1967, 1968 гг. обеспечили голлистам достаточное большинство в Национальной ассамблее, чтобы гарантировать правительство от резолюций порицания.

Однако были и минусы. В силу безусловного преобладания

⁷⁴ Цит. по: *Donegani J.-M., Sadoun M. La Ve République: Naissance et mort. P. 90.*

⁷⁵ *De Gaulle Ch. Mémoires d'espoir. T. 1. Le renouveau 1958–1962. P.*

сторонников президента, Национальная ассамблея перестала быть местом обсуждения и решения острых социальных вопросов, оказалась не в состоянии выполнять прежнюю свою роль предохранительного клапана. Социальная напряженность, не находя выхода, накапливалась и выплескивалась на улицы и площади городов. Общество, не имея возможности разрешить свои проблемы путем национального представительства, стало действовать посредством прямого давления на власть. В 1963 г. по стране прокатились манифестации недовольства шахтеров, за ними последовали электрики, железнодорожники и т.д. Непарламентская форма протеста влекла за собой изменения в составе правительственной команды, которые не могли поколебать ее общей целостности. В бурный май 1968 г., отмеченный студенческими волнениями и забастовками рабочих, ситуация впервые за все президентство Де Голля вышла из-под его контроля. Казалось бы, майский кризис мог повергнуть ниц институты Пятой республики, но она выстояла. Более того, перевод социального конфликта в политическую плоскость оказался для нее спасительным: выборы в Национальную ассамблею 23 и 30 июня вновь обеспечили большинство парламентских мест голлистам. На этот раз успех и вовсе был феноменальным, так как Союз в защиту республики (ЮДР⁷⁶) – голлистская партия, которая пришла на смену ЮНР в 1967 г., получила абсолютное большинство мест в Национальной ассамблее – 293 из 487.

Институты Пятой республики вышли из кризиса 1968 г. консолидированными как никогда раньше. Тем не менее, премьер-министр Жорж Помпиду подал в отставку, а Де Голль эту отставку принял, найдя ему замену в лице бывшего министра иностранных дел Мориса Кув де Мюрвиля. Бытует мнение, что популярность, обретенная Помпиду после политического урегулирования майского кризиса побудила Де Голля в спешном порядке положить конец его полномочиям из опасения найти в нем не послушную

⁷⁶ Union pour la défense de la République (UDR) – Союз в защиту республики (ЮДР).

марионетку, а возможного соперника на уровне исполнительной власти⁷⁷. Однако на этот раз стремление к безраздельному доминированию сыграло с Де Голлем злую шутку. «Национальная судьба», предсказанная им Помпиду, стала реальностью в 1969 г., тогда как сам он вынужден был выйти в отставку вследствие отрицательного голосования французов на референдуме 27 апреля о создании регионов и реформе Сената. Намерение Де Голля лишить Сенат законодательных функций, безусловно, во многом определило отрицательный исход голосования («нет» собрало 52,4% голосов).

Референдумы, которыми отмечены 11 лет «правления» Де Голля (всего с октября 1958 г. по апрель 1969 г. их насчитывается пять⁷⁸), имели большое значение в его концепции власти. Значение это выходило за пределы вынесенного на голосование вопроса. Положительные результаты референдума служили подтверждением легитимности президента. Всякий раз перед его проведением Де Голль заявлял о своей готовности в случае провала незамедлительно оставить президентский пост, ибо отрицательное голосование было для него равносильно отказу народа возобновить «контракт». Референдум 1969 г. стал фатальным для президента Де Голля, но институты Пятой республики пережили своего основателя. Ален Поэр, председатель Сената, временно встал во главе государства, в то время как досрочные президентские выборы, состоявшиеся в июне 1969 г., дали неоспоримое преимущество Жоржу Помпиду как ставленнику ЮДР (57,5% голосов).

Убежденный голлист, Жорж Помпиду «правил» в духе своего великого предшественника и ментора, преемственность была в основе его политического курса, тогда как оппозиционные голлизму политические движения выдвинули требования ограничения президентской власти. Социалисты предлагали внести изменения в конституцию 1958 г., тогда как коммунисты настаивали на ее отмене. Совместная правительственная программа левых

⁷⁷ См.: *Berstein S. La France de l'expansion. 1. La République gaullienne (1958–1969).* P. 326–327.

⁷⁸ Референдумы 28 сентября 1958 г., 8 января 1961 г., 8 апреля 1962 г., 28 октября 1962 г., 27 апреля 1969 г.

сил, с которой социалисты, коммунисты и левые радикалы пошли на парламентские выборы марта 1973 г., касалась, в том числе, и демократизации государственных учреждений: расширения прав парламента, введения пропорциональной избирательной системы, сокращения срока президентских полномочий до 5-ти лет. Однако и на этот раз, несмотря на заметный прогресс Союза левых сил, успех остался за ЮДР и состоявшими с ней в коалиции «независимыми республиканцами»⁷⁹.

Премьер-министрами Франции при президенте Помпиду были Жак Шабан-Дельмас с 1969 по 1972 г. и Пьер Мессмер с 1972 по 1974 гг. Отношения консервативного Помпиду с близким соратником Де Голля и участником Сопrotивления Шабан-Дельмасом не заладились. Президент упрекал своего премьера в уступках социал-демократам при попытках проведения в жизнь концепции построения «нового общества». К тому же разоблачения «*Le Canard enchaîné*», уличившие Шабан-Дельмаса в сокрытии от фиска части своих доходов, скомпрометировали его в глазах общественности. Надо полагать, что назначение Шабан-Дельмаса главой правительства было во многом продиктовано необходимостью уступок общественному мнению, взбудораженному революционной волной 1968 г., тогда как Мессмер был для Помпиду несравненно более удобным премьер-министром. Впрочем, Помпиду весьма в деголлевской традиции сам положил конец полномочиям Шабан-Дельмаса в июле 1972 г., несмотря на доверие, вотированное его правительству Национальной ассамблеей.

После того как в апреле 1974 г. Францию потрясла трагедия – уход из жизни тяжело болевшего Жоржа Помпиду – на внеочередных президентских выборах победу по результатам второго тура одержал кандидат от «независимых республиканцев» Валери Жискар д'Эстен. Впервые с 1958 г. не голлист оказался во главе государства, а это сулило институтам Пятой республики новую

⁷⁹ Fédération nationale des républicains indépendants (FNRI) – Национальная федерация независимых республиканцев (ФНРПИ).

проверку на прочность, а также поставило со всей очевидностью вопрос об их возможной эволюции.

Призрак Шестой республики

После ухода Де Голля из политики и из жизни (9 ноября 1970) стали раздаваться призывы к разработке нового основного закона или, по меньшей мере, к внесению изменений в текст конституции 1958 г. По мнению большинства, конституционная реформа должна была сосредоточиться вокруг фигуры президента, его значимости. «Костюм», скроенный Мишелем Дебре по мерке под Де Голля, оказался слишком велик и просторен для его преемников и встал вопрос о том, чтобы его перекроить. Но такого рода перекрой представлял несомненную опасность для институтов Пятой республики. Смогут ли они устоять после подобного вторжения, не разойдясь по швам? Вопрос далеко не праздный.

Тем не менее, на заре нового режима, в 1963 г. Реймон Арон предсказал ему долгую жизнь. «Возврат к утехам и забавам III и IV Республик мне представляется совершенно невозможным. Какие бы изменения ни суждено было претерпеть Конституции V Республики после генерала Де Голля, она предоставляет исполнительной власти такое поле действий, что в течение еще долгого времени едва ли мыслимо воскрешение республики депутатов»⁸⁰. Эти слова оказались пророческими, ибо конституция Пятой республики с момента ее принятия в 1958 г. претерпела немало изменений. Первый конституционный закон постдеголлевской эпохи связан с именем Валери Жискар д'Эстена.

«Независимые республиканцы»⁸¹ как группа правого центра сформировалась в 1962 г. под руководством Жискар д'Эстена в поддержку предложения Де Голля об избрании президента всеобщим голосованием, чем противопоставили себя другим центристам, перешедшим в оппозицию, и вошли в голлистское парламентское

⁸⁰ Арон Р. Демократия и тоталитаризм: <http://bookz.ru/authors/reimon-aron/aronreim01/1-aronreim01.html> (Дата обращения 03.03. 2014).

⁸¹ *Républicains indépendants (RI)*.

большинство. И хотя депутатам от независимых республиканцев случалось выступать с проектами пересмотра конституционных положений, Жискара д'Эстен, пока занимал пост министра финансов в правительстве Помпиду, воздерживался от всякой критики в адрес правительства или президента. Но его отставка в 1966 г. позволила ему все больше дистанцироваться от голлистской практики власти. Отстаивая более либеральное видение государственных институтов, он основал Национальную федерацию независимых республиканцев. Выдвинутый им в связи с парламентскими выборами 1967 г. лозунг «да, но» («oui, mais») свидетельствовал о сдержанной позиции по отношению к правительству. «Да» общему направлению политики, «но» при необходимости изменить некоторые ее аспекты в духе неолиберализма: больше считаться с парламентом, сократить государственное вмешательство в экономику, активно включиться в строительство объединенной Европы. Впоследствии Жискара д'Эстен множил свои выпады против «монархического» характера режима, а в 1969 г. перешел в открытую оппозицию, осудив референдум о реформе Сената, чем способствовал губительному для президентства Де Голля его исходу. После избрания Ж. Помпиду президентом Жискара д'Эстен, в благодарность за поддержку, получил портфель министра экономики и финансов в правительстве Шабан-Дельмаса, тогда как независимые республиканцы продолжали оставаться в Национальной ассамблее центристским и европейским элементом парламентского большинства. В июле 1972 г. В. Жискара д'Эстен сохранил свой портфель министра экономики и финансов в последовавших трех правительствах Пьера Мессмера.

В 1974 г. он стал первым президентом Франции, избранным на этот пост, не имея за собой поддержки крупной политической партии. Решающую роль в его успехе, несомненно, сыграли присущий ему образ динамичного и молодого кандидата (48 лет на момент избрания), коммуникативные способности, поддержка части голлистов, в том числе Жака Ширака, которые предпочли кандидата центристов, несмотря на участие в предвыборной гонке

ставленника от ЮДР Ж. Шабан-Дельмаса. В итоге, по результатам первого тура, голлист Шабан-Дельмас остался далеко позади, собрав около 15% голосов, а на первые позиции вышли Франсуа Миттеран, кандидат Союза левых сил (43,25% голосов), и В. Жискард д'Эстен (32,60%). Знаменитая фраза, сказанная Жискард д'Эстеном в телевизионных дебатах между двумя турами, «У вас нет, месье Миттеран, монополии на сердце», осела в умах многих, сыграв свою роль в конечной его победе, хотя и с минимальным отрывом (50,81%). Впрочем, как и афишированное им стремление к переменам в общественной и политической жизни Франции.

В прессе проскакивали упоминания о готовящемся изменении конституции. Символичным стало появление в 1974 г. книги Мишели Котта «Шестая республика»⁸² в издательстве Flammarion. Автором была молодая журналистка, утверждавшая, что победа Жискард д'Эстена на президентских выборах перевернула страницу в истории Франции и знаменовала собой наступление нового режима – Шестой республики. Действительно, кандидат центристов так много говорил о назревших переменах, выдвигал лозунги «передового либерализма» (*«liberalisme avancé»*), обещал сократить срок президентских полномочий до 5-ти лет и восстановить равновесие властей, что немудрено было и обмануться.

Рене Ремон, выдающийся историк и политолог, в своем исследовании «Правые во Франции» предложил типологию французских правых политических сил, поделив их на три течения, сформировавшихся в XIX в.: «орлеанистское» или либеральное, «бонапартистское» или авторитарное, «легитимистское» или реакционное. Три традиции политической мысли сохранили основные свои характеристики и в следующем столетии. Валери Жискард д'Эстен и его приверженцы «жискардисты», по классификации Рене Ремона, принадлежат к «орлеанистской» традиции политической мысли, для которой характерны приверженность к свободе, как индивидуальной, так и политической, к парламентскому режиму, буржуазным ценностям, личной инициативе в эконо-

⁸² Cotta M. La Sixième République. Paris, 1974.

мической сфере. Как правило, им присуща убежденность в том, что управление, в том числе и в демократических государствах, – прерогатива представителей элит («элитизм»), сами они имеют отношение к привилегированному меньшинству, за которым не стоит массовой партии⁸³. Принципы голлистской идеологии, по той же классификации Рене Ремона, родственны бонапартизму. И хотя Де Голль никогда не относил свои идеи к бонапартистским, приходится признать, что он, как и его адепты, принадлежат к бонапартистской традиции политической мысли и являются носителями присущих ей характеристик. Приверженность идее национального величия Франции, сильное государство, опора на народ вне всяких делений на правых и левых, народный суверенитет, осуществляемый средствами прямой демократии, активное вмешательство в управление экономикой со стороны государства («дирижизм») – таковы отличительные черты бонапартизма. Вышеупомянутые фундаментальные различия между двумя течениями политической мысли, несомненно, лежали в основе резкого неприятия Жискара д'Эстена деголлевской практики власти.

И хотя либеральное прочтение конституции было во многом отлично от деголлевского, именно в сфере государственных институтов многие проекты реформ В. Жискара д'Эстена остались на уровне проектов. За 7-летний срок его президентства была реализована лишь одна конституционная реформа, хотя и очень значимая, и касалась она Конституционного совета – «сторожевого пса исполнительной власти». Отметим, что создав Верховную судебную инстанцию и признав необходимость проверять закон относительно высшей нормы права, инициаторы конституции пошли вопреки всей предшествовавшей постреволюционной традиции Франции и покусились на всемогущество законодательной власти. Конституционному совету вменялось в обязанность осуществлять контроль над парламентом. В 1971 г. ему удалось существенно расширить сферу своей компетенции, придав юридическую силу правам и свободам, а также принципам национального

⁸³ *Rémond R. Les Droites en France. Paris, 2008. P. 294–304.*

суверенитета, содержащимся в Декларации 1789 г. и преамбуле к конституции 1946 г. Было постановлено, что законодатель должен уважать их в такой же мере, как и другие положения конституции. Конституционная реформа 1974 г., предложенная Жискара д'Эстеном и касавшаяся порядка обращения в Конституционный совет, еще более усилила его позиции в институциональном пейзаже Пятой республики.

Необходимость такой реформы назрела, ибо по конституции 1958 г. правом обращаться в Конституционный совет с запросом обладали только президент республики, премьер-министр, председатели Национальной ассамблеи и Сената, что лишало оппозицию всякой возможности опротестовать закон. Для изменения такой ситуации было решено прибегнуть к ст. 89 раздела XIV, которую в свое время проигнорировал Де Голль. Проект поправки, инициированный В. Жискара д'Эстеном, получил одобрение двух палат парламента, после чего президент имел выбор между тем, чтобы представить его на одобрение референдума или конгресса, т.е. чрезвычайной совместной сессии Сената и Национальной ассамблеи. Последний вариант оказался предпочтительнее. 29 октября 1974 г. конгресс, собравшись по традиции в Версале, большинством голосов (488 «за», 273 «против» при 3 воздержавшихся) провел конституционный закон об изменении ст. 61. Отныне право обращения в Конституционный совет распространялось на 60 депутатов или 60 сенаторов⁸⁴. Оппозиция получила возможность наложения запрета на самые разные законы, которые ее не устраивают (финансовые, касающиеся свобод человека, иммиграции и т.д.).

К слову, в президентство В. Жискара д'Эстена референдумы, имевшие столь большое значение при Де Голле, вообще не проводились. В этом можно усмотреть нежелание президента, приверженца либеральной идеологии, ущемлять парламент в его посреднической прерогативе. К тому же, В. Жискара д'Эстен ни разу не воспользовался предоставленным ему конституцией правом распустить Национальную ассамблею. Он мог бы это сделать в

⁸⁴ См.: Les constitutions de la France depuis 1789. P. 453.

1974 г., сразу после своего избрания, но предпочел оставить все как есть, приняв необходимость смириться с преобладанием голлистской ЮДР в парламентском большинстве. Вторую возможность он упустил в 1976 г., не вняв советам премьер-министра Ширака, настаивавшего на досрочном роспуске Национальной ассамблеи до выборов 1978 г., которые могли стать неблагоприятными для голлистского большинства ввиду опасного роста популярности левых партий среди избирателей. Вверив себя хорошо отлаженному механизму функционирования институтов, президент решил соблюдать установленные сроки, демонстрируя тем самым, что он выше всякого политиканства.

Следуя принципу плюрализма мнений, В. Жискара д'Эстен попытался наладить диалог со своими политическими оппонентами: депутатам левых партий предлагалось возглавить некоторые из парламентских комиссий, лидеры социалистов и коммунистов Франсуа Миттеран и Жорж Марше приглашались в Елисейский дворец, журналистка леворадикального «L'Express» Франсуаз Жиру получила министерский портфель. Однако диалог не налаживался, отчасти вследствие нежелания оппозиции в нем участвовать. Первый секретарь Социалистической партии Франсуа Миттеран не скупился на критику слов и действий президента, в частности, в ходе телевизионных дебатов 1979 г. с Мишелем Дебре.

В процессе обсуждения вопроса о роли президента Пятой республики, является ли он ответственным лицом, предвзятым судьей или беспристрастным арбитром, оба собеседника сошлись в том, что президент республики, безусловно, должен нести ответственность за судьбы страны. Разногласия возникли по поводу роли арбитра, закрепленной за президентом по конституции. Ф. Миттеран оспаривал мнение М. Дебре о том, что заложенные в конституции принципы позволяют главе государства осуществлять надпартийные примиренческие функции. В подтверждение своей позиции он сослался на обращение В. Жискара д'Эстена к избирателям, сделанное им 27 января 1978 г. в Верден-сюр-ле-Ду накануне намеченных на март парламентских выборов. Президент

призвал французов голосовать против кандидатов левых партий в таких выражениях: «Необходимо выбрать Францию!». Тем самым он поступил как приверженец определенных политических взглядов, возмущался лидер социалистов. Не значит ли это, что все те, кто не разделяет его политику – не Франция?! Итоги парламентских выборов 1978 г., несмотря на старания президента перетянуть одеяло на себя, оказались благоприятны для левых партий, которые могли бы одержать победу, не будь раскола в их среде. Хотя правым и удалось сохранить большинство, социалисты, коммунисты, включая гошистов и левых радикалов, значительно увеличили свое представительство в Национальной ассамблее. «Нельзя на футбольном поле быть одновременно капитаном команды и арбитром, – заключил Ф. Миттеран. – Однако президенты республики, каких мы знали, генерал Де Голль, месье Помпиду и месье Жискард д'Эстен при всех различиях между этими людьми и даже в их представлениях о роли главы государства... всегда вели себя как капитаны команды и редко выступали как беспристрастные арбитры между двумя политическими лагерями»⁸⁵. Только за границей президентам Пятой республики удавалось говорить от имени Франции в целом, в таких случаях они были выразителями общей воли, продемонстрировав способность подняться над партийными страстями. И хотя такая неспособность президентов абстрагироваться от своих политических пристрастий была, по мнению Ф. Миттерана, отчасти вызвана недостатками характеров, главная загвоздка заключалась в особенностях Пятой республики как режима, который наделяет главу государства всеми механизмами и рычагами управления.

Трудно усомниться в правоте Миттерана. Действительно, Жискард д'Эстен проявил непоследовательность в своем либерализме. В конечном счете, его либерализм был окрашен в консервативные тона ровно настолько, чтобы позволить ему вполне хорошо приспособиться к духу, заложенному Де Голлем в инсти-

⁸⁵ INA.fr Ils veulent une 6ème république: <http://www.ina.fr/contenus-editoriaux/articles-editoriaux/ils-veulent-une-6eme-republique> (Дата обращения 10.02.2014).

туты Пятой республики, и перенять авторитарный стиль своих предшественников. Предвыборная инициатива о сокращении срока президентских полномочий оказалась отложена в долгий ящик. И афишируемый плюрализм не мешал Жискара д'Эстена утверждать свою власть во всех сферах политической жизни. Отблагодарив голлиста Ширака за поддержку на выборах постом премьер-министра, Жискара д'Эстен, согласно сложившейся традиции, сам сформировал состав правительства, так что из 15-ти министров только 4 принадлежали к ЮДР, а остальные посты заняли его ближайшие соратники и друзья, многие из которых занимали в прошлом ответственные посты в Финансовом ведомстве. Жискардисты получили министерские портфели первого плана: Мишель Понятовский – министра внутренних дел, Мишель д'Орнано – министра промышленности, Кристиан Бонне – министра сельского хозяйства и т.д.

Первые два года президентства Жискара д'Эстена отмечены стремлением все контролировать, в том числе и внутригосударственные дела, так что должность премьер-министра фактически лишилась своего содержания. По выражению политических обозревателей 1976 г., глава правительства Жак Ширак «оказался низведен до уровня управления по интендантской части»⁸⁶. Президент назначал на все самые важные посты, определял экономические приоритеты в непосредственном общении с министром финансов, объяснял по телевидению политику своего правительства. Реформы Жискара д'Эстена, касавшиеся по преимуществу социальной сферы, и носившие характер модернизации поведенческих аспектов жизни общества (избирательное право с 18-ти лет, узаконенное право на добровольное прерывание беременности – закон Вейль, развод по взаимному согласию и т.п.), не нравились консервативным избирателям ЮДР. Все это вместе взятое имело следствием отставку Жака Ширака, решение о которой принял он сам без согласования с президентом, создав сенсацию в институциональной практике Пятой республики. 25 августа 1976 г., неожиданно для всех, после обычного Совета министров он объявил о том,

⁸⁶ *Donegani J.-M., Sadoun M. La Ve République: Naissance et mort. P. 281.*

что подает в отставку. «Я не располагаю инструментами, которые считаю сегодня необходимыми для того, чтобы действительно выполнять свои обязанности премьер-министра, – заявил Ж. Ширак журналистам, – и, в этих условиях, я принял решение положить им конец»⁸⁷.

После такой выходки своего премьер-министра Жискард'Эстену пришлось распрощаться с планами «жискардизации» голлистской ЮДР. Преобразованная в Объединение в поддержку республики (РПР⁸⁸), она стала с 1976 г. верной опорой политическим амбициям своего лидера Ж. Ширака. Реймон Барр, министр торговли в правительстве Ширака, получил после его ухода назначение премьер-министром и по совместительству министром экономики. Остановив свой выбор на нем, Жискард'Эстен мог быть спокоен: «Жоффер экономики», он не имел за плечами яркой карьеры в политике и не пользовался известностью в среде широкой общественности, а обстановка экономического кризиса, последовавшая вслед за двумя «нефтяными шоками» 1974 и 1979 гг., вынудив правительство на меры «жесткой экономии», не способствовала его популярности.

Во время своего президентства, «аристократ по инстинкту», В. Жискард'Эстен старался создать образ демократичного и близкого к народу правителя, принимая в Елисейском дворце чернокожих мусорщиков, наведываясь на ужин к простым французам, играя на аккордеоне и т.д. И хотя многие ситуации, в которые он себя в таких случаях ставил, поражают своей неестественностью или откровенным гротеском, не подлежит сомнению, что его желание обсуждать проблемы с населением являлось вполне искренним. Как известно, Шарль Де Голль тоже любил непосредственный контакт с народом. Тем не менее, смысл, вкладывавшийся Жискард'Эстеном в общение с нацией не совпадал с тем, который вкладывал в него Де Голль, а в основе лежало разное прочтение

⁸⁷ Charbonneau N., Guimier L. La Ve République pour les nuls. Paris, 2008. P. 171–172.

⁸⁸ Rassemblement pour la République (RPR).

конституции этими двумя политиками.

Притча о погонщике и слоне, приведенная Жискара д'Эстеном в книге «Два француза из трех», является ярким тому свидетельством: «Слон это тот, кто действует, кто перевозит, кто давит. Погонщик не обладает никакой прямой силой. <...> Погонщик побуждает, показывает направление, подбадривает, настаивает. Игра сил, которая воздействует на социальные трансформации, развивает предприятия, возобновляет креативность в культурном пространстве, присуща обществу: это действие слона. Роль руководителей в том, чтобы распознать эти силы, вдохнуть в них жизнь, умело направить их в обход препятствий»⁸⁹. Таким образом, в представлении Жискара д'Эстена жизненная энергия полностью покоится в социальном теле – слоне, президент, он же погонщик, является лишь интерпретатором нужд и желаний народа. Напротив, Де Голль являл собой погонщика и слона в одном лице, ибо воплощал в себе нацию, сливался с ней в едином теле. Народ отказался возобновить «контракт» с Де Голлем, поэтому он ушел, Жискара д'Эстена постигла другая участь: слон наступил на него и раздавил всей тяжестью своего многотонного веса, когда на президентских выборах 1981 г. верх одержал его давнишний оппонент социалист Франсуа Миттеран.

Партия, которая привела Миттерана к власти, – Социалистическая, была основана в 1969 г. на базе СФИО, а в июне 1971 г. на конгрессе в Эпине произошло ее расширение после того как в ее ряды влилась Конвенция республиканских институтов⁹⁰, возглавляемая Ф. Миттераном. Сам Миттеран, ранее не причислявший себя к социалистам, стал первым секретарем обновленной Социалистической партии на волне популярности, которую создало ему участие в президентских выборах 1965 г. один на один против Де Голля. По истечении десяти лет после конгресса в Эпине Социалистическая партия превратилась в одну из ведущих партий Франции, перетянув на свою сторону часть

⁸⁹ *Giscard d'Estaing V. Deux Français sur trois*. Paris, 1984. P. 158.

⁹⁰ *Convention des Institutions républicaines (CIR)*.

электората коммунистов. А левые после 23-х лет, проведенных в оппозиции, впервые оказались на Олимпе власти и задержались там надолго. Переизбранный в 1988 г., Миттеран оставался президентом Франции 14 лет (два президентских срока с 1981 по 1995 гг.). Первые два года его президентства отмечены многочисленными экономическими и социальными реформами: национализацией банков и предприятий, введением налога на крупные состояния, увеличением минимума заработной платы, расширением прав профсоюзов, отменой смертной казни, регионализацией. Однако тяжелая ситуация в экономике страны, инфляция и безработица, а также обязательства, накладываемые участием в европейской интеграции, имели следствием отказ от доктрины построения «социализма по-французски» и поворот в 1982–1983 гг. к более прагматичной политике с неолиберальным уклоном.

Победа левых на президентских выборах 1981 и 1988 гг. явила собой новый вызов институтам Пятой республики, которые были скроены, как известно, правыми для правых или, еще точнее, голлистами для голлистов. Намерение реформировать институты в сторону большей их демократизации и парламентаризма неоднократно фигурировало в предвыборных программах кандидатов левых и левого центра. На выборах 1969 г., к примеру, Гастон Деффер и Пьер Мендес-Франс выдвинули предложение об избрании всенародным голосованием не только президента, но и главы правительства. Миттеран тоже, вероятно, испытывал желание провести некоторые конституционные реформы с целью большей демократизации институтов, которые резко критиковал, находясь в оппозиции, но не мог просто потому, что консервативный состав Сената не позволил бы ему это сделать. Действительно, с 1958 г. в Сенате, избираемом на шесть лет и обновляемом наполовину каждые три года, преобладали правые. При таком составе верхней палаты казалось просто невысказанным получить конституционное большинство голосов – 3/5 от общего состава двух палат на конгрессе (350 сенаторов+577 депутатов). Разумеется, Миттеран мог бы прибегнуть к прецеденту, созданному Де Голлем в 1962 г., и в

обход палат вынести текст поправки на всенародный референдум, но и этого не мог себе позволить после того как вместе с остальными республиканцами осудил такой образ действий как грубое нарушение конституции. В 1992 г. Миттеран распорядился, однако, о создании комиссии под председательством известного юриста Жоржа Веделя, коей в задачу вменялось размышление о том, как достичь равновесия государственных институтов, но ее работа так и не привела ни к какому конкретному результату.

Комментируя в одном из интервью конституцию 1958 г., Миттеран сказал следующее: «Она хороша со мной, она была плохой до меня и будет плохой после меня». В принципе он без особых проблем вписался в существующие институты Пятой республики, чему вероятно во многом способствовала присущая Социалистической партии централизация власти на якобинский манер. Деголлевская концепция власти как воплощающая в себе дух и чаяния народа вполне отвечала президентским установкам самого Миттерана. Впрочем, подобно Де Голлю, он считал свою легитимность не только выборной, но и исторической, возводя ее истоки к основателям социалистического движения Луи Блану и Жану Жоресу. Взяв за правило распускать Национальную ассамблею и объявлять досрочные выборы сразу после своего избрания президентом, Миттеран тем самым обеспечил себе в 1981 г. комфортное, а в 1988 г. относительное большинство в нижней палате парламента. В течение пяти лет каждого президентского срока с 1981 по 1986 гг. и с 1988 по 1993 гг. правительства возглавляли социалисты Пьер Моруа, Лоран Фабиус, Мишель Рокар, Эдит Крессон, Пьер Береговуа, хотя этот факт и не гарантировал Миттерану вседозволенности вследствие раскола Социалистической партии на враждующие течения и группировки.

Наиболее сложными выдались отношения Миттерана с Рокаром. Исполнявший обязанности премьер-министра в течение трех лет, с 1988 по 1991 г., Мишель Рокар был известен как соперник Миттерана в лоне Социалистической партии. Его президентские амбиции и стремление к обновлению имиджа социалистов в смысле

избавления от всякой привязанности к марксистской идеологии и поиска соглашения с центристами не могли не способствовать все большей отчужденности между двумя лидерами. Окружив Рокара преданными себе министрами, Миттеран постарался изолировать его в среде послушного себе правительства. Отношения между двумя главами исполнительной власти еще более обострились после того, как осенью 1990 г. Миттеран открыто поддержал лицейстов, вышедших на улицы с требованиями увеличения расходных статей на образование и ремонт лицеев. В мае 1991 г. Рокар оказался вынужден подать в отставку, о которой говорил в таких терминах: «Я был уволен!».

Тогда же известный политический деятель, член правоцентристской партии ЮДФ Симона Вейль во время своего выступления по французскому телевидению на первом канале (Antenne 1) заявила следующее: «Необходима Шестая республика, которая учредит президентскую систему, лежащую впрочем в основе современного состояния дел и вытекающую из него вполне логично»⁹¹. Шестая республика, по мнению Симоны Вейль, должна имитировать американский образец, ликвидировать должность премьер-министра, а государственных секретарей подчинить напрямую президенту. «Без премьер-министра, – сказала она в интервью, – станет возможным избежать сегодняшней чрезвычайно двусмысленной ситуации, в которой пребывают премьер и его правительство...»⁹². Не приходится сомневаться, что Вейль имела в виду не только подчиненное положение премьер-министра в политической системе Пятой республики, но и натянутые отношения Миттерана с Рокаром.

Однако с победой правых на парламентских выборах марта 1986 и 1993 г. ситуация радикально изменилась, и премьер-министр неожиданно приобрел политический вес, которого не имел раньше. Возможность ситуации, при которой президентское и парламентское большинство принадлежат к разным полити-

⁹¹ INA.fr, cf. note 82.

⁹² Ibid.

ческим лагерям, была заложена в государственной организации Пятой республики, о ее неизбежности говорил Ф. Миттеран в дискуссии 1979 г. с М. Дебре. Парламентские выборы 1978 г., когда левые партии находились на волоске от победы, явились тому своеобразным предупреждением. Тогда В. Жискар д'Эстена, в случае победы левых, выразил намерение удалиться в Рамбуйе, чтобы оттуда выполнять свои президентские обязанности *a minima*, оставив за собой представительство страны на международной арене. Миттеран сделал другой выбор – он избрал «сосуществование» (*cohabitation*) или «сожительство», т.е. компромисс с новым парламентским большинством и вышедшим из его среды премьер-министром, исполняя свои президентские обязанности *a maxima* в соответствии с тем, как они определены в конституции и с опорой на свою демократическую легитимность.

Безусловно, «сосуществования» 1986–1988 гг. и 1993–1995 гг., по два года каждое, явили собой новый вызов институтам Пятой республики в том виде, в каком они сформировались 30-летней практикой власти. В условиях диархии – двухголовой исполнительной власти, учрежденной текстом конституции, отношения президента и премьер-министра были непростыми даже и тогда, когда они принадлежали к одной политической группировке. Иногда между ними складывались силовые отношения, как в случаях Ж. Помпиду и Ж. Шабан-Дельмаса в 1969–1972 гг., Ф. Миттерана и М. Рокара в 1988–1991 гг. Тем не менее, в непростых отношениях президента и премьер-министра последнее слово оставалось за президентом до тех пор пока парламентское большинство принадлежало к его собственному политическому лагерю. Президент выбирал премьер-министра и членов правительства, определял и проводил политику нации. Периоды «сосуществования» поставили под сомнение его всемогущество. Опираясь на большинство Национальной ассамблеи, премьер-министр отныне мог проводить политику, не имеющую согласия главы государства. Такая ситуация сложилась в пору первого и второго «сосуществования», когда премьер-министрами являлись соответственно Жак Ширак и Эдуар Балладюр.

Сосуществование Миттерана и Ширака было достаточно конфликтным в силу того, что предшествовало президентским выборам 1988 г., на которых оба имели намерение выставить свои кандидатуры и, следовательно, позиционировали себя как соперники. Перевес голлистской РПР и правоцентристской ЮДФ⁹³ в парламенте, избранном в первый и единственный раз за все время существования Пятой республики по пропорциональной системе, не представлялся настолько значительным (43% голосов), чтобы окончательно смутить социалистов и левых радикалов, набравших 31,6% голосов избирателей. В первых же своих публичных заявлениях Миттеран постарался расставить все точки над *i*, подчеркнув слабость победы правых, несовпадение своих взглядов с политическим видением нового большинства, а также свое намерение остаться хранителем высших интересов нации и арбитром. Он отстоял свое право председательствовать на советах министров, подписывать декреты и ордонансы, открывать чрезвычайные сессии парламента и т.п.

Тем не менее, став, по сути, главой оппозиции, Миттерану пришлось смириться с утратой значительной части своих прежних прерогатив. Ширак не подходил на роль исполнителя президентской политики, сильное своим большинством в Национальной ассамблее, его правительство по-настоящему определяло и проводило свою политическую линию. Свидетельством тому – 176 законов, большая часть которых отменила меры, проведенные социалистическим правительством начала 1980-х гг., и декретировала приватизацию промышленности и банков, отмену налога на крупные состояния, ликвидацию государственного контроля над ввозом и вывозом капитала и т.д. В 1986 г. Миттеран трижды отказался подписать ордонансы, принятые кабинетом Ширака и касающиеся приватизации государственной собственности. Поступив так, Миттеран создал новый прецедент в трактовке конституции, ибо формулировка ст. 13 не давала однозначного ответа

⁹³ Union pour la démocratie française (UDF) – Союз за французскую демократию был учрежден В. Жискара д'Эстеном в 1978 г.

на вопрос, является ли правомочие главы государства подписывать ордонансы его обязанностью или правом. Недружественный Миттерану парламент мог бы истолковать его отказ как государственную измену, но предпочел разблокировать ситуацию, вотировав оспоренные президентом меры. Даже недовольный таким исходом дела, Миттеран ничего не мог предпринять, ибо не в его власти было отправить правительство Ширака в отставку. Контекст сосуществования аннулировал неписаное право менять правительства, если они перестали устраивать, каким всегда предполагали президенты Пятой республики со времен Де Голля.

По конституции президент и премьер-министр делят между собой некоторые сферы компетенций. По сложившейся традиции, внешняя политика и оборона относятся преимущественно к сфере президентского контроля. Однако и здесь невозможно обойтись без взаимодействия, ибо Национальная ассамблея вотирует кредиты для мероприятий на международной арене и на военные операции. Такая амбивалентность полномочий в полной мере проявила себя в апреле – мае 1988 г. в связи с кризисной ситуацией в Новой Каледонии, имевшей статус заморской территории. Группа сепаратистов-канаков захватила 27 жандармов, которых удерживала заложниками в гроте Увеа, требуя независимости Новой Каледонии в обмен на их освобождение. В то время как Жак Ширак проявил себя сторонником силовых методов разрешения конфликта, Франсуа Миттеран склонялся к поиску мирных средств его урегулирования. В конечном итоге, силами армии и элитного подразделения жандармерии заложников освободили, при этом двое военных погибли и 19 сепаратистов были убиты, некоторых из них казнили или добились уже после прекращения сопротивления. Такая драматическая развязка шокировала общественное мнение Франции. Кто отдал приказ штурмовать грот? Президент или премьер-министр? Ширак утверждал, что действовал с согласия Миттерана.

Вероятно по этой причине, для того, чтобы избежать при случае необоснованных обвинений в якобы единоличных решениях,

Эдуар Балладюр, премьер-министр второго «сосуществования», взял в привычку говорить о «совместной зоне» правительственных и президентских компетенций в сфере внешней политики и национальной обороны. Второе сосуществование в отличие от первого было чрезвычайно куртуазным и неконфликтным отчасти из-за того, что Э. Балладюр по складу характера был сдержанным человеком, отчасти из-за того, что Миттеран не позиционировал себя в качестве конкурента премьер-министра на грядущих в 1995 г. президентских выборах. К тому же Миттеран тяжело болел. После разгромных для левых парламентских выборов 1993 г. (социалисты и левые радикалы потеряли 4/5 мандатов) Э. Балладюр располагал очень комфортным большинством в Национальной ассамблее: коалиция правых партий РПР и ЮДФ завоевала 2/3 парламентских мандатов.

К слову, провал социалистов на выборах (*bérézina*) не удивил молодых активистов Социалистической партии, спрогнозировавших его и основавших годом ранее движение в поддержку Шестой республики, более демократичной и социально ориентированной, по-настоящему парламентской. Обращаясь к президенту Миттерану с требованием глубокой конституционной реформы, они критиковали своих соратников за закоснелость их взглядов, подвергали нападкам неприкосновенную фигуру главы государства, консервативный Сенат и т.д. В одном из интервью телевидению Жан-Люк Меланшон, тогда молодой сенатор, выступил с критикой авторитарного стиля руководства Миттерана: «Мы не желаем ни ханжества, ни убийства своего отца, мы хотим быть самими собой. Мы не обязаны только потому, что это Пятая республика с обреченностью сползать вниз и основывать свои политические позиции только на подергивании брови или на ритме танца вокруг тотема, которому все поклоняются»⁹⁴.

Конституционная реформа, проведенная правительством Балладюра в июле 1993 г., безусловно, не дотягивала до уровня той, к которой призывали участники движения за Шестую республику,

⁹⁴ INA.fr, cf. note 82.

ограничившись модификацией положений о Высшем совете магистратуры (раздел VIII) и Высокой палате правосудия (раздел IX). В конституции появился новый раздел под номером X – «Об уголовной ответственности членов правительства», в результате чего поменялась нумерация последующих разделов⁹⁵. Отныне всякий член правительства, против которого возбуждалось судебное следствие, обязывался немедленно выйти в отставку. Натолкнувшись на отказ Миттерана вынести вопросы конституционных изменений на референдум, Балладюр уступил и вынес голосование реформы на конгресс. В общем и целом в ходе второго сосуществования главы исполнительной власти регулярно выказывали примиренческие настроения и шли на уступки друг другу, так что ситуация, при которой политические соперники вынуждены сосуществовать в едином поле власти, потеряла весь свой изначальный драматизм.

Третье сосуществование, имевшее место в президентство Жака Ширака, когда с 1997 по 2002 гг. обязанности премьер-министра исполнял лидер социалистов Лионель Жоспен, оказалось самым продолжительным – пять лет. Начало этому «сосуществованию» положил сам Ширак, распустив Национальную ассамблею 21 апреля 1997 г. и организовав досрочные парламентские выборы. Избранный президентом двумя годами ранее, Ширак символизировал собой возвращение голлиста во главу государства после длительного, в 21 год, перерыва, и с этим связывалось много надежд. Однако правительство его верного соратника Алена Жюппе в первые же месяцы столкнулось с объективными препятствиями в реализации социальных обещаний, а сам премьер-министр, уличенный в использовании служебного положения в личных интересах, быстро потерял свою популярность. Так же стремительно падал рейтинг и самого Ширака. Тем не менее, его попытка выйти из ситуации путем роспуска нижней палаты оказалась недальновидной, а надежды на то, что разрозненные левые силы не успеют мобилизоваться за короткое время, которое осталось до первого и второго туров выборов 25 мая и 1 июня, не

⁹⁵ Разделы с X по XVI стали соответственно XI – XVII.

оправдали себя. Неудачный политический маневр поставил его на место Миттерана между 1986 и 1988 гг. Согласно сложившейся в таких случаях традиции, Ширак не вмешивался в деятельность композитного правительства левого большинства, оставив, однако, за собой право комментировать проводимые им мероприятия и реформы.

Таким образом, в процессе трех сосуществований режим Пятой республики функционировал как парламентский режим, когда правительство определяет и проводит свою политику, опираясь на созвучное ему большинство в Национальной ассамблее, тогда как глава государства исполняет роль арбитра согласно ст. 5 и располагает правом «вето», которое, как показала практика, всегда можно обойти. Режим пришел в большее соответствие с положениями конституции 1958 г., нежели в течение всей предыдущей конституционной практики, которая, пользуясь совпадением президентского и парламентского большинства, отклонялась от буквы основного закона и следовала созданным Де Голлем прецедентам. Но в то время как роль премьер-министра и правительства возросла очень чувствительно, вряд ли то же самое можно сказать о парламенте. Разумеется, был положен конец голлистской практике, в соответствии с которой лидеры политических партий не могли входить в состав правительства, компетентность народных представителей оказалась востребована для экспертизы различных правительственных проектов и т.п., но с другой стороны, правительство Ширака неоднократно прибегало к ст. 49-3, позволявшей принятие текста законопроекта без голосования. Стоит отметить также, что сущность президентской власти не могла не претерпеть некоторых изменений, несмотря на то, что сосуществования были временным явлением. Отныне даже при наличии благоприятного парламентского большинства президент республики воспринимался как уязвимый персонаж, что не могло не повлечь за собой определенных последствий.

Одной из наиболее значительных конституционных реформ Пятой республики можно считать сокращение срока президент-

ского мандата с 7-ми до 5-ти лет. С инициативой ее проведения выступил Жак Ширак, когда 14 июля 2000 г. заявил о своем намерении вынести вопрос на референдум. Само по себе предложение сократить срок президентского мандата не было чем-то новым, и звучало регулярно в предвыборных программах кандидатов на президентский пост. Жорж Помпиду начал процедуру принятия соответствующей поправки к конституции, но вотированная обеими палатами, она не получила предусмотренных законом 3/5 голосов на конгрессе и осталась нератифицированной. Обещание сократить срок президентских полномочий фигурировало в предвыборной программе Франсуа Миттерана с 1975 г., но без последствий, вследствие упомянутой выше оппозиции консервативного Сената. По сложившейся традиции представители правых партий из принципа всегда голосуют отрицательно в тех случаях, когда инициативы исходят от левых.

Решающим аргументом в пользу проведения реформы стало желание установить соответствие между длительностью мандатов президента и депутатов Национальной ассамблеи при условии, что между президентскими и парламентскими выборами интервал будет не больше месяца. Только так можно избежать дальнейшего повторения случаев сосуществования. Действительно, при совпадении избирательных календарей велика вероятность того, что на выборах в нижнюю палату парламента, следующих непосредственно за избранием президента, верх одержат представители той же самой политической тенденции, к какой принадлежит глава государства, ибо за несколько недель избиратели вряд ли успеют разочароваться в своем кандидате или круто изменить свои предпочтения. И хотя гипотетическая возможность нового сосуществования все же оставалась в случае досрочного роспуска парламента или отставки президента, все же риск его повторения значительно снижался. Жак Ширак, хотя и терпеливо нес свой крест, но все же был не прочь избавиться на будущее от подобных сюрпризов, каковым стало для него «сожительство» с левым политическим большинством. Роль главы государства при

такой ситуации была сведена к минимуму! Неудивительно, что именно Ширак, а не Жоспен выступил с инициативой проведения реформы. Имелся и второй аргумент, тоже по-своему важный, и заключался он в необходимости усилить легитимность главы государства, которая страдала от слишком длительного мандата. В демократической системе чем более удален во времени момент избрания того или иного органа власти, тем больше теряет он в легитимности, и может быть оспорен общественным мнением или другим органом, способным похвалиться более «свежим» избранием. По-видимому, оба эти аргумента показали достаточно убедительными для французов, ибо призванные к урнам 24 сентября 2000 г., они 73% голосов ратифицировали предложенную конституционную реформу о сокращении срока президентских полномочий с 7-ми до 5-ти лет, после чего соответствующая поправка появилась в ст. 6 конституции.

В 2002 г. состоялось переизбрание Жака Ширака на пост президента беспрецедентным большинством голосов – 82%, мобилизовавшихся на защиту демократических ценностей против кандидата ультраправого Национального фронта Жан-Мари Ле Пена. Вследствие прошедших в июне парламентских выборов рычаги власти вновь оказались в руках президента: Союз за президентское большинство, переименованный впоследствии в Союз за народное движение (ЮМП⁹⁶) и объединивший в своем лоне голлистов, центристов и либералов, провел 369 своих депутатов из 577. Говорили о «синей волне» (*vague bleue*), захлестнувшей Национальную ассамблею, в противоположность «розовой волне», накрывшей собрание в 1981 г. Жан-Пьер Раффарен, прозванный «Помпиду из Пуату», подобно своему предшественнику, не имел сколько-нибудь значимой репутации в политических кругах, когда Ширак назначил его премьер-министром. «Удобный» для президента, он не пользовался большой непопулярностью в общественном мнении, и после провала референдума по проекту Европейской конституции в 2005 г. был отправлен в отставку, но

⁹⁶ Union pour un mouvement populaire (UMP).

заменивший его Доминик де Вильпен проводил не менее спорную политику, ответом на которую стали «иммигрантские кризисы» и массовые протесты. Тогда же пришло осознание, что при наличии президента, избираемого по новым правилам на 5 лет, роль других государственных институтов нуждается в существенном переосмотре.

В ходе президентской кампании 2007 г. Пятая республика впервые с момента ее основания в 1958 г. оказалась в центре внимания кандидатов, но не в плане связываемых с нею надежд, а в плане необходимости реформирования ее государственных институтов или замены их другими, более современными и отвечающими духу времени. Проекты Шестой республики, к учреждению которой ранее на президентских выборах во всеуслышание призывал лишь Жан-Мари Ле Пен в 1995 г., выдвинули сразу несколько кандидатов в президенты. Сеголен Руаяль, участница предвыборной кампании от Социалистической партии, высказалась за проведение референдума, который примет новую конституцию и учредит Шестую республику. Отметим, что ранее подобные призывы уже звучали среди членов Социалистической партии и исходили они от Арно Монтебура, создавшего в 2001 г. движение «Конвенция за Шестую республику» (CR6⁹⁷). Во французской прессе и на телевидении широко освещалось заседание движения, прошедшее в 2004 г. в Жарнаке – родном городе Франсуа Миттерана (регион Пуату-Шарант). Режим Пятой республики подвергся на нем суровой критике как недемократичный в силу концентрации власти в руках одного человека – президента. Тогда же прозвучал призыв к бархатной революции с целью учреждения новой республики⁹⁸. В ходе своей предвыборной кампании Сеголен Руаяль использовала многие прозвучавшие тогда лозунги: придать большую значимость парламенту, положить конец совмещению мандатов мэра и депутата, дать больше возможностей для плюрализма мнений. Франсуа Байру, кандидат от ЮДФ, также заявил о своем намерении учре-

⁹⁷ Convention pour la Sixième République (CR6).

⁹⁸ INA.fr, cf. note 82.

дить Шестую республику, призывая укрепить власть парламента, обязать депутатов все внимание сосредоточить на исполнении вверенных им мандатов, обеспечить беспристрастность органов государственного контроля. Николя Саркози, кандидат от ЮМП, не ставя под сомнение институты Пятой республики в целом и осудив наметившуюся тенденцию сваливать на существующий режим всю ответственность за экономические трудности, коррупционные скандалы и кризис власти, выступил с предложением обширной конституционной реформы. Ее целью должно было стать преодоление отрицательных сторон диархии президент – премьер-министр, вносящей «путаницу в практику власти», и придание большего значения парламенту⁹⁹.

6 мая 2007 г. по результатам второго тура президентских выборов Николя Саркози одержал убедительную победу над своей соперницей Сеголен Руаяль, собрав более 53% голосов. Ключи от Елисейского дворца остались в лагере наследников голлизма или точнее приверженцев ЮМП. Назначив главой правительства своего сподвижника Франсуа Фийона, новый президент включил в него многих политиков из левого лагеря как Бернар Кушнер или Эрик Бессон, демонстрируя тем самым свою терпимость и желание расширения контактов со всеми политическими силами. Стремясь создать себе репутацию реформатора, Николя Саркози провел в 2008 г. масштабную конституционную ревизию, в которой намеревался конкретизировать предложения, прозвучавшие в ходе его предвыборной кампании. Реформу приурочили к юбилейной дате – 50-летию институтов Пятой республики.

Специальный комитет под председательством Э. Балладюра, в который входили юристы, политики и интеллектуалы, разработал возможные варианты реформирования статей конституции – всего 77 предложений. Перед комитетом стояла трудная задача модернизировать и уравновесить институты власти, внести ясность в компетенции и функции каждого из них. Однако необходимость

⁹⁹ См.: Duprat J.-A. La Ve République: De la crise d'Etat...à l'état de crise. Paris, 2012. P. 98.

учитывать зачастую противоположные интересы разных политических партий и движений, так же как и нежелание вносить предложения кардинальных перемен, которые повлекли бы изменение режима, привели к тому, что финальный проект носил компромиссный и далеко не вносящий ясность характер. В связи с этим приходят на память слова из советского культового фильма перестроечной эпохи «Асса»:

– А вас, простите, как зовут?

– Алика.

– Странное имя.

– Ничего странного. Дурацкое имя, вот и все. Мама хотела назвать Александрой, отец Ликой. Сошлись на среднем, получилось Алика. Дикость, как впрочем, любой компромисс”.

Одобренная президентом, часть предложений комитета была вынесена на голосование палат, а затем, в июле 2008 г., на совместное заседание 350 сенаторов и 577 депутатов – конгресс – для их ратификации. Изменения прошли с трудом. Вплоть до дня голосования Николя Саркози и его соратники не имели уверенности в положительном исходе голосования. Социалисты, коммунисты, «зеленые», почти все как один, высказывались против предложенных изменений. 21 июля конституционный закон собрал 539 голосов «за», тем самым набрав необходимое большинство в 3/5 (538 мандатов) + 1 голос. Джек Ланг, единственный из Социалистической партии, поддержал предложенные поправки к основному закону после того как принял участие в их разработке в составе комиссии Балладюра, его голос и оказался решающим.

Реформа 2008 г. впечатляет своими масштабами: в конституции Пятой республики подверглись изменению, дополнению и переписыванию 47 статей из 89, иными словами более половины. При этом, как это ни парадоксально звучит, институты Пятой республики не претерпели существенных изменений. Среди нововведений, затронувших исполнительную власть, приведем самые важные. Президент не может осуществлять последовательно более двух мандатов по 5 лет (ранее количество переизбраний прези-

дента не ограничивалось). В соответствии с новой редакцией ст. 18 президент получил право напрямую обращаться к совместным заседаниям обеих палат (конгрессу), которого он был лишен с 1873 г., но не принимать участие в последующем обсуждении. Применение ст. 16 о чрезвычайных полномочиях президента в случае кризиса возможно только с согласия Конституционного совета, который высказывается о целесообразности ее применения. Президент более не возглавляет Высший совет магистратуры – орган судейского сообщества во Франции. Назначения на должности министров и другие государственные посты производятся только с одобрения парламента после заслушивания кандидатов постоянными комиссиями Национальной ассамблеи и Сената.

Часть нововведений касалась взаимоотношений правительства и парламента, расширив права последнего и несколько ограничив действующий принцип рационализованного парламентаризма. В соответствии с новой редакцией ст. 49-3, правительство не может провести без голосования, взяв под свою ответственность, более одного проекта закона в сессию, за исключением тех, что имеют отношение к финансам и финансированию социального страхования. На рассмотрение депутатов выносятся в первую очередь те законодательные тексты, которые прошли обсуждение в комиссиях. Увеличены сроки, отводящиеся на рассмотрение законопроектов, а количество постоянных комиссий возросло с 6-ти до 8-ми. Парламент сам определяет значительную часть своей законодательной повестки (раньше она «спускалась» депутатам из правительства). Исполнительной власти вменяется в обязанность спрашивать одобрение депутатов на отправку французских войск за рубеж сроком более чем на четыре месяца. Отныне любой договор о расширении Европейского Союза выносится на референдум в случае, если он не получил одобрения 3/5 депутатов обеих палат парламента, что явно направлено против дальнейшего расширения ЕС.

Наконец, часть нововведений состоит в признании за рядовыми гражданами республики статуса институционального деятеля.

Любой гражданин отныне может поднять вопрос о несоответствии того или иного закона, даже принятого много лет назад, букве и духу конституции. Осуществляет он это право не напрямую, разумеется, а при посредничестве Государственного совета и Кассационного суда при том, что финальный арбитраж остается за Конституционным советом. Стало возможным проведение референдума по парламентской и народной инициативе при условии, что 1/5 часть парламентариев и 1/10 часть избирателей выскажутся за его проведение.

В целом, конституционная реформа 2008 г. породила самые разные отклики относительно ее содержания и значения. Раздавалось много критических высказываний. Саркози обвиняли в том, что он «ушил» конституцию под себя. И хотя к Сенату и Национальной ассамблее по отдельности президент, по-прежнему, адресоваться не может, поправка, давшая ему право выступать перед конгрессом, вызвала наиболее жесткую критику социалистов. Для удовлетворения своего каприза, ради того, чтобы иметь возможность выступать на конгрессах, созываемых крайне редко, далеко не каждый год, Саркози наступил на прерогативу премьера доводить до сведения депутатов и сенаторов директивы президента в письменном виде. Многие усмотрели в вышеозначенных переменах подражание американской модели, что и неудивительно, принимая во внимание тяготение Саркози к США. В общем и целом, несмотря на пересмотр 2008 г., конституция сохранила гибридный характер и, как отмечали критики реформы, даже его преумножила. Так, историк Арно Тессье, констатировал: «Пересмотренный текст «перенимает» некоторые характеристики президентского режима, «перенимает» также некоторые наиболее характерные черты парламентского режима, но в целом не проясняет ничего»¹⁰⁰. Несмотря на свою неоднозначность, реформа не вызвала бурного недовольства или чрезвычайного интереса в обществе, вероятно, потому, что совпала с сезоном летних отпусков. К тому же следует учитывать, что французы привычны к

¹⁰⁰ *Teyssier A. Histoire politique de la Ve République 1958–2011. Paris, 2011. P. 801.*

переписываниям основных законов, недаром Францию называют «лабораторией конституций».

Во всяком случае, любое изменение текста конституции должно пройти испытание практикой. А президентская практика Николя Саркози была на редкость одиозной. Отодвинув на второй план своего премьер-министра, контролируя деятельность «профильных» министров и проводя политику правительства, Саркози доказал тем самым, что президенту, по-прежнему, принадлежит ведущая роль в государстве. В то же время возросло влияние на государственные дела генерального секретаря администрации президента Клода Геана. За свой стиль президентского правления вездесущий Саркози, заполнявший собой все средства массовой информации, получил прозвище «гиперпрезидента», его советник Клод Геан «серого кардинала», тогда как Фийон воспринимался не иначе как «фантомный» премьер-министр. Сам Саркози в одном из своих выступлений обозначил его в качестве своего «сотрудника», чем вызвал возмущение этого последнего. Тем не менее, Франсуа Фийон стойко перенес свои лишения и пробыл в должности премьер-министра на протяжении всего президентского срока Саркози с 2007 по 2012 гг. – редкий случай в истории Пятой республики, сравнимый разве что с продолжительным пребыванием Жоржа Помпиду и Лионеля Жоспена на этом посту. Более того, Фийон пользовался неизменной поддержкой общественного мнения, тогда как рейтинги Саркози постоянно падали. Гиперактивность президента в данном случае оказала ему медвежью услугу: малейшие неудачи и просчеты внутренней и внешней политики немедленно вменялись ему в вину. Некоторые политические обозреватели, констатируя лишь видимость диархии исполнительной власти в президентство Саркози, задавались вопросом, не поступил бы он правильнее в 2008 г., пойдя прямо к цели и изменив режим на президентский?

По мере приближения президентской кампании 2012 г. среди кандидатов на пост главы государства вновь, как и в 2007 г., стали раздаваться призывы к радикальной реформе государственных

институтов. Лозунги к учреждению Шестой республики звучали в предвыборной кампании кандидата от партии Европа / Экология – «Зеленые» Евы Жоли, которая принимала участие в уличных шествиях, устраиваемых адептами решительных перемен. Многотысячный митинг сторонников кандидата от Левого фронта Жана-Люка Меланшона прошел 18 марта на площади Бастилии под лозунгами «Шестая республика и гражданское неповиновение». Сам Меланшон заявил в своем выступлении, что желает быть президентом Шестой республики. Гражданская революция, к которой он с красной гвоздикой в петлице призвал своих сторонников, должна найти свое выражение в принятии новой конституции. «Нам необходимо сегодня, – заявил он, – во Франции, погрязшей во власти неравноправия, вновь перевернуть страницу Старого порядка»¹⁰¹. Социалисты на этот раз лозунгов новой республики не выдвигали. В предвыборной программе их кандидата Франсуа Олланда фигурировали намерения сократить социальное неравенство и достичь экономического роста, а также обещания быть «нормальным» президентом, что казалось особенно актуальным на фоне Николя Саркози, который тоже выдвинул свою кандидатуру, защищая итоги своего 5-тилетнего пребывания во главе государства.

По результатам второго тура выборов 6 мая 2012 г. Олланд обошел Саркози и стал президентом Франции с результатом 51,64% голосов избирателей. Премьер-министром был назначен Жан-Марк Эро, однако тяжелое наследие, оставленное Саркози правительству социалистов, не позволило им в считанные месяцы побороть безработицу и повысить конкурентоспособность французской промышленности. Создалось впечатление, что Франсуа Олланд не способен выполнить главное обещание своей предвыборной кампании «Перемены сейчас», что повлекло разочарование французов в проводимых им реформах и снижение рейтинга его популярности до 20% – самый низкий рейтинг президента за всю историю Пятой республики.

¹⁰¹ INA.fr, cf. note 82.

Провал Социалистической партии на проходивших в марте 2014 г. муниципальных выборах явился следствием недовольства или разочарования французов в политике Олланда, что подвигло этого последнего немедленно отреагировать и сменить правительство. Новым премьер-министром стал Мануэль Вальс, бывший министр внутренних дел в правительстве Жан-Марка Эро, который своими решительными действиями по борьбе с нелегальной иммиграцией заслужил репутацию самого правого из левых и сильного лидера. Безусловно, побуждаемый неблагоприятными обстоятельствами Олланд назначил Вальса не по своей доброй воле, но потому, что президенты Пятой республики нуждаются в случае острых кризисных ситуаций в энергичном премьер-министре, который служил бы им громоотводом, щитом или предохранителем, подставляя себя под удары критики и оберегая главу государства от «возгорания». Жан-Марк Эро по темпераменту имел гораздо большую совместимость с Франсуа Олландом, но будучи слишком близок к президенту, он не выполнял функции щита и президент, не сохраняя достаточной дистанции по отношению к каждодневной политике своего правительства, становился объектом систематической критики. Совсем недавние события, таким образом, еще раз продемонстрировали всю сложность и неоднозначность отношений между Матиньоном и Елисейским дворцом в политической системе Пятой республики.

Но значит ли это, что назрела необходимость менять институты? Определиться, наконец, кто в доме хозяин? Перейти к чисто президентской системе, в которой президент является единственным главой исполнительной власти при отсутствии премьер-министра, замененного вице-президентом, или к чисто парламентской системе, где парламент перевешивает и президента и главу правительства? К такому исходу призывают сторонники Шестой республики. Но стоит ли? Пятая республика на протяжении более чем полувека своего существования доказала, что представляет собой режим не только эффективный, но и гибкий, могущий существовать при любом политическом раскладе. Свидетельством

тому три эпизода сосуществования, которые познала Франция с 1986 г. Институты продемонстрировали свою способность противостоять вызовам времени. С тех пор как действует конституция от 4 октября 1958 г. Франция ни разу не вернулась к ситуации хронической правительственной нестабильности предшествующих режимов. Конечно, режим Пятой республики далеко не безупречен. Действительно, роль парламента еще довольно слаба, а глава государства в случае наличия парламентского большинства имеет в своем распоряжении все мыслимые рычаги управления, так что премьер-министр и правительство не в силах помешать президенту в узурпации части их полномочий. Изменения такому положению дел, вероятно, могут быть еще предложены. Во всяком случае, невозможно избавиться от впечатления, что упреки в адрес Пятой республики направлены больше против конкретных политиков, нежели против конституционного текста как такового.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что текст конституции Пятой республики претерпел множество изменений с момента своего принятия в 1958 г. В этом, безусловно, своеобразие этого текста (конституционные законы 1875 г., к примеру, просуществовали 70 лет с очень малым количеством изменений), так же как и в его гибридном полупрезидентском – полупарламентском характере. Кроме упомянутых выше конституционных ревизий, которые, как представляется, оказали наиболее важное воздействие на институты Пятой республики, было и много других, особенно с начала 1990-х гг., когда ритм конституционных пересмотров значительно ускорился. Часть модификаций диктовалась европейскими интеграционными процессами, активной участницей которых была и является Франция. Всего на сегодняшний день основной закон Пятой республики прошел, если можно так выразиться, «курс лечения» 24-мя конституционными реформами. «Курс лечения» – потому, что многие из реформ ставили перед собой целью в какой-то мере адаптировать конституцию к быстро меняющимся реалиям современной жизни, не дать ей устареть, хотя нельзя отрицать и совершенную бесполезность некоторых из

них или даже откровенный вред, как в случае с конституционным законом Саркози. Некоторые статьи исчезли, другие появились, вследствие этого их нумерация в тексте более не непрерывная и наличествуют двойные номера. Тем не менее, на вид конституция сохранила или почти сохранила прежнюю структуру: немного «похудела» (89 статей вместо 92), но увеличила количество разделов (XVI вместо XV).

Как правило, модификации вносились в результате парламентской процедуры и лишь две поправки, касающиеся способа избрания президента республики и продолжительности его полномочий, выносились на референдум. В этом некоторые аналитики, выражающие сожаление по поводу слишком частых конституционных ревизий, усматривают их слабость, ведь первоначальный текст был принят всеобщим волеизъявлением. К тому же в случае слишком большого количества изменений связность текста может оказаться под угрозой. И все же трудно спорить с тем, что внесение поправок является определенным гарантом того, что основной закон будет иметь некоторую продолжительность. Ярким доказательством тому является конституция США, где и поныне, хотя и с поправками, действуют конституционные нормы 1787 г.

Не приходится сомневаться, что Де Голль не узнал бы свою конституцию в том основном документе, по которому живет современная Франция. Слова, которыми открывается очерк, в этом контексте особенно уместны: конституция 1958 г. еще здесь как драгоценное фото, сделанное при рождении нового режима, но система изменилась. Пятая республика уже не та, какой была в 1958, 1962 гг., когда закладывались ее институты. Будет справедливо сказать, что сегодня Франция живет в режиме Пятой республики *bis*. И хотя традиции практики власти, унаследованные от деголлевских времен по-прежнему сильны, конституционные реформы привнесли заметные модификации в функционирование режима: президент избирается на пять лет и располагает меньшим авторитетом, нежели раньше, парламент, некогда выполнявший лишь регистрирующие функции, наделен несколько

большими правами и т.п. Внедрение в политическую жизнь средств массовой информации и правосудия также играет не последнюю роль в эволюции государственных институтов Пятой республики, которая предположительно будет происходить и в дальнейшем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История конституционного строительства в странах Западной Европы прошла непростой и извилистый путь, и дорога совершенствования демократии бесконечна. Трудность, связанная с этим, состоит в том, что написанная на бумаге конституция не всегда реализуется в жизни, поскольку её усложняют различные подзаконные акты, которые трактуют основной закон в угоду власти предрержащих. В связи с этим возрастает роль общественных организаций и действительно оппозиционных партий, а не партий выглядывающих из жилетного кармана власти, в борьбе за осуществление конституционных прав граждан.

В представленных главах показана постепенная эволюция, которую прошли конституции Франции, начиная с актов Наполеона. При всей авторитарности правления конституция Наполеона не привела к военной диктатуре. Она вобрала в себя идеи мыслителей Просвещения, физиократов и Революции и, покончив с феодальной, она дрейфовала в сторону буржуазной монархии. Одним из первых в Европе Наполеон обосновал свою императорскую легитимность через всенародный референдум.

Идея сильной исполнительной власти через долгие годы воплотилась во Франции в конституции Пятой республики, принятой в 1958 г. по инициативе генерала Де Голля. И здесь снова она стала опираться на всенародный референдум, вручая руководителю государства мандат нации. Однако с течением времени текст конституции Пятой республики претерпел значительные изменения, пройдя «курс лечения» 24 –мя конституционными реформами. В результате теперь президент избирается на пять, а не на семь лет, как было ранее, большие права получил парламент. Несмотря на это, традиции сильной президентской власти деголлевских времён достаточно прочно удерживают свои позиции.

Если идея сильной власти во Франции вполне мирно уживалась с представительными институтами страны, и демократические

силы, объединённые в Народный фронт в 30-е годы, не дали фашистам прийти к власти, то в Германии ситуация сложилась по-другому. В результате нацистской революции в стране утвердилась диктатура фюрера А. Гитлера и демократические ростки Веймарской республики уступили место нацистской практике. И снимать ответственность общества и германской юстиции за произошедшие впоследствии события и изображать их, как пассивную жертву нацизма является неоправданным упрощением.

Несколько отличный путь перехода к буржуазно-демократическим конституциям проделали скандинавские страны. Его особенность состояла в том, что конституционные перемены осуществлялись не в силу внутренних причин развития общества, а в результате влияния политических перемен во Франции, Англии, США. Скандинавские монархи, придя к мысли о необходимости демократических перемен в законодательстве, провели их при минимальном давлении со стороны народных масс. В связи с этим, процесс ,направленный в сторону парламентской демократии, пошёл эволюционным путём, закончившись утверждением всеобщего избирательного права, широкой многопартийности и значительными правами парламента в деле управления, хотя и с определёнными особенностями в каждой из стран.

Изучая конституционное строительство в ряде стран Европы мы убедились в том, что процесс этот весьма многообразный. Здесь нет, и не может быть, определённых лекал, по которым должны идти страны Европы. И чем больше разнообразия и учёта местных особенностей будет в этом живом деле, тем быстрее войдут в жизнь демократические принципы.

CONCLUSION

History of the constitution-building in the countries of Western Europe has followed a challenging and twisting road, and the way of perfecting the democracy still has no end. The main issue facing this process is that written constitutions are not always turned into reality; sometimes being supplemented with some by-laws, which interpret the fundamental law in the way to please the powers that be. Hence the role of non-governmental organizations and genuine opposition parties (not the ones looking out of the authorities' waistcoat pocket) in the struggle for the effectuation of the citizens' constitutional rights is dramatically increasing.

Contributed papers concern the gradual development which the French constitutions have experienced since the introduction of Napoleonic laws. Napoleon's constitution didn't lead to the military dictatorship in the country regardless of his authoritarian rule. Having absorbed the thoughts of Enlighteners, physiocrats, as well as revolutionary ideas, it had put an end to the feudal monarchy and had been edging towards bourgeois monarchy. Napoleon was one of the first statesmen in Europe who had legitimized his emperorship by the nation-wide referendum.

Many years on, the concept of the strong executive power has been incarnated in the constitution of the Fifth French republic, adopted in 1958 on the initiative of General de Gaulle. And once more this idea was based on nation-wide referendum which handed a mandate of the nation to the head of the state. However, the constitution of the Fifth republic has undergone considerable changes in the course of time, being "cured" by 24 constitutional reforms. As a result now president is elected for five years instead of the previous seven years term, and the parliament has assumed greater authority. Nevertheless the tradition of the strong presidential power established in de Gaulle's era still firmly holds its position.

While the concept of strong power had been going together with the representative bodies in France, and the democratic forces, united within

Conclusion

the Popular Front, hadn't allowed fascists to take power in the 1930s, in Germany the situation was different. Due to the Nazi revolution there was established a dictatorship of Fuhrer A. Hitler, and the beginnings of democracy in Weimar era gave way to the Nazi practice. Thereby it is an inexcusable simplification to disclaim the liability of the German society and justice for the events which followed, and to describe them as innocent and passive victims of Nazism.

A quite different way of acquiring bourgeois-democratic constitutions was experienced by Scandinavian countries. The constitutions there were established or amended not on account of the domestic development but resulted from the influence of the political turnabouts in France, England and the USA. Nordic monarchs, having felt the need to apply the democratic changes to the legislation, introduced them under a comparatively low popular pressure. In this respect the development of parliamentary monarchy was rather evolutionary and ended in enactment of the universal suffrage, wide political pluralism and substantial executive rights of parliament, with each country having its own peculiarities of the process.

Upon exploring the constitution-building in a few European countries, we have come to a conclusion that it had been a highly diverse process. There can be no templates to provide a single pattern for European countries. And the more variety there would be and the more local features would be taken into account, the faster democratic principles would be brought to life.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГЛАВА 1

ОСОБЫЙ ПУТЬ ИНТЕГРАЦИОННОГО КОНСЕНСУСА: ИЗ ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ

Вейбуль Й. Краткая история Швеции / Пер. Ноэми Валлениус. Стокгольм: Шведский институт – Вга Böcker, 1994

Возгрин В.Е. Гренландия и гренландцы. М.: Мысль, 1984.

Возгрин В.Е. Датские историки XVII-XVIII вв.: начало пути к национальной позитивистской историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы двенадцатой ежегодной научной конференции. РХГА: СПб., 2011.

Возгрин В.Е. Дания в наполеоновских войнах // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа. Материалы научной конференции, посвященной памяти профессора В.Г. Реву-ненкова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006.

Возгрин В.Е. Датское крестьянство в XVI – середине XIX в. Гл. 3. Аграрные реформы и буржуазная перестройка деревни // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том третий. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М.: Наука, 1986.

История Дании с древнейших времен до начала XX века / Отв. ред. О.В. Чернышева. М.: 1996

История Норвегии / Отв. ред. А.С. Кан. М.: Наука, 1980

История Швеции / Отв. редактор А.С. Кан. М.: Наука, 1974

Могунова М.А. Государственное право Швеции. М.: Норма, 2009.

Bibliography

Плевако Н.С. Коммунальная система в Швеции: уроки демократии и социальной стабильности // Северная Европа. Проблемы истории. Выпуск 3. М.: Наука, 1999.

Ракитская И.А. Эволюция избирательного права в Швеции // Северная Европа. Проблемы истории / Отв. ред. О.В. Чернышова, А.А. Комаров. М.: Наука, 2011.

Andrén G. Tvåkamarsystemets tillkomst och utveckling // Sveriges riksdag. Bd. IX. Stockholm, 1937.

Arvidson S. Thorild och den franska revolutionen. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1938.

Back P.-E. Det svenska partiväsendet. Stockholm: Almqvist & Wiksells boktryckeri, 1967.

Bagge S., Holstad Smedsdal S., Helle K. Norske middelalderdokumenter. Bergen: Universitetsforlaget, 1973.

Björklund C.J. Första maj och förstamajdemonstrationerna. Stockholm: Tidens Förlag, 1966.

Bjørn C. The Peasantry and Agrarian Reform in Denmark // Scandinavian Economic History Review. Vol. 25. Routledge, Taylor & Francis Group, 1977.

Bojsen Schmidt J. Fra Danehof til Folketing. København: Nyt Nordisk Forlag Arnold Busk, 1963.

Boulhosa P.P. Gamli sátmáli. Tilurð og tilgangur. Reykjavík: Smárit Sögufélags, 2006.

Brorsen L., Johansen K., Møller E. Landbrugets bygninger 1850-1940. København: Kulturarvstyrelsen, 2002.

Brusewitz A. Vad menas med parlamentarism? Ett försök till typologisk bestämning // Statsvetenskaplig Tidskrift, 1929.

Bryld C.-J., Haue H. Det agrare Danmark 1680-1680'erne. Herning: Forlaget System, 1982.

Brøndsted M. Reform og Fallit, 1784-1830. København: Politikens Forlag, 1964.

Cedergreen Bech S. Oplysning og Tolerance, 1721-1784. København: Politikens Forlag, 1965.

Coldevin A. Enevoldstiden. Oslo: Aschehoug & Co., 1963.

Congleton R.D. Perfecting Parliament. Constitutional Reform, Liberalism and the Rise of Western Democracy. New York: Cambridge University Press, 2011.

Corpus Iuris Sueo-Gotorum Antiqui: Konung Magnus Erikssons Landslag. Stockholm: Ulan Press, 2012.

Danmark mellem feodalisme og kapitalisme. Aarhus: Universitetsforlag, 1974.

Danmarkshistoriens blå bog. København: Krak, 1971.

De Geer L. Minnen. Del II. Stockholm: Norstedt & Sönners Förlag, 1892.

Det danske Landbrugs Historie. Bd. I-V. København: G.E.C. Gad, 1925-1945.

Dybdahl V. De nye klasser på vej: 1870-1913. København: Politikens Forlag, 1965.

Dybdahl V. Det nye samfund på vej: 1871-1913. København: Gyldendal, Nordisk Forlag A.S., 1982.

Dyrvik S., Feldbæk O. Mellom brødre. 1780-1830. Oslo: Aschehoug & Co, 1996.

Esaiasson P. Svenska valgkompanjer 1866-1988. Stockholm: Almänna Förlaget, 1990.

Grelle H. Thorvald Stauning. Demokrati eller kaos. København: Jyllands-Postens Forlag, 2008.

Grøn J.U. Fra Islands dæmringstid. Odense: Universitetsforlaget, 1976.

Gårdlund T. Industrialismens samhälle. Stockholm: Tidens förlag, 1942. Göransson J. Aftonbladet som politisk tidning 1830-1835. Uppsala: Uppsala Universitetsförlag, 1937.

Hagemann G. Det moderne gjennombrud: 1870-1905. Oslo: Aschehoug & Co., 2005.

Haue H., Olsen J., Aarup-Kristensen J. Det moderne Danmark 1840-1992. København: Munksgaard, 1993.

Hamrèe M. Nu eller aldrig. Stockholm: Carl Dalén, 1809.

Hansen B., Haue H., Livijn C., Sørensen P. Danmark i tusinde år. København: Politikens Forlag, 1991. S. 19. Далее: Hansen o. a., 1991.

Bibliography

Heckscher G. Svensk konservatism före representationsreformen. Bd. I-II. Uppsala: Almqvist & Wiksells boktryckeri, 1943.

Helle K. Norge blir en stat i 1130-1319 // Handbok i Norges historie. Vol. I. Oslo: Universitetsforlaget, 1964

Hermanson R. Svensk konungamakt, parlamentariskt styrelsesätt och folkviljan. Helsingfors: Söderström & C:o Förlagsaktiebolag, 1915.

Holmsen A. Nye studier i gammel historie. Oslo: Universitetsforlaget, 1976.

Holst W. Frihetstiden. // Sveriges historia genom tiderna. Tredje delen. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948.

Hornwall G. Regeringskris och riksdagspolitik 1840-1841. Uppsala: Almqvist & Wiksells, 1851.

Höjer T. Karl XIV Johan // Sveriges historia genom tiderna. Fjärde delen. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948.

Jansson A. Oskar I. Karl XV // Sveriges historia genom tiderna. Fjärde delen. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948.

Jónsson F. Island fra sagatid til nutid. København: Gyldendalske Boghandel – Nordisk Forlag, 1930.

Jungar S. Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning: Tsardiplomati och rysk-finsk pressopinion. Åbo: Åbo akademi, 1969.

Jørgensen E.S. Den reviderede grundlovs tilblivelse // Den politiske magtkamp 1866-1801 / Red. af Per Salomonsen. Viborg: Jørgen Paludans Forlag, 1968.

Jørgensen E.S. Partier og partimodsætninger 1848-1864 // Den politiske magtkamp 1866-1901 / Red. af Per Salomonsen. Viborg: Jørgen Paludans forlag, 1968.

Karlbom R. Bakgrunden till 1809 års regeringsform. Studier i svensk konstitutionell opinionsbildning 1790-1809 // Studia historica Gothoburgensia. Bd. III. Göteborg: Akademiförlaget, 1964.

Kihlberg L. Den svenska ministären under ståndsriksdag och tvåkammersystem intill 1905 års totala ministerskifte. Uppsala: Almqvist & Wiksells boktryckeri, 1922.

Kjeldstadil K. Et splittet samfunn: 1905-1935. Aschehoug & Co.: Oslo, 2005.

Kjellén R. Riksrättsinstitutets utbildning i Sveriges historia // Skrifter utgifna af Kungl. Humanistiska Vetenskaps-samfundet i Upsala. Bd. IV. Upsala: Almqvist & Wiksells boktryckeri AB, 1895.

Koht H. Harald Hårfagre og rikssamlinga. Oslo: H. Aschehoug, 1955
Konung Christoffers Landslag. Samling af Sveriges gamla Lagar. Utg. af D.G.J. Schlyter. Vol. XII. Lund, 1869

Ladevig Petersen E. Fra standssamfund til rangssamfund. København: Gyldendal, Nordisk Forlag A.S., 1980.

Lange T. Samling om felles mål: 1935-1970. Oslo: Aschehoug & Co., 2005.

Löfgren B., Tham W. Demokratins gennombrotstid 1905-1920 // Sveriges historia genom tiderna. Femte delen. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1953.

Löfgren E.O. Oskar II // Sveriges historia genom tiderna. Fjärde delen. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948.

Magerøy H. Norsk-islandske problem. Gjøvik: Stadsforlaget, 1965.

Marmøy R. Gjennom bølgedalen. Oslo: Aschehoug & Co., 1963.

Melin J., Johansson A.W., Hedenborg S. Sveriges historia. Stockholm: Prisma, 2003. S. 170. Далее: Melin o. a., 2003

Mentz S. Skandinavien, Wienerkongressen og bernadottedynastiets etablering i Norge // 1814 - Spillet om Danmark og Norge. Frederiksborg: Norsk Folkemuseum og Det Nationalhistoriske Museum på Frederiksborg, 2014.

Nissen B.A. Det nye Norge grunnlegges. Oslo: Aschehoug & Co., 1964.

Nissen B.A. Nasjonal vekst. Oslo: H. Aschehoug & Co., 1964.

Norberg J. Den svenska liberalismens historia. Stockholm: Timbro, 1998.

Norge under eneveldet 1720-1800. Bergen-Oslo-Tromsø: Universitet-förlaget, 1976.

Norrby G. Adel i förvandling. Adliga strategier och identiteter i 1800-tallets borgerliga samhälle. Upsala: Uppsala Universitetet, 2005. S. 27. Далее: Norrby, 2005

Nyman T. Kommittépolitik och parlamentarism: Statsminister

Bibliography

Boström och rikspolitiken 1891-1905. En studie av den svenska parlamentarismens framväxt. // *Acta Universitatis Uppsalsiensis*. Skrifter utgivna av Statsvetenskapliga Föreningen. Vol. 132. Uppsala, 1999.

Nørregård G. *Freden i Kiel* København: Rosenkilde, 1954

Petersen N.M. *Kong Valdemar den andens Jyske Lov* // *Nordiske Oldskrifter udgivne af Det Nordiske Literatur-Samfund*. Bd. IX. København: Brødrene Berlings Bogtrykkeri, 1850.

Påhlman A., Sjölin W. *Arbetarföreningarna i Sverige 1850-1900*. Stockholm: Kooperativa Förbundets bokförlag, 1944.

Sars J.E. *Udsigt over den norske historie*. Oslo: Universitetsforlaget, 1967.

Scocozza B., Jensen G. *Danmarkshistoriens hvem, hvad og hvornår*. København: Politikens Forlag, 1999.

Seip A.-L. *Nasjonens bygges: 1830-1870*. Oslo: Aschehoug & Co, 1997.

Skovmand R. *Folkestyrets fødsel 1830-1870*. København: Politikens forlag, 1964.

Sogner S. *Krig og fred, 1660-1780*. H. Aschehoug & Co: Oslo, 2005.

Steen S. *Hvordan Norges storting ble til* // *Norsk historie 1814-1905*. Artikler og utdrag. Bergen-Oslo-Tromsø: Universitetsforlaget, 1967.

Stefansson V. *Iceland the First American Republic*. New York: Doubleday, Doran & Co., 1944.

Stråth B. *Union og demokrati. Dei sameinte rike Noreg-Sverige 1814-1905*. Oslo: Pax Forlag A/S, 2005.

Sundberg P. *Ministärerna Bildt och Akerhjelm. En studie i den svenska parlamentarismens fördårdar*. Stockholm: Ronzo Boktryckeri AB, 1961.

Svedelius W.E. *Representationsreformens historia*. Stockholm: Fahlcrantz & Co., 1889.

Sylvan N. *Karolinska tiden. Sveriges historia genom tiderna. Tredje delen*. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948.

Thuesen N.P. *Norges historie i årstal fra steinalderen til i dag*. Oslo: Orion forlag, 1997.

Vallinder T. *I kamp för demokratin: Rösträttsrörelsen i Sverige 1886-1900*. Stockholm: Natur och kultur, 1862. S. 12.

Vammen H. Den tomme stat. Angst og ansvar i dansk politik 1848-1864. København: Museum Tusulanums Forlag, 2011.

Vibæk M. Den danske Handels Historie. Fra de ældste Tider til vore Dage. København: Gyldendalske Boghandel – Nordisk Forlag, 1933-1938.

Wahlström L. Gustavianska tiden // Sveriges historia genom tiderna. Tredje delen. Stockholm: Saxon & Lindströms förlag, 1948.

Wallin G. Valrörelser och valresultat. Andrakammarvalen i Sverige 1866-1884. Stockholm: Ronzo Boktryckeri AB, 1961.

ГЛАВА 2

ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО ЕВРОПЫ РУБЕЖА НАЧ. XIX В. И ПРОБЛЕМА КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НАПОЛЕОНА

Aulard A. Paris sous le Consulat, Paris, 1903.

Bergeron L. Chaussinand-Nogaret, Les “Masses de granit” Cent mille notables du Premier Empire. Paris, 1979.

Bertaud J.-P. Le Consulat et l’Empire (1799-1815), Paris, 1989.

Bluche F. Le Despotisme éclairé, Paris, 2000.

Boudon J.-O. Histoire du Consulat et de l’Empire (1799-1815), Paris, 2000.

Boudon J.-O. Napoléon et les cultes. Les religions en Europe a l’aube de XIX siècle (1800-1815), Paris, 2002.

Bourguet-Rouveyre J. La survivance d’un système électoral sous le Consulat et l’Empire // Annales historiques de la Révolution française, №346, 2006.

Bulletin des lois, 1799-1814.

Chaptal J.-A. Mes souvenirs sur Napoléon, Paris, 2009.

Chastenay L.-M.-V. De Mémoires de madame de Chastenay (1771-1815), Paris, 1896, 2 vol.

Chaunu P. La Civilisation de l’Europe des Lumières, Paris, 1997

Bibliography

Chevallier J.-J. Histoire des institutions politiques de la France Moderne (1789 -1945), P., 1958.

Coppolani J.-I. Les élections en France à l'époque napoléonienne, Paris, 1980.

Corps Législatif, Discours prononcé par Portalis, orateur du Gouvernement, 15 germinal An 10, Paris, 1802.

Cottret M. Culture et politique dans la France des Lumières : 1715-1792, Paris, 2002.

Deslandres M. Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à 1870, Paris, 1932-1937, v.1.

Dictionnaire Napoléon, sous la direction de J. Tulard, Paris, 1987.

Directoire exécutif// Annales historiques de la Révolution française, N°332, 2003.

Girardin S.-C. de Mémoires, journal et souvenirs de S. de Girardin, Paris, 1829, 2 vol.

Godechot J. Sens et importance de la transformation des institutions révolutionnaires à l'époque napoléonienne // Revue d'histoire moderne et contemporaine, juillet-septembre 1970.

Gourgaud G. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène, Paris, 1823, t.1

Guichet Y. Histoire constitutionnelle française (178-1958), P., 1990.

Hauterive E. d' et Gassion J. La police secrète du Premier Empire. Bulletins quotidiens, Paris, 1908-1964, 5 vol.

Las Cases E. de, Mémorial de Saint-Hélène, Paris, 1968.

Lemerrier de La Rivière de Saint-Médard P.-P. L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, Londres -Paris, 1767, 2 vol.

Lenz T. Le Grand Consulat, Paris, 1999.

Lenz T. Nouvelle histoire du Premier Empire, vol. 3, La France et l'Europe de Napoléon, 1804-1814, Paris, 2007.

Marquiset A. Napoléon stenographié au conseil d'Etat, 1913.

Miot de Melito A.-F. Mémoires du comte Miot de Melito, ancien ministre, ambassadeur, conseiller d'Etat et membre de l'Institut (1788-1815), Paris, 1858, 3 vol.

Moniteur Universelle, 1799-1814.

Morabito M. Histoire constitutionnelle de la France (1789-1958), P., 2000.

Napoléon Bonaparte Correspondance de Napoléon, Paris, 1858-1870, 32 vol.

Napoléon Bonaparte Correspondance générale, Paris, 2004-2012, vol. 1-9, vol. 12.

Pasquier E.-D. Histoire de mon temps. Memoires du chancelier Pasquier, Paris, 1893-1894, 6 vol.

Pelet de Lozère P.-J.-C. Opinions de Napoléon sur divers sujet de la politique, Paris, 1833.

Quesnay F. Physiocratie, ou Constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain, 1768-1769, 2 vol.

Recueil général des lois et des arrêts, 1791-1850, Paris, 1850, (15 vol. 1791 – 1815)

Roederer Œuvres, Paris, 1853-1859, vol. 8.

Serna P. Barrère penseur et acteur d'un premier opportunisme républicain face au Directoire exécutif // Annales historiques de la Révolution française, №332, 2003.

Sieyès E.-J. Des manuscrits de Sieyès, 1775-1799, Paris, 1999.

Soboul A. La civilisation de la France napoléonienne, Paris, 1990.

Thibaudeau A. C. Le Consulat et l'Empire, Paris, 1834-1835, vol. 4.

Thibaudeau A. C. Mémoires sur le Consulat, Paris, 1827.

Tulard J. Napoléon ou le myth du sauveur, Paris, 1977.

Turgot A. Œuvres de Turgot et les documents le concernant, Paris, 1913, 5 vol.

Voltaire Œuvres complètes de Voltaire, Paris, 1785.

Voltaire Œuvres complètes de Voltaire, Paris, 1879.

Vovelle M. Le Siècle des Lumières, Paris, 1977-1988.

Yorke H. R. Paris et la France sous le Consulat, Paris, 1921.

ГЛАВА 3

**ОТ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
К НАЦИСТСКОМУ ГОСУДАРСТВУ.
РАЗРЫВ С КОНСТИТУЦИОННОЙ ТРАДИЦИЕЙ
НА ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Винклер Г. Веймар 1919-1933. История первой немецкой демократии. М., 2013

Кунц К. Совесть нацистов. М., 2007

Angermund R. "Recht ist, was dem Volk nutzt." Zum Niedergang von Recht und Justiz im Dritten Reich. In: Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992

Bessel R. Life in the Third Reich. Oxford, 1986

Blasius D. Geschichte der politischen Kriminalität in Deutschland 1800-1980. Frankfurt am Main, 1983

Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965

Broszat M. Der Staat Hitlers München, 1987

Buchheim H. Anatomie des SS-Staates. Bd. 1-2, Olten, 1965

Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus Frankfurt am Main, 2000

Dreier R., Sellert W. (Hg) Recht und Justiz im Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1989

Echterhölter R. Der öffentliche Recht im NS-Staat. Stuttgart, 1970

Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1964

Fraenkel E. Der Doppelstaat. Recht und Justiz im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1984

Gruchmann L. Justiz im Dritten Reich 1933-1945. München, 1988

Gruchmann L. Der Reichstagsbeschluß vom 26. April und seine Bedeutung für die Maßregelung der deutschen Richter durch Hitler. // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2003, H. 4

Güstrow D. Tödlicher Alltag – Strafverteidiger im Dritten Reich. Berlin, 1981

Haase N. Wehrmachtsangehörige vor dem Kriegsgericht. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999

Hannover H. Politische Justiz 1918-1933. Hamburg, 1977

Koch H. Volksgerichtshof. Politische Justiz im Dritten Reich. München, 1988

Jasper G. et al. (Hg) Justiz und NS. Hannover, 1985

Maser W. Deutschland. Traum oder Trauma. Kein Requiem. München, 1984

Maser W. Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983

Majer D. „Fremdvölkische“ im Dritten Reich. Boppard am Rhein, 1981

Mayer-Malz T. Arbeitsgerichtsbarkeit im Nationalsozialismus. Judikatur als Instrument von „Säuberung“ und Disziplinierung. // Archiv für Sozialpolitik, 1991, Bd. 31

Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Zürich, 1946

Milza P. Les fascismes. Paris, 1991

Niermann H.-E. Politische Strafjustiz im NS. Exemplarische Bedingungen ihrer Durchsetzung und Radikalisierung im Dritten Reich. Aachen, 1996

Petter W. SA und SS als Instrumente nationalsozialistischer Herrschaft. In: Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992

Rebentisch D. Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Verfassungsentwicklung 1939-45. Stuttgart, 1989

Ruck M. Führerabsolutismus und polykratisches Herrschaftsgefüge - Verfassungsstrukturen des NS-Staates. In: Bracher K. D., Funke M.,

Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992

Schnorr H. Der Richter im Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1959

Schoeps H.-J. Preußen. Bilder und Zeugnisse. Berlin, 1967

Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. Düsseldorf, 1970

Weinkauff H., Wagner A. Die deutsche Justiz und der NS. Stuttgart, 1968

Weisenborn G. (Hg) Der lautlose Aufstand. Bericht über die Widerstandsbewegung des deutschen Volkes. Hamburg, 1962

ГЛАВА 4

XXI ВЕК – НОВЫЙ ВЫЗОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ФРАНЦИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ – МЕЖДУ ПЯТОЙ И ШЕСТОЙ РЕСПУБЛИКОЙ?

Арзаканян М. Великий Де Голль. «Франция – это я!». М.: Яуза: Эксмо, 2012. (“Гении власти”).

Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. Г. И. Семенова. М.: Изд-во “Текст”, 1993: <http://bookz.ru/authors/reimon-aron/aronreim01/1-aronreim01.html> (Дата обращения 03.03.2014).

Де Голль Ш. Военные мемуары: Спасение 1944–1946 / Пер. с фр. И. В. Ионова, Д. Д. Литвинов, А. И. Щедров. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига (серия “Военно-историческая библиотека”), 2004.

Уильямс Ч. Последний великий француз. Жизнь генерала Де Голля / Пер. с англ. А. Ю. Шманевского. М.: АСТ: Ермак, 2003.

Berstein S. La France de l’expansion. 1. La République gaullienne (1958–1969). Paris: Editions du Seuil (col. “Points Histoire”), 1989.

Charbonneau N., Guimier L. La Ve République pour les nuls. Paris: Éditions First, 2008.

Chevallier J.-J. Histoire des institutions et des régimes politiques de la France de 1789 à 1958. 9e éd. Paris: Armand Colin, 2001.

Cotta M. La Sixième République. Paris: Flammarion, 1974.

De Gaulle Ch. Discours et messages. T. III: Avec le renouveau: mai 1958 – juillet 1962. Paris: Plon, 1979.

De Gaulle Ch. Mémoires d'espoir. T. 1: Le renouveau 1958–1962. Paris: Plon, 1970. T. 2: L'Effort 1962 –... Paris: Plon, 1971.

Donegani J.-M., Sadoun M. La Ve République: Naissance et mort. Paris: Gallimard (col. "Folio Histoire"), 1998.

Duieux G. La France de 1945 à 1965. 3e éd. Paris: Armand Colin, 1972.

Duprat J.-A. La Ve République: De la crise d'Etat... à l'état de crise. Paris: Éditions Glyphes, 2012.

Duverger M. La VIe République et le Régime présidentiel. Paris: Arthème Fayard, 1961.

Duverger M. Le système politique français. Droit constitutionnel et science politique. 21e éd. Paris: PUF (col. "Thémis"), 1996.

Giscard d'Estaing V. Deux Français sur trois. Paris: Éditions Compagnie 12, 1984.

INA.fr Ils veulent une 6ème république: <http://www.ina.fr/contenus-editoriaux/articles-editoriaux/ils-veulent-une-6eme-republique> (Дата обращения 10.02.2014).

Lacouture J. De Gaulle. 2. Le politique 1944–1959. Paris: Éditions du Seuil, 1985.

La Fondation Charles De Gaulle: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/espace-pedagogique/le-point-sur/les-textes-a-connaître/discours-du-20-septembre-1962.php>

Les constitutions de la France depuis 1789. Présentation par Jacques Godechot. Édition corrigée et mise à jour par Hervé Faupin. Paris: Éditions Flammarion, 2006.

Mitterrand F. Le coup d'Etat permanent. Paris: Les belles lettres, 2010 (1ère éd. 1964).

Noël L. La Traversée du désert. Paris: Plon, 1973.

Peyrefitte A. C'était De Gaulle. En 3 volumes. Vol. 1: "La France redevient la France". Paris: Éditions de Fallois-Fayard, 1994.

Rémond R. Les Droites en France. Paris: Aubier, 2008.

Bibliography

Sénat, un site au service des citoyens: http://www.senat.fr/evenement/revision/texte_originel.html (Дата обращения 05.03.2014).

Sirinelli J.-F. La Ve République. 3e éd. Paris: PUF (col. “Que sais-je?”), 2008.

Teyssier A. Histoire politique de la Ve République 1958–2011. Paris: Perrin (col. “Tempus”), 2011.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адальберт Бременский 56
Адольф Фредрик Голштинский 89
Александр (Олав) 50
Альберти, Петер 143
Ампера, Андре-Мари 187
Андерссон, Торд 63
Анкарверд, Карл Хенрик 47, 48
Араго, Франсуа 187
Аранссон, Кольбейн 58
Арасон, Гудмунд 57
Арендт, Ханна 196, 198, 199
Арнарсон, Ингольф 52
Арон, Реймон 286, 287, 298
- Байру, Франсуа 319
Балладюр, Эдуар 311, 314, 315, 320, 321
Барер, Бертран 161
Барр, Реймон 306
Барфод, Фредерик 131
Берг, К. 139
Береговуа, Пьер 309
Бержерон, Луи 180
Берлье, Теофиль 168
Бернадот, Жан-Батист (Карл Юхан) 28, 34, 35, 38, 47, 103, 105
Бернадотов династия 103
Бернард, епископ 55
Берстайн, Серж 263, 291
Берто, Жан-Поль 157
Бертолле, Клод-Луи 186,
Бессон, Эрик 320
Бест, Вернер 213
- Био, Жан-Батист 187
Бисмарк, Отто фон 135, 204, 205
Блан, Луи 268, 309
Блюм, Леон 255, 267, 270
Бонапарт, Луи-Наполеон 266, 287
Бонапарт, Люсьен 179
Бонапарт, Наполеон 6, 7, 27, 29, 104, 1654-159, 164, 166, 171, 173, 174, 176, 180, 184, 186-188, 330
Бонне, Кристиан 305
Броскат, Мартин 193, 194
Бугенвиль, Луи-Антуан де 187
Будон, Жак-Оливье 157
Бумке, Иоахим 212
Бурке-Ривьер, Жозиан 164
Бьернсон, Бьернстьерне 47
- Вальдемар II Победоносный 114, 115
Вальс, Мануэль 326
Вергеланн, Хенрик Арнольд 36
Вебер, Макс 206
Ведель, Жорж 287, 309
Ведель, Я. 105
Вейль, Симона 305, 310
Вельхавен, Юхан Сеабастьян 40
Весмар, Ханс 219, 220
Вессель, Хорст 219, 226
Видт, Л.Н. 128
Вильгельм I 195
Вильгельм II 202
Вильпен, Доменик де 318
Вильям Сабинский 58

Именной указатель

- Винклер, Генрих Август 208
Вольней, Константен-Франсуа 185
Вольтер, Франсуа-Мари-Аруэ 117, 172-179, 183, 187, 188
- Гайяр, Феликс 251
Гамбетта, Леон 269
Геан, Клод 324
Гebbельс, Йозеф 213, 219, 225, 231, 236, 238, 241,
Геер, Луи де 107, 110
Гейдрих, Рейнгольд 228, 231, 237, 239, 240,
Гей-Люссак, Жозеф-Луи 187
Геринг, Герман Вильгельм 215, 218, 228
Гиммлер, Генрих 225, 228, 231, 233, 238, 239
Гинденбург, Пауль фон 206, 208, 216
Гитлер, Адольф 191-193, 195-198, 200-203, 205, 207, 210-213, 215-219, 225, 227, 228, 230, 231, 233-238, 240-241, 243, 331
Гицурссон, Ислейфр 56
Гише, Ив 156
Годшо, Жак 157, 158
Грамзе, Пауль 236, 237
Густав II Адольф 88, 89
Густав III 89, 96, 97
Густав IV Адольф 28, 98, 99
Густав V 100
Густав Васа 87
Гюльденстерна, Алекс 15,
Гюртнер, Франц 211, 214, 220, 221, 231, 236, 238
- Де Голль, Шарль 5, 7, 249-255, 259-265, 267-278, 280-299, 301, 302, 304, 306-309, 313, 316, 328, 330
Дебре, Мишель 291
Деландр, Морис 155
Деффер, Гастон 308
Добантон, Луи Жан-Мари 187
Дону, Пьер 160, 161, 173, 188
Думерг, Гастон 269, 278
Дюверже, Морис 249, 250, 287
- Жакино, Луи 265
Жиру, Франсуаз 303
Жискар д'Эстен, Валери 249, 291, 297-307, 311, 312
Жоли, Ева 325
Жорес, Жан 309
Жоспен, Лионель 315, 318, 324
Жувенель, Бертран де 287
Жюппе, Ален 315
- Ингеборг 16
Исидор Севильский 114
Йерта, Ханс 103
Йохансен, Ларс-Эмиль 149
- Кальтенбруннер, Эрнст 239,
Камбасерес, Жан-Жак Режи де 172
Карл XI 88, 89
Карл XII 88, 89
Карл XIII Шведский 103, 105
Карл XIV Юхан 105
Карл XV 106, 107
Карл, герцог 50, 98, 99
Карл, датский принц (Хокон VII, норвежский король) 50, 51
Карно, Лазар 187
Квандт, Михаэль 199

- Кёй, Анри 258
Кенэ, Франсуа 175
Керенский, Александр 226
Кеттиль, епископ 56
Коллет, Йун 41
Кондорсе, Николая де 174
Копполани, Жан-Ива 157, 164
Корзельт, Теодор 243
Корню-Жантий, Бернар 292
Кост-Флоре, Поль 255
Коти, Рене 251, 252, 257, 258, 262
Котта, Мишель 300
Крессон, Эдит 309
Кристенсен, Йенс 142, 143
Кристиан I Ольденбург 17, 18, 20
Кристиан II 20, 115
Кристиан III 20, 22
Кристиан IV 21
Кристиан IX 72, 74, 141
Кристиан V 26
Кристиан VIII 70, 123, 124, 128, 144
Кристиан X 77
Кристиан Август (Карл Август) 28,
Кристиан Фредерик 29, 31, 34, 35,
104
Кристофер Баварский 17, 18, 90
Кулон, Шарль Огюстен де 187
Кушнер, Бернар 322
Кювье, Жорж-Леопольд 187
- Лагранж, Жозеф-Луи 187
Ламарк, Жан-Батист 187
Ламмерс, Ганс 236
Ланг, Джек 321
Ланьель, Жозеф 261
Лаплас, Пьер-Симон 184, 188
Ласепед, Бернар Жермен де 188
Лассаль, Фердинанд 5, 190,
Лафонтен, Жан де 259
Лебрэн, Альбер 280
Лежандр, Адриен-Мари 187
Леман, Орла 128, 129
Лемерсье Ривьер де ла 175
Ленц, Тьерри 157, 164, 174
Линдман, Арвид 112
Лолм, Жан Луи де 86, 99
Лоуренс Аравийский 220
Луи-Филипп I 287
Люббе, Мариус ван дер 215, 216
Людендорф, Эрих 206
Людовик XVI 259
- Магнус VI 62
Магнус VII Эрикссон 64, 80, 90
Мак-Магон, Патрис де 268, 269, 273
Малапарте, Курцио 230
Мальро, Андре 263
Малюс, Этьен-Луи 187
Маргрете II 151
Маркс, Карл 174
Маркузе, Герберт 246
Марше, Жорж 303
Массю, Жак 251
Маунц, Теодор 213
Мейнеке, Фридрих 195
Меланшон, Жан-Люк
Мендес-Франс, Пьер 260-262, 270,
271, 287, 308
Мессмер, Пьер 297, 299
Микельсен, Кристиан 49
Миллеран, Александр 269, 270, 278
Мирабо, Оноре де 174
Миттеран, Франсуа 249, 258, 262,
263, 271, 287, 288, 294, 300, 303, 304,
307-317
Мишле, Эдмон 263

Именной указатель

- Молле, Ги 259, 262, 263, 265
Мольтке, Адам Вильгельм 127, 128, 130, 145
Монж, Гаспар 184-186, 188
Монрад, Дитлев Готгард 128
Монтебур, Арно 319
Монтескье, Шарль Луи де 86, 99, 174
Морабито, Марсель 156
Мориак, Франсуа 259
Моруа, Пьер 309
Мотцфельд, Йосеф 151
Моцарт, Вольфганг Амадей 158
Муссолини, Бенито 243
Мюрвиль, Морис Кюв де 295
- Нансен, Фритьоф 50
Неезе, Готфрид 212, 213
Нивель, генерал 241
Нойманн, Франц 191-198
Нозль, Леон 270
- Оддсон, Ауртни 67
Окинлек, генерал 242
Олланд, Франсуа 249, 325, 326
Олов Трюгвассон 55
Олов Харальдссон Святой 20, 55
Ольденбурггов, династия 116
Ольсен, Ангмалорток 147
Ориоль, Венсан 259
Орнано, Мишель д' 305
Оскар I 105, 106
Оскар II 48, 49, 109, 111, 112
- Пайпс, Ричард 245
Папен, Франц фон 220
Пен, Жан-Мари Ле 318, 319
Петен, Филипп 249, 280, 283
- Пино, Кристиан 258
Пио, Л. 138
Плевен, Рене 271
Помпиду, Жорж 249, 291, 292, 294-297, 299, 304, 311, 317, 318, 324
Понятовский, Мишель 305
Порталис, Жан-Этьен-Мари 173, 178, 188
Поэр, Ален 296
Преаменэ, Биго де 173, 188
Пройсс, Хуго 204
Пфлимлен, Пьер 251, 252, 262, 263, 265,
- Рамадье, Поль 257
Расмуссен, А. Фог 149
Ратенау, Вальтер 219
Раффарен, Жан-Пьер 318
Рёдерер, Пьер Луи 178, 183
Ремон, Рене 300, 301
Рен, Фриц 216
Робеспьер, Максимилиан 174
Рокар, Мишель 309-311
Ротенбергер, Курт 210
Руаяль, Сеголен 270, 319, 320
Руссо, Жан-Жак 174
Салан, Рауль 252
Саркози, Николая 249, 320, 321, 323-325, 328
Свейнссон, Бриньоульв 67
Сегестед, Ганнибал 141
Сельмер, К.А. 45
Сент-Илер, Жоффруа 187
Сехестед, Ганнибал 21
Сигватссон, Струла 58
Сигурдссон, Йоун 70-72, 77
Сийес, Эммануэль Жозеф 161, 164
Симон, Жюль 268, 310

- Станг, Фредерик 43, 44
Стаунинг, Торвальд 144
Струэнзе, Иоганн Фридрих 117
Стрэчи, Литтон 190
Стурлуссон, Снорре 55, 58
Сустель, Жак 260
- Тангобранд, миссионер 55
Тардьё, Андре 269, 270
Тегнер, Эсайас 84
Тессье, Арно 323
Тибодо, Антуан-Клэр 160
Тилессен, Генрих 219
Тирак, Йозеф 217, 231
Тирак, Отто Георг 237-239
Толакссон, Арни, епископ 64
Торвальдссон, Гицур 58
Тордарсон, Струла 58
Торлак, епископ 56
Траси, Антуан Дестют де 187
Тронше Франсуа-Дени 173, 188
Турильд, Томас 84
Тюлар, Жан 156, 158, 187
Тюрго, Анн-Робео-Жак 175
- Уфуэ-Буаньи, Феликс 265
- Фабиг, Пауль 236
Фабийус, Лоран 309
Фальсен, Кристиан Магнус 31
Фийон, Франсуа 320, 324
Фор, Эдгар 257, 258
Франк, Ганс 210, 213, 223, 226, 227, 229, 230
Фредерик I 20
Фредерик III 22, 23, 67
Фредерик VI 29, 104
Фредерик VII 71, 116, 128, 133
- Фредрик I Гессен-Кассельский 89, 91
Фрейслер, Роланд 210, 216, 231, 237, 238
Френкель, Эрнст 191-194, 198
Фридрих Великий 195, 201, 202
Фридрих, Карл 198
Фрик, Вильгельм 194, 215, 221
Фуркруа, Антуан-Франсуа 186
Фурье, Жан Батист Жозеф 187
- Хакон V Мангуссон 15, 16
Хальвард «Золотой башмак» 59
Хаммонд, Алека 152
Ханс, король 19
Хансен, Й.А. 136
Хансен, Оле 141
Хассель, Ульрих фон 230
Хафстейн, Ханнес 74
Хедин, Адольф 108
Хене, Рейнгольд 213
Хойх, епископ 50
Хокон IV Хоконарссон 57, 58
Хокон IV Хоконсон 60
Хокон VII 50, 51
Холер, Али 219
Хорфагр, Харольд 13
Хубер, Эрнст Рудольф 218
- Шабан-Дельмас, Жак 260, 293, 297, 299, 300, 311
Шапталъ, Жан-Антуан 185
Шевалье, Жан-Жак 155, 156
Ширак, Жак 249, 299, 303, 305, 306, 311-313, 315-318
Ширер, Уильям 245
Шлегельбергер, Франц 211, 212
Шлейхер, Курт фон 220

- Шлитт, Эвальд 211, 235
Шмит, Гельмут 199, 207
Шмитт, Карл 207, 208, 213, 218
Шовелен, Бернар Франсуа де 169
Шольц, Эльфрида 243
Шоссина-Нагаре, Ги 180
Шульц, Генрих 219
Шульценхайм-Старший, Давид фон 100, 101
- Эйнарсон, Йон 63
Эйснер, Курт 227
Эленшлегер, Адам Готлоб 40
Энгельбрекстон, Энгельбрект 17, 86, 87
Эрик Померанский 17
Эро, Жан-Марк 325, 326
Эрцбергер, Маттиас 219
Эstrup, Якоб Брённум 74, 139, 140, 141

Научное издание
**Из истории конституционного строительства
в Западной Европе в Новое и новейшее время**
В. Е. Возгрин, Т. Н. Гончарова, О. Ю. Пленков, О. В. Соколов
Под редакцией **А. В. Смолина**

Печатается без издательского редактирования

Корректоры
Д. Р. Лобанова, Ю. И. Кузнецова

Оригинал-макет
Ю. И. Кузнецова

Обложка
А. А. Кукушкина

*В оформлении обложки использована картина «Свобода»
Жанны-Луизы Валлен (псевдоним Нанин Валлен)
Исполнена в 1794 г.
Хранится в Музее Французской революции в г. Визиль*